II A-1318

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Э. Я. ТОТЦЕЛЬ

УЧЕБНИК РУССКОГО ЯЗЫКА

ДЛЯ VIII И IX КЛАССОВ

RK
„PEDAGOOGILINE KIRJANDUS“

ARH

5689

II A-1318

Sundeksemplar

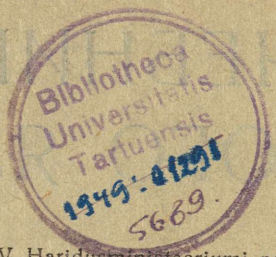
УЧЕБНИК РУССКОГО ЯЗЫКА

ДЛЯ VIII и IX КЛАССОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Э. Я. ТОТЦЕЛЬ

ГИЗ
ЭСТОНСКОЙ ССР

„ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
ТАЛЛИНН 1949



Eesti NSV Haridusministeeriumi poolt kinnitatud.

ARHIIVKOGU

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Данный учебник русского языка является учебником-хрестоматией для VIII—IX классов эстонских школ, т. е. для учащихся, изучающих русский язык шестой год.

Учебник состоит из двух разделов: первый раздел (I) предназначается для работы в классе, а второй (II) — дополнительный — для внеклассного чтения под руководством учителя.

Текстовой материал учебника подобран согласно существующим программам с целью обучения русскому языку на примерах русской классической художественной литературы. С этой же целью в разделе для дополнительного чтения даны также отрывки из произведений советских писателей, в том числе многих лауреатов Сталинской премии.

К текстам даны задания, планы и вопросы, направляющие работу преподавателей по разбору текстов и по разным другим видам работы по развитию устной и письменной речи учащихся.

Для заучивания наизусть предназначаются следующие стихотворения и тексты в прозе:

Гимн Советского Союза.

§ 5. «Слово к товарищу Сталину». Стихотворение М. Исаковского.

§ 20. «Слон и Моська». Басня И. А. Крылова.

§ 25. «К Чаадаеву». Стихотворение А. С. Пушкина.

§ 27. Буран в степи». Отрывок, начиная со слов «Ямщик поскакал...» и кончая словами «...лошади шли шагом — и скоро стали».

§ 30. «Памятник». А. С. Пушкин.

§ 32. «Парус». Стих. М. Ю. Лермонтова.

§ 34. «На смерть поэта». Стих. Лермонтова.

§ 37. «Днепр». Отрывок, начиная со слов «Чуден Днепр при тихой погоде...» и кончая словами «...приветствуют его, кивая ветвями».

§ 49. «Воробей». И. С. Тургенев.

§ 52. «Мужичок с ноготок». Стих. Н. А. Некрасова.

Остальные стихотворения, как и тексты в прозе, предназначены для чтения с пересказыванием и с другими видами работы над текстом по развитию устной и письменной речи учащихся.

К особо тщательной проработке предлагаются следующие тексты:

§ 2. «Упорно учиться и работать над собой». Из статьи героя Советского Союза М. В. Водопьянова.

§ 3. «Как девочку променяли на собаку». Рассказ Волковой.

§ 4. «Рассказ рабочего Моисеенко о первой стачке 1885 г.».

§ 10. «Самое дорогое». (Русская сказка).

§ 14. Михаил Васильевич Ломоносов.

§ 17. Денис Иванович Фонвизин.

§ 18. «Недоросль» (IV действие, VIII явл.). Д. И. Фонвизин.

§ 19. Иван Андреевич Крылов.

§ 24. Александр Сергеевич Пушкин.

§ 31. Михаил Юрьевич Лермонтов.

§ 33. «Максим Максимыч» (отрывок). М. Ю. Лермонтов.

§ 35. Николай Васильевич Гоголь.

§ 36. «Старосветские помещики» (отрывок). Н. В. Гоголь.

§ 39. Собакевич (отрывок из поэмы «Мёртвые души»). Н. В. Гоголь.

§ 40. «Воспитание Илюши» (отрывок из ром. «Обломов»). Гончаров.

§ 41. Александр Николаевич Островский.

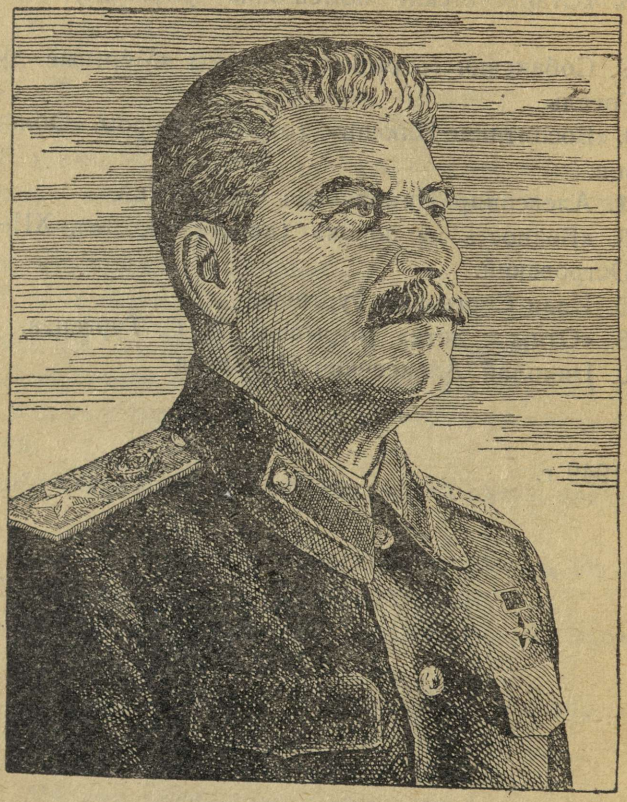
§ 42. «Бедность не порок» (действ. II, явл. XII—XV). А. Н. Островский.

§ 45. Иван Сергеевич Тургенев.

§ 48. «Отцы и дети» (отрывок). И. С. Тургенев.

§ 50. Николай Алексеевич Некрасов.

Июнь, 1949 г.



И. В. СТАЛИН.

I.

Гимн Советского Союза.

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметём!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведём!

Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

1. Советский простой человек.

В. И. Лебедев-Кумач.

Разно́сятся песни всё ши́ре,
И слава гремѝт в вышине́
О нашей еди́нственной в ми́ре
Великой Советской стране.

По по́люсу го́рдо шага́ет,
Меня́ет движе́ние рек,
Высокие горы сдвига́ет —
Советский простой человек!

Отбро́сивши сказки о чу́де,
Отня́в у бого́в небеса́, —
Простые советские люди
Повсю́ду творя́т чудеса!

Америка сно́ва откры́та, —
Сквозь хо́лод, тума́ны и снег
В неё прилетел делови́то
Советский простой человек.

Всех лучше советские скри́пки
На ко́нкурсах мира звуча́т.
Всех я́рче сверка́ют улы́бки
Советских весёлых девча́т.

В морски́е глуби́ны пробьётся,
Взойдёт на Эльбрус и Казбе́к
И всюду победы добьётся
Советский простой человек.

Цветёт красото́й небыва́лой
Народного счастья весна,
Всеми́рной наде́ждою стала
Советская наша страна.

И звёзды сильней заблиста́ли,
И кровь ускоря́ет свой бег,
И смотрит с улыбкою Сталин —
Советский простой человек.

Задание.

I. Составьте план и перескажите своими словами содержа́ние стихотворе́ния.

II. Расскажите, какие чудеса́ творя́т советские люди.

2. Упорно учиться и работать над собой.

(Из статьи героя Советского Союза М. В. Водопьянова.)

Давно́, до революции, когда я ещё ходил в школу, у наших ребят был сквёрный обы́чай: они устра́ивали дра́ки. В этих дра́ках были свои «герои» и «смельчаки́».

Я не был ни слабым, ни худы́м, ни малоро́слым. Кулаки́ у меня были не ху́же, чем у других. Я мог поставить столько

же синяко́в, сколько любой из наших школьных «героев». И всё же я в этих дра́ках не принима́л уча́стия.

Ребята иногда дразни́ли меня, говорили: «трус». Но я знал хорошо, что это не тру́сость. Просто мне казалось глу́пым такое заня́тие.

Потом я вы́рос и молодым деревенским па́рнем стал мечта́ть о самолёте. Вот бы хоть раз полета́ть! Однажды слу́чай предста́вился: знакомый лётчик согласи́лся взять меня на самолёт. Если бы вы знали, ребята, как у меня би́лось сердце! Лететь мне хотелось попре́жнему, но было стра́шно: а вдруг убью́сь?! Во мне боро́лся страх с желанием полетать. Всё же желание победи́ло. Я сел в самолёт, но, призна́ться откро́венно, не чу́вствовал себя осо́бенным героем во время этого полёта. Потом, по́зже, я сам стал лётчиком. Первый год я води́л самолёт очень осторо́жно. Например, в туман никогда не летал, потому что не умел вести́ машину в слепо́м полёте по прибо́рам. И у меня не́ было уве́ренности. Если нет уверенности — лучше не сова́ться.

Через год я научился летать, и тогда ни ночь, ни туман не пуга́ли меня. Я мог летать куда уго́дно и как угодно. А те, которые до этого называли мою осторо́жность тру́состью, стали говорить, что я не только сме́лый, что я отча́янный, сумасше́дший.

Значит ли это, что я стал смеле́е, чем был год назад? Ничу́ть! Я остался таки́м же, каким был. Но я был теперь уве́рен в свои́х силах, в своих зна́ниях.

Когда самолёт «Н-170» шёл к Северному по́люсу, я и весь экипа́ж были спокойны. Я уве́ренно посадил самолёт на неизве́стную льди́ну, которую до этого никто никогда и в глаза не видел. Это что, осо́бенное геро́йство? Да нет, просто уве́ренность в себе. Когда человек уверен в себе,

он де́йствует смело, он не отступа́ет. Вот в этом весь секре́т сме́лости. Люди не рождаются героями. Смелость может в себе вы́работать каждый, кто этого захочет, так же, как можно выработать в себе аккура́тность, дисциплини́рованность или правди́вость.

Задание.

Расскажите по плану:

1. Детство Водопьянова.
2. Первый полёт.
3. Как Водопьянов вырабатывал в себе сме́лость?
4. Советы Водопьянова.

3. Как девочку променяли на собаку.

(Рассказ крепостной крестьянки Во́лковой.)

I.

Как испо́лнилось мне девять лет, взяли меня в комнаты, в белошве́йную. Бельё там в пя́льцах вышива́ли.

Тогда ведь у госпо́д-то и кружева́, и вы́шивки — всё ручное было, всё крепостными руками делалось.

Спала́ я и кормилась на ско́тном. Щи да кашу нам давали, карто́шку, а когда и молоко. В мастерско́й отработаем, бежим к себе. Спа́ли на на́рах, на подсти́лке из соло́мы.

А как утром в мастерску́ю итти, надо одеться чисто: синий сарафа́н с красной наши́вкой; фа́ртук да рубашка, во́рот и рукава́ у ней прошиты. Так все девушки в людско́й одевались.

Стали приучать меня к делу. На хорошую работу я ещё

не годи́лась, а заставля́ли ни́тки разма́тывать, подава́ть, убира́ть.

Зимний-то вечер долгий. В деревне с лучи́нами сидели, а поме́щики жгли в ту по́ру са́льные све́чи своего́ завода. Са́ло-то на них оплыва́ет, фити́ль часто нагора́ет, темно́ работать. Обхо́дишь мастерскую да нага́р то и дело щипца́ми снима́ешь.

А задре́млешь, сейчас по щека́м ли́бо по рука́м полу́чишь. После работы все щипцы́ да подсве́чники надо от нагара очи́стить да перетере́ть, чтобы блесте́ли. Тогда медь везде была...

Ламп в старину́ не знали, всё на свечах.

II.

Вот в эти годы и вышла переме́на в моей жизни: променя́ли меня на собаку, завезли́ на чужу́ю сто́рону, к са́мому Кронста́дту, за Петербург.

А случи́лось это так.

К господа́м нашим постоя́нно наезжа́ли гости, одни уезжают, а другие приезжают. Так жили в старину́ все помещики.

Нас, ко́мнатных девочек, часто посыла́ли в сад ягоды собирать.

В тот раз приказа́ли нам набра́ть для гостей в саду ягод к обеду.

А сад-то был десяти́ны на́ три. Там кусты ягодные, ежеви́ка чёрная да мали́на белая, красная.

А мы, девчо́нки, рады-радёхоньки. Побежали с тарелками, напа́ли на ягоды — в горсть да в рот. Словом сказать — рва́ли да е́ли, сколько хотелось. Набра́ли и в тарелки к столу, да помя́ли.

Увидал Корне́ич, по́вар, и говорит:

— Да куда они годя́тся мя́тые-то, разве только на сиро́п.

Экономка рассерди́лась:

— Дать им, негодя́йкам, по́рку, чтоб в другой раз знали, какие ягоды приноси́ть.

Дали нам по пяти́ ро́зог и живо марш: набрать све́жих ягод!

Ну, уж после ба́ни-то этой ни одной я́годинки мы не смя́ли, ни одной в рот не положили, набрали — ягода в ягоду.

Бежим обратно вдоль са́да, дубо́вой алле́ей, с версту́ она. А в конец её бесе́дка была — чудна́я такая: дуб старый, шля́пой разро́сся, ве́тки спусти́лись вниз; стол да скамейки поставили, цвета́ми беседку обсади́ли.

Бежим мы да спо́рим: кто больше виноват, да кому больше доста́лось.

Тогда девчонки комнатные носили не платья, а длинные рубашо́нки, подпоя́санные по́ясом. Пла́чут те, да и говорят:

— Тебе, Волкова, видно, меньше всех досталось, ты и не плачешь...

Доса́да меня взяла́:

— Вам больно, а мне не больно — закричала я громче всех.

Только вдруг слышим из беседки:

— Девочки, поди́те сюда!

Мы ни жи́вы — ни мёртвы, подхо́дим. А там гостья, княжна́ Пешко́ва, ба́рынина племя́нница.

«Ну, — думаем, — скажет она нашей-то, попадёт нам ещё...»

Посмотрела она на меня как-то при́стально.

— Как вас зовут, девочки? — спросила она у каждой из нас.

Вы́нула книжечку и записала фамилии всех поочерёдно.

«Ну, — думаем, — пропали мы теперь, непреме́нно она пожа́луется».

Никому не говорим, а всё ждём, и на другой день ждали, что нас вот-вот ещё раз на конюшне вы́порят.

Стала княжна́ собираться домой, а перед этим вздумала работы по всему́ име́нию осматривать.

У наших-то грома́дное имение было и свои мастерски́е: столя́рная, тока́рная, сапо́жная; свои ткачи́, пря́хи, золотошве́йки, белошвейки, как во всех богатых имениях.

— Девушки, открыть работы в пяльцах, княжна смотреть будет!

Сняли мы чехлы́, чтоб вы́шивки видны́ были. Стала она обходи́ть. Я тут же была около мастери́цы. Увида́ла её да и говорю:

— Здравствуйте, ба́рышня!

А княжна и говорит тётке-то своей, Алистра́товой:

— Тётя, а я у тебя хотела бы девочку взять!

— Возьми, возьми, Тоня, какую хочешь.

— Да вот эту. Волкова она, ка́жется? Ты её мне отдай. А я тебе за неё Плута́ пришлю. Ведь ты его очень хотела иметь.

— Нет, Волкову я не отдам, она сирота́, возьми другую.

Тут и Анфи́са Петровна, мастери́ца, у которой я под рукой была, за меня заступи́лась.

III.

А Пешкова на своём так и настоя́ла, чтоб взять меня. Уехала княжна, а присылает с человеком громадную собаку в деревя́нной кле́тке. Не собака, а загляде́нье, Плуто́м звали: уши длинные, шерсть лохма́тая, жёлтая, а хвост, как у лиси́цы. Ля́жет, так во всю комнату.

Ну, тут уж вся дво́рня заговорила:

— Волкова, тебя на собаку променя́ли, скоро увезу́т.

А в те времена часто бывало: крепостны́х либо на лошадь, либо на собаку выме́нивали, а не то в карты прои́грывали, ино́й раз даже целой деревней.

Так и перегоня́ли людей-то, ровно солдат на фронту́. Свои надое́ли, дай возьму чужую... Так и жени́ли, и за́муж выдавали. Бывало, девушка красивая да здоровая, а её за крово́го, либо за пья́ницу вы́дадут. Не дорожи́ли людьми.

Плакала я, плакала, не хотела есть. Тут всё же своё, родное, привы́кла ко всем, и жале́ли меня, как сироту́, не обижали, а там чужая сторона...

Пришёл сапо́жник, башмаки́ мне сшили на дорогу.

Забра́л меня посыльный, что собаку привёз, и доставил в имение Пешковой, Салтыко́во, под Петербург.

Долго не могла я привы́кнуть к новому месту, тоскова́ла да плакала по своей стороне. Всем тут я чужая была, как в лес попала.

Задание:

I.

1. Ответьте подробно (üksikasjaliselt) на вопросы:
   а) Какие работы выполня́ли крепостные дети?
   б) Какие работы выполняла девочка Волкова?
   в) Где она жила́ и как пита́лась?
2. Расскажите, как променяли девочку на собаку.

II. Расскажите:

1. Что вы знаете о положе́нии крепостных крестьян в Эстонии в крепостно́е время?
2. Что вы знаете о жизни детей трудящихся в капиталисти́ческих странах и коло́ниях?

III. Напишите сочинение на тему:

«Жизнь детей в Советской стране».

4. Рассказ рабочего П. А. Моисеенко о первой стачке 1885 г.

Работал я в 1885 г. в Орéхово-Зýево на Морóзовской фабрике. Порядки были стрóгие, души́ли штрáфами. Мимо директорских окон в шапке пройдёшь — штраф, в казáрме громко заговоришь — штраф, по улице с песней или гармóшкой пройдёшь — штраф. А как нас обсчи́тывали и обвéшивали при вы́даче и приёмке! Рабочий день был по 16—17 часов. А е́жели чуть заболел — на улицу, как собаку. Рабочий народ был на положении хýже звéря, хуже псов... Вспомнишь — так жýтко. И все корпусá, вся фабрика кишéла сы́щиками и полицéйскими.

Нас было двое плóтников: я да покойный Волков. Мы на всякие хи́трости пускáлись. Вели́ пропаганду и в казармах, и на фабрике. Соберутся кури́ть, а мы с Волковым по газете возьмём, какую попáло, хоть сáмую царя слáвящую, хоть прошлогóднюю. Держишь перед собой иной раз вверх ногами — всё одно не видáть — и будто читаешь по ней, а на сáмом деле своё из головы тачáешь: «Докóле же, мол, будем терпéть эту кáторгу? Ведь, мол, хозяин опи́лся нашей крови. Не барáны же мы, которых только свежýют». Все слушают и только удивля́ются: «Как здóрово в газетах стали писать! И как это ты, Ани́симыч, в темноте́ такой разбираешь буквы? Кошáчьи у тебя глаза». А где тут разбирáть, коли кверху ногами держишь... Ну, так вот их и начиня́ешь, покуда не придёт мастер да не повыгоня́ет всех.

Началáсь у нас стáчка. Восемь тысяч человек бросили работу, как один. Фабрика стала. Сейчас же понаехало начáльство. Губернáтор пригнáл солдат, казакóв.

Раз гляжý: бегут рабочие и солдаты, и ки́нулись солдаты колóть рабочих... У меня даже в глазах помути́лось: польётся кровь... Кинулся я к солдатам, как закричу не

своим голосом: «Как, своих колоть? Своих колоть?» А солдат размахну́лся да прямо мне в грудь штыко́м. Я в полушу́бке был, успел ухвати́ться за штык, вы́рвал у него ружьё да об лёд, — прикла́д так и разлете́лся; оттолкнул солдата и опять заревёл не своим голосом: «Братьев колоть своих?» От моего крика и солдатьё попя́тилось. Да всё равно потом рабочих солдаты усмирили. А фабриканты ещё хуже усло́вия назна́чили.

Вечером стал я раздеваться в казарме, рубашка у меня на груди, как луб6к. Э-э, да это меня штыко́м ... И рана запекла́сь, и на рубашке кровь запеклась. А ведь тогда, как кольну́л он меня, я не чу́ял ...

Задание.

Расскажите в 3-ем лице по плану:

1. Жизнь рабочих на Моро́зовской фабрике.
2. Как вели́ пропаганду Моисе́енко и Волков.
3. Стачка рабочих.
4. Му́жество Моисеенко.

5. Слово к товарищу Сталину.

М. Исаковский.

Оно пришло, не ожида́я зо́ва,
Пришло само́ — и не сдержать его ...
Позвольте ж мне сказать Вам это слово,
Простое слово сердца моего.

Тот день наста́л. Испо́лнилися сро́ки.
Земля опять поко́й свой обрела́.
Спасибо ж Вам за по́двиг Ваш высокий,
За Ваши многотру́дные дела.

Спасибо Вам, что в годы испыта́ний
Вы помогли́ нам устоя́ть в борьбе.

Мы так Вам ве́рили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.
Вы были нам опло́том и пору́кой,
Что от распла́ты не уйти врага́м.
Позвольте ж мне пожа́ть Вам крепко руку,
Земны́м покло́ном поклони́ться Вам.
За Вашу верность матери-отчизне,
За Вашу му́дрость и за Вашу честь,
За чистоту́ и пра́вду Вашей жизни,
За то, что Вы — такой, какой Вы есть.
Спасибо Вам, что в дни великих бе́дствий
О всех о нас Вы думали в Кремле́,
За то, что Вы повсюду с нами вместе,
За то, что Вы живёте на земле́.

Задание.

I. Выучите читать выразительно.
II. Выучите стихотворение наизу́сть.
III. Напишите «Слово к товарищу Сталину» наизусть.

6. Устная русская народная поэзия.

Нера́достна была жизнь трудящихся в России до Октябрьской Социалистической революции. Крестьяне жили в курны́х, ды́мных и́збах, работали в тёмные зимние вечера при свете лучи́ны. Они платили тяжёлые по́дати, работали на помещика или на кулака́ дни и ночи. Всё это делало жизнь крестьянина невыноси́мой, но задуши́ть тво́рческие силы народа не могло́.

«Человек по натуре своей худо́жник: он всюду так или ина́че стреми́тся вносить в свою жизнь красоту́», — говорил Алексей Максимович Горький.

Несмотря́ на тяжёлую жизнь, русский крестьянин украша́л свою́ избу́ и у́тварь резьбо́й, расписывал печку яркими и радостными кра́сками, украша́л изуми́тельной вы́шивкой бедную оде́жду, делал для своих детей из гли́ны и дерева выразительные игру́шки: медве́дя и коня́, собаку, козла́ и бара́на. Создава́лись, и сейчас создаются, замечательные произведе́ния слова: были́ны, песни, сказки, зага́дки, посло́вицы и погово́рки. В этой устной народной поэзии вы́разил русский народ свои взгля́ды на жизнь, ве́ру в победу добра́ и пра́вды, свою не́нависть к угнета́телям, к врагам родины, свою мечту́ о лёгком и радостном труде́, о победе человека над природой.

Все великие русские писатели высоко́ цени́ли народное тво́рчество. Так, например, Пушкин говорил о поговорках: «Что за ро́скошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей». А о русских народных сказках говорил Пушкин: «Что за зо́лото, что за пре́лесть эти сказки».

Песни, сказки, былины создава́лись в тече́ние всей долгой истории русского народа. Их создавали одарённые люди из народа — скази́тели. Сказители есть и сейчас. Они состоят чле́нами Союза советских писателей, по́льзуются уваже́нием и почётом. Произведе́ния их печа́таются в наших газетах и журналах. Такова́, например, сказительница Марфа Семёновна Крю́кова.

Во всех республиках Советского Союза имеются народные поэты. В их сказа́ниях и песнях звучат ду́мы и чувства народов нашего Союза. Кто не знает Сулейма́на Ста́льского — народного поэта Дагеста́на, или Джамбу́ла Джаба́ева — великого народного певца́ Казахстана!

А. М. Горький высоко ценил народное творчество. Он говорил советским писателям: «Собирайте ваш фольклор — учитесь на нём». И наши писатели изучают произведения народных поэтов, учатся у них мастерству́ слова.

7. О русских пословицах и поговорках.

В нашей ре́чи мы часто употребля́ем пословицы и поговорки. Пословицы и поговорки придают языку кра́сочность, ме́ткость и вырази́тельность. Сколько мы имеем в русском фольклоре старых и новых у́мных и ме́тких пословиц и поговорок о труде и безде́лье, о родине и чужби́не, о семье и детях, о людски́х поро́ках, об умных и смелых лю́дях. В дни Великой Отечественной войны появилось много новых пословиц, отража́ющих патриоти́ческие чувства народов нашей Родины. Очень много пословиц и поговорок создаётся у нас на все важные моменты жизни.

Часто пословица учит тому, как надо делать: «Учись у Стаханова работать на́ново». «Берись дру́жно — не будет гру́зно».

Пословица оце́нивает, объясня́ет и метко характеризует посту́пки человека: «Труд кормит, а лень по́ртит». «Дурна́я голова ногам поко́ю не даёт».

I. Поуча́ющие пословицы.

1. За всякое дело берись уме́ло.
2. Встать пораньше да шагну́ть подальше.
3. Упу́стишь время, потеряешь урожа́й.
4. Делу время, а поте́хе час.
5. Не гони́ коня́ кнуто́м, а гони овсо́м.
6. Чистота́ здоро́вье бережёт.
7. Не спеши́ языком, а торопи́сь делом.

II. Пословицы о труде и безде́лье.

1. Без труда не вы́ловишь и рыбки из пруда́.
2. Белые ручки чужи́е труды любят.

3. У ло́дыря что ни день — то лень.
4. В колхозе язык не в зачёт, кто работает — тому почёт.
5. Нужда учит, а ба́рщина му́чит.
6. Весна красна́ цветами, а осень снопа́ми.
7. Ко́лос к колосу — Родине сноп.
8. Зёрнышко к зёрнышку — будет мешок.

III. Пословицы о дру́жбе и согла́сии.

1. В согла́сном ста́де и волк не стра́шен.
2. Друзья познаю́тся в несчастии.
3. Тот колхоз богат, в котором лад.

IV. Пословицы о Родине и семье.

1. Родина — мать, умей за неё постоя́ть.
2. При солнышке тепло́, при матери добро́.
3. Нет лучше дружка́, чем родная ма́тушка.

V. Пословицы, характеризу́ющие человека.

1. Посмо́трит — рублём подари́т.
2. Дело ма́стера боится.
3. На языке медо́к, а под языком ледо́к.
4. День гуляет, два больной, а следующий выходно́й.
5. Стоя́чее боло́то гниёт.

Задание I.

1. Объясните смысл каждой приведённой пословицы.
2. Какие вы ещё знаете пословицы?

II. Составьте свой рассказ на какую-нибудь пословицу.

8. О русских загадках.

Зага́дка — один из видо́в народного творчества. Загадка даёт в замаскиро́ванной форме ряд при́знаков предме́та, по которым надо его угада́ть.

Вот одна из русских загадок:

Сидит дед
Во сто шуб оде́т.
Кто его раздева́ет,
Тот слёзы прилива́ет.

Все, конечно, догада́ются, что это лук. В загадке дан ряд его признаков. Вы начинаете чи́стить лу́ковицу. Вы снимаете один за другим сухие красные листо́чки, как будто раздеваете, снима́ете ве́рхнюю оде́жду. Листочков много — лу́ковица точно заку́тана в несколько шуб. А кто так сильно ку́тается? Конечно, старый человек. Так и возника́ет о́браз де́да, заку́танного во сто шуб. Чтобы помочь догада́ться, загадка даёт дальше прямо́е указа́ние на о́стрый за́пах лука.

Иногда загадка смеши́т нас тем, чего, кажется, никогда быть не может. Например, загадка: «Утка в море, хвост на забо́ре». Этого быть не может. А отгадаешь, что у́тка — ко́вшик, море, — ка́дка, забо́р — края́ кадки, и всё станет ясно.

Загадка смешит и в то же время учит.

Отгадайте загадки!

1. Не куст, а с листо́чками, не руба́шка, а сши́та, не человек, а рассказывает.

К-а.

2. Белое поле, чёрное семя. Кто его се́ет, тот разуме́ет.

Т-дь.

3. По бокам коро́бки дру́гленькие кно́пки, тут же ря́дом в уголке́ ручка с трубкой на шнурке́.

Т-н.

4. Сама толста́, щека́ тепла́, а рот кра́сен.

П-чь.

5. В круглом домике, в окошке
Ходят сёстры по дорожке.
Ходят, бегают по кру́гу,
Запятна́ть хотят друг друга.
Не торо́пится меньша́я,
Да зато́ спеши́т большая.

Ч-ы.

6. Посре́дь двора стоит копна́,
Спе́реди ви́лы, сзади метла́.

К-а.

7. Всех я во́-время бужу́,
Хоть часов не завожу́.

П-х.

8. Не па́харь, не кузне́ц, не пло́тник, а первый на селе работник.

Л-ь.

9. Сапожник — не сапожник, портной — не портной, во рту щети́нка, в руках но́жницы.

Р-к.

10. Кто над нами вверх ногами?

М-и.

11. Красна́, сладка, души́ста; растёт низко, к земле близко.

К-а.

12. Течёт, течёт, — не вы́течет. Бежит, бежит — не вы́бежит.

Р-а.

13. Два коня у меня,
Два коня.
По воде возят меня.
И вода тверда́, сло́вно ка́менная.

К-и.

14. Железная рыба плывёт под водой,
Врагам угрожа́я огнём и беда́й.

П-ая л-ка.

15. Висит груша — нельзя кушать.
Не бо́йся — тронь, хоть внутри огонь.

Эл-ая л-ка.

16. Зубов много, а ничего не ест.

П-а.

17. Широко, а не море; зо́лото, а не деньги, сегодня на земле, а завтра на столе.

Р-ь.

18. Белый пере́дник, — зелёная коса́.

Б-за.

19. Чёрная гора, всем мила.

Х-б.

20. Меня не едят, а без меня мало едят.

С-ь.

21. Жи́дко, а не вода, бело́, а не снег.

М-о.

22. Сидит Пахо́м,
На коне верхом.
Читает,
А грамоты не знает.

О-и.

Задание.

1. Отгадайте эти загадки.
2. Объясните, как вы их отгадали.

9. Братец Иванушка и сестрица Алёнушка.

(Русская сказка).

I.

Идут двое сирот — братец Ива́нушка с сестри́цей Алёнушкой в дальний путь по откры́тому по́лю, а жар-то, жар их донима́ет. Захоте́лось Иванушке пить: «Сестрица Алёнушка, я пить хочу». — «Подожди́, братец, до коло́дца дойдём». Идут —

А солнце высо́ко,
Колодец далёко;
Жар донима́ет,
Пот выступа́ет.
Стоит лошади́ное копы́тце,
Полно́ води́цы.

«Сестрица Алёнушка! Хлебну́ я из копы́тца». — «Не пей, братец, жеребёночком станешь». Вздохну́л Иванушка, и пошли. Идут —

А солнце высоко,
Колодец далёко;
Жар донимает,
Пот выступает.
Стоит коровье копытце,
Полно водицы.

«Сестрица Алёнушка! Хлебну́ я из копытца». — «Не пей, братец, телёночком ски́нешься», — и пошли они дальше. Идут —

А солнце высоко,
Колодец далёко;
Жар донимает,
Пот выступает.
Стоит баранье копытце,
Полно водицы.

Не спросился уже у Алёнушки братец: поотста́л немного, схвати́л копы́тце и выпил до дна.

II.

Огляну́лась Алёнушка, зовёт братца, а вместо Иванушки бежит к ней беленький бара́шек. Догада́лась Алёнушка, что́ это за белый бара́шек, и горько заплакала. Но делать не́чего — пошла дальше Алёнушка с барашком.

Идут они, а навстречу им едет ба́рин: «Продай барашка, красная девица!» Алёнушка отвечает: «Нет, барин, этот барашек не продажный: это не барашек, а мой братец родимый».

Барин взял их обоих и повёз к себе, потом на Алёнушке жени́лся, а барашка берёг и хо́лил. Жили они́ очень сча́стливо. Добрые люди, на них гля́дя, ра́довались, а злые

зави́довали. Больше всех завидовала соседка, старая ве́дьма: думала она, что барин же́нится на её дочери, да не по её вышло.

Вот задумала ведьма Алёнушку извести́ и стала её подстерега́ть. Пошла раз Алёнушка гулять, а ве́дьма схватила её, навяза́ла ей тяжёлый камень на шею и бросила в реку. Дочку же свою оберну́ла Алёнушкой и послала в барские хоро́мы. Никто её и не распозна́л: сам барин обману́лся. Один барашек всё знал, не ест он, не пьёт, ходит по берегу да жа́лобно кричит.

III.

Услышала новая ба́рыня, как кричит ба́рашек, и говорит барину: «Вели барашка зарезать». Удиви́лся барин: «Как это, жена так любила барашка, а то вдруг вели́т его резать». Одна́ко согласи́лся, и веле́ла ве́дьмина дочь наточи́ть ножи, разложить костры и нагреть котлы. Прове́дал барашек, что ему недо́лго жить, лёг на бережку у реки и причита́ет:

«Алёнушка, сестрица моя!
Меня хотят зарезати:
Костры кладут высокие,
Котлы гре́ют чугунные,
Ножи то́чат була́тные».

А Алёнушка из-под воды братцу в ответ:

«Ах, братец мой, Иванушка!
Тяжёл камень ше́ю перетёр,
Шёлкова трава на руках свила́сь,
Жёлты пески́ на грудь легли́».

Барин был неподалёку, услыхал, как Алёнушка с братцем перегова́риваются, и стал своих людей звать:

«Собирайтесь вы, люди дворо́вые,
Закида́йте невода́ шелковые!»

Собрали́сь люди, заки́нули не́вод и вы́тащили Алёнушку. Отре́зали камень, окуну́ли её в чистую воду и обтёрли полоте́нцем. Ожила́ Алёнушка и стала ещё краше пре́жнего. Бросилась она барашка обнима́ть, а барашек стал уже Иванушкой. Зажили они тогда втроём лучше прежнего, а ведьмину дочь слу́ги мётлами со двора прогна́ли.

Задание. I. Расскажите содержа́ние сказки своими словами.

II. Ответьте на вопросы:

1. Какие были отноше́ния между братом и сестрой?
2. Какие посту́пки ука́зывают на то, что они любили друг друга?
3. В каких словах и выражениях видна́ их любовь?
4. Что в этой сказке торжеству́ет (võidutseb) — добро или зло? Докажите это.

10. Самое дорогое.

(Русская сказка).

В нашей Каре́лии, у са́мого Оне́жского о́зера, был колхоз. Самые лучшие колхозники в нём были: Фёдор-старик, Марья-колхозница да Алексей. Фёдор по ры́бному делу ходил, Марья смотри́тельницей детей была, а Алексей был ко́нюхом.

Вот собрали́сь все колхозники в правлении и начали говорить, что есть на белом свете самое лучшее и дорогое.

Люди они были простые и заговори́ли по-сво́ему, по-дереве́нскому. Бабы говорят:

— Наши коровы самые лучшие: они нам молоко дают, всех нас пита́ют. Мы молочка́ надои́м, сли́вки сольём, ма́слица собьём, в печь поста́вим, лепёшек напечём, смета́нкой зальём.

Рыбаки говорят:

— Неве́рны слова ваши! Рыба дороже всего́. Она нас кормит. Мы се́ти поставим, рыбы нало́вим, уху́ нава́рим, ры́бничков напечём, сто́почкой запьём.

Пахари говорят:

— Неверные ваши речи! Мы рожь посе́ем, а как поспе́ет — хле́бушек соберём, в ски́рды накладём, со́лоду насолоди́м да пи́ва нава́рим. Без хлеба никому не прожить! Ры́бничков без муки́ не спечь, да и пива не сварить.

Надумали тут колхозники разреши́ть спор: послать Фёдора, Ма́рьюшку да Алексея по всей земле русской и узнава́ть, что́ есть на белом свете самое лучшее и дорогое.

Собрались Фёдор, Марьюшка да Алексей и не знают, куда им путь держать. Тут Марья и говорит, что бабушка ей перед сме́ртью сказала: «Если ты чего знать не будешь, или пути́-дороги не знаешь, возьми-ка ты мой клубо́чек, за ко́нчик ни́точки держи́сь, да на дорожку и брось. Куда клубочек пока́тится, туда тебе и путь лежит.

Сказала это Марьюшка Фёдору да Алексею, взяли они за печкой клубочек, всё, как бабушка вела́, сделали и пошли за клубочком.

Идут они. Где пре́жде в река́х было мало воды, прохо́ду не́ было, там построили мосты́ через речки на полверсты́. Где при старой власти боло́то, ни прохо́ду, ни прое́зду не́ было, — проло́жены доро́женьки хорошие. По этим дорожкам ходят машины разные, а у са́мого Онежского озера самолёт стоит. Хочешь — пешко́м иди, хочешь — на машину

сади́сь, поезжай, хочешь — на самолёт садись, лети́. Где были леса непроходи́мые, там проло́жены дороженьки широкие и фонари́ расста́влены. Днём идёшь — светло́, и ночью идёшь — светло.

Безо всякой трудности идут Фёдор, Марья да Алексей за клубочком, и подкати́лся клубочек к самой ка́менной Москве. По ма́тушке каменной Москве машин много бегает! Много в Москве све́та, будто и ночи нет!

Фёдор говорит:

— Машины мне понра́вились. У старого ноги плохо ходят, так теперь под ста́рость можно на машине проехать.

Марья-то говорит:

— Не напрасно клубочек-то прикатился сюда. В Москве-то и узна́ем, что есть самое лучшее и самое дорогое.

Алексей говорит:

— Походим-ка мы по Москве и посмотрим: может самое дорогое не у нас в колхозе есть, а в само́й Москве.

На том и согласи́лись. Идут по улицам, видят, как улицы укра́шены, любу́ются. Покати́лся клубочек к дому, а на доме напи́сано: «Кому ехать — вниз пожалуйте!»

Вкати́лся в дом клубочек и остановился.

Взяла Марья клубочек в карман и вошли они в метро́-подземе́льное.

В метро — всё-то день ясный, и ночи-то нет. Проехались они на метро, встали на ле́стницу — сами не идут, лестница за них идёт. Вот лестница вы́несла их на зе́млю, поблагодари́ли они лестницу.

Марья вы́нула клубочек, конец нитки взяла в руки, клубочек на зе́млю бро́сила. Покати́лся клубочек и прикати́лся к большому саду. В саду музыка играет, цветы цвету́т хорошие, птицы поют. Говорят-то в Москве, а слы́шны слова на Оне́жском озере, — всё по радио слышно. Ны́нче в один час вся Россия слушает!

В саду гуляют молодые и старые: тут и танцуют, тут и на каче́лях кача́ются, и на деревьях фонари́ разноцве́тные горя́т. Фёдор и говорит:

— Вот, наверно, это и есть самое лучшее и самое дорогое, потому что все здесь весёлые и дово́льные.

Только он это сказал, клубочек у Марьи из кармана вы́прыгнул, успе́ла только Марья конец нитки схвати́ть, и покатился клубочек дальше. Идут Фёдор, Алексей да Марья за клубочком, и клубочек остановился перед большим красным домом. Около са́мого дома народу много-много.

Взяла Марья клубочек в карман, вошли они в дом. Смотрят: белая лестница цветами украшена. Пошли они по лестнице, видят: в доме золоты́ми буквами написано и пока́зано про жизнь хорошего человека, который ко всем нашим чудеса́м вёл. И шли они до самой последней комнаты. Видят: в комнате фла́гов много-много, наклонены́ флаги среди комнаты, и от них красный свет, а посреди комнаты — па́мятник.

Марья тут и сказала:

— Привёл клубок нас к большому человеку.

Не успела она сло́ва сказать, выскочил клубочек из кармана, успела она только нитку схвати́ть и покатился клубочек всё да́льше и дальше. Идут они за клубочком и подходят к каменной стене. Прокатился клубочек в ворота, и подкатился к белому дому.

Взяла Марья клубочек в карман. Тут отворя́ют двери, и встреча́ет их сам товарищ Сталин. Провёл их Сталин к себе в комнату и стал их обо всём расспрашивать, а они — обо всём рассказывать.

И стали они у Сталина му́дрые вопросы спрашивать, и первый вопрос о том, как им жить лучше и бога́че. Сказал им обо всём Сталин.

Тут Марья и говорит:

— Что же самое дорогое и самое хорошее? Это жизнь наша. Да никогда она не была бы такой, если бы нам не сказали наши мудрые правйтели, как жить, а потому самое мýдрое и самое дорогое — это слова товарища Сталина, которые он нам сказал.

Попрощáлись они с товарищем Сталиным, проводúл он их до самой стены, и вышли они в Москву.

Хотела было Марья взять клубочек, сýнула руку в карман, а клубочка-то и нет. Стали они его искать. Искали, искали и к Сталину верну́лись, и у него иска́ли, не уронúли ли где, и по дороге смотрели, — так и не нашлú. Ну, уж тут доро́га была изве́стная, сели они на машину и поехали.

Приехали они в колхоз. Их колхозники спрашивают:

— Ну, что есть самое дорогое и самое лучшее у нас на земле?

И тут они все сразу ответили:

— Самое лучшее и самое дорогое у нас на земле есть слово товарища Сталина.

И рассказали они тут всё, как и что с ними было и где они были.

И все колхозники на том согласились.

Задание.

I. Расскажите содержание сказки.
II. Составьте план и напишите краткое изложение содержания.

11. О русских былинах.

Видное место в русском народном творчестве занимают былúны. Былины — это пе́сни о богатыря́х. Обычно они рассказывают о защúте русской земли от нападе́ний враго́в, о по́двигах богатыре́й. В былинах отража́ется истори́ческое про́шлое: в них говорится о сто́льном городе Киеве, о кня́зе

Владимире, о по́ловцах и татарах, напада́вших на русскую землю, о Великом Новгороде и т. д.

В былинах отрази́лась беззаве́тная любовь народа к своей стране, горя́чая вера в победу добра́ и правды. К борьбе с врагами народа, к защите Родины зовут эти простые, сло́женные народом песни.

Былины дошли к нам из глубо́кой старины́. Народная па́мять храни́т столе́тиями славу о сильных и храбрых лю́дях, о русских могу́чих богатыря́х. На севере Советского Союза, вокруг Оне́жского озера, на берегах Белого моря и Ледови́того океана знают очень много были́н. Северные рыбаки́ исполня́ют былины (поют на осо́бый моти́в) в долгие зимние вечера, когда плету́т се́ти; поют былины в лодках, когда часами плывут за рыбой по широкому Онежскому озеру или по́ морю. Сказывают былины на лесны́х работах, когда вечером отдыхают в лесной избу́шке.

Любимым богатырём в былинах явля́ется Илья́ Му́ромец. В его по́двигах мы видим великую любовь к родному народу, к Родине. Например, в былине Илья Муромец и Соловей-разбо́йник, богатырь Илья́ Муромец освобожда́ет родной народ от стра́шного и сильного врага́ Соловья́ разбойника. Вот конец этой былины:

Засвиста́л как Соловей тут по-соло́вьему,
Закричал разбойник по-зверино́му,
Ма́ковки на терема́х покри́вились,
А око́ленки во терема́х рассы́пались
От того от по́свисту соло́вьего,
А что есть-то лю́дюшек, так все мертвы́ лежат,
А Владимир князь-то сто́льно-ки́евский
Ку́ньей шу́бонькой он укрыва́ется.

Ай тут старый-то казак да Илья́ Му́ромец
Он скорёшенько садился на добра́ коня́,
Ай он вёз-то Соловья да во чисто́ поле,
И он срубил ему да бу́йну го́лову.

Говорил Илья́ да таковы́ слова:
— Тебе по́лно-тко свиста́ть да по-соло́вьему,
Тебе полно-тко кричать да по-зверино́му,
Тебе полно-тко слези́ть да отцов-ма́терей,
Тебе полно-тко вдови́ть да жён моло́дыих,
Тебе полно-тко спуща́ть-то сирота́ть да ма́лых де́тушек.

Современные сказители создаю́т былины о наших вождя́х: Ленине, Сталине, Кирове, Ворошилове; о героях гражда́нской войны: Чапаеве, Щорсе; о героях наших дней; о героических защитниках нашей Родины против фашистов.

Задание.

Ответьте на вопросы:

1. О чём говорится в русских былинах?
2. Где знают много старинных былин ещё сейчас?
3. Кто является любимым богатырём в былинах?
4. О чём рассказывает конец былины об «Илье Муромце и Соловье-разбойнике»?
5. О ком и о чём создаю́т былины совреме́нные сказители?

12. О «Слове о полку Игореве».

«Слово о полку́ Игореве» — велича́йший памятник древнеру́сской литературы. Это произведение напи́сано неизвестным а́втором в 1185—1187 году.

В «Слове» автор рассказывает о похо́де русских князе́й против по́ловцев. Половцы жили в южных степя́х около реки До́на. Они часто нападали на русские города и сёла,

жгли их, гра́били и уводи́ли жителей в плен. В то время на Руси́ было много князе́й и кня́жеств, и сила их не была объединена́ в одно госуда́рство. Поэтому храбрые и му́жественные русские князья́ со своими о́пытными и храбрыми дружи́нами, боро́вшиеся с врага́ми каждый отде́льно, не могли защити́ть Родину от врагов. Так в 1185 г. четыре се́верских кня́зя — Игорь вместе с братом Все́володом, сыном Владимиром и племя́нником Святосла́вом отпра́вились в похо́д против половцев. Но силы их оказа́лись недоста́точными, чтобы разбить врага. После первого успе́ха они потерпе́ли пораже́ние и попа́ли в плен.

На этом материале построил неизвестный нам автор свою геройческую поэму «Слово о полку Игореве».

В главной части «Слова» имеется три разде́ла. В первом разделе изобража́ет автор поход Игоря и его товарищей на половцев. Героически сражались русские князья́ и их дружи́нники. В передово́м отря́де — князь Все́волод. Куда он ни поска́чет — там всюду ложа́тся полове́цкие го́ловы. Би́тва была жесто́кая: «Чёрная земля под копы́тами была засе́яна костьми́, по́лита кровью». На третий день к полу́дню пали знамёна Игоря. Природа сочу́вствует русскому во́йску: «Ни́кнет трава от жа́лости, а дерево печа́льно к земле приклони́лось».

Во втором разделе главной части «Слова» дано «золотое слово» киевского князя Святослава, который горячо́ призыва́ет русских князей объедини́ться в борьбе с врагами за Русскую зе́млю. В этом призы́ве к объединению для борьбы с врагом — основна́я патриоти́ческая идея «Слова».

В третьем разделе опи́сывается бе́гство и возвраще́ние Игоря. В начале третьего раздела основной части «Слова» стоит «плач Ярослáвны». Ярославна — жена Игоря — обращается с мольбо́й к си́лам природы — к ве́тру, Днепру́ и

солнцу — помочь Игорю. Потом изображáется бегство Игоря. При этом Игорю помогает природа.

«Слово о полку Игореве» — высокó худóжественное литературное произведение. Его возвы́шенная идéйность, его лири́зм и высокое художественное мастерствó произвóдят и сейчас на читателя глубокое впечатлéние.

Задание.

Ответьте на вопросы:

1. Когда было написано «Слово о полку Игореве»?
2. На каком историческом материале построено «Слово»?
3. Что изображáет (kujutab) «Слово» в первом разделе?
4. Что данó во втором разделе «Слова»?
5. Что опи́сывается в третьем разделе «Слова»?

13. Плач Ярославны.

(Из «Слова о полку Игореве».)

На Дунáе слы́шится голос Ярославны; одинóкой кукýшкой рано утром кукýет: «Полечý я кукушкой по Дунáю; омочý бобрóвый рукáв в реке Каяле, утрý кня́зю кровáвые его раны на могýчем его тéле.» Ярославна рано утром плачет в Путúвле на городскóй стене, причитáя: «О ветер, ветри́ло! Зачем ты так сильно вéешь? Зачем ты мéчешь хáнские стрéлы на своих лёгких кры́льях против вóинов моего милого мужа? Разве мало тебе вéять вверхý под облакáми, лелéя корабли на синем море? Зачем же, господи́н, ты развéял по ковылю́ мою рáдость?»

Ярославна плачет рано утром в Путивле на городской стене, причитая: «О Днепр Словýтич! Ты пробúл каменные гóры сквозь половéцкую землю; ты лелéял на себе Святослáвовы ладьи́ до вóйска Кобякá: взлелéй же ко мне моего милого, чтобы я не посылáла к нему нá море слёз рано утром.»

Ярославна рано плачет в Путивле на городской стене, причитая: «Светлое, пресветлое солнце! Для всех ты тепло́ и прекра́сно: зачем, влады́ка, ты простёр свои зно́йные лучи́ на во́инов моего мужа? В безво́дной степи́ жаждой стяну́л им лу́ки, печалью заткáл им колча́ны?»

Задание.

Ответьте на вопросы:

1. О чём просила Ярославна, обраща́ясь (pöördudes) к ветру?
2. О чём просила Ярославна, обращаясь к Днепру́?
3. О чём просила Ярославна, обращаясь к солнцу?

14. Михаил Васильевич Ломоносов.

(1711—1765).

Михаи́л Васи́льевич Ломоно́сов — великий русский учёный и поэт.

М. В. Ломоносов родился в 1711 г. в деревне Дени́совке, лежа́щей на одно́м из острово́в реки Северной Двины́. Отец Ломоносова был крестьянин-рыба́к. Кроме земледелия он занимался перево́зкой товаров по Белому морю. С 10 лет Михаил Ломоносов принимал уча́стие в пла́ваниях своего́ отца, поднимаясь до 70° северной широты́. Нере́дко Михаил Васильевич Ломоносов бывал в Архáнгельске, где жили ро́дственники его матери. Всё это буди́ло в мальчике любозна́тельность. Гра́моте он научился довольно рано и двенадцати лет хорошо читал по-церковнославя́нски.

19-ти лет Ломоносов, с тремя́ рубля́ми денег, суро́вой зимой пошёл пешко́м в Москву. Через месяц он добра́лся до столи́цы.

В Москве Ломоносов стал учиться. Он делал замеча́тельные успе́хи. В течение одного года он прошёл курс трёх

классов. В Москве Ломоносов окончил Славя́но-гре́ко-лати́нскую академию. После окончания академии Ломоносова в числе 12 лучших учеников посла́ли учиться в Петербург в университет при Академии Наук. После этого Ломоносов изуча́л ещё в Герма́нии го́рное дело.

Когда Ломоносов верну́лся из-за границы в Петербург, он был назна́чен помощником профессора по физическим наукам в университете при Академии Наук. Там было тогда много академико́в-немцев, которые смотрели на Академию как на вы́годное и спокойное место и вта́йне презира́ли русских. Они забо́тились только о своих ли́чных интересах, а во́все не о серьёзной подгото́вке студентов и о разви́тии русской науки, не об интересах Русского государства. Ломоносов видел всё это и вёл с ними глубоко́-принципиальную борьбу́, так как он стреми́лся к созданию и развитию русской науки и горячо́ любил свою родину и родной народ.

Труды́ Ломоносова как учёного огро́мны. Он сделал много научных откры́тий в о́бласти химии, физики и других наук. Ломоносов проложи́л путь русскому языку в литературе. (До Ломоносова языком книг, литературным языком в России был церко́вно-славя́нский язык).

Ломоносов — основополо́жник новой русской литературы. Великий русский критик Бели́нский писал о Ломоносове: «С Ломоносова начинается наша литература; он был её отцом . . .»

Поэзия Ломоносова те́сно свя́зана с его нау́чной де́ятельностью. Его стихи́ являются как бы продолже́нием его учёных стате́й и книг. В о́де «На день восше́ствия на престо́л Елисаветы Петровны» 1747 го́да дан настоя́щий гимн в честь науки и просвеще́ния. В этой оде Ломоносов призывает русскую молодёжь учиться. Он пишет, что оте́чество желает видеть своих русских учёных на месте тех, которых приглаша́-

ют в Россию из-за границы. Он призывает молодёжь показать, что русская земля может рождáть великих учёных, сóбственных Платóнов и Ньютóнов. О пóльзе наук он пишет:

Науки ю́ношей питáют,
Отраду старым подаю́т,
В счастли́вой жизни украшают,
В несчáстный случай берегу́т;
В домашних тру́дностях утéха
И в дальних стрáнствах не помéха.
Науки пóльзуют вездé,
Среди народов и в пусты́не,
В градском шуму́ и наеди́не,
В покое сладки и в труде.

Ломоносов óтдал всю свою могучую силу и все свои гениальные спосóбности науке и борьбé за распространéние культуры и просвещéния среди родного народа.

Задание.

Расскажите по плану:

1. Родина поэта.
2. Детство.
3. Уход в Москву.
4. Годы учéния.
5. Борьба с врагáми русской науки.
6. Ломоносов как учёный.
7. Его литературная дéятельность.
8. Ода «На день восшествия на престол Елисаветы Петровны» 1747 года.
9. О значении науки в оде.
10. Ломоносов как борец за распространéние культуры и просвещéния в России.

15. Василий Андреевич Жуковский.

(1783—1852).

Васи́лий Андре́евич Жуко́вский — один из представи́телей романти́зма в русской литературе.

Основно́е значение Жуковского в истории русской литературы состои́т в том, что он был первым русским лири́ческим поэтом. Поэтическое творчество для него было делом не вне́шней вы́учки, а выраже́нием инти́мных пережива́ний души́.

Велика́ заслу́га Жуковского также в о́бласти стихотво́рной формы: он сумел придать своим стиха́м большую ги́бкость и музыка́льность. Он разработал разные стихотворные разме́ры, ри́тмы и ри́фмы. В этом отноше́нии он проложи́л дорогу Пушкину.

Замеча́тельными явля́ются перево́ды Жуковского. Пушкин называл его «гением перевода». В переводи́мых произведениях Жуковский часто изменя́л текст, но эти измене́ния не искажа́ют смы́сла произведения, а делают его ещё поня́тнее. Прекрасные переводы многих произведений мировой литературы (Гёте, Байрона, Вальтер Скотта, гре́ческой поэмы «Одиссе́я» и др.) составляют огро́мную заслу́гу Жуковского.

Задание.

Расскажите по плану:

1. Значение Жуковского в истории русской литературы.
2. Заслуги Жуковского в области стихотворной формы.
3. Труды Жуковского по переводам.
4. Как называл Пушкин Жуковского?

16. Баллада В. А. Жуковского «Светлана».

В. А. Жуковского называют «первым балла́дником» в России.

В балладе «Светлана» Жуковский берёт содержание из русского бы́та; он начинает её с картины крещёнских гада́ний.

Раз в крещёнский вечерок
Девушки гада́ли:
За ворота башмачо́к,
Сняв с ноги́, броса́ли;
Снег поло́ли; под окном
Слушали; корми́ли
Счётным курицу зерно́м;
Ярый воск топи́ли;
В чашу с чистою водой,
Клали пе́рстень золотой,
Се́рьги изумру́дны;
Расстила́ли белый плат,
И над ча́шей пели в лад
Песенки подблю́дны.

Светлана молчали́ва и грустна́. Подруги сове́туют ей погадать и спеть. Она отвечает им, что не может петь, так как её жени́х далеко́, её судьба́ — умере́ть одино́кой.

В комнате Светланы стол накрыт белой ска́тертью, на нём стоят два прибо́ра и зеркало со свечой. Светлана садится к нему и долго смотрит. Вдруг кто-то сту́кнул замко́м, и Светлана видит своего милого, протя́гивающего к ней руки. Жених говорит, что им надо ехать в це́рковь, где уже их ждёт свяще́нник и хор поёт венча́льную пе́сню.

У воро́т ждут сани жениха с неве́стой. Светлане страшно, она обраща́ется с вопросом к жениху́, но он молчит.

Сани подъезжа́ют к церкви; ве́тер открывает двери; Светлана видит посреди́ церкви чёрный гроб. Она смотрит на жениха́, но видит, что он бле́ден и уны́л.

Лошади едут дальше. Во́рон ка́ркает над ними. Они подъезжают к хи́жине. Вдруг исчеза́ют лошади, сани и жени́х.

Светлана входит в комнату и видит в ней гроб, покры́тый белой пелено́ю.

Белоснежный голубо́к садится на её руки. Всё тихо. Светлане кажется, что мёртвый шевели́тся под белым полотно́м.

Голубь садится на грудь мертвеца; тот скреже́щет зубами и гро́зными глазами смотрит на Светлану.

Вдруг Светлана видит, что мертвец — её жени́х, и в у́жасе она просыпа́ется. В окно све́тит луч солнца — уже утро.

Светлану трево́жит страшный сон. Она садится под окном.

Из окна широкий путь
Ви́ден сквозь тума́н;
Снег на солнышке блести́т,
Пар але́ет то́нкий...
Чу!... в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий...

Кони как будто на кры́льях мчат сани к крыльцу. Кто же гость? Жених Светланы! Страшный сон напра́сно трево́жил Светлану.

Друг с тобой; всё тот же он
В о́пыте разлу́ки;
Та ж любовь в его оча́х,
Те ж прия́тны взо́ры;
Те ж на сла́достных уста́х
Милы разговоры.

Задание.

Расскажите содержание баллады.

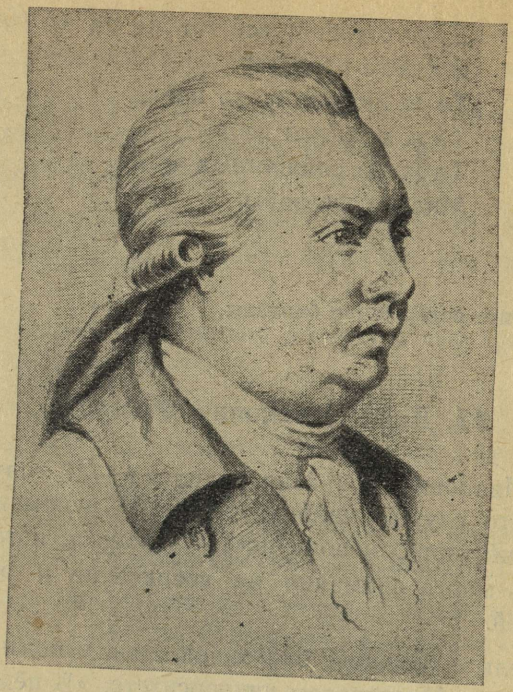
17. Денис Иванович Фонвизин.

Дени́с Иванович Фонви́зин родился в 1745 году в Москве. где отец его служи́л чино́вником. Д. И. вспоминает своего отца как че́стного, неподку́пного человека, который обраща́л очень много внимания на воспитание и образова́ние своих детей.

Писатель с большой благода́рностью вспоминает также своё учение в Московском университете: «В нём я получил вкус к слове́сным нау́кам» (т. е. к наукам о языке и литературе).

С 1762 года начинается слу́жба Дениса Ивановича в Колле́гии иностра́нных дел и одновре́менно — его литературная де́ятельность.

Фонвизин сбли́зился с одним из видне́йших политических де́ятелей того времени Н. И. Па́ниным. Около Панина объединя́лась передова́я группа русского дворя́нства. Эта группа ставила перед собой сле́дующие полити́ческие задачи: ограниче́ние царской власти твёрдыми зако́нами; уничтоже́ние власти царских люби́мцев; ограниче́ние власти помещиков над крепостны́ми крестьянами.



Фонвизин стал боро́ться за эти задачи в своих произведениях. В комедиях «Бригади́р» и «Не́доросль» он осме́ивает неве́жество и гру́бость старого дворя́нства, показывает, что помещики ничего сами не дают своей родине, в то время как бесконтро́льно эксплоати́руют своих крестьян. Он высме́ивает также жела́ние молодого дворянства подража́ть иностра́нным мо́дам и вне́шней культуре За́пада. В своих произведениях писатель бо́рется за развитие национа́льной русской культуры, за просвещение, за политическую созна́тельность.

В 1773 году Фонвизин написал несколько сатири́ческих стате́й в журнале «Собесе́дник Люби́телей Росси́йского сло́ва». Одна из его статей под названием «Вопросы» была обращена́ к Екатерине II, которая печа́тала свои статьи в том же журнале. Вопросы Фонвизина были напра́влены против несправедли́вой политики Екатерины. Она на словах говорила о права́х человека, была против ра́бства, а на деле давала своим люби́мцам сотни тысяч крестьян, раздавала им чины́ и награ́ды, а жесто́ко нака́зывала тех, которые критикова́ли её прави́тельство.

Вопросы Фонвизина не понравились Екатерине, и хоть она и ответила на них, но решила не допускать к печати его произведений. Так закончилась литературная де́ятельность писателя.

Умер Фонвизин в 1792 году.

Задание.

Расскажите по плану:

1. Об отце Фонвизина.
2. Годы учения в Московском университете.
3. Сближе́ние с Паниным.
4. Комедии «Бригадир» и «Недоросль» и их иде́йное содержание.
5. «Вопросы» Фонвизина и конец его литературной де́ятельности.

18. Недоросль.

Д. И. Фонвизин.

Дени́с Ива́нович Фонви́зин (1745—1792) изображает в своих произведениях самоду́рство, неве́жество и жа́дность помещиков, тяжёлое положе́ние крепостно́го крестьянина.

В комедии «Недоросль» (1782 г.) Фонвизин ставит вопрос о необходимости просвеще́ния и воспитания дворянства. Только правильное воспитание и образование, по мысли автора, делает человека дворяни́ном. Через всю пье́су проходят сцены, которые показывают презре́ние дворя́н к просвещению, их невежество, непони́мание ими значе́ния науки.

Действие шестое, явление восьмое.

Те же, г-жа Простако́ва, Простако́в, Митрофа́н и Еремеевна.

Г-жа Простакова *(входя́)*. Всё ли с тобою, Митрофанушка?

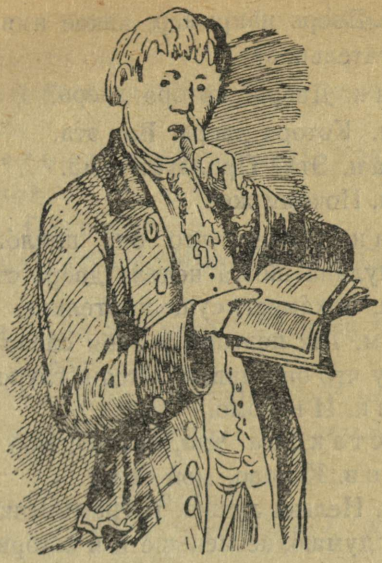
Митрофан. Ну, да уж не забо́ться...

Г-жа Простакова *(Стародуму)*... Мы пришли, ба́тюшка, потруди́ть вас теперь общею просьбою. *(Мужу и сыну.)* Кла́няйтесь.

Стародум. Какою, суда́рыня?

Г-жа Простакова. Во-пе́рвых, прошу ми́лости всех садиться. *(Все сади́тся, кроме Митрофа́на и Еремеевны.)* Вот в чём дело, батюшка. За молитвы родителей наших — нам, гре́шным, где б и умоли́ть, — да́ровал нам госпо́дь Митрофанушку. Мы всё делали, чтоб он у нас стал таков, как изво́лишь его видеть. Не уго́дно ль, мой ба́тюшка, взять на себя труд и посмотреть, как он у нас вы́учен?

Стародум. О, суда́рыня! До моих уше́й уже дошло́, что он теперь только и отучи́ться изво́лил. Я узнал, кто его и



Митрофан.

учителя. Вижу наперёд, какому грамотéю ему быть надобно, учáся у Кутéйкина, и какому математику, учáся у Цыфиркина. *(К Правдину.)* Любопы́тен бы я был послушать, чему немец-то его выучил.

Г-жа Простакова. Всем наукам, батюшка.

Простаков. Всему, мой отец.

Митрофан. Всему, чему изволишь.

Вместе.

Правдин. *(Митрофану)*. Чему ж бы, например?

Митрофан *(подаёт ему книгу)*. Вот, грамматике.

Правдин *(взяв книгу)*. Вижу. Это грамматика. Что ж вы в ней знаете?

Митрофан. Много. Существи́тельна, да прилага́тельна...

Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь? котóра дверь?

Правдин. Котора дверь! Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна.

Правдин. Почему же?

Митрофан. Потому что она прилóжена к своему месту. Вот у чулáна шестá неделя дверь стоит еще не навéшена: так та, покáмест, существительна.

Стародум. Так поэтому у тебя слово дурáк прилагательное, потому что оно прилагáется к глýпому человеку?

Митрофан. И вéдомо.

Г-жа Простакова. Что, каковó, мой батюшка?

Простаков. Каково, мой отец?

Правдин. Нельзя лучше. В грамматике он силён.

Милон. Я думаю, не меньше и в истории.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, он ещё сызмала к историям охóтник.

Скотинин. Митрофан по мне. Я сам без того глаз не сведý, чтобы вы́борный не рассказывал мне историй. Мáстер, собачий сын, откуда что берётся!

Г-жа Простакова. Однако всё-таки не придёт против Адáма Адáмыча.

Правдин *(Митрофану)*. А далеко ли вы в истории?

Митрофан. Далеко ль? Какова́ история. В иной залети́шь за трúдевять земéль, за трúдесято цáрство.

Правдин. А! так этой-то истории учит вас Врáльман?

Стародум. Вральман! Имя что-то знакóмое...

Правдин. Да не так же ли вы знаете и географию?

Г-жа Простакова *(сыну)*. Слышишь, друг мой сердéчный. Это что за наука?

Митрофан *(тихо матери)*. А я почём знаю.

Г-жа Простакова *(тихо Митрофану)*. Не упрямься ду́шенька. Теперь-то себя и показать.

Митрофан *(тихо матери)*. Да я не возьму в толк, о чём спрашивают.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. Как, батюшка, назвал ты науку-то?

Правдин. Геогра́фия.

Г-жа Простакова *(Митрофану)*. Слышишь, еогра́фия.

Митрофан. Да что такое! Го́споди бо́же мой! Приста́ли с ножом к го́рлу.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. И ве́домо, батюшка. Да скажи ему, сделай ми́лость, какая это наука-то, он её и расска́жет.

Правдин. Описа́ние земли.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. А к чему бы это служи́ло на первый случай?

Стародум. На первый случай сгоди́лось бы и к тому, что ежели б случилось ехать, так знаешь, куда едешь.

Г-жа Простакова. Ах, мой батюшка! Да извóзчики-то на что ж? Это-таки и наука-то не дворя́нская. Дворяни́н только скажи: повези́ меня туда, свезу́т, куда изво́лишь. Мне пове́рь, батюшка, что, конечно, то вздор, чего не знает Митрофанушка.

Стародум. О, конечно, суда́рыня. В человеческом неве́жестве весьма́ утеши́тельно считать всё то за вздор, чего не знаешь ...

Скотинин. Что уче́нье вздор, то неоспори́мо доказа́л покойный дядя Вави́л Фалеле́евич. О грамоте никто от него не слы́хивал, ни он от кого слышать не хотел. А какова была головушка!

Правдин. Что ж такое?

Скотинин. Да с ним на роду́ вот что случилось. Вер-

хо́м на бо́рзом иноходце разбежался он хмельно́й в каменные ворота. Мужик был ро́слый, ворота низки, забыл наклони́ться. Как хва́тит себя лбом о при́толоку... Бо́дрый конь вы́нес его из ворот к крыльцу на́взничь. Я хотел бы знать, есть ли на свете учёный лоб, который бы от такого тумака́ не развали́лся: а дядя, вечная ему память, протрезвя́сь, спросил только, целы ли ворота?

Милон. Вы, господин Скоти́нин, сами признаёте себя неучёным человеком; одна́ко я думаю, в этом случае и ваш лоб был бы не крепче учёного.

Стародум *(Милону)*. Об закла́д не бейся... Я думаю, что Скотинины все родом крепколо́бы.

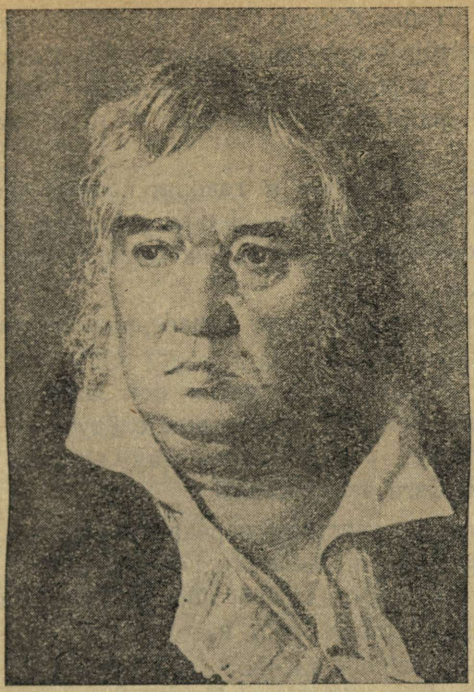
Задание I.

Ответьте на вопросы:

1. Что изобража́ет Д. И. Фонвизин в своих произведениях?
2. Какие вопросы ставит Д. И. Фонвизин в комедии «Недоросль»?

Задание II.

1. Читайте данный отрывок комедии по роля́м.
2. Напишите изложение по следующему плану:
   а) С какой целью Простакова просит Стародума проверить знания Митрофана?
   б) Какие познания показал Митрофан по грамматике, истории и географии?
   в) Как доказывал Скотинин, что ученье вздор?



19. Иван Андреевич Крылов.

(1768—1844.)

Литературная де́ятельность Крылова начала́сь, когда ему было всего́ 16 лет. В мо́лодости Крылов выступает как драмати́ческий писатель. Впосле́дствии он стал писать басни. Успе́х басен был вели́к: критики восхваля́ли его басни, в школах зау́чивали их наизу́сть. Крылов написал всего 205 басен.

[illegible]

Крылов в своих баснях берёт таких де́йствующих лиц, характеры которых просты́ и определённы. Волк — хи́щник, лиса — хитра́, воро́на — глупа́, ягнёнок — слаб и беззащи́тен, лев — могу́ч и неумён, осёл — глуп, марты́шка — кривля́ка.

Эти ли́ца де́йствуют и говорят соответственно своему характеру. Лиса выма́нивает сыр у воро́ны хи́тростью. И как она говорит! «Голу́бушка, как хороша́! Какие пёрышки, какой носо́к!»

Вырази́тельный разговор, диало́г, мы встречаем в каждой басне Крылова.

В басне «Марты́шка и очки» нет диалога, но имеется очень сильный моноло́г, за которым сле́дует не менее энерги́чное де́йствие: «...о камень так хвати́ла их (очки), что только бры́зги засверка́ли.»

С великим мастерство́м передаёт Крылов хара́ктеры в своих баснях, и все читатели его, повторя́я басни, знают, куда ме́тит писатель, против кого он бо́рется, кого он защищает.

В баснях Крылова ярко изображена́ совреме́нная ему русская обще́ственная жизнь.

Характе́рной черто́й басен Крылова является их наро́дность. Народность ба́сен Крылова мы видим в само́м языке басен, где везде имеется большое количество оригинально-русских оборо́тов ре́чи, показывающих нам богатство, остроту́ и му́дрость русского языка. Многие стро́ки из басен Крылова стали русскими народными посло́вицами, например:

«Ай, Моська, знать, она сильна́, что ла́ет на слона́.»

«А вы друзья, как ни сади́тесь, всё в музыканты не годи́тесь.»

«А воз и ны́не там.»

«Ты всё пела? Это дело! Так поди же, попляши́.»

«Когда в товарищах согла́сья нет, на лад их дело не пойдёт.»

Задание.

Расскажите по плану:

1. Литературная де́ятельность Крылова.
2. Де́йствующие ли́ца в баснях Крылова.
3. Речь этих действующих лиц.
4. Наро́дность басен Крылова.
5. Пословицы из басен Крылова.

20. Слон и Моська.

И. А. Крылов.

По улицам Слона́ водили,
Как видно напока́з —
Изве́стно, что Слоны в дико́винку у нас;
Так за Слоном толпы́ зева́к ходили.
Отко́ле ни возьмись, навстречу Моська им.
Уви́девши Слона, ну на него мета́ться,
И ла́ять, и визжа́ть, и рва́ться,
Ну так и ле́зет в дра́ку с ним.
«Соседка, переста́нь срами́ться»,
Ей Ша́вка говорит: «тебе ль с Слоном вози́ться?
Смотри, уж ты хрипи́шь, а он себе идёт
Вперёд,
И ла́ю твоего совсем не примеча́ет».
— «Эх, эх!» ей Моська отвечает:
«Вот то-то мне и ду́ху придаёт,
Что я, совсем без драки,
Могу попа́сть в большие забия́ки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай, Моська! знать она сильна́,
Что лает на Слона!»

Задание.

1. Расскажите, каким путём Моська хотела прославиться?
2. Выберите и прочитайте строчки, из которых видно:
   а) Как вела́ себя Моська при встрече со Слоном;
   б) Как Шавка стара́ется образу́мить её (aru päће panna)?
   в) Как Моська объясняет своё поведе́ние?
3. Каких людей надо подразумева́ть (mõistma) под Моськой, каких под Слоном, каких под Шавкой?
4. Выучите басню наизусть.

21. Мартышка и очки.

И. А. Крылов.

Мартышка в ста́рости слаба́ глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не так большой руки:
Лишь сто́ит завести́ Очки.
Очков с полдю́жины она себе доста́ла;
Верти́т Очками так и сяк:
То к те́мю их прижмёт, то их на хвост нани́жет,
То их понюхает, то их поли́жет;
Очки не де́йствуют ника́к.
«Тьфу, про́пасть!» говорит она: «и тот дура́к,
Кто слушает людски́х всех врак:
Всё про Очки лишь мне налга́ли;
А про́ку на́-волос нет в них».
Мартышка тут с доса́ды и печа́ли
О ка́мень так хвати́ла их,
Что только бры́зги засверка́ли.

К несча́стью, то ж быва́ет у людей:
Как ни поле́зна вещь, — цены́ не зная ей,
Неве́жда про неё свой толк всё к худу кло́нит;
А е́жели неве́жда познатне́й,
Так он её ещё и го́нит.

Задание I.

Расскажите своими словами по плану:

1. Какая беда случи́лась с Мартышкой?
2. Как она решила помо́чь себе?
3. Что делала Мартышка с очками?
4. Почему Мартышка разби́ла очки?
5. Какие люди подразумева́ются под Мартышкой?

Задание II.

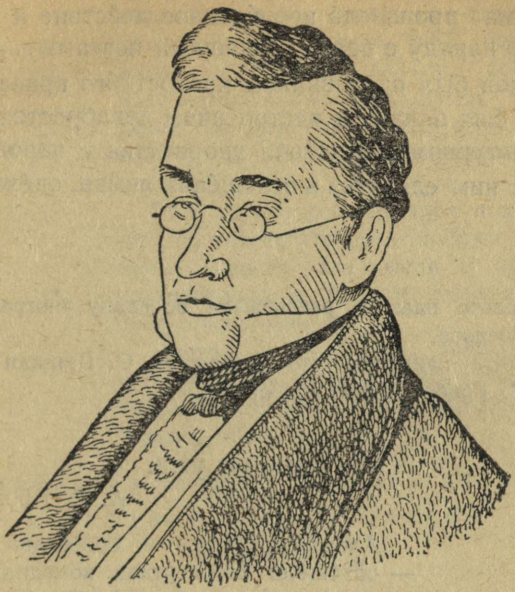
Найдите в басне, какими словами даёт Крылов сле́дующие выраже́ния:

1. Мартышка стала плохо видеть.
2. Это небольшая беда.
3. Нужно приобрести́ (muretseda) очки.
4. Нет от них никакой пользы.
5. Бросила их изо всех сил.

22. Александр Сергеевич Грибоедов. (1795—1829.)

Александр Сергеевич Грибое́дов принадлежа́л к стари́нному дворянскому ро́ду. Он получил прекрасное домашнее образование. 11-ти лет он поступил в Московский университет. Грибоедов учился жа́дно, с увлече́нием. За́ два года он око́нчил слове́сный факультет и перевёлся на другой факультет — юриди́ческий.

В 1812 г., в связи́ с войной, Московский университет был вре́менно закры́т. Грибоедов поступил доброво́льцем в армию. В то время он был уже одним из образо́ваннейших люде́й своего времени. Он владе́л четырьмя́ иностра́нными языка́ми: францу́зским, неме́цким, английским, италья́нским, а знал также лати́нский и гре́ческий языки. Впосле́дствии, служа́ секретарём русского посо́льства в Пе́рсии, он изучает восто́чные языки — ара́бский и перси́дский. В то же время он работает над комедией «Го́ре от ума́».



При жизни автора комедия не была по́лностью напеча́тана, но она распространя́лась в рукопи́сных экземпля́рах в огро́мном коли́честве. Комедию «Горе от ума» широко́ распространя́ли будущие декабристы, так как они высоко́ ценили её идейно-агитацио́нное значе́ние. Один из таких спи́сков был привезён Пу́щиным в село Миха́йловское ссы́льному Пушкину в январе 1825 г. Пушкин вы́сказал своё мнение тогда о комедии сле́дующими словами: «Слушая комедию Грибоедова, я не критикова́л, а наслажда́лся. О стихах не говорю — полови́на должна войти в пословицу».

Эту высокую оце́нку комедии «Горе от ума» повторил Пушкин позже в своём произведении «Путеше́ствие в Арзру́м» при описании своей встречи в Закавка́зье с те́лом уби́того в Пе́рсии Грибоедова. «... Его рукопи́сная комедия

«Горе от ума» произвела́ неопи́санное действие и вдруг поста́вила его наряду́ с первыми нашими поэтами . . .»

Грибоедов был проти́вником крепостно́го права и в этом отноше́нии был близок к настрое́ниям декабристов. Он мечта́л о культурном сближе́нии дворянства с народом, о сохране́нии с ним еди́нства в отноше́нии языка, оде́жды, культуры.

Задание.

1. Составьте план и расскажите по плану биографию А. С. Грибоедова.
2. Выучите наизусть, что сказал А. С. Пушкин о комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

23. Горе от ума́.

А. С. Грибоедов.

Александр Сергеевич Грибоедов (1795—1829) — созда́тель бессме́ртной комедии «Горе от ума».

Прошло больше 100 лет после появления комедии, но она до сих пор не схо́дит со сце́ны лучших театров.

В «Горе от ума» автор показал тяжёлое (почти траги́ческое) положение русского передово́го человека в о́бществе ничто́жных карьери́стов и тупы́х неве́жд.

«В моей комедии, — писал Грибоедов своему другу, — двадцать пять глупцо́в на одного здравомы́слящего человека, и этот человек . . . в противоре́чии с о́бществом . . . его никто не понимает, никто прости́ть не хочет, зачем он немно́жко повыше других . . .»

Общество, изображённое в комедии, — это общество дворянской Москвы двадцатых годов XIX века.

Чле́ны его за́няты пого́ней за ничто́жными це́лями. Человека в нём це́нят не за ум, зна-

ние или другие человеческие досто́инства, а за служе́бное положение, чи́н, бога́тство. Они живут спле́тнями, бала́ми, обедами. Для них идеалом является жизнь их отцов и де́дов, которые проложи́ли себе дорогу к бога́тству и чина́м прислуживанием перед вла́стью.

Этой группе реакционеров и мелких люди́шек противопоста́влен в комедии молодой человек Чацкий. Его мысли и чу́вства ре́зко противополо́жны нра́вам, обы́чаям и жизни фа́мусовского кру́га.

Чацкий — вырази́тель взгля́дов, за которые боро́лись члены та́йных революционных обществ; он вырази́тель декабри́стских идей и настрое́ний.

Действие второе, явление второе.
Фамусов, Слуга, Чацкий.

ФАМУСОВ.

А! Александр Андре́ич! Просим,
Садитесь-ка.

ЧАЦКИЙ.

Вы заняты?

ФАМУСОВ (*слуге*)

Поди.

(Слуга уходит).

Да, разные дела на память в книгу вно́сим;
Забу́дется того гляди́.

ЧАЦКИЙ.

Вы что-то не весёлы стали;
Скажите, отчего? Прие́зд не в по́ру мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключи́лось ли печали?
У вас в лице, в движе́ньях суета́.

ФАМУСОВ.

Ах, батюшка! нашёл зага́дку,
Не ве́сел я!.. В мои лета
Не можно же пуска́ться мне в прися́дку!

ЧАЦКИЙ.

Никто не приглаша́ет вас;
Я только что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может, нездоро́ва?

ФАМУСОВ.

Тьфу, господи прости́! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет приго́же,
То Софья Павловна больна́.
Скажи, тебе понравилась она?
Обры́скал свет; не хочешь ли жени́ться?

ЧАЦКИЙ.

А вам на что?

ФАМУСОВ.

— Меня не худо бы спроси́ться,
Ведь я ей несколько сродни́,
По крайней мере исконй
Отцом не да́ром называли.

ЧАЦКИЙ.

Пусть я посва́таюсь, вы что бы мне сказали?

ФАМУСОВ.

Сказал бы я, во-первых: не блажи́,
Име́ньем, брат, не управля́й опло́шно,
А главное, поди-ка послужи́.

ЧАЦКИЙ.

Служить бы рад, прислу́живаться то́шно.

ФАМУСОВ.

Вот то-то, все вы гордецы́!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших гля́дя:
Мы, например, или поко́йник дядя,
Макси́м Петро́вич: он не то на серебре́,
На зо́лоте еда́л; сто человек к услу́гам;
Весь в орденах; езжа́л-то ве́чно цу́гом;
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государе служил Екатери́не.
А в те поры́ все ва́жны! в сорок пуд...
Раскла́няйся, тупе́ем не кивну́т.
Вельмо́жа в слу́чае, тем па́че,
Не как другой, и пил и ел ина́че.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьёзный взгляд, надме́нный нрав.
Когда же надо подслужи́ться,
И он сгиба́лся в перегиб:
На куртаге ему случилось оступи́ться;
Упал, да так, что чуть заты́лка не приши́б;
Старик заохал, голос хри́пкой;
Был высочайшею пожа́лован улы́бкой;
Изво́лили смеяться; как же он?
Привстал, опра́вился, хотел отдать покло́н,
Упал вдруго́рядь — уж наро́чно —
А хохот пу́ще, он и в третий так же то́чно.
А? как по-вашему? По-нашему, смышлён.
Упал он больно, встал здоро́во.
За то, бывало, в вист кто чаще приглашён?

Кто слышит при дворе приве́тливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал почёт?
Максим Петрович! Шу́тка!
В чины́ выводит кто? и пе́нсии даёт?
Максим Петрович! Да! Вы, ны́нешние — ну́тка!

ЧАЦКИЙ.

И точно начал свет глупе́ть,
Сказать вы можете вздохну́вши;
Как посравнить, да посмотреть
Век ны́нешний и век мину́вший:
Свежо́ преда́ние, а ве́рится с трудом.
Как тот и сла́вился, чья ча́ще гну́лась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали о́б пол не жале́я!
Но между тем, когда охо́та заберёт,
Хоть в раболе́пстве са́мом пы́лком,
Теперь, чтобы смеши́ть народ,
Отва́жно же́ртвовать заты́лком?
А све́рстничек, а старичо́к
Иной, глядя на тот скачо́к,
И разруша́ясь в ве́тхой ко́же,
Чай приговаривал: «Ах! если бы мне тоже!»
Хоть есть охотники попо́дличать везде,
Да нынче смех страши́т, и держит стыд в узде́;
Не да́ром жа́луют их ску́по государи.

ФАМУСОВ.

Ах, боже мой! он карбона́рий!

ЧАЦКИЙ.

Нет, нынче свет уж не тако́в.

ФАМУСОВ.

Опа́сный человек!

ЧАЦКИЙ.

Вольне́е всякий ды́шит,
И не торо́пится вписа́ться в полк шуто́в.

ФАМУСОВ.

Что говорит! и говорит, как пишет!

ЧАЦКИЙ.

У покрови́телей зева́ть на потолок,
Явиться помолча́ть, пошу́ркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

ФАМУСОВ.

Он вольность хочет проповедать!

ЧАЦКИЙ.

Кто путеше́ствует, в деревне кто живёт ...

ФАМУСОВ.

Да он властей не признаёт!

ЧАЦКИЙ.

Кто слу́жит делу, а не ли́цам ...

ФАМУСОВ.

Строжа́йше б запрети́л я этим господам
На вы́стрел подъезжа́ть к столи́цам.

ЧАЦКИЙ.

Я наконец вам о́тдых дам ...

ФАМУСОВ.

Терпе́нья, мо́чи нет, доса́дно.

ЧАЦКИЙ.

Ваш век брани́л я беспоща́дно,
Предоставля́ю вам во власть:
Отки́ньте часть,
Хоть нашим времена́м в придачу;
Уж так и быть, я не запла́чу.

ФАМУСОВ.

И знать вас не хочу, развра́та не терплю́.

ЧАЦКИЙ.

Я досказал.

ФАМУСОВ.

Добро́, заткну́л я уши.

ЧАЦКИЙ.

На что ж? Я их не оскорблю́. —

ФАМУСОВ *(скороговоркой)*.

Вот ры́скают по свету, бьют баклу́ши,
Воро́тятся, от них поря́дка жди! . . .

ЧАЦКИЙ.

Я переста́л . . .

ФАМУСОВ.

Пожалуй, пощади́!

ЧАЦКИЙ

Длить спо́ры не моё желанье.

ФАМУСОВ.

Хоть душу отпусти́ на покая́нье!

СЛУГА *(входит)*.

Полковник Скалозу́б.

ФАМУСОВ *(ничего не видит и не слышит)*.

Тебя уж упеку́т
Под суд, как пить дадут.

ЧАЦКИЙ.

Пожа́ловал к вам кто-то на́ дом.

ФАМУСОВ.

Не слушаю, под суд!

ЧАЦКИЙ.

К вам человек с докла́дом.

ФАМУСОВ.

Не слушаю, под суд! под суд!

ЧАЦКИЙ.

Да оберни́тесь, вас зовут.

ФАМУСОВ *(оборачивается)*.

А? бунт? Ну так и жду содо́ма.

СЛУГА.

Полковник Скалозуб. Прика́жете принять?

ФАМУСОВ *(встаёт)*.

Ослы́! сто раз вам повторя́ть?
Принять его, позвать, просить, сказать, что до́ма,
Что очень рад. Пошёл же, торопи́сь!

(слуга уходит).

Задание.

I. Ответьте на вопросы:

1. Что показал А. С. Грибоедов в комедии «Горе от ума»?
2. Каким изображает Грибоедов дворянское общество Москвы двадцатых годов XIX века?
3. Какой человек является идеалом Фамусова?
4. Чьи взгляды выражает Чацкий?

II. Читайте данный отрывок комедии выразительно по ролям.

III. Расскажите содержание действия II, явления II комедии «Горе от ума».

IV. Объясните слова Чацкого:

1. «Служить бы рад, прислуживаться тошно».
2. «Свежо предание, а верится с трудом:
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея».

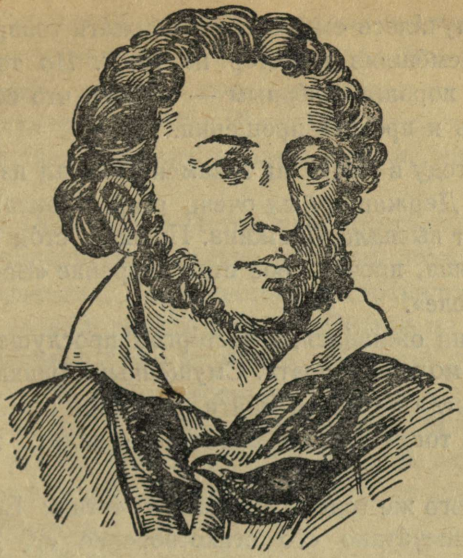
24. Александр Сергеевич Пушкин.
(1799—1837)

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 6 июля 1799 года. В раннем детстве ходила за ним крепостная няня Арина Родионовна. Пушкин очень любил её и, когда стал знаменитым поэтом, не одно стихотворение посвятил своей старой няне.

Когда Пушкин стал постарше, няню сменили гувернёры и гувернантки, и к семи годам он уже хорошо говорил, читал и писал по-французски и даже сам сочинял небольшие пьесы и стихи. У отца была большая библиотека. Пушкин потихоньку от всех забирался в библиотеку и читал всё, что попадало под руку.

Отец Пушкина, человек образованный, был знаком с писателями; они бывали у него в доме, читали свои сочинения.

Маленький Пушкин сидел тогда где-нибудь в уголочке



или стоял за стулом писателя, слушал и не сводил с него глаз.

Одиннадцати лет Пушкина увезли в Петербург и отдали в Царскосельский лицей, где он жил и учился шесть лет. В лицее у него было много друзей. Его лучшими друзьями были Пущин, Дельвиг, Кюхельбекер.

В лицее воспитанники много читали, занимались литературой, издавали рукописный журнал. Больше всего любил Пушкин говорить с товарищами о литературе, о стихах, «У него была особая страсть к поэзии», говорили о нём преподаватели. В лицее Пушкин писал много стихов. Уйдёт куда-нибудь подальше от товарищей, насупит брови, надует губы, грызёт перо, и лицо его то хмурится, то проясняется улыбкой. В то время лучше было его не трогать — вспыльчив он был ужасно. А кончит писать — примется бегать,

прыгать. Случалось ему часто и обижать товарищей — был он очень насмешлив и остёр на язык. Но товарищем он всегда был хорошим, верным — поймёт, что обидел, станет уговаривать и просить прощения.

В 1815 году в лицей на экзамен приехал известный поэт Державин. Державин был очень стар, и экзамен его утомил. Но вот вызвали Пушкина. Пушкин, стоя в двух шагах от Державина, прочёл своё стихотворение «Воспоминания в Царском Селе».

Державин оживился, с восторгом прослушал стихи, хотел обнять молодого поэта. Смущённый Пушкин убежал из зала, его нигде не могли найти. Пушкину было пятнадцать лет, но уже тогда в нём можно было видеть талантливого поэта.

Летом того же года в журнале «Вестник Европы» было впервые напечатано его стихотворение «К другу стихотворцу».

Через два года Пушкин окончил лицей. Теперь литература стала самым главным, любимым делом его жизни. Одно за другим появляются в печати его произведения — стихи, поэмы. Пушкин становится первым поэтом России. Но жить Пушкину в царской России было трудно. Как и все лучшие русские люди того времени, он ненавидел самодержавие, рабство, крепостное право, мечтал о свободе, верил, что придёт время, когда народ восстанет против царя и его правительства. Об этом писал он в своих стихах. Такие стихи не разрешали печатать, но их переписывали, из них составляли целые сборники, их можно было найти в самых глухих углах России. Царское правительство преследовало Пушкина за эти стихи.

В мае 1820 г. Пушкин был выслан из Петербурга на юг России. Он прожил в ссылке на юге 4 года. Летом 1824 г. Пушкин был отправлен в имение своего отца, в село Ми-

ха́йловское Пско́вской губернии, где он про́жил в ссылке два года. До́лгие зимние вечера, когда за окном вы́ла вьюга, а на столе горе́ла са́льная свеча́, проводи́л он вдвоём со своей старой няней, жи́вшей в Михайловском, и, как в детстве, сно́ва слушал Пушкин ня́нины сказки, иногда читал ей свои стихи.

В декабре 1825 года в Петербурге восста́ли против царя члены революцио́нного о́бщества, которых по́зже стали называть декабристами. Царь жесто́ко распра́вился с восста́вшими: одних казни́л, других сосла́л в Сибирь на ка́торжные работы. У Пушкина было много друзей среди́ декабристов. Только потому, что в день восстания он находился в Михайловском, в ссы́лке, он не́ был вместе с декабристами и не разделя́л их у́части. Позднее, не боя́сь гне́ва царя, он написал стихотворение «В Сибирь», посвящённое со́сланным на ка́торгу декабристам.

8 сентября 1826 года, под надзо́ром фельдъе́геря, Пушкин был привезён в Москву. Царь Николай I объяви́л поэту о прекраще́нии его ссылки и о наме́рении своём быть це́нзором его произведе́ний на будущее время. Царь хотел преврати́ть перо Пушкина в послу́шное ору́дие своей политики. Но Пушкин остался ве́рен декабристским идеалам.

Пушкин жил то в Москве, то в Петербурге, то в деревне и очень много работал. Он зако́нчил роман в стихах «Евгений Онегин», написал много стихотворений, по́вести «Капита́нская дочка», «Дубро́вский», «Повести Бе́лкина», поэмы «Полта́ва», «Медный вса́дник», сказки «О царе́ Салта́не», «О рыбаке́ и рыбке» и другие.

В феврале 1831 года Пушкин жени́лся на московской краса́вице Ната́лье Гончаровой. Вскоре после жени́тьбы он переселя́лся из Москвы в Петербург.

Красота́ Натальи Николаевны, жены Пушкина, обрати́ла на себя внимание Николая I. Желая видеть её на придво́р-

ных балáх, царь пожáловал А. С. Пушкину звáние камер-юнкера. Эта «царская мúлость» глубокó оскорбúла поэта, так как обы́чно звание камер-юнкера дава́лось молодым людям, а у Пушкина в волоса́х уже начала пробива́ться седина́, и ещё поэтому, что он совсе́м не хотел быть в числе придво́рных царя, а оставался ве́рен своим идеям.

Пушкина не удало́сь преврати́ть в придворного певца́, как на то рассчи́тывал Николай I.

Между тем сла́ва Пушкина росла́. Совреме́нники видели в нём гениального русского поэта. Но царское правительство не переста́вало его пресле́довать. В высшем аристократи́ческом кругу́ было немало врагов Пушкина. Его окружи́ли вражду́й и тра́влей, распространя́ли спле́тни про его жену, посыла́ли ему и его знакомым для переда́чи ему оскорби́тельные письма. По́водом к этим письмам было уси́ленное ухаживание за женой Пушкина офицера Дантéса, иностра́нца. Для восстановле́ния своей че́сти в глазах общества Пушкин вы́звал Дантеса на дуэль. Об этой дуэли правительство знало, но ничего не предпри́няло для того, чтобы помешать ей.

Дуэль состоялась на Чёрной речке, недалеко́ от Петербурга. Пушкин был тяжело́ ра́нен и 10 февраля 1837 года его не стало. День его сме́рти был днём великого народного го́ря.

Народ толпи́лся около квартиры Пушкина, стара́ясь прони́кнуть в комнаты. За три дня около 50 тысяч человек прошло мимо гро́ба поэта. Царь испуга́лся такого выраже́ния чу́вства народа и приказа́л тайко́м похорони́ть Пушкина. Гроб с его телом ночью в сопровожде́нии жандармов был увезён в Михайловское.

Пушкин — велича́йший русский народный поэт. Его творчество соста́вило в истории русской литературы целую эпоху.

В чём заключа́ется историческое значе́ние творческой деятельности Пушкина? Пушкин является гениальным созда́телем русской народной национальной литературы.

Пушкин утверди́л в русской литературе госпо́дство реализма.

Пушкин дал русской литературе замеча́тельные образцы́ почти всех литературных жа́нров: лирики, поэмы, драмы, рассказа, по́вести, романа, сказки и др.

Пушкин сделал русскую поэзию зе́ркалом общественной жизни, наполня́я её иде́йностью. Прогресси́вный дух его поэзии оказал большое влия́ние на весь дальнейший ход развития русской литературы. Пушкин со́здал замечательный литературный русский язык. О значении Пушкина в создании этого языка прекрасно сказал Тургенев при открытии па́мятника Пушкину в Москве в 1880 г.: «Нет сомне́ний, что он (Пушкин) создал наш поэтический, наш литературный язык, и что нам и нашим пото́мкам остаётся только итти по пути́, проло́женному его гением».

Пушкина знают и любят все народы нашей великой советской Родины. Его произведения переведены́ на 76 языков народов Советского Союза.

Тво́рчество гениального поэта стало, наконец, досту́пным всем наро́дам; его произведения читают все народы Советского Союза: «... И го́рдый внук славя́н, и финн, и ныне ди́кий тунгуз, и друг степей калмы́к».

Творчество Пушкина — ценне́йший вклад в русскую и мировую культуру.

Задание.

1. Напишите план и расскажите по этому плану биографию А. С. Пушкина.
2. Напишите о значении творчества А. С. Пушкина.
3. Выучите наизусть слова И. С. Тургенева о языке Пушкина.

25. К Чаадаеву.

А. С. Пушкин.

Любви́, наде́жды, го́рдой славы
Не долго те́шил нас обма́н,
Исче́зли ю́ные заба́вы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас гори́т ещё жела́нье,
Под гнётом вла́сти рокова́й
Нетерпели́вою душой
Отчи́зны вне́млем призыва́нье.
Мы ждём с томле́ньем упованья
Минуты во́льности свято́й,
Как ждёт любо́вник молодой
Минуту верного свида́нья.
Пока свободою гори́м,
Пока сердца́ для че́сти жи́вы,
Мой друг, отчизне посвяти́м
Души прекрасные поры́вы!
Товарищ, верь: взойдёт она,
Заря́ плени́тельного счастья,
Россия вспря́нет ото сна,
И на обло́мках самовла́стья
Напишут наши имена!

Задание.

I. Ответьте на вопросы:

1. Как нужно понимать первые четыре строки́ стихотворения?
2. Какие желания и стремле́ния горят в душе поэта и его товарищей?
3. Какими словами стихотворения призывает А. С. Пушкин служить Родине?

4. Слова:

«Товарищ, верь: взойдёт она,
Заря плени́тельного счастья . . .»

были вы́гравированы (отпеча́таны) на та́йном значке, который носили в Сибири ссы́льные декабристы. Что нужно понимать под этими словами?

II. 1. Выучите стихотворение «К Чаадаеву» вырази́тельно читать.

2. Выучите наизусть «К Чаадаеву».

26. Сёстры Ларины.

(Отрывок из романа «Евгений Онегин».)

А. С. Пушкин.

Всегда скромна́, всегда послу́шна,
Всегда как утро весела́,
Как жизнь поэта простоду́шна,
Как поцелу́й любви́ мила,
Глаза как небо голубые,
Улыбка, ло́коны льняны́е,
Движе́нья, голос, лёгкий стан —
Всё в Ольге . . . но любой роман
Возьмите, и найдёте верно
Её портрет: он очень мил;
Я пре́жде сам его любил,
Но надое́л он мне безме́рно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заня́ться старшею сестрой.

Её сестра звалась Татьяна . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Ольга.

Ни красотой сестры своей,
Ни свéжестью её румя́ной
Не привлекла́ б она очéй.
Дика́, печа́льна, молчали́ва,
Как лань лесна́я, боязли́ва,
Она в семье своей родной
Каза́лась девочкой чужой.
Она ласка́ться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе́ детей
Играть и пры́гать не хотела,
И часто, целый день одна,
Сидела мо́лча у окна.

Заду́мчивость, её подруга
От самых колыбе́льных дней,
Тече́нье се́льского досу́га
Мечта́ми украша́ла ей.

Татьяна.

Её изне́женные па́льцы
Не знали игл; склоня́сь на пя́льцы,
Узо́ром шёлковым она
Не оживля́ла полотна́.
Охо́ты вла́ствовать приме́та:
С послушной ку́клою дитя
Приготовля́ется шутя́
К прили́чию, закону света,

И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.

Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала́;
Про ве́сти города, про моды
Бесе́ды с нею не вела́.
И были детские прока́зы
Ей чу́жды; страшные рассказы
Зимою в темноте́ ночей
Плени́ли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких её подруг,
Она в горе́лки не играла,
Ей ску́чен был и зво́нкий смех,
И шум их ве́треных уте́х.

Она любила на балконе
Предупрежда́ть зари́ восхо́д,
Когда на бле́дном небоскло́не
Звёзд исчеза́ет хорово́д,
И тихо край земли светле́ет,
И ве́стник у́тра, ветер ве́ет,
И всхо́дит постепе́нно день.
Зимой, когда ночна́я тень
Полми́ром до́ле облада́ет,
И доле в праздной тишине́,
При отума́ненной луне́,
Восто́к ленивый почива́ет,
В привы́чный час пробужде́на
Вставала при свеча́х она.

Ей рано нравились романы;
Они ей заменя́ли всё;
Она влюбля́лася в обма́ны
И Ричардсо́на и Руссо́.
Отец её был добрый малый,
В прошедшем ве́ке запозда́лый;
Но в книгах не видал вреда́;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игру́шкой,
И не забо́тился о том,
Какой у дочки та́йный том
Дрема́л до утра под поду́шкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсо́на без ума́.

Задание.

I. Расскажите своими словами об Ольге и Татьяне. Сравните их.

II. Найдите в данном отрывке романа стро́ки, которые указывают на любовь Татьяны к народным сказкам, к родной природе.

III. Напишите сочинение на тему: «Характери́стика Татьяны».

27. Буран в степи.

(Отрывок из повести «Капитанская дочка».)

А. С. Пушкин.

Я приближа́лся к месту моего назначе́ния. Вокруг меня простира́лись печа́льные пусты́ни, пересечённые холма́ми и овра́гами. Всё покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точне́е по сле́ду, проло́женному крестья́нскими саня́ми. Вдруг ямщи́к стал посма́тривать в сторону, и наконец, сняв шапку, обрати́лся ко мне и сказал:

— Ба́рин, не прикажешь ли воротúться?

— Это зачем?

— Время ненадёжно: ветер слегка подымáется: — вишь как он сметáет порóшу.

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутóм на востóк).

— Я ничего не вижу, кроме белой степи́ да я́сного неба.

— А вон-вон: это óблачко.

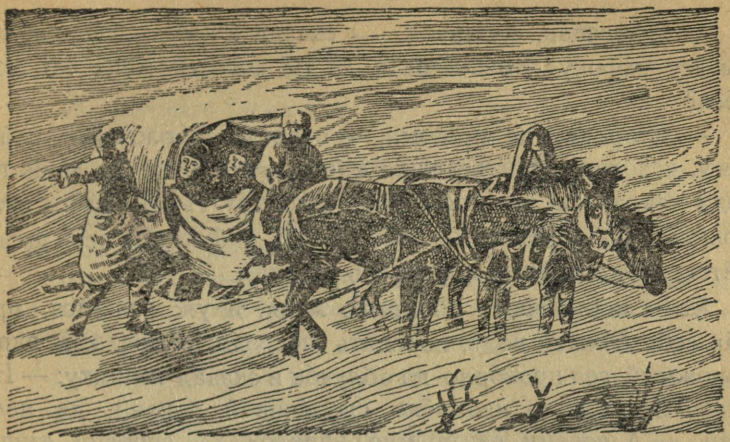
Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое при́нял было сперва́ за отдалённый холмик. Ямщик изъясни́л мне, что облачко предвеща́ло бура́н.

Я слыхал о та́мошних мете́лях и знал, что целые обо́зы бывали ими занесены́. Саве́льич, согла́сно с мне́нием ямщика́, сове́товал воротúться. Но ветер показался мне не силён; я понаде́ялся добра́ться заблаговре́менно до следующей станции и велел ехать скорее.

Ямщик поскака́л, но всё погля́дывал на востóк. Лошади бежали дру́жно. Ветер между тем час óт часу становúлся сильнее. Облачко обрати́лось в белую ту́чу, которая тяжело́ подымалась, росла́ и постепе́нно облега́ла небо. Пошёл мелкий снег — и вдруг повали́л хло́пьями. Ветер завы́л; сделалась мете́ль. В одно мгнове́ние тёмное небо смеша́лось с снежным морем. Всё исче́зло: — Ну, барин, — закричал ямщик, — беда́: бура́н!

Я вы́глянул из киби́тки: всё было мрак и ви́хорь. Ветер выл с такой свире́пой выразúтельностью, что казался одушевлённым; снег засы́пал меня и Савельича; лошади шли ша́гом — и скоро стали.

— Что же ты не едешь? — спросил я ямщика с нетерпе́нием. — Да что ехать? — отве́чал он, слеза́я с облучка́; — нивéсть и так, куда заехали: дороги нет, и мгла кругом. — Я стал было его брани́ть. Савельич за него заступúлся: — И охóта было не слу́шаться, — говорил он сердúто, — воро-



ти́лся бы на постоя́лый двор, наку́шался бы чаю, почива́л бы себе до утра, бу́ря бы ути́хла, отпра́вились бы да́лее. И куда́ спеши́м! Добро́ бы на сва́дьбу! — Савельич был прав. Делать было не́чего. Снег так и вали́л. Около кибитки поднима́лся сугро́б. Лошади стояли, пону́ря голову и и́зредка вздра́гивая. Ямщик ходил круго́м, от не́чего делать ула́живая упряжь. Савельич ворча́л; я глядел во все сто́роны, наде́ясь увидеть хоть при́знак жи́ла или дороги, но ничего не мог различи́ть, кроме му́тного круже́ния метели... Вдруг увидел я что-то чёрное. Ямщик стал всма́триваться. — А бог знает, барин, — сказал он, садя́сь на своё место: — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевели́тся. Должно быть, или волк или человек.

Я приказал ехать на незнако́мый предме́т, который то́тчас и стал подвига́ться нам навстре́чу. Через две минуты мы поравня́лись с человеком. — Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?

— Дорога-то здесь; я стою на твёрдой полосе́, — отвечал доро́жный, — да что то́лку?

— Послушай, мужичо́к, — сказал я ему, — знаешь ли ты эту сторону? Возьмёшься ли ты довести́ меня до ночле́га?

— Сторона мне знакома, — отвечал дорожный, — сла́ва богу, исхо́жена и изъезжена вдоль и поперёк. Да вишь погода какая; как раз собьёшься с дороги. Лучше здесь останови́ться да пережда́ть, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдём дорогу по звёздам.

Его хладнокро́вие ободри́ло меня. Я уж реши́лся, предав себя бо́жьей воле, ночева́ть посреди́ степи́, как вдруг дорожный сел прово́рно на облучо́к и сказал ямщику: — Ну, слава богу, жи́ло недалёко, сворачивай вправо, да поезжай. — А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудово́льствием. — Где ты видишь дорогу? Небо́сь: лошади чужи́е, хому́т не свой, погоня́й не стой. — Ямщик казался мне прав. — В самом деле, — сказал я: — почему думаешь ты, что жило недалёко? — А потому, что ветер отто́ле потяну́л, — отвечал дорожный, — и я слышу, ды́мом пахну́ло; знать, дере́вня бли́зко.

Сметли́вость его и то́нкость чутья́ меня изуми́ли. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело́ ступа́ли по глубокому снегу. Кибитка тихо подвига́лась, то въезжа́я на сугро́б, то обруша́ясь в овра́г и перева́ливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание су́дна по бу́рному морю. Савельич о́хал, поминутно толка́ясь о мои бока́. Я опустил цыно́вку, заку́тался в шубу и задрема́л, убаю́канный пением бури и ка́чкою тихой езды́.

Задание.

I. Расскажите в третьем лице прочитанный вами текст «Буран в степи» по следующему плану:
   1. Дорога, по которой ехал Гринёв.
   2. Появле́ние о́блачка.

3. Начало бура́на.
4. Разговор Гринёва с ямщиком.
5. Буран.
6. Недово́льство Савельича.
7. Встреча с доро́жным.
8. Его хладнокро́вие и сметли́вость.
9. Движение по сугро́бам к жи́лу.

II. Следите за тем, рассказывает ли вы́званный отвечать ученик то́чно по данному плану.

III. Выучите наизусть отрывок, начиная со слов: «Ямщик поскака́л . . .» и конча́я словами «. . . лошади шли ша́гом и скоро стали».

28. Из поэмы «Медный всадник».

А. С. Пушкин.

Люблю тебя, Петра творе́нье,
Люблю твой стро́гий, стро́йный вид,
Невы́ держа́вное тече́нье,
Береговой её гранит,
Твоих огра́д узо́р чугу́нный,
Твоих заду́мчивых ночей
Прозра́чный су́мрак, блеск безлу́нный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампа́ды,
И ясны спя́щие грома́ды
Пусты́нных улиц, и светла́
Адмиралте́йская игла́.

Задание.

I. Выучите читать выразительно данный отрывок.

II. Объясните по-русски выражения:
1. Петра творенье
2. державное теченье Невы

3. задумчивая ночь
4. прозрачный сумрак
5. блеск безлунный
6. спящие грома́ды
7. пустынные улицы

III. Расскажите по данному отрывку, почему поэт любил Петербург.

29. Я помню чудное мгновенье...

А. С. Пушкин.

Я помню чудное мгнове́нье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виде́нье,
Как гений чистой красоты.

В томле́ньях грусти безнадёжной,
В трево́гах шумной суеты́,
Звуча́л мне долго голос не́жный,
И сни́лись милые черты́.

Шли годы. Бурь поры́в мяте́жный
Рассе́ял прежние мечты́,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небе́сные черты́.

В глуши́, во мраке заточе́нья
Тяну́лись тихо дни мои,
Без божества́, без вдохнове́нья,
Без слёз, без жизни, без любви́.

Душе настало пробужде́нье,
И вот опять явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьётся в упое́нье,
И для него воскре́сло вновь
И божество́ и вдохнове́нье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

Задание.

I. Выучите стихотворение «Я помню чудное мгновенье . . . » читать выразительно.

II. 1. О чём говорит Пушкин словами: «Бурь поры́в мяте́жный . . .»?
2. Объясните, о каком времени из своей жизни говорит поэт: «В глуши́, во мра́ке заточе́нья . . .»

30. Памятник.

А. С. Пушкин.

Я памятник себе воздви́г нерукотво́рный,
К нему не зарастёт народная тропа́,
Вознёсся выше он главою непоко́рной
Александри́йского столпа́.

Нет, весь я не умру́ — душа в заве́тной ли́ре
Мой прах переживёт и тле́нья убежит —
И славен буду я, доко́ль в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк су́щий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмы́к.

И долго буду тем любе́зен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробужда́л,
Что в мой жесто́кий век восславил я свободу
И ми́лость к па́дшим призывал.

Задание.

I. Выучите стихотворение «Памятник» читать выразительно.

II. Объясните своими словами выражения:
1. нерукотворный памятник;
2. душа в завéтном лире мой прах переживёт и тлéнья убежит;
3. в мой жестокий век воссла́вил я свободу.

III. Выучите стихотворение наизусть.

31. Михаил Юрьевич Лермонтов.

(1814—1841.)

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве 15 октября 1814 г. Очень рано умерла́ у него мать и его воспитывала бабушка Елизавета Алексеевна Арсéньева. Детство Лермонтова прошло в её имении Тархáны, недалекó от Пéнзы. Бабушка очень забóтилась о воспитании внýка, приглашáла к нему лучших учителей. Чтобы маленькому Лермонтову нé было скучно, бабушка взялá в дом нескольких мальчиков; вместе они учились, играли. В детстве Лермонтов любил слушать рассказы, сказки и песни о вóлжских разбóйниках, о войне с французами, о пожáре Москвы. Несколько раз бабушка возúла его лечúться на Кавказ. Ему нравились снéжные вершúны гор, бýрные гóрные речки, тёмные ночи с я́ркими звёздами, песни, сказки, преда́ния гóрцев — жителей Кавказа. И в этих преданиях Кавказа и в русских народных песнях, сказках, былинах, которые он с детства знал и любил, его привлекáли смéлые, сильные, мýжественные герои.

Когда Лермонтов подрóс, бабушка повезлá его в Москву и отдалá учиться в Благорóдный пансион при Московском университете. Лермонтов к этому времени уже говорил по-

немецки и по-французски, серьёзно занимался математикой, очень много читал и осо́бенно любил стихи. Пушкина Лермонтов любил больше всех и знал многие его произведения наизу́сть.

В 1830 году Лермонтов поступи́л в Московский университет. Когда в студе́нческой среде́ назрева́л проте́ст против университетского начальства или профессоров, Лермонтов не́ был в стороне от товарищей-студентов.

Однажды на экзамене он в лицо профессору вы́сказал своё мне́ние о его отста́лости. После этого Лермонтов должен был уйти из университета. Он переехал в Петербург и поступил в вое́нную школу.

Двадцати лет, окончив военную школу, Лермонтов стал офицером гварде́йского полка́.

Писать стихи Лермонтов начал рано — с тринадцати лет. Уже в пансионе его стихи перепи́сывались в тетради и альбо́мы, появля́лись в рукопи́сных журналах, которые выпуска́лись в пансионе. Но очень долго Лермонтов ничего не хотел печа́тать — ему всё казалось, что он не написал ещё ничего хорошего.

В начале 1837 года Лермонтов написал стихотворение «Бородино́». Ему хотелось показать его Пушкину и напечатать в журнале «Современник», издателем которого был Пушкин.

Но он не успел этого сделать: 10 февраля 1837 года Пушкин погиб от раны, полу́ченной на дуэли. Горе Лермонтова было безграни́чно. Пушкина он ста́вил выше всех поэтов мира. Лермонтов не мог молча́ть: он написал стихи «На смерть поэта», полные не́нависти, возмуще́ния и презрения к высшему обществу, которое Лермонтов открыто обвиня́л в смерти Пушкина. Стихи быстро разошли́сь в со́тнях и тысячах спи́сков. О молодом, ещё неизвестном поэте сразу все заговорили.

За эти стихи царское правительство сосла́ло Лермонтова на Кавказ. В ссылке Лермонтов про́был около го́да; вскоре ему разреши́ли верну́ться в Петербург.

В 1840 году вы́шел сбо́рник стихов Лермонтова. Он сам отбира́л для него стихи, и отобра́л немного — к себе он всегда был очень тре́бователен.

К этому времени Лермонтов написал уже много стихов, «Песню про купца Кала́шникова», поэмы «Мцы́ри», «Демон», «Бегле́ц» и роман «Герой нашего времени». Произведения его знали и читали по всей России; имя его часто ставили рядом с именем Пу́шкина, его считали прее́мником Пушкина.

Царское правительство пресле́довало Лермонтова так же, как Пушкина, за его мяте́жные, обличи́тельные стихи.

В 1840 году Лермонтов был сно́ва сослан на Кавказ. 27 июля 1841 года Лермонтов был убит на дуэли вблизи́ Пятигóрска, у подо́швы горы Машу́к.

Смерть Лермонтова вы́звала глубокое го́ре в кругах прогрессивной части общества. Только в «большом свете» весть о смерти Лермонтова была встре́чена с злора́дством.

Лермонтов умер рано, не дожи́в даже до 27 лет. Но то, что он написал, поставило поэта в один ряд с величайшими русскими писателями. Его поэзия преле́стна по форме и глубока́ по мы́сли. Лермонтова знает и им горди́тся весь советский народ. Его слава перешла и за преде́лы Родины — его произведения переведены́ почти на все языки мира.

Задание.

I. Составьте план биографии М. Ю. Лермонтова.
II. Расскажите биографию Лермонтова по плану.
III. Напишите подро́бные ответы на вопросы:
1. За что царское правительство сосла́ло Лермонтова на Кавказ?
2. Какие произведения Лермонтова вы знаете?
3. Оценка творчества Лермонтова.

32. Парус.

М. Ю. Лермонтов.

Беле́ет па́рус одино́кий
В тумане моря голубо́м...
Что ищет он в стране далёкой?
Что ки́нул он в краю родном?
Играют во́лны, ветер сви́щет,
И ма́чта гнётся и скрипи́т...
Увы! Он счастия не ищет
И не от счастия бежит!

Под ним струя́ светле́й лазу́ри,
Над ним луч солнца золото́й.
А он, мяте́жный, просит бури,
Как будто в бурях есть поко́й.

Задание.

1. Выучите стихотворение читать выразительно.
2. Расскажите содержание стихотворения своими словами.
3. Выучите стихотворение наизусть.
4. Напишите «Парус» наизусть.

33. Встреча Максима Максимыча с Печориным.

(Отрывок из романа «Герой нашего времени».)

М. Ю. Лермонтов.

I.

Так сидели мы долго. Солнце пря́талось за холодные верши́ны, и белова́тый туман начинал расходи́ться в доли́нах, когда на улице раздался звон доро́жного колоко́льчика и крик изво́зчиков. Несколько пово́зок с гря́зными арме́нами въехало на двор гости́ницы и за ними пуста́я дорожная коля́ска. За нею шёл человек с большими уса́ми. Это был бало́ванный слуга́ лени́вого барина.

— Послушай, братец, — спросил у него штабс-капитан:— чья эта чуде́сная коляска?.. а?.. Прекрасная коляска!..

— Лаке́й, не обора́чиваясь, бормотал что-то про себя, развя́зывая чемодан. Максим Максимыч рассерди́лся; он тро́нул лакея по плечу́ и сказал: — Я тебе говорю, любе́зный...

— Чья коляска?.. моего господина...

— А кто твой господин?

— Печо́рин...

— Что ты? что ты? Печорин? .. Ах, боже мой! .. да не служил ли он на Кавказе? .. — воскли́кнул Максим Максимыч, дёрнув меня за рука́в. У него в глазах сверка́ла ра́дость.

— Служил, кажется, — да я у них недавно.

— Ну так! .. так! .. Григорий Александрович? .. Так ведь его зовут? .. Мы с твоим барином были приятели, — прибавил он, уда́рив дру́жески по плечу лакея. — Да знаешь ли? мы с твоим барином были друзья закады́чные, жили вместе ... Да где ж он сам остался? ..

Слуга объявил, что Печорин остался ужинать и ночевать у полковника Н ...

— Да не зайдёт ли он вечером сюда? — сказал Максим Максимыч:—или ты, любезный, не пойдёшь ли к нему за чем-нибудь? .. Коли пойдёшь, так скажи, что здесь Максим Максимыч; так и скажи ... уж он знает ... Я тебе дам восьмигри́венный на во́дку ...

Лакей сделал презри́тельную мину, слы́ша такое скро́мное обеща́ние, одна́ко уве́рил Максима Максимыча, что он испо́лнит его поруче́ние.

II.

Он был среднего ро́ста: стро́йный, тонкий стан его и широкие плечи дока́зывали крепкое сложе́ние, спосо́бное переноси́ть все трудности кочево́й жизни и переме́ны климатов; пы́льный ба́рхатный сюртучо́к его, застёгнутый только на́ две нижние пу́говицы, позволя́л разгляде́ть ослепи́тельно-чистое бельё, изобли́чавшее привы́чки поря́дочного человека; его запа́чканные перча́тки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократи́ческой руке, и когда он снял

одну перчатку, то я был удивлён худобо́й его бледных пальцев. Его похо́дка была небре́жна и лени́ва, но я заметил, что он не разма́хивал руками, — верный при́знак некоторой скры́тности характера. Впрочем это мои собственные замечания, осно́ванные на моих же наблюде́ниях, и я вовсе не хочу вас заста́вить ве́ровать в них сле́по. Когда он опустился на скамью́, то прямой стан его согну́лся, как будто у него в спине не было ни одной ко́сточки; положение всего его тела изобрази́ло какую-то нерви́ческую слабость; он сидел, как сидит бальза́кова 30-летняя кокетка на своих пухо́вых кре́слах после утоми́тельного бала. С первого взгляда на лицо его, я бы не дал ему более 23 лет, хотя после я готов был дать ему 30. В его улыбке было что-то детское. Его ко́жа имела какую-то женскую не́жность; белоку́рые волосы, вью́щиеся от природы, так живопи́сно обрисо́вывали его бледный, благоро́дный лоб, на котором, только по долгом наблюде́нии, можно было заметить следы́ морщи́н, пересека́вших одна другую и вероя́тно обознача́вшихся гора́здо я́вственнее в минуты гне́ва или душевного беспоко́йства. Несмотря́ на светлый цвет его волос, усы́ его и бро́ви были чёрные, — при́знак поро́ды в человеке, так, как чёрная грива и чёрный хвост у белой лошади. Чтоб докончить портрет, я скажу, что у него был немного вздёрнутый нос, зубы ослепи́тельной белизны́ и ка́рие глаза; о глазах я должен сказать ещё несколько слов.

Во-пе́рвых, они не смеялись, когда он смеялся! — Вам не случалось замеча́ть такой стра́нности у некоторых людей ... Это признак — или злого нра́ва, или глубокой постоя́нной гру́сти. Из-за полуопу́щенных ресни́ц они сия́ли каким-то фосфори́ческим бле́ском, если можно так вы́разиться. То не́ было отраже́ние жа́ра душе́вного, или играющего воображе́ния: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его — непродол-

жи́тельный, но прониц**а́**тельный и тяжёлый, оставлял по себе неприятное впечатление нескр**о́**много вопроса, и мог бы казаться д**е́**рзким, если б н**е́** был столь равнод**у́**шно-споко**е́**н. Все эти замечания пришли мне на ум, может быть, только потому, что я знал некоторые подр**о́**бности его жизни, и, может быть, на другого вид его произвёл бы соверш**е́**нно разли́чное впечатл**е́**ние; но так как вы о нём не услышите ни от кого, кр**о́**ме меня, то понево**́**ле должны дово́льствоваться этим изображ**е́**нием. Скажу в заключ**е́**ние, что он был вообщ**е́** очень недурён и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые oc**о́**бенно нравятся женщинам.

III.

Лошади были уже зало́жены; колоко́льчик по времена́м звене́л под дуго́ю, и лакей уже два раза подходил к Печорину с докла́дом, что всё готово, а Максим Максимыч ещё не являлся. К счастию, Печорин был погружён в задумчивость, гля́дя на синие зубцы́ Кавказа, и, кажется, вовсе не торопи́лся в дорогу. Я подошёл к нему: — Если вы захотите ещё немного подождать, — сказал я, — то будете иметь удовольствие увидеться с старым приятелем...

— Ах, то́чно! — быстро отвечал он: — мне вчера говорили; но где же он? — Я оберну́лся к площади и увидел Максима Максимыча, бегу́щего что было мо́чи... Через несколько минут он был уже возле нас; он едва́ мог дыша́ть; пот гра́дом кати́лся с лица его; мокрые клочки́ седы́х волос, вы́рвавшись из-под шапки, прикле́ились ко лбу его; коле́ни его дрожа́ли... он хотел ки́нуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приве́тливой улыбкой, протяну́л ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбене́л, но потом жа́дно схватил его руку обеими руками: он ещё не мог говорить.

— Как я рад, дорогой Максим Максимыч! Ну, как вы поживаете? — сказал Печорин.

— А... ты?.. а вы?.. — пробормота́л со слеза́ми на глазах старик... — сколько лет... сколько дней... да куда это?..

— Еду в Персию — и дальше...

— Неу́жто сейча́с?.. Да подожди́те, дража́йший!.. Неужто сейчас расста́немся?.. Столько времени не вида́лись...

— Мне пора, Максим Максимыч, — был ответ.

— Боже мой, боже мой! да куда это так спеши́те?.. Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить... Ну что́? в отста́вке?.. как?.. что поде́лывали?..

— Скуча́л! — отвечал Печорин, улыбаясь...

— А помните наше житьё-бытьё в крепости?.. Славная страна для охоты!.. Ведь вы были стра́стный охотник стрелять... А Бэла?..

Печорин чуть-чуть побледне́л и отверну́лся...

— Да, помню! — сказал он, почти то́тчас принуждённо зевну́в...

Максим Максимыч стал его упрашивать остаться с ним ещё часа два. — Мы славно пообедаем, — говорил он: — у меня есть два фаза́на: а кахети́нское здесь прекрасное... разуме́ется, не то, что в Грузии, однако лучшего сорта... Мы поговорим... вы мне расскажите про своё житьё в Петербурге... А?..

— Право, мне не́чего рассказывать, дорогой Максим Максимыч... Однако прощайте, мне пора... я спешу... Благодарю, что не забыли... — приба́вил он, взяв его за руку.

Старик нахму́рил брови... Он был печа́лен и серди́т, хотя старался скрыть это. — Забыть! — проворчал он: — я

не забыл ничего... Ну, да бог с вами!.. Не так я думал с вами встре́титься...

— Ну по́лно, полно! — сказал Печорин, обня́в его дру́жески: — неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога... Уда́стся ли ещё встре́титься — бог знает!.. — Говоря это, он уже сидел в коляске, и ямщик уже начал подбира́ть во́жжи.

— Постой, постой! — закричал вдруг Максим Максимыч, ухвати́сь за две́рцы коляски: — совсем было забыл... У меня остались ваши бумаги, Григорий Александрович... я их таска́ю с собой... думал найти вас в Грузии, а вот где бог дал сви́деться... Что мне с ними делать?..

— Что хотите! — отвечал Печорин, — Прощайте...

— Так вы в Персию?.. а когда вернётесь?.. — кричал вслед Максим Максимыч...

Коляска была уже далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! да и не́зачем!..

Давно уж не слышно было ни звона колокольчика, ни сту́ка колёс по кремни́стой дороге, — а бедный старик ещё стоял на том же месте в глубо́кой заду́мчивости.

— Да, — сказал он наконец, стараясь приня́ть равноду́шный вид, хотя слёзы доса́ды по временам сверка́ли на его ресни́цах: — конечно, мы были приятели, — ну, да что приятели в ны́нешнем ве́ке!.. Что́ ему во мне? Я не богат, не чино́вен, да и по летам совсем ему не пара... Вишь, каким он франтом сделался, как побывал опять в Петербурге... Что́ за коляска!.. сколько поклажи!.. и лакей такой го́рдый!.. — Эти слова были произнесены́ с иронической улыбкой. — Скажите, — продолжал он, обратя́сь ко мне, — ну что вы об этом думаете?.. ну какой бес несёт его теперь в Персию?... Смешно́, ей-богу, смешно!.. Да я всегда знал, что он ве́треный человек, на которого нельзя на-

де́ться... А, право, жаль, что он дурно кончит... да и нельзя иначе!.. Уж я всегда говорил, что нет про́ку в том, кто старых друзей забывает!.. — Тут он отверну́лся, чтобы скрыть свое волне́ние, и пошёл ходить по́ двору около своей пово́зки, показывая, будто осматривает колёса, тогда как глаза его поминутно наполня́лись слеза́ми.

Задание.

I. Составьте план каждой части данного отрывка романа и найдите к ней заголо́вок (pealkiri).

II. Найдите в III части текста строчки, где выражается:
1. любовь Максима Максимыча к Печорину;
2. холодность Печорина;
3. оби́да (solvang) Максима Максимыча на Печорина.

III. Напишите изложение: «Встреча Максима Максимыча с Печориным».

34. На смерть поэта.

(Отрывки.)

М. Ю. Лермонтов.

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеве́танный молво́й,
С свинцо́м в груди и жаждой ме́сти,
Поникнув го́рдой головой!..
Не вы́несла душа поэта
Позо́ра ме́лочных оби́д,
Восстал он против мне́ний света
Один как прежде... и убит!

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Его убийца хладнокро́вно
Навёл удар . . . спасенья нет:
Пустое сердце бьётся ровно,
В руке не дро́гнул пистолет.
И что за ди́во? . . из далёка,
Подобный сотням беглецо́в,
На ло́влю счастья и чино́в
Забро́шен к нам по воле ро́ка;
Смеясь, он де́рзко презира́л
Земли чужой язык и нра́вы;
Не мог щади́ть он нашей славы;
Не мог понять в сей миг крова́вый,
На что он руку поднимал! . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Вы, жа́дною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи́!
Тайтесь вы под се́нию зако́на,
Пред вами суд и правда — всё молчи!. . .
Но есть, есть божий суд, напе́рсники разврáта!
Есть гро́зный судия́: он ждёт;
Он не досту́пен зво́ну зла́та,
И мысли и дела́ он знает наперёд.
Тогда напрасно вы прибе́гнете к злосло́вью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не сме́ете всей вашей чёрной кровью
Поэта пра́ведную кровь!

Задание I. Ответьте на вопросы:

1. Почему Лермонтов называет Пушкина в стихотворении «невольником чести»?
2. Что значит «с свинцом в груди»? «пустое сердце» (Дантеса)?

3. О каких «мéлочных обидах» идёт речь?
4. Как объяснить строки:
   а) «Вы, жадною толпой стоящие у трона, Свободы, Гения и Славы палачи! . .»
   б) «И вы не смоете всей вашей чёрной кровью поэта праведную кровь!»

II. Выучите читать выразительно отрывки «На смерть поэта».

III. Выучите эти отрывки наизусть.

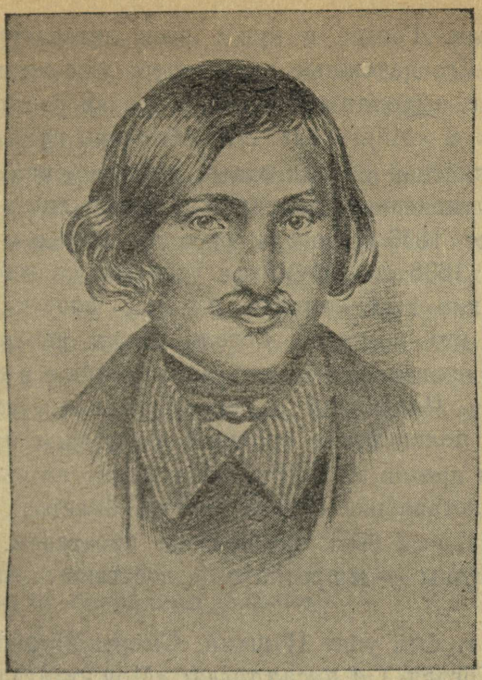
35. Николай Васильевич Гоголь. (1809—1852.)

Николай Васильевич Гоголь родился в 1809 г. в местечке Сорочи́нцы Ми́ргородского уе́зда Полтавской губернии. Отец Гоголя был небогатый украи́нский помещик. Он был стра́стный любитель театра, писал стихи по-русски и комедии по-украински. Мать Гоголя занималась воспита́нием своих детей и вела́ хозяйство. Дом Гоголей был небольшой. Около дома был обши́рный и живопи́сный сад и пруд. В доме Гоголей была многочисленная прислу́га, сы́тный обед, приличные экипажи и лошади, — так рассказывали совре-ме́нники. У Гоголей было 80 «душ» крепостны́х.

В 1819 г. Н. В. Гоголя отвезли в Полтаву учиться в уездное училище, а потом в Не́жин — в гимназию. Он окончил гимназию в 1828 г. и уехал в Петербург.

В Петербурге Гоголь долго не может найти никако́й слу́жбы. Он те́рпит нужду́ и его главная забота — «. . . как бы доби́ть этих прокля́тых по́длых денег, которых хуже я ничего не знаю в мире». Только через год Гоголь находит себе, наконец, место мелкого канцеля́рского чино́вника.

В феврале-марте 1830 года в журнале «Отечественные запи́ски» был напечатан рассказ Гоголя «Вечер наканý не Ива́на Купа́ла».



В 1831 г. Гоголь переходит на педагогическую работу. В этом же году выходит из печати первый том его книги «Вечера́ на хуторе близ Дика́ньки». Книга имела большой успе́х. Пушкин писал об этой книге в одном своём письме: «Сейчас прочёл «Вечера близ Диканьки». Они изуми́ли меня. Вот настоящая весёлость... А места́ми какая поэзия, какая чувстви́тельность! Всё это так необыкнове́нно в нашей литературе... Поздравляю публику с и́стинно весёлою книгою...»

Матери Гоголь пишет, что его книга «понравилась всем». Теперь у него — литературное имя. Он встреча́ется часто

с Пушкиным. Гоголь в курсе всех литературных дел и интересов. Его денежные дела теперь уже не плохи́.

В 1835 г. выходят из печати сборники рассказов Гоголя «Арабе́ски» и «Ми́ргород». Эти сборники принесли Гоголю славу. Белинский назвал новые произведения Гоголя «самым необыкновенным явлением в нашей литературе».

В конце 1835 г. Гоголь окончил комедию «Ревизо́р». 19 апреля 1836 г. с шумным успехом состоя́лось первое представле́ние этой комедии. О том впечатле́нии, какое произвела́ его комедия, Гоголь писал актёру Ще́пкину: «Действие, произведённое ею, было большое и шумное. Все про́тив меня. Чино́вники ... кричат, что для меня нет ничего свято́го ..; полице́йские против меня; купцы́ против меня; литера́торы против меня. Бранят и ходят на пьесу; на четвёртое представле́ние нельзя достать билетов ... Теперь я вижу, что значит быть коми́ческим писателем. Малейший при́зрак и́стины — и против тебя восстают ... целые сосло́вия».

В 1837 г. был убит Пушкин. Смерть Пушкина глубоко потрясла́ Гоголя. Он писал тогда: «Моя утра́та больше всех. Ничего не предпринима́л я, ничего не писал я без его совета ... Великого не стало ...»

В это время Гоголь был в Италии, в Риме, где он жил с марта 1837 г. по 1848 г.

В октябре 1841 г. Гоголь приехал в Россию, чтобы напечатать своё новое произведение «Мёртвые души». Книга вышла из печати в мае 1842 г.

Поэма «Мёртвые души» имела необыча́йный успех. Вся прогрессивная Россия читала поэму с восто́ргом, видя в ней торжество́ правды, побе́ду реалистического искусства и заслу́женную славу Гоголя.

В первом томе поэмы Гоголь дал только по́шлых и ничто́жных людей, героев-«уро́дов», «мёртвых душ» крепост-

ной России. Гоголь мечтал написать ещё второй и третий том «Мёртвых душ» и дать там о́браз «прекрасного человека» — «богатыря́» земли русской. Но продолжение поэмы оказалось неуда́чным.

Последние годы жизни Гоголь провёл в России. С большими переры́вами он писал второй том поэмы «Мёртвые души», но разреши́ть те задачи, которые он ставил перед собой в этой поэме, он не сумел. За несколько дней до смерти Гоголь сжёг все напи́санные гла́вы своей поэмы.

Мы ценим Гоголя за силу его художественного тво́рчества. Образы, со́зданные великим писателем, ярки, нагля́дны. Слово его, язык Гоголя, отлича́ется своей простотой, силой, ме́ткостью.

Задание.

I. Выучите наизусть слова Пушкина о книге Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».

II. Ответьте на вопросы:

1. Какие произведения написал Н. В. Гоголь?
2. Что написал Гоголь актёру Щепкину о впечатлении, произведённом его комедией «Ревизор» на публику?
3. За что мы ценим Гоголя?

III. Расскажите биографию Н. В. Гоголя.

36. Старосветские помещики.

(Отрывок.)

Н. В. Гоголь.

I.

Оба старичка́, по старинному обычаю старосве́тских помещиков, очень любили покушать. Как только занима́лась заря́ (они всегда вставали рано) и как только двери заводи́ли свой разногла́сный концерт, они уже сидели за столиком и пили кофе. Напившись кофею, Афана́сий Иванович выходил в се́ни и, стряхну́вши платком, говорил: «Киш, киш! пошли, гуси, с крыльца́!» На дворе ему обыкновенно попадался прика́зчик. Он, по обыкнове́нию, вступал с ним в разговор, расспрашивал о работах с величайшею подро́бностью, и такие сообщал ему замечания и приказа́ния, которые удивили бы всякого необыкновенным позна́нием хозяйства, и какой-нибудь новичо́к не осме́лился бы и подумать о том, чтобы можно было украсть у такого зо́ркого хозяина. Но приказчик его был обстре́лянная птица: он знал, как нужно отвечать, а ещё более, как нужно хозя́йничать.

После этого Афанасий Иванович возвраща́лся в покои и говорил, прибли́зившись к Пульхе́рии Ивановне: «А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закуси́ть чего-нибудь».

«Чего же бы теперь, Афанасий Иванович, закусить? разве ко́ржиков с са́лом, или пирожко́в с ма́ком, или, может быть, ры́жиков солёных?»

«Пожалуй, хоть и рыжиков или пирожко́в», отвечал Афанасий Иванович, и на столе вдруг явля́лась скатерть с пирожка́ми и рыжиками.

II.

За час до обеда Афанасий Иванович заку́шивал снова, выпивал во́дки, заеда́л грибка́ми, разными сушёными рыбками и про́чим. Обедать садились в двенадцать часов. За обедом обыкновенно шёл разговор о предметах самых близких к обеду.

«Мне кажется, как будто эта каша», говаривал обыкновенно Афанасий Иванович, «немного пригоре́ла; вам этого не кажется, Пульхерия Ивановна?»

«Нет, Афанасий Иванович; вы положите побольше масла, тогда она не будет казаться пригоре́лою, или вот возьмите этого соуса с грибками и подле́йте к ней».

«Пожалуй», говорил Афанасий Иванович и подставлял свою тарелку: «попро́буем, как оно будет».

После обеда Афанасий Иванович шёл отдохнуть один часик, после чего Пульхерия Ивановна приносила разре́занный арбуз и говорила: «Вот попробуйте, Афанасий Иванович, какой хороший арбуз».

«Да вы не ве́рьте, Пульхерия Ивановна, что он красный в середине», говорил Афанасий Иванович, принима́я большой ломо́ть: «бывает, что и красный, да нехороший».

Но арбуз немедленно исчеза́л. После этого Афанасий Иванович съедал ещё несколько груш и отправля́лся погулять по саду вместе с Пульхерией Ивановной. Прише́дши домой, он говорил: «Чего бы такого поесть мне, Пульхерия Ивановна?»

«Чего же бы такого?» говорила Пульхерия Ивановна: «разве я пойду скажу, чтобы вам принесли варе́ников с ягодами, которых приказала я наро́чно для вас оставить?»

«И то до́бре», отвечал Афанасий Иванович.

«Или, может быть, вы съели бы кисе́лику?»

«И то хорошо», отвечал Афанасий Иванович. После чего всё это немедленно было приноси́мо и, как во́дится, было съеда́емо.

Перед ужином Афанасий Иванович ещё кое-чего закушивал. В половине десятого садились ужинать. После ужина то́тчас отправлялись опять спать.

III.

Комната, в которой спали Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, была так жарка́, что редкий был бы в состоянии остаться в ней несколько часов. Но Афанасий Иванович ещё сверх того, чтобы было тепле́е, спал на лежа́нке, хотя сильный жар часто заставля́л его несколько раз вставать среди ночи и проха́живаться по комнате. Иногда Афанасий Иванович, ходя́ по комнате, стона́л. Тогда Пульхерия Ивановна спрашивала: «Чего вы сто́нете, Афанасий Иванович?»

«Бог его знает, Пульхерия Ивановна, так как будто немного живо́т болит», говорил Афанасий Иванович.

«А не лучше ли вам чего-нибудь съесть, Афанасий Иванович?»

«Не знаю, будет ли оно хорошо, Пульхерия Ивановна! впро́чем, чего ж бы такого съесть?»

«Кислого молочка́, или жи́денького узва́ра с сушёными грушами».

«Пожалуй, разве так только попро́бовать», говорил Афанасий Иванович. Со́нная де́вка отправля́лась ры́ться по шкапа́м, и Афанасий Иванович съедал таре́лочку, после чего он обыкновенно говорил: «Теперь так как будто сделалось легче».

IV.

Иногда, если было ясное время и в комнате довольно тепло нато́плено, Афанасий Иванович, развесели́вшись, любил пошутить над Пульхериею Ивановной и поговорить о чём-нибудь посторо́ннем.

«А что, Пульхерия Ивановна», говорил он: «если бы вдруг загоре́лся дом наш, куда бы мы де́лись?»

«Рот это боже сохрани́!» говорила Пульхерия Ивановна, крестя́сь.

«Ну, да положим, что дом наш сгорел, куда бы мы перешли тогда?»

«Бог знает, что вы говорите, Афанасий Иванович! как можно, чтобы дом мог сгореть: бог этого не попу́стит».

«Ну, а если бы сгорел?»

«Ну, тогда бы мы перешли в кухню. Вы бы за́няли на время ту комнатку, которую занимает клю́чница».

«А если бы и кухня сгорела?»

«Вот ещё! бог сохранит от такого попуще́ния, чтобы вдруг и дом, и кухня сгорели! Ну, тогда в кладову́ю, пока́мест выстроился бы новый дом».

«А если бы и кладовая сгорела?»

«Бог знает, что вы говорите! я и слушать вас не хочу! Грех это говорить, и бог нака́зывает за такие речи».

Но Афанасий Иванович, довольный тем, что подшутил над Пульхерией Ивановной, улыбался, си́дя на своём стуле.

Задание.

I. Напишите план к данному отрывку из повести «Старосветские помещики».

II. Расскажите содержание отрывка.

III. Объясните своими словами выражения: «двери заводили свой разногласный концерт», «вступать в разговор».

IV. Напишите ответ с приведением примеров из текста на вопрос:

В чём выражалась забота Пульхерии Ивановны об Афанасии Ивановиче?

37. Днепр.

(Из повести «Страшная месть».)

Н. В. Гоголь.

Чу́ден Днепр при тихой погоде, когда вольно и пла́вно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнёт; ни прогреми́т. Гляди́шь, и не знаешь, идёт или не идёт его велича́вая ширина́, и чу́дится, будто весь вы́лит он из стекла́, и будто голубая зерка́льная дорога, без меры в ширину́, без конца в длину, ре́ет и вьётся по зелёному миру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядéться с вышины и погрузи́ть лучи́ в хо́лод стеклянных вод, и прибре́жным лесам ярко отсвети́ться в водах. Зеленоку́дрые! Они толпя́тся вместе с полевы́ми цветами к водам и, наклони́вшись, глядят в них и не наглядя́тся, и не налюбу́ются светлым своим зра́ком, и усмеха́ются к нему, и приве́тствуют его, кива́я ветвя́ми. В середину же Днепра они не смеют гляну́ть: никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит в него. Ре́дкая птица долетит до середины Днепра. Пы́шный! ему нет равной реки в мире. Чуден Днепр и при тёплой летней ночи, когда всё засыпает, и человек, и зверь, и птица; а бог один величаво озира́ет небо и землю, и велича́во сотряса́ет ри́зу. От ризы сы́плются звёзды. Звёзды горят и светят над миром, и все разом отдаю́тся в Днепре́. Всех их держит Днепр в тёмном ло́не своём. Ни одна не убежит от него; разве пога́снет на небе. Чёрный лес, уни́занный спя́щими воро́нами и дре́вле разло́манные горы, свесясь, си́лятся закрыть его хотя длинною тенью своею — напрасно! Нет ничего в мире, что бы могло прикрыть Днепр.

Задание.

I. Объясните своими словами:

1. Почему Днепр назван «голубой зеркальной дорогой»? «стеклянными водами»?

2. Почему сказано про звёзды, что «всех их держит Днепр в тёмном лоне своём. Ни одна не убежит от него».

II. Выучите читать «Днепр» выразительно.

III. Выучите наизусть, начиная со слов «Чуден Днепр при тихой погоде . . .» и кончая словами «. . . приветствуют его, кивая ветвями».

IV. Напишите наизусть выученный отрывок.

38. Ревизор.

Н. В. Гоголь.

ДЕЙСТВИЕ V, ЯВЛЕНИЕ VIII.

Те же и почтмейстер *(впопыха́х, с распеча́танным письмом в руке)*.

Почтмейстер. Удиви́тельное дело, господа́! Чино́вник, которого мы при́няли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, я узнал это из письма . . .

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейсте́р. Да из со́бственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взгляну́л на адрес, вижу: в Почта́мтскую улицу. Я так и обомле́л. Ну, думаю себе, верно нашёл беспоря́дки по почтовой части и уведомля́ет начальство. Взял да и распеча́тал.

Городничий. Как же вы? .

Почтмейстер. Сам не знаю, неесте́ственная сила побуди́ла. Призва́л было уже курье́ра с тем, чтобы отпра́вить его с эштафе́той,—но любопы́тство такое одоле́ло, какого ещё никогда не чувствовал. Не могу, не могу, слышу, что не могу, тя́нет, так вот и тянет. В одном у́хе так вот и слышу: Эй, не распеча́тывай! пропадёшь как курица, а в другом сло́вно

Городничий.

бес какой ше́пчет: распеча́тай, распечатай, распечатай! И как придави́л сургу́ч: по жи́лам огонь, а распечатал — моро́з, ей богу мороз, и руки дрожа́т, и всё помути́лось.

Городничий. Да как же вы осме́лились распечатать письмо такой уполномо́ченной осо́бы?

Почтмейстер. В том-то и шту́ка, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он по-вашему такое?

Почтмейстер. Ни сё, ни то; чорт знает что такое.

Городничий (*запа́льчиво*). Как ни сё, ни то? Как вы сме́ете называть его ни тем, ни сем да ещё и чорт знает чем? Я вас под аре́ст...

Хлестаков.

Почтмейстер. Кто? Вы?

Городничий. Да, я.

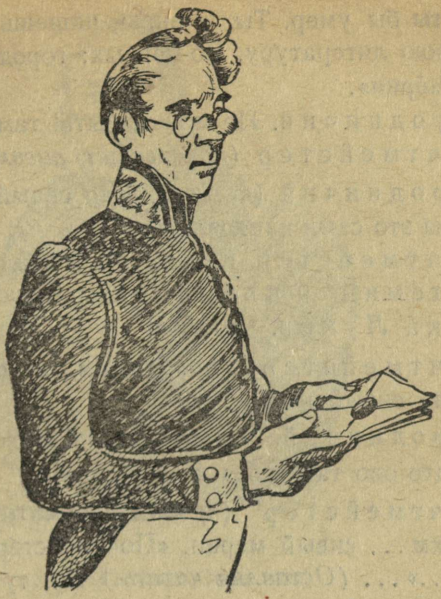
Почтмейстер. Коротки́ руки.

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельмо́жа, что я в са́мую Сибирь законопа́чу?

Почтмейстер. Эх, Анто́н Анто́нович! что Сибирь, далеко́ Сибирь. Вот лучше я вам прочту́. Господа! позвольте прочитать письмо?

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер *(читает)*. «Спешу уве́домить тебя, душа Тряпи́чкин, какие со мной чудеса́. На дороге обчистил



Почтмейстер.

меня кругом пехóтный капитан, так что трактúрщик хотел уже было посадúть в тюрьмý, как вдруг по моей петербургской физионóмии и по костюму весь народ прúнял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городнúчего. Жуúрую, волочýсь напропалýю за его женой и дочкой, не решился только, с которой начáть; думаю, прежде с мáтушки, потому что кажется готова сейчас на все услýги.

Помнишь, как мы с тобой бéдствовали, обедали на шаромы́жку и как один раз было кондúтер схватил меня за воротнúк по пóводу съéденных пирожкóв на счёт дохóдов áглицкого короля; теперь совсем другой оборóт. Все мне дают взаймы́ сколько угóдно. Оригинáлы стрáшные. От

смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статéйки, поместú их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп как сúвый мéрин».

Городничий. Не может быть! там нет этого.

Почтмейстер (*показывает письмо*). Читайте сами!

Городничий (*читает*). Как сивый мерин. Не может быть, вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артéмий Филúппович. Читайте!

Лукá Лукúч. Читайте!

Почтмейстер (*продолжáя читать*). «Городничий глуп, как сивый мерин...»

Городничий. О чорт возьми! нужно ещё повторять! как будто оно там и без того не стоúт.

Почтмейстер (*продолжает читать*). Хм... хм... хм... хм... сивый мерин. «Почтмейстер тоже добрый человек...»... (*Оставля́я читать.*) Ну, тут обо мне он тоже неприли́чно вы́разился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?...

Городничий. Нет, чорт возьми, когда уж читать, так читать. Читайте всё!

Артемий Филиппович. Позво́льте, я прочитаю. (*Надевает очки и читает*). «Почтмейстер точь в точь департáментский сторож Михéев; должно быть, также, подлéц, пьёт гóрькую».

Почтмейстер (*к зрителям*). Ну, сквéрный мальчишка, которого надо посéчь: больше ничего.

Артемий Филиппович (*продолжает читать*). «Надзирáтель над богоугóдными заведе...и...и...» (*Заикáется*):

Коробкин. А что ж вы останови́лись?

Артемий Филиппович Земляника.

Артемий Филиппович. Да нечёткое перо... впро́чем видно, что негодя́й.

Коробкин. Дайте мне! вот у меня, я думаю, получше глаза. *(Берёт письмо)*.

Артемий Филиппович *(не давая письма)*. Нет, это место можно пропустить, а там дальше разбо́рчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать. Я и сам прочитаю, далее, право, всё разборчиво.

Почтмейстер. Нет, всё читайте! Ведь пре́жде всё читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович! Отдайте письмо *(Коробкину)*. Читайте.

Артемий Филиппович. Сейчас. *(Отдаёт письмо)*.

Аммос Фёдорович Ляпкин Тяпкин.

Вот позвольте (*закрывает пальцем*). Вот отсюда читайте. *(Все приступа́ют к нему.)*

Почтмейстер. Читайте! вздор, всё читайте.

Коробкин *(читая)*. «Надзира́тель за богоугóдными заведе́ниями Земляни́ка — соверше́нная свинья в ермóлке».

Артемий Филиппович *(к зри́телям)*. И не остроу́мно! Свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

Коробкин (*продолжая читать*). «Смотритель училищ протýхнул наскво́зь лу́ком».

Лука Лукич *(к зрителям)*. Ей богу, и в рот никогда не брал лу́ку.

Хлопов.

Аммо́с Фёдорович *(в сто́рону)*. Слава богу, хоть по крайней мере обо мне нет.

Коробкин *(читает)*. «Судья́...»

Аммос Фёдорович. Вот тебе на́! *(Вслух)*. Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чорт ли в нём: дрянь этакую читать...

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет, уж читайте!

Коробкин *(продолжает)*. Судья Ля́пкин-Тя́пкин в сильнейшей сте́пени мове́ тон...» *(остана́вливается)*. Должно быть французское слово.

Аммос Фёдорович. А, чорт его знает, что оно зна-

чит! Ещё хорошо, если только мошéнник, а может быть и того́ ещё хуже.

Коробкин *(продолжая читать)*. «А впро́чем, народ гостеприи́мный и доброду́шный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заня́ться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь, наконец, пи́щи для души, вижу: то́чно, нужно чем-нибудь высоким заня́ться. Пиши ко мне в Сара́товскую губе́рнию, а оттуда в деревню Подкати́ловку. *(Переворачивает письмо и читает адрес)*. Его благоро́дию, ми́лостивому госуда́рю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в С.-Петербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под № 97, поворотя́ на двор в 3 этаже́ направо».

Одна из дам. Какой репримáнд неожи́данный!

Городничий. Вот когда зарéзал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиньи́ ры́ла, вместо лиц: а больше ничего... Вороти́ть, воротить его! *(Ма́шет рукою)*.

Почтмейстер. Куды́ воротить! Я, как нарочно, приказал смотри́телю дать самую лучшую тро́йку, чорт угора́здил дать и впредь предписа́нье.

Жена Коробкина. Вот уж, точно, вот беспримéрная конфу́зия!

Аммос Фёдорович. Однако ж, чорт возьми, господа! он у меня взял триста рублей взаймы́.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер *(вздыха́ет)*. Ох! и у меня триста рублей.

Бо́бчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с. Да-с.

Аммос Фёдорович *(в недоуме́нии расставля́ет руки)*. Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплоша́ли!

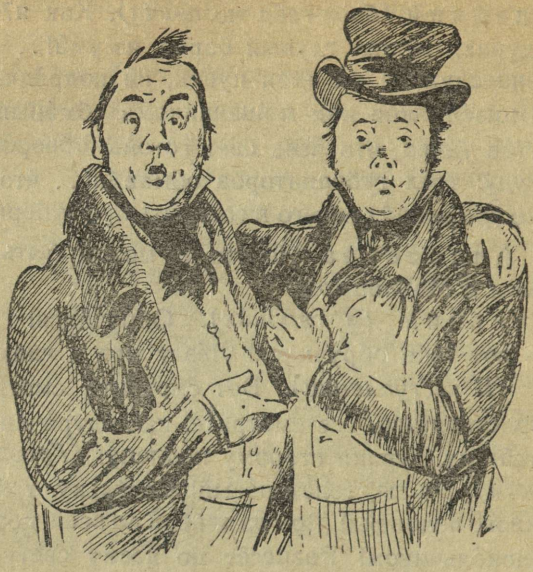
Городничий *(бьёт себя по плечу)*. Как я? Нет, как я, старый дурак! Вы́жил, глупый бара́н, из ума́!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подря́дчик не мог провести́, моше́нников над мошенниками обма́нывал; пройдо́х и плуто́в таких, что весь свет готовы обворова́ть, поддева́л на уду́; трёх губернаторов обману́л!.. что губернаторов! *(махну́в рукой)* не́чего и говорить про губернаторов...

Анна Андре́евна. Но это не может быть, Анто́ша: он обручи́лся с Машенькой.

Городничий *(в сердца́х)*. Обручи́лся! Ку́киш с маслом — вот тебе обручился! Ле́зет мне в глаза с обруче́ньем!.. *(В исступлении)*. Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одура́чен городничий! Дурака́ ему, дурака старому подлецу́! *(Грозит самому себе кулаком)*. Эх ты, толстоно́сый! Сосу́льку, тря́пку при́нял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге залива́ется колоко́льчиком! Разнесёт по всему свету историю, мало того, что пойдёшь в посме́шище... Найдётся щелкопёр, бумагомара́ка, в комедию тебя вста́вит, вот что оби́дно! Чи́на, звания не пощади́т, и будут все ска́лить зубы и бить в ладо́ши. Чему смеётесь! Над собой смеётесь!.. Эх вы!.. *(Стучит со зло́сти ногами о́б пол.)* Я бы всех этих бумагомара́к! у! щелкопёры, либералы прокля́тые! чо́ртово семя! узло́м бы вас всех завяза́л, в муку́ бы стёр вас всех, да чорту в покла́дку! в шапку туды́ ему!.. *(Суёт кулаком и бьёт каблуком в пол)*.

(После не́которого молча́ния.)

До сих по́р не могу прийти́ в себя. Вот, по́длинно, если бог хочет наказа́ть, так отни́мет прежде ра́зум. Ну, что было в этом вертопра́хе похожего на ревизора? Ничего не было. Вот просто ни на полмизи́нца не́ было похожего и вдруг все: ревизор! ревизор! Ну, кто первый вы́пустил, что он ревизор? Отвечайте!



Добчинский и Бобчинский.

Артемий Филиппович *(расставля́я руки)*. Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить, точно тума́н какой-то ошеломи́л, чорт попу́тал.

Аммо́с Фёдорович. Да кто вы́пустил! Вот кто вы́пустил! Эти молодцы! *(Показывает на До́бчинского и Бо́бчинского.)*

Бобчинский. Ей-ей, не я, и не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...

Артемий Филиппович. Конечно, вы.

Лука Лукич. Разуме́ется. Прибежали как сумасше́дшие из трактира: «Приехал, приехал и денег не пла́тит...» Нашли важную птицу.

Городничий. Натура́льно, вы! сплётники городски́е, лгуны́ прокля́тые!

Артемий Филиппович. Чтоб вас чорт побрал с вашим ревизором и рассказами.

Городничий. Только рыскаете по городу, да смущáете всех, трещóтки проклятые, сплéтни сéете, сорóки короткохвóстые.

Аммос Фёдорович. Пачкуны проклятые!

Лука Лукич. Колпаки!

Артемий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!

(Все обступáют их.)

Бобчинский. Ей богу, это не я, это Пётр Иванович.

Добчинский. Э нет, Пётр Иванович, вы ведь первые того . . .

Бобчинский. А вот и нет, первые-то были вы.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ.

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именнóму повелéнию из Петербурга чиновник трéбует вас сей же час к себе. Он остановился в гостúнице.

Немая сцена.

Задание.

I. Вспомните слова Гоголя из письма к Щепкину о комедии «Ревизор».
II. Выучите читать данную главу комедии выразительно по ролям.
III. Объясните своими словами выражения:
1. «обчистил меня круго́м»;
2. «разнесёт по всему свету историю».
IV. Дайте краткую характеристику действующих лиц по приведённому в книге отрывку из комедии «Ревизор».

39. Собакевич.

(Из поэмы «Мёртвые души».)

Н. В. Гоголь.

Когда Чи́чиков взгляну́л и́скоса на Собаке́вича, он ему на этот раз показался весьма́ похожим на средней величины́ медве́дя. Для довершéния схóдства фрак на нём был совершéнно медвéжьего цвета, рукава́ длинны́, панталóны длинны, ступня́ми ступа́л он и вкривь и вкось и наступа́л беспреста́нно на чужи́е ноги. Цвет лица имел калёный, горячий, какой бывает на медном пятаке́. Известно, что есть много на свете таких лиц, над отде́лкою которых натура не долго мудри́ла, не употребля́ла никаких мелких инструме́нтов, как-то: напи́льников, бура́вчиков и прочего, но просто руби́ла со всего плеча́: хвати́ла топоро́м раз — вы́шел нос, хватила в другой — вышли гу́бы, большим сверло́м ковырну́ла глаза и пусти́ла на свет, сказавши: «живёт!»

Такой же самый крепкий óбраз был у Собакевича: держа́л он его более вниз, чем вверх, ше́ей не воро́чал во́все и, в силу такого неповоро́та, ре́дко гляде́л на того, с кото-

рым говорил, но всегда или на угол печки, или на дверь. Чичиков ещё раз взгляну́л на него и́скоса, когда проходили они столо́вую: медведь! соверше́нный медведь! Нужно же такое странное сближе́ние: его даже звали Михайлом Семёновичем. Зная привычку его наступать на́ ноги, он очень осторожно передвигал своими и давал ему дорогу вперёд. Хозяин, каза́лось, сам чувствовал за собою этот грех и тот же час спросил: «Не побеспоко́ил ли я вас?» Но Чичиков поблагодари́л, сказав, что ещё не произошло́ никакого беспоко́йства.

Вошёд в гостиную, Собакевич показал на кре́сло, сказавши опять: «прошу!» Чичиков взглянул на стены и на висе́вшие на них картины. На картинах всё были мо́лодцы, всё греческие полково́дцы.

Чичиков ещё раз окинул комнату и всё, что́ в ней ни́ было, — всё было про́чно, неуклю́же в высочайшей сте́пени и имело какое-то странное схо́дство с сами́м хозяином дома. В углу гостиной стояло пуза́тое оре́ховое бюро на пренеле́пых четырёх ногах — соверше́нный медведь. Стол, кресла, стулья — всё было са́мого тяжёлого и беспоко́йного свойства: словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: «И я тоже Собакевич!» или «И я тоже очень похож на Собакевича!»

«Мы об вас вспомина́ли у председа́теля пала́ты, у Ивана Григорьевича», сказал, наконец, Чичиков, ви́дя, что никто не располага́ется начинать разговора: «в проше́дший четверг. Очень приятно провели́ там время».

«Да, я не был тогда у председателя», отвечал Собакевич.

«А прекрасный человек!»

«Кто такой?» сказал Собакевич, гля́дя на угол печи́.

«Председатель».

«Ну, может быть, это вам так показа́лось: он только что масо́н, а такой дурак, какого свет не производи́л».

Чичиков немного озада́чился таким, отча́сти ре́зким, определе́нием, но потом, попра́вившись, продолжа́л: «Конечно, всякий человек не без сла́бостей, но зато́ губернатор — какой превосхо́дный человек!»

«Губернатор превосходный человек?»

«Да, не правда ли?»

«Первый разбо́йник в мире!»

«Как, губернатор разбойник?» сказал Чичиков и соверше́нно не мог понять, как губернатор мог попа́сть в разбойники.

«Признаю́сь, этого я бы никак не подумал», продолжал он. «Но позвольте, одна́ко же, заметить: посту́пки его совершенно не такие; напро́тив, скоре́е даже мя́гкости в нём много». Тут он привёл в доказа́тельство даже кошелёк, вы́шитые его собственными руками, и отозвался с похвало́ю об ла́сковом выраже́нии лица его.

«И лицо разбо́йничье!» сказал Собакевич. «Дайте ему только нож да вы́пустите его на большую дорогу, — заре́жет, за копейку зарежет! Он да ещё вице-губернатор — это Го́га и Маго́га».

«Нет, он с ними не в лада́х», подумал про себя Чичиков. «А вот заговорю я с ним об полицеймейстере: он, кажется, друг его». — «Впро́чем, что до меня», сказал он: «мне, признаю́сь, более всех нравится полицеймейстер. Какой-то этакой характер прямой, открытый; в лице видно что-то простосерде́чное».

«Моше́нник!» сказал Собакевич очень хладнокро́вно: «прода́ст, обма́нет, ещё и пообедает с вами. Я их знаю всех: это мошенники; весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоня́ет. Все христопрода́вцы. Один там только и есть поря́дочный человек — прокуро́р, да и тот, если сказать правду, свинья».

После таких похва́льных, хотя несколько кратких био-

графий, Чичиков увидел, что о других чиновниках не́чего упомина́ть, и вспомнил, что Собакевич не любил ни о ком хорошо отзыва́ться.

«Я хотел было поговорить с вами об одном де́льце», обрати́лся он к Собакевичу.

Собакевич слегка́ принагну́л голову, приготовля́ясь слушать, в чём было дельцо́.

Чичиков начал . . .

Собакевич слушал, нагну́вши голову, и хоть бы что-нибудь, похо́жее на выраже́ние, показалось на лице его. Казалось, в этом теле совсем не́ было души, или она у него была, но вовсе не там, где сле́дует, а как у бессме́ртного Кощея́, где-то за гора́ми и закрыта тако́ю толстою скорлупо́ю, что всё, что ни воро́чалось на дне её, не производи́ло решительно никакого потрясе́ния на пове́рхности.

Задание.

I. Объясните своими словами выражение:
«Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет».
II. Опишите портрет Собакевича.
III. Опишите обстано́вку в гостиной Собакевича.
IV. Напишите подро́бный ответ на вопрос: «В чём выража́лось сходство обстановки с хозя́ином Собакевичем».

40. Воспитание Илюши.

(Отрывок из романа «Обломов».)

И. А. Гончаров.

Илюша только что проснётся у себя дома, как у постели его уже стоит Заха́рка.

Заха́р, как бывало, нянька, натя́гивает ему чулки, надевает башмаки́, а Илюша, уже четырнадцатилетний мальчик, только и знает, что подставля́ет ему, лёжа, то ту, то

другую ногу; а чуть что покажется ему не так, то он подда́ст Захарке ногой в нос.

Если недовольный Захарка вздумает пожа́ловаться, то получит ещё от старших колоту́шку.

Потом Захарка че́шет голову, натягивает ку́ртку, осторо́жно продевая руки Ильи́ Ильича́ в рукава́, чтоб не слишком беспокоить его, и напоминает Илье Ильичу, что надо сделать то, другое: вставши поутру́, умыться и т. п.

Захочет ли чего-нибудь Илья Ильич, ему сто́ит только мигну́ть — уж трое-четверо слуг кида́ются исполнять его желание; уро́нит ли он что-нибудь, доста́ть ли ему нужно вещь, да не доста́нет, — принести ли что, сбегать ли за чем: ему иногда, как ре́звому мальчику, так и хочется броситься и переделать всё самому́, а тут вдруг отец и мать, да и три тётки в пять голосов и закричат:

«Зачем? Куда? А Васька, а Ванька? а Захарка на что? Эй, Васька! Ванька! Захарка! Чего вы смотрите, рази́ни? Вот я вас!..»

И не уда́стся никак Илье Ильичу сделать что-нибудь самому для себя.

После он нашёл, что оно и поко́йнее гора́здо, и сам выучился покрикивать: «Эй, Васька, Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбегай, принеси!»

Подча́с нежная заботливость родителей надоеда́ла ему.

Побежит ли он с лестницы, или по́ двору, вдруг вслед ему раздаётся в десять отча́янных голосов: «Ах, ах! Подержите, остановите! Упадёт, расшибётся... стой, стой!»

Задумает ли он вы́скочить зимой в сени, или отвори́ть фо́рточку — опять крики: «Ай, куда? Как можно? Не бегай, не ходи, не отворя́й: убьёшься, просту́дишься...

И Илюша с печалью оставался дома, леле́емый, как цветок в тепли́це, и так же, как последний под стекло́м, он рос

медленно и вя́ло. Ищущие проявле́ния силы обраща́лись внутрь и ни́кли, увяда́я.

А иногда он проснётся такой бо́дрый, свежий, весёлый; он чувствует: в нём играет что-то, кипи́т, точно посели́лся бесёнок какой-нибудь, который так и поддра́знивает его то влезть на крышу, то сесть на савра́ску да поскакать в луга́, где сено косят, или посидеть на заборе верхо́м, или подразни́ть деревенских собак; или вдруг захочется пусти́ться бего́м по деревне, потом в поле, по буера́кам, в березня́к, да в три скачка́ броситься на дно овра́га, или увяза́ться за мальчишками играть в снежки́, попробовать свои силы.

Бесёнок так и подмыва́ет его: он крепи́тся, крепится, наконец не вытерпит, и вдруг, без карту́за, зимой, прыг с крыльца́ на двор, оттуда за ворота, захватил в обе руки по ко́му снега и мчится к ку́че мальчи́шек.

Свежий ветер так и ре́жет ему лицо, за́ уши щи́плет мороз, в рот и горло пахну́ло холодом, а грудь охвати́ло ра-

достью — он мчится, откуда ноги взяли́сь, сам и визжи́т и хохо́чет.

Вот и мальчишки: он бац снегом — мимо; снаро́вки нет, только хотел захвати́ть ещё снежку́, как всё лицо залепи́ло ему целая глы́ба снегу; он упал; и больно ему с непривы́чки, и ве́село, и хохо́чет он, и слёзы у него на глазах...

А в доме гвалт: «Илюши нет!» Крик, шум. На двор вы́скочил Захар, за ним Васька, Митька, Ванька — все бегут расте́рянные по́ двору.

За ними ки́нулись, хвата́я их за пя́тки, две собаки, которые, как известно, не могут равнодушно видеть бегу́щего человека.

Люди с криком, с во́плями, собаки с ла́ем мча́тся по деревне. Наконец, набежали на мальчишек и начали чини́ть правосу́дие: кого за волосы, кого за́ уши, иному подзаты́льника; пригрози́ли и отцам их.

Потом уже овладе́ли барчо́нком, оку́тали его в захва́ченный тулуп, потом в отцовскую шу́бу, потом в два одея́ла, и торже́ственно принесли на руках домой.

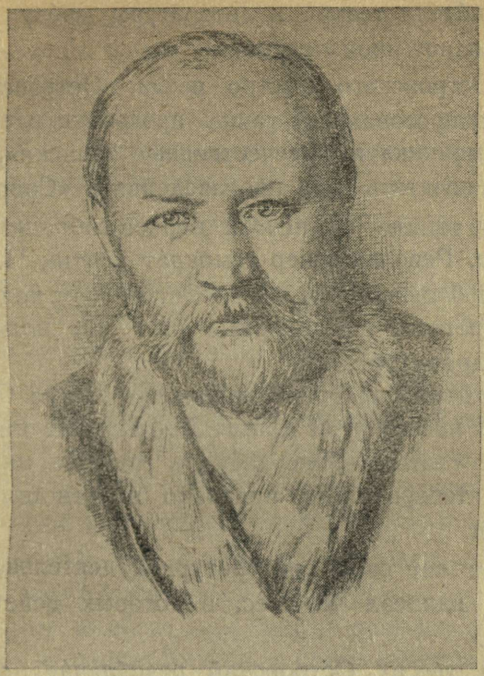
При виде его, живого и невреди́мого, радость родителей была неопи́санна. Напои́ли его мя́той, там бузино́й, к вечеру ещё мали́ной и продержали дня три в постели, а ему бы одно могло быть полезно: опять играть в снежки́...

Задание.

I. Составьте подробный план и расскажите по плану данный отрывок.

II. Ответьте письменно на вопросы:

1. Как понимали роди́тели Илюши свои задачи по воспитанию сына?
2. К чему должен был привести ребёнка такой образ жизни?



41. Александр Николаевич Островский.

(1823—1886.)

Александр Николаевич Островский родился и жил в Москве, в Замоскворе́чье. В этом районе Москвы тогда жили бо́льшей частью купцы. Островский, как юрист, служил в суде. Служба в суде и жизнь в Замоскворечье познакомили бу́дущего драмату́рга с бы́том и жизнью купе́чества и дали ему материал для творческой работы.

В 1846 г. Островский написал первые сце́ны из комедии «Свои люди — сочтёмся». Эту комедию закончил он в

1849 г. Ценители театра и литературы сразу увидели в ней превосходное произведение.

Слава Островского быстро росла. Островским-драматургом заинтересовались такие прогрессивные журналы, как «Современник» и «Отечественные записки», и Островский начал печатать свои произведения в «Современнике».

В 1859 г. вышло из печати первое собрание сочинений Островского. Революционер-демократ критик Н. Добролюбов написал большую статью об Островском под названием «Тёмное царство», где впервые был дан полный разбор творчества драматурга.

В том же году на сцене появляется драма Островского «Гроза». По поводу этой драмы Добролюбов пишет новую критическую статью «Луч света в тёмном царстве». За Островским теперь было признано первенство в русской драматургии.

За сорок лет своей литературной деятельности А. Н. Островский написал 48 пьес, в которых действует около тысячи лиц.

В своих пьесах Островский разоблачает самодурство купцов, основными чертами которых являются деспотизм, дикий произвол и безграничное упрямство. Например, один тип самодуров — купец Большов в пьесе «Свои люди — сочтёмся» — решив выдать свою дочь замуж, не желает посоветоваться даже с женой. Мнение дочери для него безразлично. «Моя дочь — хочу, с кашей ем, хочу — масло пахтаю,» — нагло заявляет он.

Жизнь в Замоскворечье и служба в суде дали Островскому материал не только для изображения купеческого быта. В пьесах «Бедная невеста», «Доходное место», «Не было ни гроша, да вдруг алтын» он рисует чиновников. В этих пьесах Островский обличает прежде всего взяточничество. Например, в комедии «Доходное место» даны три

чиновника — люди разного обще́ственного положе́ния, но с одина́ковыми взглядами на жизнь и службу. Все они стремя́тся к «доходному месту», т. е. к такой службе, которая дала бы наибо́льшую возмо́жность брать взя́тки. Таким чиновникам Островский противопоставля́ет молодого образо́ванного человека Жа́дова, который, с жа́ром напада́я на взя́точников, утвержда́ет, что можно и нужно жить честно.

В пьесах Островского пока́зано также дворянство, например, в пьесах «Не сошли́сь хара́ктерами», «Воспи́танница», «На вся́кого мудреца́ довольно простоты́». В этих пьесах Островский показывает прежде всего моральное разложе́ние, оскуде́ние дворя́нства. В комедии «Волки и о́вцы» помещица Мурзаве́цкая обма́нывает соседей и готова воспо́льзоваться подде́льными письмами и векселя́ми, чтобы поддержать своё пошатну́вшееся благосостоя́ние.

После реформы 1861 г. в пьесах Островского появляется новый тип — тип предпринима́теля, крупного дельца́, например, Василько́в в пьесе «Бе́шеные деньги», Бе́ркутов в пьесе «Волки и овцы», Кну́ров в пьесе «Бесприда́нница» и др. В них Островский увидел немало це́нных ка́честв — делови́тость, работоспосо́бность, насто́йчивость и самоуве́ренность. Но Островский вместе с тем подчёркивает их а́лчность и сомнева́ется в их добродете́льности. Это — «волки». В достиже́нии своей цели они ни перед чем не останавливаются.

С большой симпатией изобража́ет Островский интеллигентных людей, зараба́тывающих себе хлеб честным трудом.

С осо́бенным сочу́вствием Островский рисует образы тру́жеников театра, актёров. Работая всю свою жизнь для театра, Островский хорошо изучил их среду́ и нра́вы. Образы актёров он создаёт в трёх пьесах: «Лес», «Таланты и покло́нники» и «Без вины́ винова́тые».

Всю свою творческую жизнь Островский целико́м отдал русскому театру и явился создателем его нового репертуара. Островского называют отцом русской драмы. Благодаря́ Островскому русская сцена из года в год становилась всё ближе и ближе к народу.

Задание.

I. Расскажите биографию А. Н. Островского.
II. Напишите по данной биографии ответы на вопросы:
1. Кого и что разоблача́ет Островский в своих пьесах?
2. Кого изображает Островский в своих пьесах с симпатией, сочу́вствием?

42. Бедность не порок.

А. Н. Островский.

«Пресле́дование самоду́рства во всех его ви́дах, осме́ивание его в последних его убе́жищах... — вот... настоящее дело, на которое постоянно устремля́ется талант Островского.

Современные стремле́ния русской жизни в самых обши́рных размерах находят своё выражение в Островском. Тре́бования пра́ва, зако́нности, уваже́ния к человеку — вот что слышится каждому внима́тельному читателю.»

Н. А. Добролюбов.

ДЕЙСТВИЕ II, ЯВЛЕНИЕ XII.

Те же, Пелагея Егоровна, Анна Ивановна, Гуслин, гости, гостьи и прислуга.

Люби́м Ка́рпыч. Послушайте, люди добрые! Обижа́ют Любима Торцо́ва, го́нят вон. А чем я не гость? За что меня гонят? Я не чисто одет, так у меня на со́вести чисто. Я бедных не гра́бил, чужого ве́ку не заеда́л. Жены ре́в-

ностью не замýчил... Меня гонят, а он первый гость, его в передний угол сажáют. Что же, ничего, ему другую жену дадут: брат за него дочь отдаёт! Ха, ха, ха. *(Хохóчет трагически).*

Кóршунов *(вскáкивает).* Не верьте ему, он врёт, он это по злóбе на меня говорит, спьяну.

Любим Карпыч. Что за злóба! Я тебе давно простúл. Я человек маленький, червяк ползýщий, ничтóжество из ничтожеств! Ты другим-то зла не делай.

Гордей Карпыч *(прислуге).* Уведúте его!

Любим Карпыч *(поднимая один палец квéрху).* Сс... Не трóгать! Хорошо тому на свете жить, у кого нету стыдá в глазах!.. О, люди, люди! Любим Торцов пьяница, а лучше вас! Вот теперь я сам пойду. *(Обращаясь к толпе).* Шире дорогу — Любим Торцов идёт! *(Уходит и тóтчас возвращается).* Изверг естествá. *(Уходит.)*

Коршунов *(принуждённо хохóчет).* Так этакой-то у тебя порядок в доме! Этакие ты моды завёл: у тебя пьяные гостей обижáют! Хе, хе, хе. Я, говорит, в Москву поеду, меня здесь не понимают. В Москве-то уж такие дураки повывелись, там смеются над ними. Зятюшка, зятюшка! Хе, хе, хе! Любéзный тéстюшка! Нет, шалúшь, я дáром себя обúдеть не позволю. Нет, ты теперь приди-ка ко мне, да поклáняйся, чтоб я дочь-то твою взял.

Гордей Карпыч. Я к тебе пойду кланяться?

Коршунов. Пойдёшь, я тебя знаю, тебе нужно свадьбу сделать, хоть в петлю лезть, да только б весь город удивúть, а женихóв-то нет. Вот несчастье-то твоё! Хе, хе, хе...

Гордей Карпыч. Опосля этого, когда ты такие слова говоришь, я сам тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого вздýмается, за того и отдам. С деньгами, что я за ней дам, всякий человек будет...

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Те же и Митя.

Митя *(обращáясь к толпé)*. Что такое за шум-с?

Гордéй Карпыч. Еот за Митьку отдам.

Митя. Чего-с?

Гордей Карпыч. Молчи! Да... за Митьку отдам, завтра же. Да такую свадьбу задáм, что ты и не вúдывал: из Москвы музыкáнтов вы́пишу, один в четырёх каретах поеду.

Коршунов. Посмотрим, посмотрим. Придёшь прощéнья просить, придёшь! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Те же без Коршунова.

Пелагéя Егóровна. За кого, Гордéй Карпыч, ты сказал?

Гордей Карпыч. За Митьку... Да! Ишь развáжничался! Точно я хуже его! Пойдёшь кланяться! Врёт он, не пойду клáняться! На зло ему, за Митрия отдам.

Митя *(берёт Любовь Гордеевну за́ руку и подходит к Гордею Карпычу.)* Зачем же на зло, Гордей Карпыч? Со злом такого дела не делают. Мне на зло не нáдобно-с. Лучше уж я всю жизнь буду мýчиться. Колú есть ваша такая мúлость, так уж вы благословúте нас, как слéдует, — по-родительски, с любовью. Как любим мы друг друга, и даже до этого случаю хотели вам повинúться... А уж я вам, вместо сына, то-есть, завсегда всей душой-с.

Гордей Карпыч. Что, что всей душой? Ты уж и рад слýчаю! Да как ты смел подумать-то? Что она, рóвня что ль тебе? С кем ты говоришь, вспомни!

Митя. Я óченно хорошо знаю, что вы мой хозяин и что

я по бедности своей не могу быть им ро́вней; но впрочем судите, как хотите, я весь тут-с: — я вашу дочку полюбил душою-с.

Все удивлены.

Входит Любим Карпыч и стано́вится в толпе.

ЯВЛЕНИЕ XV.

Те же и Любим Карпыч.

Гордей Карпыч. Как, чай, не любить! У тебя гу́ба-то не ду́ра! За ней ведь денег много, так тебе го́лому-то на голодные зубы хорошо.

Митя. Для меня столь оби́дно от вас это слышать, что я не имею сло́ва-с. Лучше молчать *(Отходит.)* Извольте, Любовь Гордеевна, вы говорить-с.

Любовь Гордеевна. Я, тя́тенька, вашей воле не пере́чила! Коли хотите вы моего счастия — отдайте меня за Митю.

Пелагея Егоровна. Что это и в самом деле, Гордей Карпыч, капри́зничаешь... да! Что в самом-то деле! Я было уж обра́довалась, наси́лу-то от сердца отлегло́, а ты опять за своё. Уж говори что-нибудь одно, а то что это такое... право. То скажешь — за одного, то за другого. Что она тебе, на мыта́рство, что ли, досталась?

Любим Карпыч *(из толпы)*. Брат, отдай Любушку за Митю.

Гордей Карпыч. Ты опять здесь? Да ты понимаешь ли, что ты со мной нынче сделал? Ты меня оконфу́зил на весь город! Кабы́ ты чувствовал это, ты бы не смел и на глаза-то мне показываться, а ты ещё с сове́тами ле́зешь. Уж пускай бы говорил человек, да не ты.

Любим Карпыч. Да ты поклони́сь Любиму Торцову в ноги, что он тебя оконфузил-то.

Пелагея Егоровна. Именно, Любимушка, надо тебе в ноги поклони́ться... да... именно. Снял ты с нашей души́ грех великий, не замоли́ть бы его нам.

Гордей Карпыч. Что ж, я и́зверг что ли какой в своём семействе?

Пелагея Егоровна. Изверг не изверг, а погуби́л бы дочь-то из-за своей глу́пости... Да! Я тебе от простоты́ моей скажу. Отдают за стариков-то и не Африка́ну Са́вичу чета́, да и то горе мы́чут.

Любим Карпыч. Пустите меня! *(Поёт)*. Трум-ту-тум, трум-ту-тум! *(Пля́шет)*. Посмотри на меня, вот тебе пример — Любим Торцов перед тобой живой стоит. Он по этой дороже ходил — знает, какова́ она! И я был богат и сла́вен, в каре́тах ездил, такие шту́ки выки́дывал, что тебе и в голову не придёт, а потом верхним концом да вниз. Вот погляди́, каков я франт!

Гордей Карпыч. Ты мне что ни говори, я тебя слушать не хочу, ты мне враг на всю жизнь.

Любим Карпыч. Человек ты или зверь? Пожале́й ты и Любима Торцова *(стано́вится на коле́ни)*. Брат, отдай Любушку за Митю — он мне угол даст. Наза́бся уж я, наголода́лся. Лета́ мои прошли, тяжело уж мне пая́сничать на моро́зе-то из-за куска хлеба; хоть под старость-то да честно пожить. Ведь я народ обма́нывал: просил ми́лостыню, а сам пропивал. Мне работи́шку дадут; у меня будет свой горшо́к щей. Тогда-то я бога заблагодарю́. Брат! И моя слеза́ до неба дойдёт! Что он беден-то! — Эх, кабы я беден был, я бы человек был. Бедность не поро́к.

Пелагея Егоровна. Гордей Карпыч, неужели в тебе чувства нет?

Гордей Карпыч *(утирает слезу́)*. А вы и в самом деле думали, что нет? *(Поднимает брата)*. Ну, брат, спасибо, что на ум наста́вил, а то было свихну́лся совсем. Не

знаю, как и в голову вошла такая гнила́я фантазия. *(Обнимает Митю и Любовь Гордеевну).* Ну, дети, скажите спасибо дяде Люби́му Карпычу да живите счастли́во.

Задание.

I. Выучите наизусть слова Н. А. Добролюбова об А. Н. Островском.
II. Читайте данный отрывок выразительно по ролям.
III. Объясните выражения:
1. «от сердца отлегло»,
2. «у меня будет свой горшок щей».
IV. Расскажите данный отрывок.

43. Тарас Шевченко.
(1814—1861.)

На высоком гори́стом берегу Днепра́, на Украи́не, стоит па́мятник: это могила Тара́са Шевче́нко — великого укра́инского поэта-революционе́ра.

Тарас Григорьевич Шевченко был крепостны́м крестьянином богатого украинского помещика Энгельгардта. Тарас родился в 1814 г. Девяти лет о́троду он лиши́лся матери. Отец его умер на ба́рщине. Сам Тарас был пастухо́м, а пятнадцати лет был взят в «казачки́» — в услужение к барину.

Тарас замечательно рисовал. Ему очень хотелось учиться, а приходилось набивать трубку табаком, чистить сапоги, исполнять все барские при́хоти.

Самоду́р-помещик отдал его учиться маля́рному делу. Замечательный русский художник, профессор Академии художеств Бры́ллов и знаменитый поэт Жуковский обратили внимание на талант Шевченко. Они решили помочь ему поступить в Академию худо́жеств; но Тарасу Шев-

ченко, как крепостно́му, была закры́та туда дорога. Нужно было получить во́льную для него.

Профессор академии, художник Венециа́нов, поехал для перегово́ров к Энгельгардту. Когда художник заговорил об освобождении Шевченко, Энгельгардт сказал гру́бо:

— При чём здесь филантро́пия? Деньги, и больше ничего.

И назначил две тысячи пятьсот рублей за вы́куп «своего» художника.

Так как таких денег не́ было, то Брюллов написал портрет Жуковского, а этот портрет разыгра́ли в частной лотере́е. Так получили нужную сумму денег. Шевченко был выкуплен у помещика.

Шевченко поступил в Академию художеств и сделался художником. В это время у него открылся другой талант: он стал писать стихи.

В своих замечательных стихах — «ду́мах» — Шевченко рассказывал про го́рькую до́лю украинского крестьянства, про тяжёлую жизнь украинцев под царской властью. И про свои смелые мечты́ — мечты об освобождении родной Украи́ны — открыто говорил в своих стихах Шевченко. Весь украинский народ с восто́ргом пел и слушал его «Ду́мы». За свои революционные стихи Шевченко был аресто́ван царской властью, его судили и сослали на 10 лет в солдаты. На приго́воре поэту царь Николай I написал своей рукой: «Под строжа́йший надзо́р, с запреще́нием писать и рисовать.»

Десять лет должен был работать поэт укра́дкой, пря́тать в сапоги отрывки стихов, тверди́ть их на память. Но он остался ве́рен своему народу.

Умер Тарас Шевченко в 1861 году. За много лет до смерти поэт писал:

Как умру — похороните
На Украйне милой.
Пусть курга́н в степи широкой
Будет мне моги́лой.
Положите так, чтоб видел
Я луга и кру́чи,
Чтобы слышал, как волнами
Днепр ревёт могучий...

Воля поэта испо́лнилась не сразу. Сперва он был похоро́нен в Петербурге, и только через много лет дано было разрешение перевезти его тело на Украину.

И к могиле Шевченко стека́лись людски́е то́лпы. Она стала си́мволом объедине́ния передовы́х народных сил Украины.

Имя Шевченко и после его смерти вызывало страх и не́нависть царского правительства: даже через много лет, уже в 1914 году, последний царь Николай II запрети́л украинцам праздновать столетнюю годовщи́ну со дня рождения своего великого поэта.

Теперь у нас в СССР дружной, вольной семьёй живут народы. Мы одина́ково це́ним и изучаем произведения великих художников всех национальностей.

...И меня в семье великой,
В братстве вольном, новом
Помяну́ть не позабудьте
Добрым, тихим словом.

Эти строки имеют в наши дни громадное значение. «В братстве вольном, новом», в стране победи́вшего социализма, имя Тараса Григорьевича Шевченко произно́сится с глубоким уваже́нием.

Шевченко был первым мировы́м поэтом украинского народа и значение его выходит далеко за преде́лы Украины. Жизнь и творчество Шевченко — это борьба за прекрасное будущее, в котором не станет «ни холо́па, ни пана».

Задание. Расскажите по плану:

1. Детство Тараса Шевченко.
2. Шевченко — художник.
3. Выкуп Шевченко из крепостной невóли.
4. Шевченко — поэт.
5. Гоне́ние Шевченко царской властью.
6. Как це́нятся у нас теперь художники, писатели, поэты всех национальностей?

44. Жница.

Т. Ше́вченко.

Она на барском поле жа́ла —
И ти́хо побрела́ к снопа́м.
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребёнка там.
В тени́ лежал и плакал он.
Она его распелена́ла —
Кормила, ня́нчила, ласкала —
И незаметно впала в сон.
И снится ей, житьём довольный,
Её Иван ... Приго́ж, богат,
На вольной, кажется, жена́т —
И потому, что сам уж вольный ...
Они с лицом весёлым жнут
На поле собственном пшени́цу;
А детки им обед несут ...
И тихо улыбнулась жни́ца.

Но тут проснулась . . . Тя́жко ей!
И, спелена́в малю́тку быстро,
Взялась за серп, — дожа́ть скорей
Уро́чный сноп свой до бурми́стра.

Перевод А. Плещеева.

Задание.

1. О каких мечтах народа говорит нам сон крестьянки? Когда сбылись эти мечты?
2. Какими словами рисуется тяжесть подневольного труда жницы?

45. Иван Сергеевич Тургенев.

(1818—1863.)

Имя Тургенева занимает почётное место в истории русской литературы. Он является автором рассказов и романов, в которых широко́ пока́зана русская жизнь 40—70-х годов XIX века. Важнейшие из произведений Тургенева: «Запи́ски охотника», романы «Ру́дин», «Дворя́нское гнездо́», «Накану́не», «Отцы и дети».

У Тургенева была уже с детства страсть к чтению, любовь к родно́му языку. В барском доме Тургеневых был при́нят французский язык и поэтому неудиви́тельно, что русскому языку, которым с таким мастерство́м владел писатель, он научился впервы́е у крестьян. Не кто иной как крепостной слуга́ первый заинтересовал его произведениями русской литературы. Они потихо́ньку уносили из библиотеки толстые старинные русские книги и уходили в сад читать, чтобы им никто не помешал. И через много лет, уже в старости, Тургенев с благодарностью вспомина́л своего первого учителя русской литературы.

В 1827 г. вся семья Тургеневых переехала из деревни в Москву. В Москве И. С. Тургенев получил среднее и университетское образование. После этого Тургенев учился ещё в Берлинском университете.

Верну́вшись в Россию, Тургенев стано́вится — по желанию матери — чиновником канцеля́рии министе́рства внутренних дел.

В то же время он начинает серьёзно заниматься литературой.

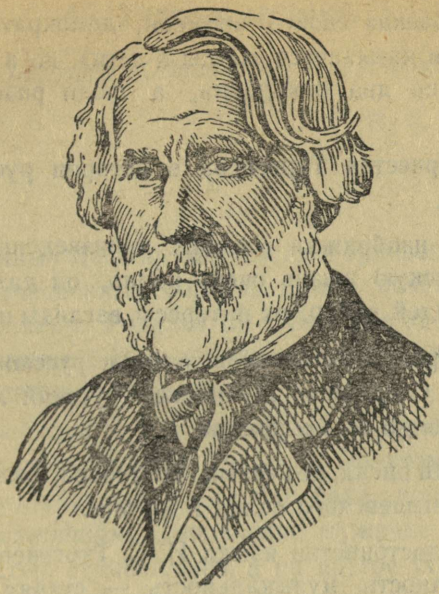
Весной 1843 г. появляется его поэма «Пара́ша». Великий русский кри́тик Белинский встретил эту поэму с восто́ргом. Тургенев сближа́ется с Белинским. Молодой писатель часто часами сидел у великого критика за беседой на литературные и общественно-политические темы.

В первом номере журнала «Современник» за 1847 год появился рассказ Тургенева «Хорь и Кали́ныч» — первый из ци́кла рассказов «Записки охотника». Именно этот рассказ положил начало славе Тургенева.

Вско́ре после появления в печати рассказа «Хорь и Калиныч» Тургенев уехал за границу. Тургенев считал, что, уехав из России, он сможет сильнее напа́сть на своего врага. «Враг этот, — писал Тургенев, — имел определённый образ, носил известное имя: враг этот был — крепостно́е право».

Уже вернувшись в Россию, в 1852 г., по по́воду смерти Гоголя Тургенев написал некроло́г. В Петербурге напечатать эту статью было запрещено́: правительство желало, чтобы смерть Гоголя прошла незаме́тной, чтобы его имя было забыто. В Москве как-то эта статья была напечатана. Тургенев был аресто́ван. В аре́стном доме он написал «Муму́» — новое произведение против крепостного права.

Через месяц после аре́ста Тургенев был выслан в своё имение Спа́сское-Луто́виново под надзо́р полиции. Друзьям



писателя удало́сь получить для него после долгих хлопо́т разрешение на прожива́ние в столицах.

50-ые годы — особо плодотво́рное время в творчестве Тургенева: в 1855 году он пишет свой роман «Рудин»; в 1858 г. появляется второй роман Тургенева «Дворянское гнездо»; осенью 1859 г. Тургенев зако́нчил третий роман «Наканý не». Появление каждого из этих романов являлось обще́ственным собы́тием. По по́воду романа «Накануне» молодой критик Добролюбов написал статью «Когда же наста́нет настоящий день?», в которой резко критикова́л Тургенева.

Тургенев не принял критики и ушёл из «Современника».

В 1861 г. был закончен Тургеневым роман «Отцы и дети». В своём новом романе И. С. Тургенев изобрази́л

«нового человека» своего времени, демократа-разночи́нца. Хотя роман и называется «Отцы и дети», но в нём противопоста́влены не два поколе́ния, а люди разных мировоззре́ний...

Роль творчества Тургенева в истории русской литературы велика.

Тургенев изображал в своих произведениях современную ему русскую жизнь очень по́лно, он дал нам образы типи́чных людей эпо́хи, их интересы, взгля́ды и о́браз жизни.

Огро́мна роль Тургенева в истории русского литературного языка. Со́зданный Пушкиным русский литературный язык он довёл до совершёнства.

В. И. Ленин писал, что «язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского велик и могуч».

Высокие досто́инства языка И. С. Тургенева — ясность, простота́, то́чность, музыка́льность — ставят перед молодёжью Эстонской ССР задачу — изучать язык Тургенева, уметь читать его произведения на русском языке.

Задание.

I. Ответьте на вопросы:

1. Какие произведения написал Тургенев? Что вы читали из его произведений?
2. Какова роль Тургенева в истории русской литературы и русского языка?

II. Выучите наизусть слова В. И. Ленина о языке Тургенева.

III. Расскажите биографию И. С. Тургенева.

46. Учитель музыки.

(Из рассказа «Однодво́рец Овся́ников».)

И. С. Тургенев.

I.

Франц Иваныч Лежёнь, мой сосед и орловский помещик, не совсем обыкновенным образом дости́г почётного звания русского дворянина. Родился он в Орлеане от французских родителей и вместе с Наполеоном отправился на завоева́ние России в ка́честве бараба́нщика.

Сначала всё шло как по маслу, и наш француз вошёл в Москву с по́днятой головой. Но на возвратном пути бедный Лежень, полузамёрзший и без бараба́на, попался в руки смоле́нским мужичка́м. Смоленские мужички за́перли его на́ ночь в пустую сукнова́льню, а на другое утро привели к про́руби, возле плоти́ны, и начали предлагать ему подво́дное путешествие вниз по течению изви́листой речки Гнилотёрки и уже стали поощря́ть его лёгкими толчка́ми в шейные и спинны́е позвонки́, как вдруг, к неопи́санной радости Леженя, раздался звук колокольчика, и на плоти́ну въехали огромные сани с пестре́йшим ковром на преувели́ченно возвы́шенном задке́, запряжённые тройкой савра́сых вя́ток. В саня́х сидел толстый и румя́ный помещик в во́лчьей шубе.

— Что вы там такое делаете? — спросил он мужиков.

— А француза топим, батюшка.

— А, а! — с укори́зной заговорила волчья шуба: — с двуна́десятью язык на Россию шёл, Москву сжёг, окая́нный, крест с Ивана Великого стащил, а теперь — мусьё, мусьё! а теперь и хвост поджа́л! Поделом во́ру и му́ка . . . Пошёл, Филька-а!

Лошади тро́нулись.

— А, впро́чем, стой! — прибавил помещик . . . — Эй, ты, мусьё, умеешь ты музыке? На фортепиано играть умеешь?

Лежень с трудом по́нял, чего добива́ется помещик, и утверди́тельно закива́л головой. Он сказал, что играет на всевозможных инструме́нтах.

— Ну, сча́стлив твой бог, — возрази́л помещик . . . — Ребята, отпустите его; вот вам двугри́венный на водку.

— Спасибо, батюшка, спасибо. Извольте, возьмите его.

II.

Леженя посадили в сани. Он задыха́лся от радости, плака́л, дрожа́л, кла́нялся, благодарил помещика, кучера, мужиков. На нём была одна зелёная фуфа́йка с розовыми ле́нтами, а мороз треща́л на сла́ву. Помещик мо́лча глянул на его посине́вшие и окоченёлые чле́ны, заверну́л несчастного в свою шубу и привёз его домой.

Дво́рня сбежа́лась. Француза на́скоро отогре́ли, накормили и одели. Помещик повёл его к своим дочеря́м.

— Вот, дети, — сказал он им: — учитель вам сы́скан. Вы всё приста́вали ко мне: выучи-де нас музыке и французскому диалекту, — вот вам и француз, и на фортепианах играет . . . Ну, мусьё, — продолжал он, указывая на дрянны́е фортепианишки.

Лежень с замира́ющим сердцем сел на стул: он о́т роду и не касался фортепиан.

С отча́янием ударил бедня́к по кла́вишам, словно по барабану, заиграл, как попало . . . «Я так думал», — рассказывал он потом, — «что мой спаситель схва́тит меня за во́рот и выбросит вон и́з дому». Но к крайнему изумле́нию невольного импровиза́тора, помещик, погоди́ немного, одобри́тельно потрепа́л его по плечу: «Хорошо, хорошо», — промо́лвил он, «вижу, что знаешь. Поди́ теперь, отдохни».

Недели через две от этого помещика Лежень переехал к другому, человеку богатому и образо́ванному, полюби́лся ему за весёлый и кро́ткий нрав, женился на его воспи́танице, поступи́л на службу, вышел в дворяне, выдал свою дочь за орло́вского помещика Лобыза́ньева, отставно́го драгуна́ и стихотво́рца, и пересели́лся сам на жи́тельство в Орёл.

Задание. Расскажите содержание отрывка по плану:

1. Происхожде́ние (päritolu) помещика Леженя.
2. Лежень и смоленские мужики у проруби.
3. Волчья шуба.
4. Освобождение пленного как «музыканта».
5. Лежень в доме помещика.
6. «По клавишам, словно по барабану . . .»
7. Дальнейшая судьба пленного барабанщика.

47. Побег Герасима.

(Отрывок из «Муму».)

И. С. Тургенев.

. . . По Т . . . у шоссе усе́рдно и безостано́вочно шага́л како́й-то велика́н, с мешко́м за плеча́ми и с длинной па́лкой в руках. Это был Гера́сим. Он спеши́л без огля́дки, спешил к себе в деревню, на родину. Утопи́в бедную Муму, он прибежал в свою каморку, прово́рно уложил кой-какие пожи́тки в старую попо́ну, связа́л её узло́м, взвали́л на плечи, да и был тако́в. Дорогу он хорошо заметил ещё тогда, когда его везли в Москву; деревня, из которой барыня его взяла, лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шёл по нём с какой-то несокруши́мой отва́гой, с отча́янной и вместе ра́достной реши́мостью. Он шёл; широко распах-

нулась его грудь; глаза жа́дно и прямо устреми́лись вперёд. Он торопился, как будто мать-старушка ждала́ его на родине, как будто она звала́ его к себе после долгого стра́нствования на чужой стороне, в чужих людях... Только что наступи́вшая летняя ночь была тиха́ и тепла́; с одной стороны, там, где солнце закати́лось, край неба ещё белел и слабо румя́нился последним о́тблеском исчеза́вшего дня, — с другой стороны уже вздыма́лся синий, седо́й су́мрак. Ночь шла оттуда. Перепела́ со́тнями греме́ли кругом, вза́пуски перекликали́сь коросте́ли... Герасим не мог их слышать, не мог он слышать также чу́ткого ночного шуше́ванья деревьев, мимо которых его пронесли сильные его ноги: но он чувствовал знакомый запах поспева́ющей ржи, которым так и ве́яло с тёмных полей, чувствовал, как ветер, летевший к нему навстречу, — ветер с родины — ласково ударя́л в его лицо, играл в его волосах и бороде́; видел перед собой беле́ющую дорогу, — дорогу домой, — прямо́ю, как стрела́; видел в небе несчётные звёзды, свети́вшие на его пути, и, как лев, выступал сильно и бо́дро, так что, когда восходя́щее солнце озари́ло своими вла́жно-красными луча́ми только что расходи́вшегося мо́лодца, между Москвой и им легло́ уже тридцать пять вёрст...

А в Москве, на другой день после побе́га Герасима, хвати́лись его. Пошли в его каморку, обша́рили её, сказали Гавриле. Тот пришёл, посмотрел, пожа́л плечами и решил, что немо́й либо побежал, либо уто́п вместе со своей глупой собакой. Дали знать поли́ции, доложи́ли барыне. Барыня разгне́валась, расплакалась, велела отыска́ть его во что бы то ни стало, уверяла, что она никогда не прика́зывала уничто́жить собаку, и, наконец, такой дала нагоня́й Гавриле, что тот целый день только потря́хивал головой да приговаривал: «Ну!» — пока дядя Хвост его не урезо́нил, сказав ему: «Ну-у!»

Наконец, пришло известие из деревни о прибы́тии туда Герасима. Барыня несколько успоко́илась: сперва́ было отдала́ приказание немедленно вы́требовать его назад в Москву, потом, однако, объявила, что такой неблагода́рный человек ей во́все не ну́жен.

И живёт до сих пор Герасим бобылём в своей одино́кой избе́; здоров и могу́ч попрежнему и работает за четверы́х попрежнему, и попрежнему важен и степе́нен.

48. Отцы и дети.

(Отрывок.)

И. С. Тургенев.

I.

Жизнь в Ма́рьине текла своим порядком. База́ров работал. Все в доме привы́кли к нему, к его небре́жным мане́рам, к его немногосло́жным и отры́вочным речам. Павел Петрович Кирса́нов всеми силами души своей возненави́дел База́рова: он считал его гордецо́м, наха́лом, ци́ником, плебе́ем: он подозрева́л, что Базаров не уважа́ет его, что он едва́ ли не презира́ет его — его, Павла Кирсанова! Николай Петрович поба́ивался молодого «нигили́ста» и сомнева́лся в пользе его влияния на Аркадия. Но он охо́тно его слушал, охотно прису́тствовал при его физических и химических о́пытах. Базаров привёз с собою микроскоп и по целым часам с ним вози́лся. Слу́ги также привяза́лись к нему, хотя он над ними подтру́нивал: они чувствовали, что он всё-таки свой брат, не барин. Дуняша охотно с ним хихи́кала и и́скоса, значительно посматривала на него; дворо́вые маль-чи́шки бегали за «до́хтуром», как собачо́нки. — Базаров вставал очень рано и отправля́лся версты́ за́ две, за́ три, не

гулять — он прогу́лок без цели терпе́ть не мог — а собирать тра́вы, насеко́мых. Иногда он брал с собой Аркадия. На возвратном пути у них обыкновенно завя́зывался спор, и Аркадий обыкновенно оставался побеждённым, хотя́ говорил больше своего товарища.

Однажды они как-то долго заме́шкались; Николай Петрович вышел к ним навстречу в сад и, поравня́вшись с бесе́дкой, вдруг услышал быстрые шаги́ и голоса обоих молодых людей. Они шли по ту сторону беседки и не могли его видеть.

— Ты отца недоста́точно знаешь, — говорил Аркадий.

Николай Петрович притаи́лся.

— Твой отец — добрый ма́лый, — промолвил Базаров, — но он человек отставно́й, его пе́сенка спе́та.

Николай Петрович приник ухом... Аркадий ничего не отвечал.

«Отставно́й человек» постоя́л минуты две неподви́жно и медленно поплёлся домой.

— Третьего дня, я смотрю, он Пушкина читает, — продолжал между тем Базаров. — Растолку́й ему, пожалуйста, что это никуда не годится. Ведь он не мальчик: пора бро́сить эту ерунду́. И охота же быть романтиком в ны́нешнее время! Дай ему что-нибудь де́льное почитать.

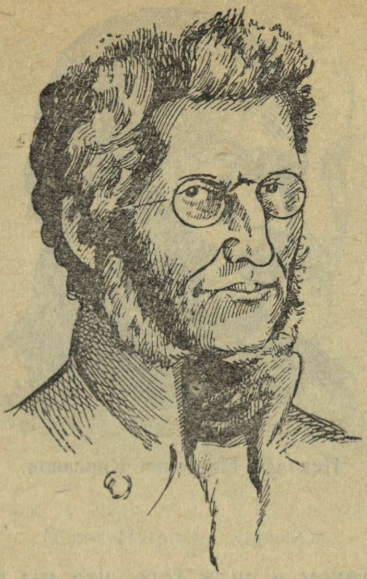
— Что бы ему дать? — спросил Аркадий.

— Да я думаю Бю́хнерово «Stoff und Kraft» на первый случай.

— Я сам так думаю, — заметил одобри́тельно Аркадий. — «Stoff und Kraft» напи́сано популярным языком.

*

— Аристократи́зм, либерализм, прогресс, при́нципы, — говорил между тем Базаров: — подумаешь, сколько иностра́нных... и бесполе́зных слов! Русскому человеку они да́ром не нужны́.



Базаров.

— Что́ же ему нужно, по-вашему? Послушать вас, так мы находимся вне челове́чества, вне его зако́нов. Помилуйте — логика истории требует...

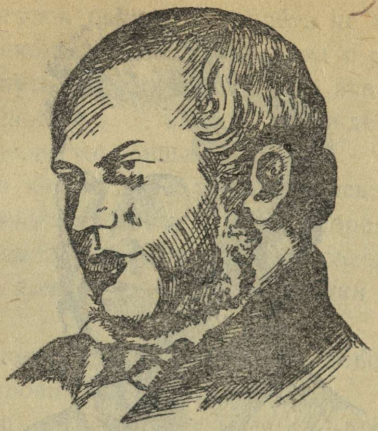
— Да на что нам эта логика? Мы и без неё обхо́димся.

— Как так?

— Да так же. Вы, я наде́юсь, не нужда́етесь в логике для того, чтобы положить себе кусок хлеба в рот, когда вы голо́дны. — Павел Петрович взмахну́л руками.

— Я вас не понимаю после этого. Вы оскорбля́ете русский народ. Я не понимаю, как можно не признава́ть при́нципов, правил? В силу чего же вы де́йствуете?

— Я уже говорил вам, дядюшка, что мы не признаём авторите́тов, — вмеша́лся Аркадий.



Николай Петрович Кирсанов.

— Мы действуем в силу того, что мы при́знаём полезным, — промо́лвил Базаров. — В тепе́решнее время полезнее всего отрица́ть — мы отрицаем.

— Всё?

— Всё.

— Как? не только иску́сство, поэзию, но и . . . страшно вы́молвить . . .

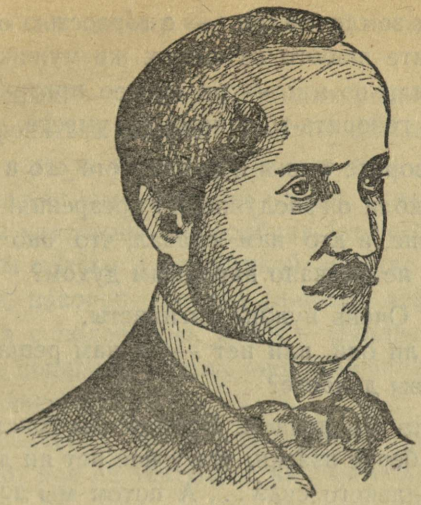
— Всё, — с невырази́мым споко́йствием повторил Базаров.

Павел Петрович уста́вился на него. Он этого не ожидал, а Аркадий даже покраснел от удово́льствия.

— Одна́ко позвольте, — заговорил Николай Петрович. — Вы всё отрица́ете, или выража́ясь точне́е, вы всё разруша́ете . . . Да ведь надобно же и строить.

— Это уже не наше дело . . . Сперва нужно место расчи́стить.

— Нет, нет! — воскликнул Павел Петрович, — я не



Павел Петрович Кирсанов.

хочу верить, что вы, господа́, точно знаете русский народ, что вы представи́тели его потре́бностей, его стремле́ний! Нет, русский народ не такой, каким вы его вообража́ете. Он свя́то чтит преда́ния, он — патриарха́льный, он не может жить без ве́ры . . .

— И всё-таки это ничего не дока́зывает.

— Как ничего не доказывает? Стало быть, вы идёте против своего народа?

— А хоть бы и так? — воскликнул Базаров. — Народ полага́ет, что когда гром греми́т, это Илья проро́к по не́бу разъезжает. Что ж? Мне соглаша́ться с ним? Да прито́м — он русский, а разве я сам не русский?

— Нет, вы не русский после всего, что вы сейчас сказали!

— Мой дед землю паха́л, — с го́рдостью отвечал Базаров. — Спросите любо́го из ваших же мужиков, в ком из нас — в вас или во мне — он скорее признаёт сооте́чественника. Вы и говорить-то с ними не умеете.

— А вы говорите с ним и презира́ете его в то же время.

— Что ж, коли он заслу́живает презре́ния! Вы отрица́ете моё направле́ние, а кто вам сказал, что оно во мне случайно, что оно не вы́звано народным ду́хом?

— Как же! Очень нужны́ нигилисты.

— Нужны ли они, или нет — не нам решать.

— Что же вы делаете?

— А вот что мы делаем. Прежде мы говорили, что чиновники наши берут взя́тки, что у нас нет ни дорог, ни торго́вли, ни правильного суда́... А потом мы догада́лись, что болта́ть, всё только болтать о наших я́звах не сто́ит труда; мы увидели, что мы занимаемся вздо́ром, толку́ем о каком-то искусстве, о парламентари́зме и чорт знает о чём, когда дело идёт о насу́щном хлебе, когда грубе́йшее суеве́рие нас ду́шит, когда самая свобода, о которой хлопо́чет правительство, едва ли пойдёт нам впрок, потому что мужик наш рад самого́ себя обокра́сть, чтобы только напи́ться дурма́ну в кабаке́.

Павел Петрович слегка́ прищу́рился.

— Так вот как! — промо́лвил он странно спокойным голосом. — Нигилизм всему горю помочь должен, и вы, вы наши избавители и герои. Так. Не так же ли вы болта́ете, как и все?

— Чем другим, а этим грехо́м не грешны́, — произнёс сквозь зубы Базаров.

— Так что ж? Вы действуете, что ли? Собира́етесь действовать? Гм! .. Действовать, ломать ... — продолжал он. — Но как же это лома́ть, не зная даже почему?

— Мы ломаем, потому что мы сила, — заме́тил Аркадий.

— Несчастный! — Павел Петрович реши́тельно не́ был в состоянии крепи́ться долее. — Сила! И в диком калмыке́, и в монго́ле есть сила — да на что нам она? Нам дорога́ цивилизация, нам до́роги её плоды́. И не говорите мне, что эти плоды ничто́жны. Вы вообража́ете себя передовы́ми людьми́, а вам только в калмы́цкой кибитке сидеть! Сила! Да вспомните, наконец, господа сильные, что вас всего четыре человека с половиною, а тех — миллионы, которые не позво́лят вам попира́ть ногами свои свяще́нные ве́рования, которые разда́вят вас!

— Коли раздавят, туда и дорога, — промо́лвил Базаров. — Только нас не так мало, как вы полага́ете.

— Как? Вы не шутя́ думаете сла́дить, сладить с целым народом?

— От копе́ечной свечи́, вы знаете, Москва сгоре́ла, — ответил Базаров.

Задание.

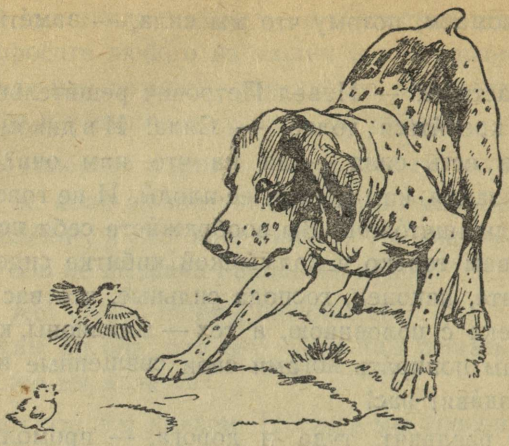
I. В каком году был написан роман Тургенева «Отцы и дети»? Кого изображал автор в этом романе?

II. Составьте план и расскажите содержание данного отрывка.

III. Объясните выражение «его пе́сенка спета» и слова Базарова «От копе́ечной свечи Москва сгорела».

IV. Напишите характеристику Базарова по плану:

1. Как относились к Базарову Павел Петрович, Николай Петрович и дворо́вые?
2. Взгляды Базарова на литературу, искусство, науку, на русскую жизнь.



49. Воробей.

И. С. Тургенев.

Я возвраща́лся с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежа́ла впереди́ меня. Вдруг она уме́ньшила свои́ шаги́ и начала́ кра́сться, как бы зачу́яв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья́, с желтизно́й около клю́ва и пу́хом на голове. Он упал из гнезда́ (ветер сильно кача́л берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспо́мощно растопы́рив едва́ прораста́вшие кры́лышки.

Моя собака медленно приближа́лась к нему, как вдруг, сорва́вшись с бли́зкого дерева, старый черногру́дый воробе́й камнем упал перед самой её мо́рдой — и весь взъеро́шенный, искажённый, с отча́янным и жа́лким пи́ском пры́гнул раза два в направлении зуба́стой, раскры́той пасти.

Он ки́нулся спасать, он заслони́л собою своё де́тище... но всё его маленькое тело трепета́ло от у́жаса, голосок оди́ча́л и охри́п, он замирал, он же́ртвовал собою.

Каким громадным чудóвищем должна была ему казаться собака!

И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопáсной ветке... Сила, сильнée его воли, сбрóсила его оттуда.

Мой Трезóр остановился, попя́тился. Видно, и он призна́л эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса — и удали́лся...

Задание.

1. Расскажите, как старый воробей му́жественно защищал молодого воробья. Сила какого чувства заставила его же́ртвовать собою?
2. Почему Трезор попя́тился назад?
3. Расскажите, что вы ещё читали о любви животных к своим детёнышам.
4. Выучите наизусть стихотворение в прозе «Воробей».

50. Николай Алексеевич Некрасов.

(1821—1877.)

На берегу Волги, недалекó от города Ярослáвля, находится небольшая деревня Грешнёво. Давно, около 100 лет назад, рядом с деревней стоял двухэтажный деревянный серый дом, окружённый тёмным тени́стым садом. В этом доме провёл своё детство великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов.

Детство Некрасова было невесёлое. Отец Некрасова был гру́бый, жесто́кий помещик. Он был жесток не только с крестьянами, но и со своей женой, матерью Некрасова. Некрасов очень любил и жале́л мать, боя́лся и ненави́дел де́спота-отца.

На примере родной семьи Некрасов рано увидел, что

значит деспотизм и жестокость. И ему стало понятно, как должны были страдать крепостные под гнётом помещика — его отца, что должны были переживать они, когда их подвергали унизительному телесному наказанию. Ему стали понятнее и те картины, которые он мог наблюдать из окон своего дома. Перед самым домом шла почтовая дорога, по которой проходили, звеня кандалами, партии каторжан, перегоняемых в Сибирь.

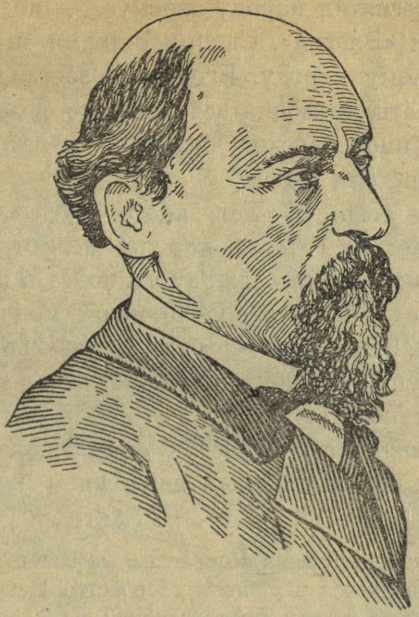
Вдоль берега Волги в те времена шли бурлаки. Запряжённые в лямки, они тянули вверх по реке баржи с товарами. Работа была тяжёлая, изнурительная. Вид этих бурлаков и их горькие жалобы на свою жизнь навсегда остались в памяти Некрасова. И уже в эти годы он мечтал о том, чтобы помочь народу избавиться от рабства.

Когда Некрасову пошёл одиннадцатый год, его отдали в Ярославскую гимназию. Гимназии Некрасов не окончил: отец отправил его в Петербург в военное училище. Но Некрасов хотел получить литературное образование, и против воли отца он поступил в университет. Тогда отец лишил его всякой помощи.

Некрасов не пал духом, — характер у него был упорный, настойчивый. Работал он много: писал для газет и журналов статьи, пьесы и рассказы, давал уроки.

В 1840 г. Некрасов издал свои юношеские стихи. Успеха они не имели.

В 1845 году Некрасов написал стихотворение «В дороге». Это был простой, правдивый и печальный рассказ крепостного крестьянина о его горькой жизни. Это стихотворение Некрасов прочёл великому русскому критику Белинскому. Когда Некрасов кончил читать, Белинский обнял его и сказал чуть не со слезами на глазах: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?» Теперь Некрасов понял, о чём он должен писать. И он стал писать в своих



стихах об ужа́сной судьбе́ крепостного крестьянина, о голо́дной, ни́щенской жизни бедноты́ в городе, о тяжёлой до́ле простой русской женщины. Некрасов писал в своих стихах с такой силой о народном го́ре, как никто до него не писал об этом. Он стал любимым поэтом молодёжи.

Вместе с другими передовы́ми людьми́ того времени — Белинским, Чернышевским, Добролюбовым, Салтыко́вым-Щедрины́м — Некрасов издаёт журналы «Современник» и «Отечественные записки».

Верши́на творчества Некрасова — поэма «Кому на Руси жить хорошо». Над этой поэмой Некрасов работал 13 лет. С большой силой и правдой показал поэт в этом произведении характер, привы́чки, взгля́ды, наде́жды русского народа своего времени.

«Я ли́ру посвяти́л народу своему», — писал Некрасов в стихотворении «Элегия». Своими стихами он действи́тельно служил русскому народу. Его стихи заставля́ли и заставляют негодова́ть, возмуща́ться тем, что в царской России помещики, купцы, царские чиновники и сам царь гра́били и жесто́ко угнета́ли народ.

Некрасову было 57 лет, когда мучи́тельная болезнь свела́ его в моги́лу. Масса народа, несмотря на сильный мороз, пришла проводи́ть любимого поэта в последний путь. Особенно много было революционной молодёжи в толпе провожа́вших. Революционеры взяли с собой ору́жие, чтобы в случае нападе́ния полиции защища́ть свой вено́к и своего ора́тора Плеха́нова.

Так по́хороны Некрасова ещё раз подчеркну́ли кро́вную связь поэта с революционным движением русского народа.

Задание.

I. Какие произведения Некрасова вы знаете? Какое произведение является вершиной творчества Некрасова и что показал поэт в этом произведении?

II. Составьте план и расскажите по плану биографию Некрасова.

51. Школьник.

(Отрывок.)

Н. А. Некрасов.

— Ну, пошёл же, ради бога!
Небо, е́льник и песок —
Невесёлая дорога . . .
Эй! садись ко мне, дружок! —

Ноги бо́сы, гря́зно те́ло,
И едва́ прикры́та грудь . . .
Не стыди́ся! что за дело?
Это многих сла́вных путь.

Вижу я в котóмке книжку.
Так, учиться ты идёшь...
Знаю, бáтька на сынúшку
Издержáл последний грош.

Знаю, старая дьячúха
Отдалá четвертачóк,
Что проéзжая купчúха
Подарила на чаёк.

Или, может, ты дворóвый
Из отпýщенных?.. Ну, что ж!
Слýчай тоже уж не новый —
Не робéй, не пропадёшь!

Скоро сам узнáешь в школе,
Как архáнгельский мужúк
По своей и бóжьей вóле
Стал разýмен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезёт в Москву,
Будешь в университéте —
Сон свершúтся наявý!

Задание.

Расскажите о советском школьнике, о заботе советского правительства и нашей партии об образовáнии в нашей стране.

52. Мужичок с ноготок.

(Из стихотворения «Крестьянские дети».)

Н. А. Некрасов.

Одна́жды, в студёную зи́мнюю по́ру,
Я и́з лесу вы́шел; был сильный моро́з.
Гляжу́, поднимается медленно в гору
Лошадка, везу́щая хво́росту воз.
И, ше́ствуя ва́жно, в споко́йствии чи́нном,
Лошадку ведёт под уздцы́ мужичок

В больших сапогах, в полушу́бке овчи́нном,
В больших рукави́цах... а сам с ногото́к!
— Здоро́во, парни́ще! — «Ступа́й себе мимо!»
— Уж больно ты гро́зен, как я погляжу́!
Откуда дрови́шки? — «Из лесу, вести́мо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу́».
(В лесу раздава́лся топо́р дровосе́ка.)
— А что, у отца-то большая семья? —
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— Так вон оно что! А как звать тебя? —
«Власом».
— А кой тебе годик? — «Шестой минова́л...
Ну, мёртвая!» крикнул малю́точка басом,
Рвану́л под уздцы́ и быстрей зашага́л.

Задание.

I. Ответьте на вопросы:

1. Как идёт мальчик, как он говорит? Во что он одет?
2. Почему на приве́тствие автора мальчик отвечает: «Ступай себе мимо»?
3. Как он сам себя называет? Что он хочет этим показать?
4. Почему крестьянский мальчик на́зван «мужичок с ноготок»?
5. Что нравится вам в мальчике?

II. Отметьте:

а) выражение шестилетнего мальчика, считающего себя взро́слым;
б) ласка́тельно-уменьши́тельные слова, пока́зывающие отношение автора к мальчику.

III. Выучите наизусть отрывок «Мужичок с ноготок» и прочтите его в лицах.

53. Славная осень.

(Отрывок из стихотворения «Железная дорога».)

Н. А. Некрасов.

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух уста́лые силы бодри́т;
Лёд неокре́пший на речке студёной
Словно как та́ющий сахар лежит;

Около леса, как в мя́гкой постели,
Вы́спаться можно — покой и просто́р. —
Листья поблёкнуть ещё не успели,
Жёлты и све́жи лежат, как ковёр.

Славная осень! Моро́зные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобра́зья в приро́де! И ко́чи,
И моховы́е болота и пни —

Всё хорошо под сия́нием лу́нным,
Всюду роди́мую Русь узнаю́...
Быстро лечу́ я по рельсам чугу́нным,
Думаю думу свою ...

Задание.

Расскажите или напишите на тему «Золота́я осень». Нарисуйте картинки к своему рассказу.

54. Рубка леса.

(Из поэмы «Саша».)

Н. А. Некрасов.

Плакала Саша, как лес вырубáли,
Ей и теперь его жáлко до слёз.
Сколько тут было кудрявых берёз!
Там из-за старой нахмýренной ели
Красные грóзди калúны глядéли,
Там поднимался дубóк молодой.
Птицы царúли в вершине лесной,
Пóнизу всякие звери таúлись.
Вдруг мужики с топорами явились —
Лес зазвенéл, застонáл, затрещáл.
Зáяц послушал — и вон побежал,
В тёмную нóру забúлась лисúца,
Машет крылóм осторóжнее птица,
В недоуменье тащат муравьú,
Что ни попало, в жилúща свои.
С песнями труд человека спорúлся:
Словно подкóшен, осúнник валúлся,
С трéском ломали сухóй березняк,
Кóрчили с кóрнем упóрный дубняк,
Старую сосну сперва подрубáли,
После аркáном её нагибáли
И, повалúвши, плясáли на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотнéй ...

Задание.

I. Какие две основны́е картины рисует поэт в этом стихотворении?

II. Вы́делите строки, рисующие лес до ру́бки.

III. Найдите и объясните выражения о различных деревьях, которые росли в лесу.

IV. Найдите строки, где описывается рубка леса и испу́г (ehmatus, hirm) его постоя́нных жи́телей.

55. Есть женщины в русских селеньях...

(Отрывок из поэмы «Мороз, красный нос».)

Н. А. Некрасов.

... Есть женщины в русских селе́ньях
С спокойною ва́жностью лиц,
С краси́вою силой в движе́ньях,
С похо́дкой, со взгля́дом цари́ц, —

Их разве слепо́й не заме́тит,
А зря́чий о них говорит:
«Пройдёт — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублём подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идёт,
Но грязь обстано́вки убо́гой
К ним сло́вно не ли́пнет. Цветёт

Краса́вица, миру на ди́во,
Румя́на, стройна́, высока́,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка́.

И голод, и холод выносит,
Всегда терпели́ва, ровна́...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна́!

По бу́дням не любит безде́лья.
Зато вам её не узнать,
Как сго́нит улыбка весе́лья
С лица трудовую печать.

Такого серде́чного смеха
И песни, и пля́ски такой
За деньги не купишь. — «Уте́ха!»
Твердя́т мужики меж собой.

В игре её конный не словит,
В беде — не сробе́ет, — спасёт;
Коня на скаку остановит,
В горя́щую избу взойдёт!

В ней ясно и крепко сознанье,
Что всё их спасенье в труде,
И труд ей несёт воздая́нье:
Семе́йство не бьётся в нужде.

Всегда у них тёплая ха́та,
Хлеб вы́печен, вкусен квасо́к,
Здоровы и сы́ты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Задание.

I. Какие черты́ русской женщины подчёркивает автор в данном отрывке поэмы?
С какой целью даёт он эту характеристику?

II. Объясните следующие выражения:
1. «С походкой, со взглядом цариц . . .»
2. «Пройдёт — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублём подарит!»
3. «Грязь обстановки убогой к ним словно не липнет . . .»
4. «Что взмах — то готова копна!»
5. «. . . сгонит улыбка веселья с лица трудовую печать.»

III. Выучите выразительно читать данный отрывок поэмы.

56. Гриша Добросклонов.

(Из поэмы «Кому на Руси́ жить хорошо».)

Н. А. Некрасов.

У Гриши — кость широкая.
Но сильно исхуда́лое
Лицо — их не дока́рмливал
Хапу́га-эконо́м.

Григорий в семинарии
В час но́чи просыпа́ется
И уж потом до солнышка
Не спит — ждёт жадно си́тника,
Который выдавался им
Со сби́тнем по утрам.

Как ни бедна вахла́чина,
Они в ней отъеда́лися,
Спасибо Вла́су-крёстному
И про́чим мужикам!
Платили им моло́дчики,
По мере сил, работою.
По их дели́шкам хло́поты
Справляли в городу́.

Дьячок хвали́лся детками,
А чем они пита́ются
И думать позабыл.
Он сам был вечно голоден,
Весь тра́тился на по́иски,
Где выпить, где поесть.
И был он нрава лёгкого,

А будь иного, вряд ли бы
И до́жил до седи́н.
Его хозяйка До́мнушка
Была куда забо́тлива,
Зато и долгове́чности
Бог не́ дал ей. Поко́йница
Всю жизнь о соли думала:
Нет хлеба — у кого-нибудь
Попросит, а за соль
Дать надо деньги чи́стые,
А их во всей вахлачине,
Сгоня́емой на ба́рщину,
Не гу́сто! Благо хле́бушком
Вахла́к делился с Домною.
Давно в земле истле́ли бы
Её родные деточки,
Не будь рука вахла́цкая
Щедра́, чем бог послал.

Батрачка безотве́тная
На каждого, кто чем-нибудь
Помог ей в чёрный день,
Всю жизнь о соли думала,
О соли пела Домнушка,
Стира́ла ли, косила ли,
Баю́кала ли Гри́шеньку,
Любимого сынка́.

Как сжа́лось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спели песню Домнину.
(Прозва́л её «Солёною»,
Нахо́дчивый вахлак.)

Солёная.

Никто как бог!
Не ест, не пьёт
Меньшóй сынок,
Гляди — умрёт!

Дала кусок,
Дала другой —
Не ест, кричит:
«Посы́пь сольцóй!»

А соли нет,
Хоть бы щепóть!
«Посыпь мукой»,
Шепну́л господь.

Раз-два кусну́л,
Скриви́л роток:
«Соли́ ещё!»
Кричит сынок.

Опять мукой...
А на кусок
Слеза́ рекой!
Пое́л сынок!

Хва́лилась мать —
Сынка спасла...
Знать, солона́
Слеза́ была!..

*

Запомнил Гриша песенку
И голосом моли́твенным
Тихонько в семина́рии,
Где было тёмно, холодно,
Угрю́мо, стро́го, голодно,
Певал — тужи́л о матушке
И обо всей вахла́чине,
Корми́лице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлачине
Слила́сь — и лет пятнадцати
Григорий твёрдо знал уже,
Что будет жить для счастия
Уби́того и тёмного
Родного уголка́.

Задание.

I. Читайте выразительно данный отрывок из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

II. Расскажите на тему «Гриша Добросклóнов» по плану:

1. Портрет Гриши Добросклонова.
2. Как жили отец и мать Гриши.
3. Заботы матери и её песня «Солёная».
4. Гриша в семинарии.
5. Мысли Гриши о своём будущем.

II.

ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

1. Смерть Чапаева.

(Сказка.)

В не́котором царстве, в некотором госуда́рстве, а именно в том, в котором мы живём, жил-был крестьянин. Звали его Иваном. И было у него трое детей. Старшего звали тоже Иваном, сре́днего — Петро́м, а младшего — Василием.

Жили они очень бе́дно, не имели своих лову́шек на зве́ря и посу́дины, на которой выезжа́ют рыбу лови́ть.

И вот крестьянин Иван жил, жил и так бедняко́м и по́мер.

Осталась вдова́ с детьми́. А когда вы́росли дети, случилась война. Старших сынове́й забра́ли на войну, остался с матерью младший — Василий. А потом и ему пришла о́чередь на войну итти. Всех тогда брали поголо́вно. Распроста́лся Василий с матерью и отправился на войну. И осталась мать одна-одинёшенька.

Вот идёт Василий по деревне. А жила́ тут недалеко́ его тётка, ма́терина сестра. И он думает:

— Дай зайду к тётушке, прощу́сь, может, и не верну́сь с войны.

Зашёл.

— Здравствуй, тётка!

— Здравствуй, здравствуй, племя́нник! Куда идёшь?

— Да вот, тётушка, на войну надо итти. Старшие братья уже воюют; ну и мне прихо́дится.

Она ему и говорит:

— Слушай, племя́нник! Дам я тебе кольцо́. Это кольцо у мнея от му́жа осталось. Принёс он кольцо с туре́цкой войны. И в этом кольце такая волше́бная сила, что никака́я пу́ля тебя не возьмёт, никакой меч не посечёт. А де́йствовать кольцо будет только на су́ше, а уж на воде́ си́ла у него слабе́ет, — это хорошенько запо́мни.

Поблагодари́л Василий тётку за кольцо, попроща́лся и пошёл дальше. Вот пришёл он на призы́в и стал тут обуча́ться вое́нному де́йствию. И так он быстро вы́учился и так был силён да умён, что сра́зу пошёл он на войну, и никака́я пу́ля его в боя́х не брала́.

Прослужил он на войне три года, а когда стала советская власть, приехал Васи́лий Ива́нович домой. А кроме него никто́ из братьев не верну́лся. Бра́тьев уби́ли на войне. По́жил Василий Иванович немного дома, а потом заду́мал жени́ться. Взял он из своей деревни у бедного крестьянина дочку, сыгра́ли сва́дьбу. И стал Василий Иванович жить со своей жёной. А через некоторое время, через год там или два, родило́сь у них дво́е дете́й.

Прослы́шал однажды Василий Иванович, что задумали генералы уничто́жить советскую власть, а вместо неё свою утверди́ть. Оби́дно стало Василию Ивановичу, что поги́бнет весь трудово́й народ. Подумал Василий Иванович и реши́л: «Лучше я ещё раз пойду на войну, а уж не дам поги́бнуть своей родине!»

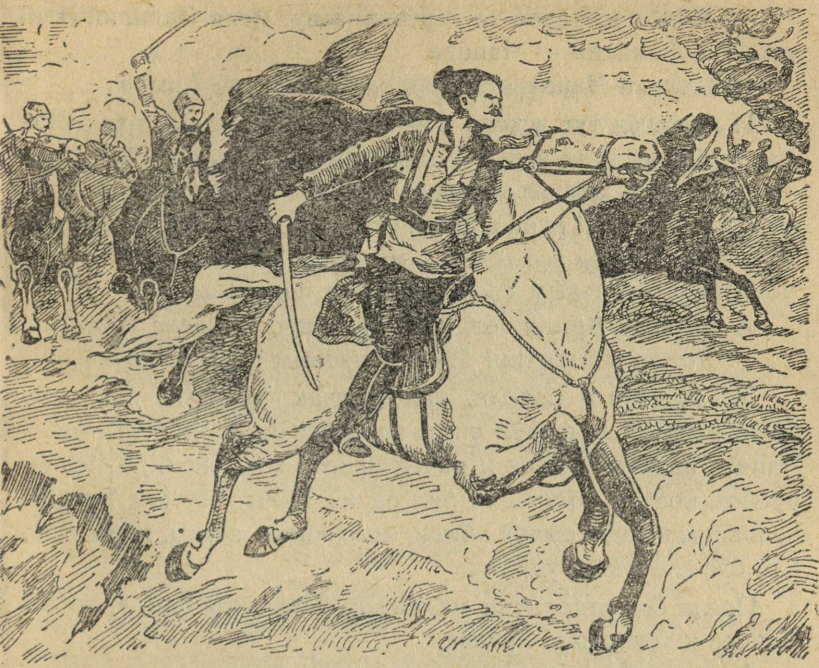
И говорит своей матери:

— Ну, маменька роди́мая! Пойду я защища́ть власть советскую.

Говори́т ему мать со слеза́ми:

— Было у меня три сына, остался ты один. И тебе придётся го́лову сложи́ть, коль пойдёшь второй раз на войну.

— Нет, мать, — говорит он, — я пойду́! Если умру́, не оста́вь ты моих малых де́точек.



Распрости́лся он с матерью и с женой, оседла́л своего коня́ и поехал в Кра́сную Армию.

Приезжа́ет он в войска́ советские, к красным командирам, поклони́лся и говорит:

— Здравствуйте, красные командиры советские! Хочу служить в Красной Армии, хочу помочь своей родине, хочу Колчака́ с Дени́киным прогна́ть, чтобы трудовой народ освободить.

Командиры говорят:

— Здравствуй, мо́лодец! А кто ты есть такой? Какая твоя фамилия?

— Есть я из такой-то деревни, зовут меня Василий Иванович, а фамилия — Чапа́ев.

И сделали Чапаева командиром Красной Армии.

И подошёл тут вскоре бой крова́вый. Вскочи́л тогда Чапаев на коня и на неприятеля бро́сился. На́чал он бить, как траву́ коси́ть, колчако́вичей и дени́кинцев, шесть часов подряд бил и мечо́м руби́л, и копьём коло́л, из нага́на стреля́л. И всё поле было усе́яно тела́ми. Колчак не удержа́лся и убежал с остальны́м своим войском подальше.

А Красной Армии солдаты стали про Чапаева говорить:

— Вот это командир! Мы с Чапаевым куды́ хошь пойдём!

Не прошло и недели, как Колчак собра́л в два раза больше войска и пошёл опять на Красную Армию. Вскочи́л Чапаев на своего коня и начал врагов жесто́ко бить, мечо́м руби́ть, копьём колоть. И бил он их целые су́тки. Больше полови́ны колчако́вичей убили, кого в плен взяли, а сам Колчак е́ле-еле успе́л удра́ть.

После боя отдохну́ли мале́нько, поели, попи́ли. И пошёл Чапаев к товарищу Фру́нзе.

Фрунзе ему и говорит:

— Ну, Чапай, молодой герой! Даю теперь тебе це́лую армию, чтоб совсе́м Колчака доби́ть. Он опять войска набира́ет.

Вот пошёл Чапаев со своей армией к реке́ Белой. И расположил он свои войска́ у одной деревни, а где колчако́вичи нахо́дятся, он не знает. Надо во что́ бы то ни ста́ло узнать: где штаб Колчака́? Вот и говорит Чапаев своей армии:

— А что, ребята, кто поедет со мной на вы́лазку?

Ну, много, поня́тно, итти с ним вы́звалось, он отобра́л там человек пятьдесят или, может, сто, и поехали. А уж дело шло к вечеру. И встреча́ют они по дороге одну женщину.

— Эй, тётка, куда идёшь?

— Иду, командир, прове́дать мужа своего в Красную

Армию, да сби́лась с пути́, голодна́. Иду вторые сутки, не знаю, куда и попаду́.

— Ну, пойдём, тётка, мы тебя накормим.

Приказал Чапаев взять её с собой и накормить. Вот идёт она с ними. А женщина эта была поля́чка, и послал её Колчак шпионкой. Но Чапаев об этом ничего не знал.

И вот доехали до одной деревни. А деревня как раз на берегу реки́ Белой стояла. Мужики и рассказали, где колчако́вичи стоят: недалеко́ за лесом, вёрст так с деся́ток будет. Василий Иванович и говорит:

Значит, так, ребя́та: ночу́ем здесь, раз уж ночь нас заста́ла, а утром пойдём за своей армией.

Расположи́л Чапаев посты́, а сам стал на о́тдых. Засну́ли все, и Василий Иванович усну́л, только один карау́л остался стоять.

А поля́чка не спит, дожида́ется, как Чапаев усну́л, — и скорей к Колчаку́. Прибежала и рассказала, где Чапаев стоит, и что главного во́йска с ним нету. Колчак обра́довался и даёт приказ своим генералам: «Поймать Чапаева живо́го или мёртвого».

Собрали генералы свои войска́ и окружи́ли Чапаева с трёх сторон. Сняли посты́ и в ночную по́ру, когда спал Василий Иванович кре́пким сном, напа́ли на чапа́евцев.

Вскочи́л тут Чапаев, закрича́л:

— Вставай, ребята! Изме́на!

Ну, чего говорить: их, может, там сотня и была — не больше, а колчаковичей тьму нагна́ли. Красные в и́збах де́ржатся, отстре́ливаются, к себе не подпуска́ют. А уж патро́нов совсем мало оста́лось. И даёт тогда Чапаев такой прика́з:

— Бегите, ребята, к ре́чке, тут нам не прорва́ться. А за реко́й войско наше бли́зко, опять на Колчака́ пойдём.

Ки́нулись чапаевцы через ре́ку. Увидал Колчак, что красные к реке́ бро́сились, кричит своим генералам:

— Не давай переходи́ть! Стреля́й, что есть си́лы! А то нам всем живы́м не́ быть, если Чапаев вы́рвется!

Колчаковичи пулемёт поверну́ли и давай пали́ть. Долго плыл Василий Иванович, а потом его в ру́ку ранило (на воде кольцо уж не действовало). Только он всё равно не переста́л плыть. Кругом стреляют, много тогда красных положили. Колчак всё кричит:

— Добива́й Чапа́я, чтоб он не перебра́лся! Стреля́й по нему по одному!

Вот и второ́й раз пуля попа́ла, покры́ла вода его го́лову. Тут Василий Чапаев и утону́л. А уж недалеко был от бе́рега, и красное войско шло на подмо́гу ...

Уда́рили красные на колчаковичей и деникинцев, разбили их на́голову и прогна́ли с советской земли.

Просла́вился Василий Иванович, по прозва́нию Чапаев. Почита́ют его по всей нашей земле.

2. Спящая царевна.

(Сказка.)

По В. А. Жуковскому.

Много лет жил добрый царь Матве́й со своей женой. Детей у них не́ было.

Однажды царица го́рько плакала на зелёном берегу́ ручья́. К ней подпо́лз рак, который сказал ей, что в эту ночь у неё роди́тся дочь.

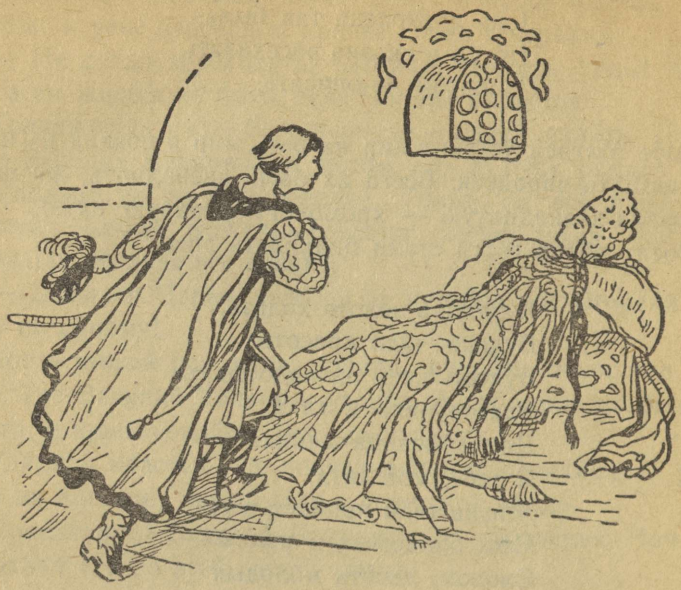
Он, конечно, был проро́к,
Что сказал, сбыло́сь в срок:
Дочь царица родила́.

Дочь прекрасна́ так была́,
Что ни в сказке рассказа́ть,
Ни пером не описа́ть.

Царь Матвей устро́ил пир на весь мир и позва́л на него одиннадцать чародéек. Всего́ их было двенадцать, но царь не позва́л двенадцатую — хромоно́гую, ста́рую, злу́ю.

После обеда гости стали одаривать дочь.

Будешь в зо́лоте ходить;
Будешь чу́до красоты́;
Будешь всем на радость ты
Благонравна и тиха;
Дам краса́вца-жениха́
Я тебе, моё дитя;
Жизнь твоя пройдёт шутя́,
Меж знакомых и родных . . .
Словом, десять молодых
Чародéек, одарив
Так дитя наперерыв,
Удали́лись; в свой черёд
И последняя идёт;
Но ещё она сказать
Не успе́ла слова — глядь!
А незва́нная стоит
Над царе́вной и ворчи́т:
«На пиру́ я не была,
Но пода́рок принесла́:
На шестнадцатом году
Повстреча́ешь ты беду́:
В этом возрасте своём
Руку ты веретено́м
Оцара́паешь, мой свет,
И умрёшь во цве́те лет!»



Сказав это, ведьма ушла.

Одиннадцатая же чародейка сказала, что царевна будет спать триста лет. Когда пройдёт этот срок, царевна оживёт, будет жить долго и вместе с детьми будет ра́довать своих родителей.

Царь, чтобы спасти́ дочь, запрети́л се́ять в царстве лён, запретил прясть.

Царь жил споко́йно. Дочери его испо́лнилось пятнадцать лет.

Однажды царь с царицею пошли гулять, дочку они не взяли с собой. Ей стало скучно, она пошла осматривать дворе́ц. Она обхо́дит ряд комнат, в одной из них видит стару́шку, которая прядёт; та даёт царевне веретено́, которое ко́лет ей руку. Царевна засыпа́ет...

Когда царь с царицей и сви́той возвраща́ются домой —

они тоже засыпа́ют. Сидят му́хи со́нные, у воро́т собаки. Спит вся окре́стность со дворцо́м.

Проходит триста лет.

Люди знали, что во дворце спит царевна.

Смельчаки́ шли к дворцу, чтобы разбуди́ть царевну, но никто из них не верну́лся домой.

В весе́нний день царский сын приходит в лес около дворца́. К нему подходит старик, который рассказывает ему про царский дворе́ц, про спя́щую царе́вну, про то, как пропада́ли молодые люди, жела́вшие её разбуди́ть.

Царский сын подъезжа́ет ко дворцу, видит спя́щих люде́й, на ступе́ньках крыльца — спя́щих царя́ и царицу.

В комнате он видит спя́щую царевну.

Он души не удержа́л
И её поцелова́л.
Вмиг проснула́сь она,
И за нею вмиг от сна
Поднялóся всё кругом:
Царь, царица, царский дом.
Что ж осталось досказа́ть?
Сва́дьба, пир, и я там был
И вино́ на сва́дьбе пил;
По уса́м вино бежа́ло,
В рот же ка́пли не попа́ло.

Задание.

Расскажите сказку «Спящая царевна» по плану:

1. Какую ошибку сделал царь Матвей, гото́вясь к пи́ру?
2. Как одари́ли чародéйки царевну?
3. Какие ме́ры при́нял царь, чтобы спасти́ дочь?
4. Что случилось с царевной у пря́хи?
5. Каков был дворец во время сна?
6. Что случилось через триста лет?

3. Забавы помещика.

(Из по́вести «Дубро́вский».)

А. С. Пушкин.

На дворе Кири́лы Петровича воспи́тывались обыкнове́нно несколько медвежа́т и составля́ли одну из главных забав покро́вского помещика. В первой своей мо́лодости медвежа́та приводи́мы были ежедне́вно в гости́ную, где Кирила Петрович по це́лым часа́м вози́лся с ними, стра́вливая их с ко́шками и щеня́тами. Возмужа́в, они бывали поса́жены на цепь, в ожида́нии настоя́щей тра́вли. Изредка их выводи́ли перед о́кна ба́рского до́ма и подка́тывали им поро́жнюю ви́нную бо́чку, уты́канную гвозди́ми; медведь обню́хивал её, потом тихо́нько до неё дотра́гивался, коло́л себе ла́пы, осердя́сь, толка́л её сильнее, и сильнее становилась боль. Он входил в соверше́нное бе́шенство, с рёвом броса́лся на бо́чку, пока́мест не отыма́ли у бедного зверя предме́та тще́тной его я́рости. Случалось, что в теле́гу впряга́ли пару медве́дей, во́лею и неволею сажа́ли в неё гостей, и пуска́ли их скака́ть на волю бо́жию. Но лучшею шу́ткою почита́лась у Кирилы Петровича сле́дующая.

Проголода́вшегося медведя запру́т, бывало, в пустой комна́те, привяза́в его верёвкою за кольцо́, ввинченное в сте́ну. Верёвка была длиною почти во всю комнату, так что один только противополо́жный угол мог быть безопа́сным от нападе́ния стра́шного зверя. Приводи́ли обыкнове́нно новичка́ к дверям этой комнаты, нача́янно вта́лкивали его к медведю, двери запира́лись, и несчастную же́ртву оставля́ли наедине́ с косма́тым пусты́нником. Бедный гость, с обо́рванной поло́ю и до кро́ви оцара́панный, скоро отыскивал безопа́сный угол, но принуждён был иногда це́лых три часа стоять, прижа́вшись к стене́, и видеть, как разъярённый зверь в двух шагах от него рева́л, пры́гал, стано-

вился на дыбы́, рва́лся и си́лился до него дотяну́ться... Несколько дней спустя́ после прие́зда учителя, Троеку́ров вспомнил о нём и вознаме́рился угости́ть его в медве́жьей комнате: для сего́, призва́в его однажды утром, повёл его с собою тёмными коридорами; вдруг бокова́я дверь отвори́лась, дво́е слуг вта́лкивают в неё француза и запира́ют её на ключ. Опо́мнившись, учитель увидел привя́занного медведя. Зверь начал фы́ркать, и́здали обню́хивая своего гостя, и вдруг, подня́вшись на за́дние ла́пы, пошёл на него... Француз не смути́лся, не побежал и ждал нападе́ния. Медведь приближа́лся. Дефо́рж вы́нул из кармана маленький пистолет, вложил его в ухо голо́дному зверю и вы́стрелил. Медведь повали́лся. Все сбежа́лись, двери отвори́лись. Кирила Петрович вошёл, изумлённый развя́зкою своей шу́тки.

4. Люблю дорожкою лесною...

А. Майков.

Люблю доро́жкою лесною,
Не зная сам куда, брести́;
Двойно́й глубокой колеёю
Идёшь — и нет конца пути...
Кругом пестре́ет лес зелёный;
Уже румя́нит осень клёны,
А е́льник зе́лен и тени́ст;
Оси́нник жёлтый бьёт трево́гу;
Осыпался с берёзы лист
И, как ковёр, устла́л дорогу...
Идёшь, как будто по водам, —
Нога шумит... а ухо вне́млет
Малейший шо́рох в ча́ще, там,
Где пы́шный па́поротник дре́млет,

А красных мухоморов ряд,
Что ка́рлы ска́зочные спят...
Уж солнца луч ложится ко́со...
Вдали́ прогля́нула река...
На тря́ской ме́льнице колёса
Уже шумя́т издалека́...

5. Обломовщина.

(Отрывок из романа «Обло́мов».)

И. А. Гончаро́в.

Рома́н «Обло́мов» явля́ется главным худо́жественным произведе́нием Ивана Александровича Гончарова. В этом романе автор с большо́й худо́жественной си́лой борется против крепостно́го пра́ва. Крепостно́й строй сделал Обломова неспосо́бным к труду́, так как он привы́к жить за счёт труда́ своих крепостны́х. Такое неуме́ние труди́ться, лень и бесси́лие Гончаров называ́ет словом «обло́мовщина». Иван Александрович Гончаров описа́л это с такой большо́й идейно-худо́жественной силой, что слово «обло́мовщина» стало сино́нимом вся́кого засто́я, стоя́щего на пути́ прогре́сса. Оста́тки «обломовщины» в виде ле́ни оста́лись, к сожале́нию, ещё и в нашей жизни. Об «Обломовых» в нашей жизни учил нас В. И. Ленин, говоря, что их надо мыть, чи́стить, чтобы како́й-нибудь толк вы́шел.

В чём состоя́л идеа́л Обломова, видно из его разгово́ра со Што́льцем.

— Какой же это идеал, но́рма жи́зни?

Обломов не отвеча́л.

— Ну, скажи мне, какую бы ты начерта́л себе жизнь? — продолжа́л спра́шивать Штольц.

— Я уж начерта́л.

— Что ж это такое? Расскажи, пожáлуйста, как?

— Как? — сказал Обломов, перевёртываясь нá спину и глядя в потолок. — Да как! Уехал бы в дерéвню.

— Что ж тебе мешáет?

— План не кóнчен. Потом я бы уехал не один, а с женой...

— А! Вот что! Ну, с бóгом. Чего же ты ждёшь, ещё года три-четыре, никто за тебя не пойдёт...

— Что делать, не судьба! — сказал Обломов, вздохнýв.— Состоя́ние не позволя́ет.

— Помúлуй, а Облóмовка? Трúста душ!

— Так что ж? Чем тут жить, с женой?

— Вдвоём чем жить?

— А дети пойдýт?

— Детей воспитáешь, сами достáнут; умей напрáвить их так...

— Нет, что из дворя́н сделать мастеровы́х! — сýхо перебúл Обломов. — Да и кроме детей, где же вдвоём? Это только так говорúтся, с женой вдвоём, а в самом деле, только женúлся, тут наползёт к тебе каких-то баб в дом... Как же прокормúть с тремя стами душ такой пансион?

— Ну хорошо; пусть тебе подарúли бы ещё триста тысяч, что б ты сделал? — спрáшивал Штольц с любопы́тством.

— Ну, приéхал бы я в новый, покойно устрóенный дом... В окрéстности жили бы добрые сосéди, ты, например... Да нет, ты не усидишь на одном месте...

— А ты разве усидел бы всегдá? Никудá бы не поехал?

— Ни за что!

— Зачем же хлопóчут строить везде желéзные дорóги, парохóды, если идеал жизни — сидеть на месте? Подадúмка, Илья, проект, чтоб остановúлись, мы ведь не поедем.

— И без нас много, мало ли управля́ющих, прика́зчиков,

купцо́в, чино́вников, пра́здных путеше́ственников, у которых нет угла? Пусть ездят себе!

— А ты кто же?

Обломов молча́л.

— К какому же разряду о́бщества причисля́ешь ты себя?

— Спроси́ Захара, — сказал Обломов.

Штольц буква́льно исполнил жела́ние Обломова.

Пришёл Захар, с сонными глаза́ми.

— Кто это такой лежи́т? — спросил Штольц.

Захар вдруг просну́лся и стороно́й, подозри́тельно взгляну́л на Штольца, потом на Обломова.

— Как кто? Разве вы не ви́дите?

— Не вижу, — сказал Штольц.

— Что за дико́вина? Это барин Илья Ильич.

Он усмехну́лся.

— Хорошо, ступай.

— Барин! — повтори́л Штольц и закати́лся хо́хотом.

— Ну, джентльмен, — с досадой попра́вил Обломов.

— Нет, нет, ты барин! — продолжа́л с хохотом Штольц.

— Какая же ра́зница? — сказал Обломов. — Джентльмен — такой же барин.

— Джентльмен есть такой барин, — определи́л Штольц, — который сам надевает чулки́ и сам же снимает с себя сапоги́.

— Да, англичанин сам, потому, что у них не очень много слуг, а русский...

— Продолжай же дорисо́вывать мне идеал твоей жизни... Ну, добрые прия́тели вокруг: что же да́льше? Как бы ты проводи́л дни свои?

— Ну вот, встал бы утром, — на́чал Обломов, подкла́дывая руки под заты́лок, и по лицу разлило́сь выраже́ние поко́я: он мы́сленно был уже в дере́вне. — Погода прекра́сная, небо синее-преси́нее, ни одного о́блачка, — гово-

рил он, — одна сторона дома в плане обращена́ у меня балко́ном на восток, к саду, к полям, другая — к деревне. В ожида́нии, пока проснётся жена, я надел бы шлафро́к и походи́л по саду; там уж нашёл бы я садо́вника, поливали бы вместе цветы́, подстрига́ли кусты́, дере́вья. Я составляю букет для жены. Потом иду в ванну или в ре́ку купа́ться, возвраща́юсь — балкон уже отво́рен; жена в блу́зе, в лёгком че́пчике, который чуть-чуть де́ржится, того и гляди слетит с головы́... Она ждёт меня. «Чай готов», — говорит она. Какой поцелу́й! Какой чай! Какое поко́йное кре́сло! Сажусь о́коло стола; на нём сухари, сли́вки, све́жее ма́сло...

— Потом?

— Потом, надев просто́рный сюрту́к или ку́ртку какую-нибудь, обня́в жену за та́лию, углуби́ться с ней в бесконе́чную, тёмную аллею; итти тихо, заду́мчиво, мо́лча или думать вслух, мечтать... и незаме́тно выйти к ре́чке, к полю... Река чуть пле́щет, коло́сья волну́ются от ветерка́, жара́... сесть в ло́дку, жена правит, едва поднима́ет весло́...

— Да ты поэт, Илья! — переби́л Штольц.

— Да, поэт в жизни, потому что жизнь есть поэзия. Вольно́ лю́дям искажа́ть её! Потом можно зайти в оранжере́ю, — продолжа́л Обломов, сам упива́ясь идеалом нарисо́ванного счастья.

— Посмотреть пе́рсики, виногра́д, — говорил он, — сказать, что́ подать к столу, потом вороти́ться, слегка́ поза́втракать и ждать гостей... А тут, то записка к жене от какой-нибудь Марьи Петровны, с книгой, с нотами, то прислали ананас в подарок или у самого в парнике́ созрел чудо́вищный арбуз — пошлёшь до́брому прия́телю, к завтра́шнему обеду, и сам туда отпра́вишься... А на кухне в это время так и кипит; повар в белом, как снег, фа́ртуке и колпаке́, суети́тся; поста́вит одну кастрю́лю, снимет дру-

гую, там помешает, тут начнёт валя́ть тесто, там вы́плеснет воду... ножи так и стучат... крошат зелень... там ве́ртят мороженое... До обеда приятно загляну́ть в кухню, открыть кастрю́лю, поню́хать, посмотреть, как свёртывают пирожки́, сбивают сливки. Потом лечь на куше́тку; жена вслух читает что-нибудь новое; мы остана́вливаемся, спо́рим... Но гости едут, например ты с женой.

— Ба, ты и меня женишь?

— Непреме́нно. Ещё два-три приятеля, всё одни́ и те́ же ли́ца. Начнём вчера́шний неоко́нченный разговор... В глазах собесе́дников увидишь симпа́тию, в шутке искре́нний, незло́бный смех... Всё по душе́! Что в глазах, в словах, то и на се́рдце! После обе́да мо́кка, гава́нна на терра́се...

— Ну, потом?

— Потом, как сва́лит жара́, отпра́вили бы теле́гу с самова́ром, с десе́ртом в берёзовую ро́щу, а не то так в поле, на ско́шенную траву́, разостла́ли бы между стога́ми ковры́ и так блаже́нствовали бы вплоть до окро́шки и бифште́кса. Мужики́ идут с поля, с ко́сами на плечах; там воз с се́ном проползёт, закрыв всю теле́гу и лошадь; вверху́, из ку́чи, торчи́т шапка мужика с цветами да детская голо́вка; там толпа́ босоно́гих баб, с серпа́ми, голося́т... Вдруг зави́дели госпо́д, притихли, низко кла́няются. Одна из них, с загоре́лой ше́ей, с го́лыми локтя́ми, с робко опу́щенными, но лука́выми глаза́ми, чуть-чуть, для виду только, обороня́ется от ба́рской ла́ски, а сама, сча́стлива... тс!.. жена чтоб не уви́дела, боже сохрани́!

И сам Обломов и Штольц покати́лись со́ смеху.

— Скоро в поле, — заключи́л Обломов, — темно; туман, как опроки́нутое море, висит над ро́жью; лошади вздра́гивают плечо́м и бьют копы́тами: пора домо́й. В доме уже засвети́лись огни, на кухне стучат в пя́теро ножей: сковорода́ грибо́в, котле́ты, я́годы... тут му́зыка...

— Расска́зывай!

— Ну, — продолжал Обломов, — что ещё?... Да тут и всё! Гости расхо́дятся по флигеля́м, по павильо́нам; а завтра разбрели́сь: кто уди́ть, кто с ружьём, а кто так, просто, сиди́т себе...

— Про́сто, ничего в рука́х? — спросил Штольц.

— Чего́ тебе надо? Ну, носово́й плато́к, пожалуй. Что ж, тебе не хоте́лось бы так пожить? — спросил Обломов. — А? Это не жизнь?

— И весь век так? — спросил Штольц.

— До седы́х воло́с, до гробово́й доски́. Это жизнь!

— Нет, это не жизнь!

— Как не жизнь? Чего тут нет? Ты поду́май, что ты не увида́л бы ни одного бле́дного, страда́льческого лица, никакой забо́ты, ни одного вопро́са о сена́те, о би́рже, об а́кциях, о докла́дах, о приёме у министра, о чина́х. А всё разговоры по душе́! Тебе никогда не пона́добилось бы переезжа́ть с кварти́ры — уж это одно чего сто́ит! И это не жизнь?

— Это не жизнь! — упря́мо повторил Штольц.

— Что ж это, по-тво́ему?

— Это... (Штольц заду́мался и искал, как назва́ть эту жизнь.) Какая-то... обло́мовщина, — сказал он наконец.

— О-бло-мовщина! — ме́дленно произнёс Илья Ильич, удивля́ясь этому стра́нному сло́ву и разбира́я его по скла́дам. — Об-ло-мов-щина!

Он стра́нно и при́стально гляде́л на Штольца.

— Где же идеал жизни, по-тво́ему? Что ж не обломовщина? — ро́бко спросил он. — Разве не все добива́ются того же, о чём я мечтаю? Поми́луй! — прибавил он смеле́е. — Да цель всей нашей беготни́, страсте́й, во́йн, торго́вли и политики разве не вы́делка поко́я, не стремле́ние к этому идеалу утра́ченного рая?

— И утóпия-то у тебя облóмовская, — возразил Штольц.

— Когда-нибудь перестáнешь же трудúться, — заметил Обломов.

— Никогда не перестану. Для чего?

— Когда удвóишь свои капитáлы, — сказал Обломов.

— Когда учетверю́ их, и тогда не перестану.

— Так из чего же, — заговорил он, помолчáв, — ты бьёшься, если цель твоя не обеспéчить себя навсегдá и удалúться потом на покой, отдохнýть?..

— Деревéнская обломовщина! — сказал Штольц.

— Или достúгнуть слýжбой значéния и положéния в óбществе и потом в почётном бездéйствии наслаждáться заслýженным óтдыхом...

— Петербýргская обломовщина! — возразил Штольц.

— Так когда же жить? — с досáдой на замечáния Штольца возрази́л Обломов. — Для чего же мýчиться весь век?

— Для самогó трудá... Труд — óбраз, содержáние, стихúя и цель жизни, по крайней мере моей. Вон, ты вы́гнал труд из жизни: на что она похóжа?..

Обломов слушал его, глядя на него встревóженными глазами. Друг как будто подстáвил ему зéркало, и он испугáлся, узнав себя.

6. Сердце Данко.

(Из сказки «Старýха Изергúль».)

А. М. Горький.

I.

Жили в старинý одни люди. Были это весёлые, сильные и смéлые люди.

И вот пришла однажды тяжёлая пора: явúлись откуда-то инóые племенá и прогнáли прéжних в глубь лéса. Там

были боло́та и тьма, потому что лес был ста́рый, и лучи солнца едва могли проби́ть себе доро́гу сквозь густую листву́.

Тогда стали пла́кать жёны и дети этого пле́мени, а отцы заду́мались и впали в тоску́. Нужно было уйти из этого леса, и для этого было две дороги: одна — назад, — там были си́льные и злы́е враги́, другая — вперёд, — там стояли велика́ны-дере́вья.

Люди всё сидели и думали... Но ничто не изнуря́ет те́ла и души́ людей так, как изнуряют тоскли́вые ду́мы. И осла́бли люди от дум... Уже хоте́ли итти к врагу́ и принести ему в дар волю свою... Но тут яви́лся Да́нко и спас всех один.

Данко — один из те́х людей, молодо́й краса́вец. Красивые — всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

— Не своротить ка́мня с пути ду́мою. Что мы тра́тим силы на думу и тоску? Встава́йте, пойдём в лес и пройдём его сквозь, ведь имеет же он конец, — всё на свете имеет конец. Идёмте! Ну! Гей!

Посмотре́ли на него и уви́дели, что он лу́чший из всех, потому что в очах его свети́лось много силы и живо́го огня.

— Веди нас! — сказали они.

II.

Повёл их Данко. Дру́жно все пошли́ за ним — ве́рили в него. Тру́дный путь это был... До́лго шли они... Всё гу́ще станови́лся лес, всё ме́ньше было сил. И вот стали ропта́ть на Данко, говоря́, что напра́сно он, молодой, неопытный, повёл их куда-то. А он шёл впереди их и был бодр и я́сен.

Но вот однажды гроза гря́нула над лесом, зашепта́ли

деревья глу́хо и гро́зно. А из тьмы ветве́й смотре́ло на иду-щих что-то стра́шное, тёмное, холо́дное.

Это был трудный путь, и люди, утомлённые им, пали ду́хом. Останови́лись они и под торжеству́ющий шум ле́са, среди дрожа́щей тьмы, стали суди́ть Данко.

— Ты, — сказали они, — ничто́жный и вре́дный человек для нас. Ты повёл нас и утоми́л, и за это ты поги́бнешь.

— Вы сказали: «веди́», — и я повёл! — крикнул Данко, становя́сь против них гру́дью. — Во мне есть му́жество вести́, вот потому я повёл вас. А вы? Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъяри́ли их ещё бо́льше.

— Ты умрёшь, умрёшь, — реве́ли они.

А лес всё гудел, вто́ря их кри́кам... Данко смотре́л на тех, ра́ди которых понёс труд, и ви́дел, что они — как звери... Он люби́л люде́й и думал, что, может быть, без него они поги́бнут.

III.

И вот его сердце вспы́хнуло огнём жела́ния спасти́ их, вы́вести на лёгкий путь...

А лес всё пел свою мра́чную пе́сню, и гром греме́л, и лил дождь...

— Что я сде́лаю для люде́й? — сильне́е гро́ма крикнул Данко.

И вдруг он разорва́л рука́ми себе грудь и вы́рвал из неё своё се́рдце и высоко́ поднял его над голово́й.

Оно пыла́ло так я́рко, как со́лнце, и я́рче солнца, и весь лес замолча́л перед этим фа́келом вели́кой любви к людям.

— Идём! — крикнул Данко и бро́сился вперёд, высоко держа́ горя́щее сердце и освеща́я им путь людям.

Они бро́сились за ним, очаро́ванные. Тогда лес сно́ва зашуме́л, удивлённо кача́я верши́нами, но его шум был за-

глушён то́потом бегу́щих людей. Все бежа́ли бы́стро и сме́ло, увлека́емые чуде́сным зре́лищем горя́щего сердца. И теперь ги́бли, но гибли без жа́лоб и слёз.

А Данко всё был впереди́, и сердце его всё пыла́ло, пылало.

И вот вдруг лес расступи́лся перед ним и оста́лся сзади, пло́тный и немо́й, а Данко и все те люди сра́зу окуну́лись в море солнечного света и чи́стого во́здуха, промы́того дождём. Гроза была там, сза́ди них, над ле́сом, а тут сия́ло солнце, вздыха́ла степь, блесте́ла трава в брильянтах дожде́й, и зо́лотом сверка́ла река́ ... Был ве́чер, и от лучей зака́та река каза́лась кра́сной, как та кровь, что би́ла горя́чей струёй из разо́рванной груди́ Данко.

Ки́нул взор вперёд себя́ на ширь степе́й го́рдый смельча́к Данко, — кинул он ра́достный взор на свобо́дную зе́млю и засмея́лся го́рдо. А потом упал и — умер.

Задание.

1. Расскажите о Данко.
2. Расскажите об известных вам героях, отда́вших свою жизнь за счастье народа, за Советскую Родину.

7. Песня о Буревестнике.

М. Горький.

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем го́рдо ре́ет Буревёстник, чёрной молнии подо́бный.

То крылом волны каса́ясь, то стрело́й взмыва́я к ту́чам, он кричит, и — тучи слышат ра́дость в смелом крике птицы.

В этом крике — жа́жда бу́ри! Силу гне́ва, пла́мя стра́сти и уве́ренность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки сто́нут перед бурей, — сто́нут, ме́чутся над морем и на дно его гото́вы спрятать у́жас свой пред бурей.

И гага́ры тоже стонут, — им, гагарам, недосту́пно наслажде́нье би́твой жизни: гром уда́ров их пуга́ет.

Глу́пый пи́нгвин ро́бко пря́чет тело жи́рное в утёсах... Только гордый Буревестник ре́ет сме́ло и свободно над седы́м от пе́ны морем!

Всё мрачне́й и ни́же тучи опуска́ются над морем, и пою́т, и рву́тся волны к высоте́ навстречу гро́му.

Гром грохо́чет. В пе́не гнева сто́нут волны, с ветром спо́ря. Вот охва́тывает ветер ста́и волн объя́тьем крепким и броса́ет их с разма́ха в дикой зло́бе на утёсы, разбива́я в пыль и бры́зги изумру́дные грома́ды.

Буревестник с криком ре́ет, чёрной молнии подобный, как стрела пронза́ет тучи, пену волн крылом срыва́ет.

Вот он но́сится, как демон, — го́рдый, чёрный демон бури, — и смеётся и рыда́ет... Он над тучами смеётся, он от ра́дости рыдает!

В гневе грома, — чу́ткий демон, — он давно уста́лость слышит, он уве́рен, что не скро́ют тучи солнца, — нет, не скроют!

Ветер во́ет... Гром грохочет...

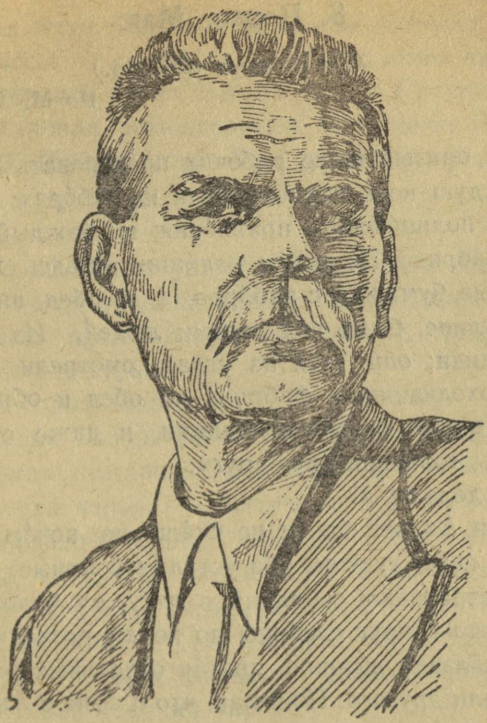
Синим пла́менем пыла́ют стаи туч над бе́здной моря. Море ло́вит стре́лы молний и в своей пучи́не га́сит. Точно о́гненные зме́и вьются, в море исчеза́я, отраже́нья этих молний.

— Буря! Скоро гря́нет бу́ря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над реву́щим гне́вно морем; то кричит проро́к побе́ды:

— Пусть сильнее гря́нет буря!...

«Песня о Буревестнике» была опубликована в 1901 г., когда во многих городах России вспыхнули рабочие демонстрации против правительства — первые предвестники надвигавшейся революции 1905 года.



Задание.

I. Подготовьте выразительное чтение «Песни».

II. 1. Как изменяются по мере нарастания бури эпитеты и метафоры, рисующие море и тучи?

2. Какие эпитеты и сравнения характеризуют Буревестника? Какое значение они имеют для понимания произведения в целом?

3. Кого писатель имеет в виду, рисуя образы других птиц?

4. Какие строки «Песни» звучат прямым революционным призывом?

8. Первое Мая.

(Из романа «Мать».)

По М. Горькому.

Листки́, призыва́вшие рабочих пра́здновать Первое Мая, почти каждую ночь накле́ивались на забо́рах; они были и на дверях полице́йского правле́ния, их каждый день находи́ли на фа́брике. По утра́м поли́ция, руга́ясь, ходила, срыва́я лило́вые бумажки с забо́ров, а в обед они сно́ва лежали на улице, были под ногами людей. Из города приехали сы́щики; они, сто́я на углах, смотрели на рабочих, ве́село проходивших с фабрики на обед и обратно. Всем нра́вилось видеть бессилие полиции, и даже старые рабочие, смеясь, говорили друг другу:

— Что делают, а?

Павел и Андрей почти не спа́ли по ноча́м, приходи́ли домой уже перед гудко́м, оба уста́лые, бле́дные. Мать знала, что они устраивают собрания в лесу, на боло́те; ей было изве́стно, что вокруг слободы́ по ночам разъезжает конная полиция, по́лзают сы́щики, хвата́я отдельных рабочих, аресту́я того или другого. Понимая, что и сына с Андреем тоже могут арестова́ть каждую ночь, она почти жела́ла этого — это было бы лучше для них, каза́лось ей.

... И вот пришёл этот день — Первое Мая.

Гудок заревёл как всегда.

По небу быстро плыли белые и ро́зовые лёгкие облака́, словно больши́е птицы летели.

В окно, ве́село играя, загляну́л ю́ный со́лнечный луч; мать подста́вила ему ру́ку, и когда он, светлый лёг на её руку, другой рукой она тихо погла́дила его, улыбаясь задумчиво.

Второй гудо́к закрича́л ти́ше. Матери показалось, что сегодня он кричит до́льше, чем всегда.

Прибежал Федя Мазин, с красными пя́тнами на щеках.

— Начало́сь! — кричал он. — Народ ле́зет на улицу. У воро́т фабрики всё время Весовщико́в с Гу́севым Ва́сей и Само́йловым стояли, речи говорили. Мно́жество народа верну́лось домой! Идёмте, пора́! Уже десять часов!..

Когда она вы́шла на улицу и услыха́ла в воздухе люде́ские голоса, когда увида́ла везде в окнах домов и у воро́т группы людей, провожа́вших её сына и Андрея взгля́дами, — ей стало стра́шно.

Разда́лся голос Андрея:

— Товарищи! Говорят, на земле ра́зные народы живут— евре́и и немцы, англича́не и тата́ры. А я в это не верю! Есть только два народа — богатые и бедные. Люди разно одеваются и разно говорят, а поглядите, как богатые французы, немцы, англичане обраща́ются с рабочим народом, так и увидите, что все они для рабочего — враги́! А с другой стороны взгля́нем — так увидим, что и француз-рабочий, и татарин, и турок такой же плохой жизнью живут, как и мы, русский рабочий народ!

С улицы всё больше подходило народа.

— Полиция! — кри́кнул кто́-то.

С улицы прямо на людей ехали четыре конных полицейских и кричали:

— Разойди́сь!

Люди, недовольные, уступа́ли дорогу лошадям.

— Посади́ли свине́й на лошадей, а они хрю́кают — вот и мы нача́льники! — кричал чей-то зво́нкий голос.

Андрей остался один посреди́ улицы; на него наступали две лошади. Он отошёл в сто́рону, и в то же время мать, схвати́в его за́ руку, потащила за собой.

— Обеща́л вместе с Па́шей, а сам ле́зет один!

— Винова́т! — сказал Андрей, улыба́ясь.

Заревёл гудо́к.

— Това́рищи! — разда́лся голос Павла, зво́нкий, кре́пкий. Сухой горя́чий тума́н покрыл глаза матери, и она одним движе́нием встала позади́ сына. Все оберну́лись к Павлу, окружа́я его, словно желе́зо магни́т.

Мать смотре́ла в лицо ему и ви́дела только глаза, го́рдые и сме́лые...

— Товарищи! Мы реши́ли откры́то заявить, кто́ мы. Мы поднима́ем сегодня наше знамя, знамя правды, свобо́ды!

Дре́вко, белое и длинное, мелькну́ло в воздухе, и через минуту над лицами людей показа́лось красной птицей широкое полотно́ зна́мени рабочего народа...

— Да здра́вствует рабочий народ! — крикнул он.

Сотни голосов отозва́лись ему гро́мким криком.

— Да здравствуют рабочие люди всех стран! — крикнул Павел. И ты́сячи рабочих отве́тили ему своим кри́ком.

Мать с горя́чей улыбкой на губах шла сзади Мазина и через го́лову его смотре́ла на сына и зна́мя. Вокруг неё мелька́ли ра́достные лица; впереди всех шёл её сын и Андрей. Она слы́шала их голоса́.

— Встава́й, подымайся, рабочий наро́д,
Встава́й на борьбу, люд голо́дный!..

И народ бежал навстре́чу кра́сному знамени, он что-то кричал и кри́ки его гасли в зву́ках песни, — той песни, которую дома пе́ли тише други́х, — на улице она текла ро́вно, прямо, со стра́шной силой.

Задание.

Расскажи́те, как теперь празднуют Первое Мая:

1. в Советском Союзе,
2. в вашей школе.

9. 9-ое января.

(Отрывок.)

По М. Горькому.

I.

...Толпа напоминала тёмный вал океана. Она текла вперёд ме́дленно.

Глаза людей блестели возбуждённо, но они смотре́ли друг на дру́га, точно не ве́ря своему реше́нию, удивля́ясь сами себе́. Слова кружи́лись над толпой, как ма́ленькие, се́рые птицы.

Говорили негро́мко, серьёзно, как бы опра́вдываясь друг перед другом.

— Нет больше возмо́жности терпе́ть, вот почему пошли...

— Без причины народ не тро́нется...

— Разве «он» это не поймёт?..

Больше всего говори́ли о «нём», убежда́ли друг друга, что «он» — до́брый, серде́чный и — всё поймёт... Но в словах, которыми рисова́ли его о́браз, не было кра́сок. Чу́вствовалось, что о «нём» давно — а, может быть, и никогда — не ду́мали серьёзно, не представляли его себе живы́м, реальным лицо́м, не знали, что́ это такое, и даже плохо понима́ли — зачем «он» и что может сде́лать? Но сегодня «он» был нужен, все торопи́лись поня́ть его и, не зная того, который существова́л в действительности, нево́льно создава́ли в воображе́нии своём не́что огро́мное. Велики были наде́жды, они тре́бовали вели́кого для опо́ры своей.

Поро́ю в толпе раздава́лся де́рзкий челове́ческий голос.

— Товарищи! Не обма́нывайте сами себя...

— Мы жела́ем откры́то...

— Ты, брат, молчи́...

— К тому же, — отец Гапо́н...

— Он знает...

Шли осторо́жно, прислу́шиваясь, загля́дывали вперёд, чего-то упрямо иска́ли глаза́ми.

Но, перелива́ясь из улицы в улицу, ма́сса людей бы́стро росла́.

— Мы тоже лю́ди, как ни как...

— Он поймёт, — мы про́сим...

— До́лжен понять!... Не бунту́ем...

— Опять же отец Гапон...

— Това́рищи! Свободу не про́сят...

— Ах, го́споди!..

— Да помоги́ ты, брат!..

— Гони́те его прочь, дья́вола!..

— Отец Гапон лучше знает, как...

— Не надо нам красных фла́гов! — кричал лы́сый человек. Разма́хивая шапкой, он шёл во главе толпы.

— Мы к отцу идём!..

— Не даст в оби́ду!

— Красный цвет — цвет нашей крови, товарищи! — упря́мо звуча́л над толпо́й одино́кий, зво́нкий го́лос.

— Нет силы, которая освободи́т народ, кроме силы самого народа.

— Не надо!..

— Смутья́ны, че́рти!..

— Отец Гапон — с кресто́м, а он — с флагом.

— Молодо́й ещё, но тоже, чтобы кома́ндовать...

II.

Когда толпа вы́лилась из у́лицы на бе́рег реки́ и уви́дела перед собою дли́нную ли́нию солдат, прегражда́вшую ей путь на мост, — людей не останови́ла эта тонкая, серая и́згородь. В фигурах солда́т, чётко обрисо́ванных на голубова́то-светлом фоне широкой реки́, не было ничего угрожа́ющего, они подпры́гивали, согревая озя́бшие ноги, маха́ли руками, толка́ли друг друга. Впереди, за рекой, люди ви́дели тёмный дом — там ждал их «он», царь, хозя́ин этого дома. Вели́кий и си́льный, до́брый и лю́бящий, он не мог, коне́чно, приказать своим солда́там, чтобы они не допуска́ли к нему народ, который его любит и желает говорить с ним о своей нужде́. Ины́е огляну́лись назад, другие отошли́ в сторону, и все стара́лись показать друг другу, что о солдатах — они знают, это не удивля́ет их. Не́которые спокойно погля́дывали на золотого ангела, блесте́вшего высоко в небе над кре́постью, другие улыба́лись. Чей-то голос произнёс:

— Хо́лодно солдатам...

— Н-да-а...

— А надо стоять!

— Солдаты — для поря́дка.

— Споко́йно, ребя́та... Сми́рно!

— Ура, солдаты! — крикнул кто-то.

Офицер в жёлтом башлыке́ на плечах вы́дернул из но́жен са́блю и тоже что-то кричал навстречу толпе, пома́хивая в во́здухе поло́ской ста́ли. Солдаты вста́ли неподви́жно плечо к плечу друг с другом.

— Чего это они? — спросила полная женщина.

Ей не ответили. И всем, как-то вдруг, стало тру́дно итти.

— Назад! — донёсся крик офице́ра.

Не́сколько человек оглянýлось — позади их стояла плóтная масса тел. Не́сколько человек вы́шло вперёд и, взма́хивая белыми платка́ми, пошли навстре́чу офице́ру. Шли и кричали:

— Мы — к государю на́шему...

— Вполне спокойно!..

— Назад! Я прикажу стрелять!..

Когда го́лос офицера долете́л до́ толпы, она ответила гулким э́хом удивле́ния. О том, что не допустят до «него» — некоторые из толпы говори́ли и раньше, но чтобы стали стрелять в народ, который идёт к «нему» спокойно, с верою в его силу и доброту́, — это наруша́ло це́льность со́зданного о́браза. «Он» — сила выше всякой силы, и ему не́кого бояться, ему не́зачем отта́лкивать от себя свой народ штыка́ми и пу́лями...

Худо́й, высо́кий человек с голо́дным лицом и чёрными глазами вдруг закричал:

— Стрелять? Не сме́ешь!..

И, обраща́ясь к толпе, гро́мко, зло́бно продолжа́л:

— Что? Говорил я — не пу́стят они...

— Кто? Солдаты?

— Не солдаты, а — там...

Он махну́л рукой куда-то вдаль.

— Рыше которые... Ага? Я же говорил!
— Это еще неизве́стно...
— Узна́ют зачем идём — пу́стят!..

III.

Шум рос. Движе́ния люде́й стали нервне́е; от реки́ ве́яло о́стрым хо́лодом. Неподви́жно блесте́ли острия́ штыко́в.

Переки́дываясь восклицаниями и подчиня́ясь напо́ру сзади, люди дви́гались вперёд. Те, которые пошли с платками, свернули в сторону, исчезли в толпе. Но впереди все, — мужчины, женщины, подростки, — тоже махали бе́лыми платка́ми.

— Какая там стрельба? К чему? — соли́дно говорил пожило́й человек с про́седью в бороде́. — Просто они не пускают на мост, де́скать — идите прямо по льду...

И вдруг в воздухе что-то неро́вно и сухо просы́палось, дро́гнуло, уда́рило в толпу́ десятками неви́димых бичей. На секунду все голоса вдруг как бы замёрзли. Масса продолжа́ла тихо подвига́ться вперёд.

— Холосты́ми... — не то сказа́л, не то спроси́л бесцветный голос.

Но тут и там раздава́лись сто́ны, у ног толпы легло несколько тел. Женщина, гро́мко о́хая, схвати́лась рукой за грудь и бы́стрыми шагами пошла вперёд, на штыки́, вы́тянутые встре́чу ей. За нею бро́сились ещё люди и ещё, охва́тывая её, забега́я вперёд неё.

И снова треск ружейного за́лпа, ещё более гро́мкий, более неро́вный. Люди па́дали по́-двое, по́-трое, приседа́ли на землю, хвата́ясь за животы́, бежа́ли куда-то прихра́мывая, ползли́ по сне́гу, и всюду на снегу́ оби́льно вспы́хнули яркие красные пя́тна. Они располза́лись, дыми́лись, притя́гивая к

себе глаза... Толпа поднялáсь назад, на миг остановúлась, и вдруг раздáлся дúкий, потрясáющий вой сóтен голосóв.

Наклонúв гóловы, люди грýппами брóсились вперёд подбирáть мёртвых и рáненых. Рáненые тоже кричáли, грозúли кулаками, все лица вдруг стали инúми, и во всех глазах сверкáло что-то почти безýмное.

Солдаты стояли неподвúжно, опустив рýжья к ноге, лúца у них были тоже неподвúжные, кожа на щекáх тýго натянýлась. Казалось, что у всех солдат белые глаза и смёрзлись губы...

В толпе кто-то кричал истерúчески громко:

— Ошúбка! Ошибка вышла, брáтцы!.. Не за тех прúняли! Не вéрьте!.. Иди, брáтцы, — надо объяснить!..

— Гапон — изменник! — вопúл подрóсток-мальчик, влезáя на фонáрь.

— Что, товарищи, вúдите, как встречáют вас?..

— Постóй, — это ошúбка! Не может этого быть, ты поймú!

— Дай дорóгу рáненому!..

Двое рабóчих и женщина вели высóкого худого человека; он был весь в снегý, из рукава его пальто стекáла кровь. Лицо у него посинéло, заострúлось ещё бóлее, и тёмные губы, слабо двúгаясь, прошептáли:

— Я говорил, — не пустят!.. Они его скрывают, — чтó им — народ!

— Кóнница!

— Бегú!..

Стена солдат вздрóгнула и растворúлась, как две половúны деревянных воротá, танцýя и фырка́я между ними проéхали лóшади, раздáлся крик офицера, над головáми кóнницы взвúлись, разрéзав воздух, сáбли, серéбряными лéнтами сверкнýли, замахнýлись все в одну стóрону. Толпа стояла и качáлась, ожидая, не веря.

Стало ти́ше.

— Ма-арш! — раздался нейстовый крик.

Как будто вихрь ударил в лицо людей, и земля точно обернулась кругом под их ногами, все бросились бежать, толка́я и опроки́дывая друг друга, кида́я раненых, пры́гая через трупы. Тяжёлый то́пот лошадей настига́л, солдаты вы́ли, их лошади скака́ли через раненых, упа́вших, мёртвых, сверкали сабли, сверкали крики у́жаса и бо́ли, поро́ю был слышен свист стали и удар её о кость. Крик избиваемых сливался в гулкий и протя́жный стон ...

— А-а-а! ..

Солдаты взма́хивали са́блями и опуска́ли их на го́ловы людей, и вслед за уда́ром тела́ их наклоня́лись на́бок. Ли́ца у них были кра́сные, безгла́зые. Ржа́ли ло́шади, стра́шно оска́ливая зу́бы, взма́хивая голова́ми.

Народ загна́ли в у́лицы ... И тотча́с же, как только то́пот лошадей исче́з вдали, люди останови́лись, задыха́ясь, взгляну́ли друг на друга вы́катившимися глазами.

И вдруг со всех сторон посы́пались восклица́ния изумле́ния, испу́га, зло́бы ...

— Что же это, бра́тцы, а?

— Уби́йство идёт, правосла́вные!

— За что?

— Вот так прави́тельство!

— Ру́бят, а? Коня́ми то́пчут ...

IV.

Шёл лы́сый человек в пальто с ры́жей запла́ткой, его ту́склый че́реп теперь был окра́шен кровью, он опустил плечо и голову, ноги у него подла́мывались. Его вели широкопле́чий парень без шапки, с курча́вой головой, и женщина в разо́рванной шубке с безжизненным, тупы́м лицом.

— Помогай, Михайло, — как же это? — бормота́л раненый. — Стрелять в народ, — не разреша́ется!.. Не должно́ это быть, Михайло.

— А — было! — крикнул па́рень.

— И стреляли ... И руби́ли ... — заме́тила женщина.

— Значит, приказа́ние дано на это, Михайло...

— И было! — зло́бно крикнул парень. — А ты думал — с тобой разгова́ривать ста́нут? Вина́ стакан поднесу́т?

— Погоди́, Михайло...

Раненый останови́лся, опира́ясь спиной о стену, и закрича́л:

— Правосла́вные!.. За что нас убивают? По какому закону?.. По чьёму приказу?

Люди шли мимо него, опуска́я го́ловы.

В другом ме́сте на углу́ у забо́ра собрали́сь не́сколько десятков, и в середи́не их чей-то быстрый го́лос говори́л зло́бно:

— Гапон вчера был у мини́стра, он знал всё, что будет, значит — он изме́нник нам, — он повёл нас на смерть!

— Какая ему по́льза?

— А я — знаю?

Всюду разгора́лось волне́ние.

Посреди́ улицы шла женщина, по́лная, плохо оде́тая, с добрым лицом ма́тери, с большими гру́стными глазами. Она пла́кала и, подде́рживая правой рукой окрова́вленную левую, говори́ла:

— Как буду рабо́тать? Чем кормить детей?.. Кому жа́ловаться?.. Правосла́вные, где же у народа защи́тники, если и царь против него?

Её вопросы, гро́мкие и я́сные, разбуди́ли людей, всколыхну́ли и встрево́жили их. К ней быстро подходи́ли, бежа́ли со всех сторон и, остана́вливаясь, слушали её слова угрю́мо и внима́тельно.

— Значит, наро́ду — нет зако́на?

У не́которых вырыва́лись вздо́хи. Другие негромко руга́лись.

Откуда-то проне́сся ре́зкий, злой крик.

— Получи́л по́мощь — сы́ну но́гу разби́л ...

— Петру́ху — на́ смерть!..

Криков было мно́го, они хлеста́ли по уша́м и всё чаще буди́ли чу́вство озлобле́ния.

— Товарищи! Мы, всё-таки, идём в го́род... может чего-нибудь добьёмся ... Идёмте, понемно́гу!

— Перебью́т ...

— Давайте говори́ть солда́там, — может, они поймут, что нет закона убивать народ!

— А, может, есть, — почему́ мы знаем?

Молодёжь расходи́лась небольши́ми группами, все они шли в одну сто́рону, сно́ва к реке. И все несли́ раненых, уби́тых, па́хло тёплой кровью, раздава́лись сто́ны, во́згласы.

— Якову Зи́мину — пря́мо в лоб ...

— Спаси́бо ба́тюшке-царю!

— Да-а, — встре́тил!

Раздалось не́сколько кре́пких слов. Даже за одно из них четверть часа тому назад толпа разорва́ла бы в кло́чья.

Ма́ленькая де́вочка бежа́ла и крича́ла всем:

— Не вида́ли ма́му?

Люди мо́лча огля́дывались на неё и уступа́ли ей доро́гу.

Пото́м разда́лся голос женщины с раздро́бленной рукой:

— Здесь, здесь я...

Улица пусте́ла. Молодёжь уходи́ла всё быстре́е. Пожилы́е люди угрю́мо, не спеша́, тоже шли куда-то по́-двое и по-трое, исподло́бья гля́дя вслед молоды́м. Говорили мало. Лишь порой кто-нибудь, не сдержа́в го́речи, восклицал негро́мко:

— Значит, народ отбро́сили теперь?..

— Убийцы прокля́тые!..

Задание.

I. 1. Составьте план, употребляя предложения из текста.
2. Расскажите по плану «9-ое января».
II. Расскажите, что вы знаете о революции 1905 г. в Эстонии.

10. Владимир Ильич Ленин.

(Отрывок из поэмы.)

В. Маяковский.

Слова́
у нас,
до ва́жного са́мого,
в привы́чку вхо́дят,
ветша́ют как платье.
Хочу́
сиять заставить за́ново
вели́чественнейшее сло́во —
па́ртия.
Едини́ца!
Ко́му она нужна́?!
Голос единицы
то́ньше пи́ска.
Кто её услы́шит? —
— Разве жена!
И то,
если не на ба́заре,
а бли́зко.
Партия —
это
единый урага́н,
из голосов спрессо́ванный
тихих и тонких,

от него
лóпаются
укреплéния врагá
как в канонáду
от пýшек
перепóнки.
Плóхо человéку,
когда он один.
Гóре одномý,
одúн не вóин, —
кáждый дю́жий
ему господúн,

и да́же сла́бые,
если дво́е.
А если
в па́ртию
сгру́дились ма́лые, —
сда́йся, враг,
замри́
и ляг!
Партия —
рука миллионопа́лая,
сжа́тая
в один
громя́щий кула́к.
Едини́ца — вздор,
единица — ноль,
один —
даже если
очень важный —
не подымет
просто́е
пятивершко́вое бревно́,
тем бо́лее
дом пятиэта́жный.
Па́ртия —
это
миллионов пле́чи,
друг к дру́гу
прижа́тые ту́го.
Партией
стро́йки
в небо взме́чем,
держа́
и вздыма́я друг дру́га.

Партия —
спинно́й хребе́т рабочего кла́сса.

Партия —
бессме́ртие нашего дела.
Партия — единственное,
что мне не изме́нит.

Сегодня прика́зчик,
а завтра
ца́рства стираю в ка́рте я.

Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса —
вот что такое партия.

Партия и Ленин —
близнецы́-братья, —
кто бо́лее
матери-исто́рии це́нен?
Мы говори́м — Ленин,
подразумева́ем —
партия,
мы говорим —
партия,
подразумеваем —
Ленин.

11. О Ленине.

Е. Ста́сова.

Расска́зывать о Ленине можно без конца, так как рассказывать о Ленине — это зна́чит рассказывать исто́рию нашей па́ртии.

Вот, вспомина́ю, наприме́р, мою пе́рвую встре́чу с Лениным

о́сенью 1905 года в Женéве. Я тогда только что приéхала из Россíи.

Ленин был дома один. Он сра́зу стал меня расспра́шивать о том, что де́лается в Петербу́рге в Центральном Комите́те, в петербу́ргской партийной организа́ции. Но не успе́ла я нача́ть говори́ть, как Владимир Ильич прерва́л меня, попроси́л подожда́ть мину́тку, а сам бы́стро зажёг газ, налил воды́ в ча́йник, поста́вил его кипяти́ть, накры́л на стол и то́лько тогда сел рядом со мной и стал внимательно слушать. А слушал Владимир Ильич по-осо́бому: он, казалось, прямо впи́тывал слова́ расска́зчика, — так он был внима́телен и сосредото́чен.

Меня порази́ло, что Владимир Ильич, уже тогда при́знанный руководи́тель и учитель, занима́ется дома́шними дела́ми и не считает это унизи́тельным, «недосто́йным мужчины».

Вместе с тем эта черта́ Ленина тесно свя́зана с другой — с его скро́мностью. Вот один пример. В одной из своих анкет на вопрос о том, какими иностранными языка́ми он владе́ет, Влади́мир Ильич отве́тил: немецким, французским и английским — плохо. А вот как он «плохо» владел немецким и французским языками. На одном заседании Владимир Ильич выступа́л с кри́тикой немецкой и итальянской коммунистической партии. На́чал Владимир Ильич свою речь на немецком языке, говоря́ о немецкой партии, а потом сразу перешёл на кри́тику итальянской партии и стал говорить так же свобо́дно по-французски. Все были поражены́ таким блестя́щим зна́нием языков, и по залу пронёсся гул удивле́ния.

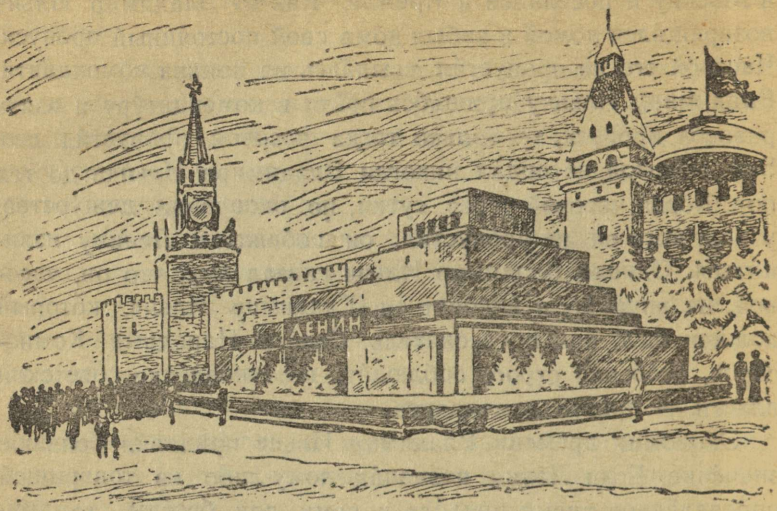
Одной из отличи́тельных черт Владимира Ильича была его дисциплини́рованность. Могу привести́ ряд примеров необыкнове́нной дисциплинированности Владимира Ильича. Весной 1918 года Владимир Ильич пере́ехал из Петербурга

в Москву и поселился в Кремле. Как-то Владимир Ильич возвращался домой и забыл дома свой постоянный пропуск. Часовой его не пропустил, ссылаясь на приказ коменданта. Владимиру Ильичу пришлось пойти в комендатуру и взять разовый пропуск, — только тогда часовой пропустил его. Этот часовой не видал никогда Владимира Ильича до тех пор. Когда часовой через сутки, по окончании дежурства, узнал, кого он не пропустил, он побежал к Ленину извиняться. Однако Владимир Ильич сказал ему, что он, часовой, не виноват, а виноват он, Владимир Ильич, который должен был, как председатель Совета Народных Комиссаров, особенно строго соблюдать постановление советской власти — приказ коменданта.

Экономии времени Владимир Ильич придавал большое значение. Если Ленин назначал кому-либо из товарищей определённое время прихода к нему для беседы, то принимал этого товарища в точно назначенное время. Если же появлялись какие-либо непредвиденные срочные дела, то Владимир Ильич или сам звонил вызванному товарищу, или через секретарей передавал своё извинение в том, что не может принять его и назначал новый час. В памяти сохраняются многие телефонные звонки Владимира Ильича с указанием на то, что тому или другому товарищу надо предоставить квартиру, обеспечить его одеждой, прислать ему врача и т. д.

В этом выражалась большая забота Владимира Ильича о товарищах, а особенно он заботился о здоровье товарищей.

Думаю, что черты Владимира Ильича, сообщённые мною, следовало бы каждому члену партии, комсомольцу и пионеру воспитывать в себе.



12. Великая утрата.

(Отрывок из романа «Как закаля́лась сталь».)

Николай Островский.

I.

... Телеграфи́ст выпи́сывает на бла́нки сло́во за сло́вом, прислу́шиваясь к сту́ку аппара́та. Он принима́ет по слу́ху: «Всем, всем, всем!» Запи́сывая, телеграфист думает: «Наве́рное, опять циркуля́р о борьбе с зано́сами». За окном вью́га, ветер бросает в стекло го́рсти снега... Телеграфисту почу́дилось, что кто-то постуча́л в окно, он поверну́л голову и невольно залюбова́лся красото́й моро́зного рису́нка на стёклах. Ни одна челове́ческая рука не смогла бы вы́резать этой тонча́йшей гравю́ры из причу́дливых листьев и стебле́й. Отвлечённый этим зре́лищем, он перестал слу-

шать аппарат и, когда отвёл взгляд от окна, взял на ладо́нь ленту, чтобы прочесть пропу́щенные слова.

Аппарат передава́л: «Двадцать первого января в шесть часов пятьдесят минут...» Телеграфист быстро запи́сал проче́танное и, бросив ле́нту, опере́в голову на́ руки, стал слушать. «Вчера в Горках скончался...» Телеграфист ме́дленно запи́сывал. Ско́лько в своей жизни прослушал он радостных и траги́ческих сообще́ний, первым узнава́л чужо́е горе и счастье. Давно уже переста́л вду́мываться в смысл скупы́х, обо́рванных фраз, ловил их слу́хом и механи́чески заноси́л на бумагу, не разду́мывая над содержа́нием. Вот сейчас кто-то умер, кому-то сообща́ют об этом. Телеграфист забыл про заголо́вок: «Всем, всем, всем». Аппарат стучал «В-л-а-д-и-м-и-р И-л-ь-и-ч», переводи́л сту́ки молото́чка в бу́квы старик-телеграфист. Он сидел споко́йно, немного уста́лый. Где-то умер какой-то Владимир Ильич, кому-то он запи́шет сегодня траги́ческие слова, кто-то зарыда́ет в отча́янии и горе, а для него это всё чужо́е, он — посторо́нний свиде́тель. Аппарат стучит точки, тире́, опять точки, опять тире, а он из знако́мых звуков уже сложил первую букву и занёс её на бланк — это была «Л». За ней он написал вторую — «Е», рядом с ней стара́тельно вы́вел «Н», сейчас же присоедини́л к ней «И» и уже автомати́чески уловил после́днюю — «Н».

Аппарат отстукивал паузу, и телеграфист на одну десятую секунды останови́лся взгля́дом на вы́писанном им слове — «ЛЕНИН».

Аппарат продолжа́л стучать, но случа́йно наткну́вшаяся на знакомое имя мысль вернула́сь опять к нему. Телеграфист ещё раз посмотре́л на последнее слово — «ЛЕНИН».

Что? Ленин? Хруста́лик гла́за отрази́л в перспекти́ве весь текст телеграммы. Несколько мгнове́ний телеграфист смотрел на листок, и в первый раз за тридцатидвухле́тнюю

рабо́ту он не пове́рил запи́санному. Он три́жды бе́гло пробежал по строкам, но слова упря́мо повторя́лись: «Скончался Владимир Ильич Ленин». Старик вскочил на ноги, по́днял спиральный витóк ленты, впился́ в неё глазами. Двухметровая полóска подтверди́ла то, во что он не мог поверить! Он повернул к своим товарищам помертве́лое лицо, и они услыха́ли его испу́ганный вскрик:

— Ленин умер!

II.

Весть о вели́кой утра́те вы́скользнула из аппара́тной в распа́хнутую дверь и с быстрото́й вью́жного ветра замета́лась по вокза́лу, ворвала́сь в сне́жную бурю, закружи́ла по путям и стрелкам и с ледяным сквозняко́м, ворвала́сь в приоткры́тую половину ко́ванных железом депо́вских ворот.

В депо над первой ремо́нтной транше́ей стоял паровоз, его лечила бригада лёгкого ремонта.

Уда́ры по желе́зу заглуши́ли первый крик, но, когда человек добежа́л к людям у паровоза, Артём, подня́вший мо́лот, не опусти́л его.

— Товарищи! Ленин умер!

Молот медленно скользну́л с плеча́, и рука Артёма беззву́чно опусти́ла его на цеме́нтный пол.

— Ты что сказал?

А тот, засы́панный сне́гом, тяжело́ дыша́, повтори́л уже глу́хо и надо́рванно:

— Да, товарищи, Ленин умер.

И оттого, что человек уже не крича́л, Артём понял жу́ткую правду и тут разгляде́л лицо человека: это был секрета́рь партколлекти́ва.

Из транше́и вылеза́ли люди, мо́лча слушали о смерти того, чьё имя знал весь мир.

А у воро́т, заста́вив всех вздро́гнуть, заревёл паровоз. Ему отозва́лся на краю вокзала другой, третий... В их мо́щный и напоённый трево́гой призы́в вошёл гудок электростанции, высо́кий и пронзи́тельный, как полёт шрапне́ли. Чистым зво́ном меди перекры́л их быстрохо́дный краса́вец «С» — паровоз гото́вого к отходу на Киев пассажирского поезда.

Вздро́гнул от неожи́данности агент ГПУ, когда машинист польского паровоза прямо́го сообще́ния Шепето́вка — Варшава, узнав о причине трево́жных гудко́в, с минуту прислу́шался, затем ме́дленно по́днял руку и потяну́л вниз цепо́чку, открыва́ющую кла́пан гудка́. Он знал, что гудит после́дний раз, что ему не служить больше на этой маши́не, но его рука не отрыва́лась от це́пи, и рёв его паровоза поднима́л с мягких дива́нов купе́ перепу́ганных польских курье́ров и дипломато́в.

III.

Депо наполня́ли люди. Они влива́лись во все воро́та, и, когда большое здание было перепо́лнено, в тра́урном молча́нии раздали́сь первые слова. Говорил секретарь Шепетовского окружко́ма партии, старый большевик Шарабрин:

— Товарищи! Умер вождь мирово́го пролетариата Ленин. Партия понесла́ невозврати́мую потерю, умер тот, кто со́здал и воспита́л в непримири́мости к врагам большевистскую партию... Смерть вождя партии и класса зовёт лу́чших сыно́в пролетариата в наши ряды...

Звуки тра́урного марша, со́тни обнажённых голов, и Артём, который за после́дние пятнадцать лет не плакал, почу́вствовал, как подобрала́сь к горлу су́дорога, и могу́чие плечи дро́гнули.

Не было в зале обычного шу́ма, разгово́ров. Великая скорбь приглуши́ла голоса́, люди разговаривали тихо, и не в одной сотне глаз чита́лась скорбная трево́га. Казалось, что здесь собра́лся экипаж су́дна, потеря́вший своего испы́танного штурмана, унесённого шква́лом в море.

Так же тихо за́няли свои места за столом президиума члены бюро. Корена́стый Сироте́нко осторо́жно припо́днял звонок, чуть звя́кнул им и снова опусти́л его на стол. Этого было доста́точно, и постепе́нно гнету́щая тишина воцари́лась в зале. Сейчас же после докла́да из-за стола подня́лся отсекр коллектива Сироте́нко. То, что он сказал, никого не удиви́ло, хотя было необыча́йно на траурном заседа́нии.

А Сироте́нко сказал:

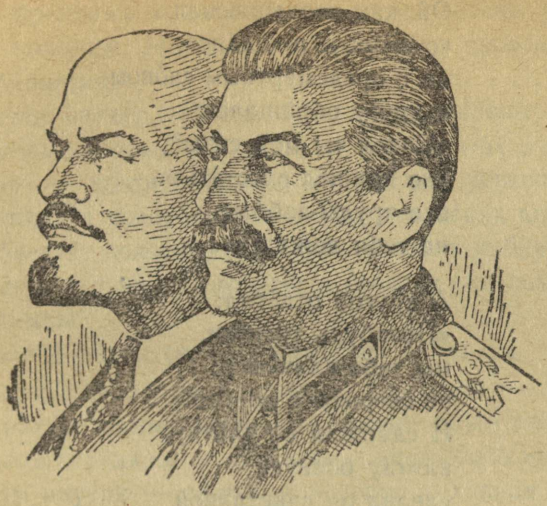
— Ряд рабочих просит заседание рассмотре́ть их заявле́ние, подпи́санное тридцатью семью́ товарищами. — И он прочёл заявление:

«В железнодоро́жный коллектив коммунисти́ческой партии большевиков станции Шепетовка, Юго-Западной железной дороги.

Смерть вождя призвала́ нас в ряды́ большевиков, и мы про́сим прове́рить нас на сего́дняшнем заседании и приня́ть в партию Ленина».

Вслед за этими краткими словами стоя́ли две коло́нны подписей.

... До глубо́кой ночи в депо продолжа́лся смотр тем, кто шёл на сме́ну. Допуска́ли в партию только наилу́чших, тех, кого хорошо знали, про́ве́рили всей жизнью. Смерть Ленина сотни тысяч рабочих сде́лала большевиками. Ги́бель вождя не расстро́ила ряды́в партии. Так дерево, глубоко воше́дшее в по́чву могучими корня́ми, не ги́бнет, если у него среза́ют верху́шку.



13. Два сокола.

(Украинская народная песня.)

На дубу́ зелёном
да над тем просто́ром
два со́кола я́сных
вели разгово́ры.
А со́колов этих
люди все узна́ли:
первый сокол — Ленин,
второй сокол — Сталин.
Первый сокол — Ленин,
второй сокол — Сталин,
а кругом летали
соколята стаей.

Ой, как первый сокол
со вторым проща́лся,
он с предсме́ртным сло́вом
к другу обраща́лся:
«Сокол ты мой си́зый,
час пришёл расста́ться,
все труды́-забо́ты
на тебя ложа́тся».

А другой отве́тил:
«Позабудь трево́ги,
мы тебе клянёмся:
не свернём с доро́ги!»
И сдержал он кля́тву,
клятву боеву́ю:
сделал он счастли́вой
всю страну родну́ю.

Заданке.

1. Какую клятву произнёс Сталин Ленину?
2. Как он её вы́полнил? Подтверди́те слова́ми стихотворе́ния и фактами из нашей жизни.

14. Кремль.

Н. Михайлов.

Кремль распо́ложен треуго́льником. Стены идут по сторона́м этого треуго́льника чуть заме́тным зигза́гом. На сги́бах линии стен возвыша́ются башни. Их о́стрые гранёные шатры́ кры́ты темнозелёной черепи́цей. На каждой стороне́ треуго́льника — семь ба́шен. Ни одна из них не повторя́ет другу́ю; одна вы́ше — другая ни́же, одна кони́ческая — другая усту́пчатая, одна круглая — другая четырёхуго́льная, есть даже шестнадцатигра́нная. В иных башнях

нашими пре́дками на слу́чай оса́ды заключены родники́ и вы́рыты коло́дцы. Местами в то́лще стен проведены́ ходы между башнями.

На пяти самых высоких ба́шнях укреплены́ сове́тские пятиконе́чные звёзды. У каждой из них разма́х лучей в три метра, вес — почти в то́нну. Но звёзды устано́влены на подши́пниках и повора́чиваются при дунове́нии ветра. Днем звёзды блестя́т золотом, а в темноте́ горят руби́новым светом, — его излуча́ют скры́тые в звёздах сильные электри́ческие лампы.

Издалека́ ви́ден свет кремлёвских звёзд...

На одной из башен Кремля — Спа́сской — на ка́ждой из четырёх её сторон огро́мные чёрные круги́ цифербла́тов с золотыми стре́лками и цифрами. Сквозь окно ви́дны́ колокола. Там внутри — сло́жный часовой механи́зм с ма́ятником, с многопудо́выми ги́рями на дли́нных цепях, с тремя десятками колоколо́в, по которым ударя́ют молото́чки. Кура́нты Спасской башни вызва́нивают свою мело́дию ка́ждые че́тверть ча́са.

В по́лночь бой кремлёвских часов радио разно́сит по всему земно́му ша́ру.

За кремлёвской стеной на высо́ком, покры́том изумру́дной зе́ленью холме́, за полосой тёмных е́лей видне́ются златогла́вые собо́ры, стари́нные терема́, вели́чественные дворцы́.

На самой верши́не кремлёвского холма́, над отко́сом, возвыша́ется Большой дворе́ц. Это огро́мное прямоуго́льное здание постро́ено в XIX веке. Над дворцом — изо́гнутый ку́пол с медным шпи́лем высотой в 12 метров. На этом шпиле в дни пра́здненств развева́ется красное знамя.

По обеим сторонам двери — белые мраморные доще́чки с золотыми буквами. На одной написано: «Верховный Совет СССР», на другой — «Верховный Совет РСФСР». Ши-

ро́кая дверь ведёт в здание, где в дни своих сессий работают высший орган госуда́рственной власти Советского Союза и высший орган государственной власти первой из шестнадцати союзных республик.

Белые ступени широ́кой лестницы ведут вас внутрь. Во дворце — огро́мные залы. Солнце све́тит в широ́кие окна. Сверка́ют люстры, блести́т паркет.

Часть Большого дворца в го́ды советской вла́сти перестро́ена. Вот вы вхо́дите в огро́мный зал заседа́ний. Просто́рный, дли́нный зал в два света. Бе́лые стены. Лампы, закры́тые ма́товым стекло́м. В за́днем конце зала большо́й балко́н, в стене́ — полукру́глые ложи. Внизу ро́вные ряды́ удо́бных тёмных кре́сел — эти ряды в конце зала постепе́нно повыша́ются. Впереди — трибу́ны из полиро́ванного дерева. И над ними—извая́ние великого Ленина.

Всё за́лито светом, лью́щимся в широ́кие окна, — сквозь них далеко ви́ден город. Здесь, в этом зале, на сессиях Верховного Совета избра́нники народа реша́ют вопросы государственной ва́жности. Здесь собира́ются съезды Всесоюзной коммунистической партии. Здесь говорит Сталин.

В Кремле жил Ленин. И Сталин живёт здесь, в Кремле. Отсюда, из Кремля, великий гений руково́дит нашей борьбой за коммунизм.

Задание.

1. Расскажи́те на тему «Кремль».
2. Собери́те из газет и журналов карти́ны и фотосни́мки на тему «Москва», «Красная площадь», «Кремль». Вы́режьте и сде́лайте в классе вы́ставку.

15. Красная площадь.

К. Симонов.

Полночь бьёт над Спáсскими воротáми,
Хорошо, устáвши кочевáть
И обвéтрясь всякими широтáми,
Снóва в цéнтре мира постóять.

Прилетéв надóлго, окончáтельно,
Из десятóй за пять лет страны́,
Если бы кто знал — как замечáтельно
Помолчáть здесь ночью у стены́.

Чтобы не виде́ниями прóшлыми
Шла она в зажмýренных глазах,
А вот прóсто — камни под подóшвами,
Просто ви́деть стрéлки на часáх.

Просто знать, что в этом сáмом здáнии,
Где над крýглым кýполом игла́,
Сталин вот сейчас, на заседáнии,
По привы́чке ходит вдоль стола́.

Пусть всё это строчками стоýстыми
Кто-то до меня успел сказать, —
Ви́дно, в этом так сошлись мы чýвствами,
Что мне слов других не подобрáть.

Словно цóканье далёкой лóшади,
Бьёт по кры́шам лéтний дождь,
И лени́во хлóпает по плóщади
Ты́сячами мáленьких ладóш;

Но сквозь этот лёгкий шум мне слы́шится
Звук шагов незри́мых за спино́й, —
Это все, кому здесь ле́гче ды́шится,
Собрали́сь, пройдя́ весь шар земно́й.

Нам-то про́сто — сесть в метро от Ку́рского
Или прилете́ть из Кушки даже.
Им отту́да ехать, где и ру́сского
Слова «Ленин» без тюрьмы не ска́жешь.

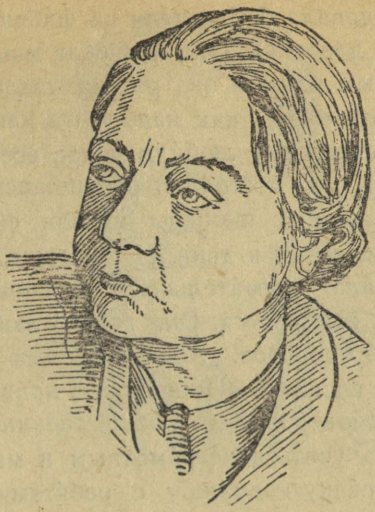
Им оттуда ехать, где — в поли́цию
Про́сто за рису́нок мавзоле́я,
Где на ка́мни кровь должна́ проли́ться их,
Чтобы вски́нуть флаг, что здесь але́ет.

Им о́ттуда ехать, где в Бата́вии
Их живы́ми в зе́млю зарыва́ют,
Им оттуда ехать, где в Италии
В них в дверя́х парла́мента стреля́ют.

Им оттуда ехать всем немы́слимо,
Даже если хра́брым путь не стра́шен, —
Там дела у них, и только мы́слями
Схо́дятся они у этих башен.

Там, вдали́, их руки за рабо́тою,
И не видно и́здали лица́ их,
Но в двена́дцать Спа́сскими воро́тами
На сви́данье вхо́дят в Кремль сердца́ их.

Может быть поэтому так по́здно
В окнах свет в Кремле горит нача́ми?
Может быть, поэтому так гро́зно
На весь мир мы говори́м с врага́ми!



16. Н. К. Крупская.

Надéжда Константúновна Крýпская родилáсь в 1869 году. Всю свою замечáтельную жизнь она связáла с жизнью ленинско-сталинской партии, с жизнью нашего нарóда. Н. К. Крупская всю жизнь помогáла Владимиру Ильичу Ленину в его работе.

После Великой Октя́брьской социалисти́ческой революции партия поручи́ла Н. К. Крупской работу по нарóдному образова́нию. Надежда Константиновна с дéтства была знакóма с педагогической работой. Она с 14 лет зараба́тывала на жизнь урóками. Потом обучáла рабочих грáмоте и вела среди них революционную пропагáнду.

С Великой Октябрьской революции и до самой смерти Н. К. Крупская не покидáла работы по народному образованию. Она создавáла шкóлы для негрáмотных и малограмотных.

мотных. Она создавала библиоте́ки на фа́бриках и заво́дах, и́збы-чита́льни в деревнях. Она написа́ла много книг. В них просты́м, поня́тным языко́м она рассказывала, как надо по-новому устра́ивать жизнь, как надо учить, как надо учиться. Надежду Константиновну люби́ли у нас все, особенно молодёжь и дети. К ней постоя́нно обраща́лись за помощью и советом. Школьники и пионеры писали ей бесчи́сленное мно́жество писем, сотни в день. И Надежда Константиновна всех принима́ла, внима́тельно выслу́шивала, помога́ла. Она отвеча́ла на все письма. Она горячо́ люби́ла нашу молодёжь, осо́бенно пионе́ров. Много книжек она написа́ла для ребят, часто писала в «Пионе́рскую пра́вду».

Она учила пионеров быть общественниками, хорошо учиться, помога́ть учиться негра́мотным и малограмотным, устана́вливать кре́пкую дру́жбу с ребя́тами всех национа́льностей. Она учила ребят быть ле́нинцами, быть ста́линцами.

Н. К. Крупская умерла 27 февраля 1939 года. Её похорони́ли в Москве на Кра́сной пло́щади.

17. Михаил Иванович Калинин.

(Воспомина́ния рабочего).

А. А. Куте́йников.

Михаи́ла Ива́новича Кали́нина хорошо знал весь сове́тский народ и, в осо́бенности, мы, калининцы, рабо́чие завода его имени. Ведь у нас на глазах, в инструмента́льном цехе, протека́ла его революцио́нная де́ятельность.

Это было много лет назад, но я всё по́мню, как сейчас. Кли́нышком боро́дка, в косоворо́тке, подтя́нутой у́зеньким вы́шитым ремешко́м, в очках, — таким я впервы́е уви́дел Михаила Ивановича в 1906 году, когда он при-

шёл к нам в инструмента́льный цех Тру́бочного завода. Хозя́евам завода и в го́лову не приходи́ло, что «крестья́нин Тверско́й губе́рнии» — это крупне́йший большеви́стский организатор, который скоро поведёт за собой рабочих всего завода.

Михаил Иванович рабо́тал то́карем. Он был ма́стером своего де́ла.

Из всех це́хов к Михаилу Ивановичу приходи́ли рабо́чие. Бесе́довал он с ними, рабочими, и в кури́лке, и на ле́стнице, — где только можно было. Везде он де́йствовал осторо́жно, но сме́ло. Он всегда говорил с нами про́сто, поэтому даже самые отста́лые рабочие понима́ли, чего хотят большевики́.

Мы работали по двенадцати часов в день, а получа́ли за это се́мьдесят копе́ек. Михаил Иванович первый по́днял вопрос о повыше́нии за́работной платы. Скоро под его ру-

ково́дством была организо́вана так называ́емая «итальянская» забасто́вка. Мы бастова́ли, но из цеха не выходи́ли.

Нача́льство вы́требовало на усмире́ние Финляндский полк.

Как только солдаты врыва́ются в цех, мы начина́ем работать, а наши соседи — три тысячи рабочих второго тока́рного цеха — ту́шат свет и крича́т: «Рубль дава́й!». Солда́ты бегут во второй цех, а тут мы ту́шим свет и кричим.

Не спра́виться было им с нами, и пришло́сь приба́вить по рублю.

После этого начали́сь о́быски у рабочих, а Михаил Иванович был с завода уво́лен.

Вы́слали его из Петербурга, но он не порва́л связи с нами.

В 1917 году, после февра́льской революции, Михаил Иванович снова пришёл к нам на заво́д. Аре́сты, тюрьма́, ссы́лки — ничто́ не сломи́ло во́ли несгиба́емого большевика́ в борьбе за сча́стье рабо́чего класса.

Многое мог бы я ещё вспо́мнить о Михаиле Ивановиче Калинине. Но обо всём не рассказа́ть.

Все мы горячо люби́ли Михаила Ивановича и бу́дем свято чтить его па́мять.

18. Киров с нами.

(Отрывки из поэмы.)

Н. С. Тихонов.

1.

Домов затемнённых громады
В зловеще́м подо́бии сна,
В железных ночах Ленинграда
Оса́дной поры́ тишина.

Но ти́шь разрыва́ется бо́ем,
Сире́ны зовут на посты́.
И бомбы свистя́т над Невою,
Огнём обжига́я мосты́.
Под гро́хот полно́чных снаря́дов,
В полночный возду́шный налёт,
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идёт.
В шинели армейской похо́дной,
Как будто полков впереди́,
Идёт он тем шагом свободным,
Каким он в сраже́нья ходил.
Звезда́ на фура́жке але́ет,
Горит его взор огнево́й,
Идёт, ленинградцев жале́я,
Горди́сь их краcóй боево́й.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

4.

В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идёт.
И сердце прего́рдое ра́до,
Что так непрекло́нен народ,
Что кре́пки советские люди
На стра́же родимой земли́ . . .
Всё ближе уда́ры ору́дий,
И рядом разры́вы легли́.
И бо́мбы уда́рили ря́дом,
Дом па́дает, ды́мом обви́т,
И девушка вместе с отря́дом
Бесстра́шно на помощь спеши́т.

Пусть ру́шатся стены и ба́лки,
Кирпи́ч мимо у́ха свисти́т,
Здесь со́бственной жизни не жа́лко
Ей — жизнь тех, зары́тых, спасти́.
Вот ю́ность — гроза́ и отра́да,
Такую ничто не берёт.
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идёт...

6.

На улицах рвы, баррика́ды,
Око́пы у са́мых воро́т.
В железных ночах Ленинграда
За город он тихо идёт.
И видит: взлета́ют раке́ты,
Пожа́ров ночна́я заря́,
Там вра́жьи таятся пике́ты,
Немецких зверей лагеря́.
Там глу́хо стуча́т автоматы,
Там вспы́шки, как всплёски ножа́,
Там, ту́скло мерца́я, как ла́ты,
Подби́тые танки лежат.
Враг к городу рвётся со зло́бой —
Давай ему дом и ую́т,
Набе́й пирогами утро́бы,
Отдай ему дочку свою.
Оружьем обве́шан и стра́шен,
В награ́бленных женских меха́х,
Он рвётся с зато́птанных па́шен,
К огням на твоих очага́х.
Но путь преградить супоста́ту
Идёт наш народ молодо́й,
Выходит, сжима́я гранату,

Старик на сраже́нье с ордо́й.
И танки с оснéженной пашни
Уходят тяжёлые в бой.
«За Родину» — на́дпись на башне,
И «Киров» — на башне другой.

7.

И в я́рости злой канона́ды,
Немецкую гро́бить орду́,
В железных ночах Ленинграда
На бой ленинградцы идут.
И красное знамя над ними,
Как знамя победы встаёт.
И Кирова гро́зное имя
Полки ленинградцев ведёт.

19. Немец.

(Отрывок из романа «Ра́дуга».)

Ванда Василевская.

...Саша долго скла́дывал из па́лочек ха́ту и двор, расставля́л по хлевам и коню́шням коров и лошаде́й. Даже маленькая Нина не плакала, за́нятая игро́й.

— А здесь что будет?

— Здесь будут о́вцы, это нам новых привезли́.

— Ага...

— Дай-ка уголёк. Овцы будут чёрные, овец ведь много...

— А кот где? — потре́бовала Нина.

— Кот гуляет, кот же всегда гуляет, — объясни́ла Зина, и Нина успоко́илась.

— Немцы идут, нужно скот угоня́ть, — реши́тельно распоряди́лся Ося.

— Ладно, а кто же его пого́нит?

— Я! — вы́звалась Нина.

— А я останусь с партизанами, — решил Ося. — Ну, давай выгоня́ть стадо.

— А куда его гнать?

— В глубь страны́, — серьёзно сказал Саша. — За́ реку, — через ре́ку наши немцев не пу́стят.

— На реке́ могут бомби́ть, — вмеша́лся Ося.

— Ничего, мы ночью перейдём, — решил Саша. — Дайка до́ску, это будет река.

Дверь с шумом распахну́лась. Пять пар глаз метну́лись от пе́чки. Саша за́мер.

На поро́ге стоял немецкий со́лдат. Из-под тряпья́, уку́тывавшего его го́лову, на детей гляде́ли покрасне́вшие глаза. Он был весь в снегу. Огляде́в ха́ту и не найдя́ никого взро́слого, он обрати́лся к пятеры́м у печки. Сначала Саша ничего не понял. Солдату пришло́сь много раз повторя́ть, прежде чем Саша по́нял искажённое слово:

— Мле́ки, мле́ки...

— Молока́ нет, — глу́хо ответил Саша.

Солдат не отступа́л.

— Млеки, дай млеки...

Саша поднялся и, не сводя глаз с солдата, вышел в сени, открыл дверь в хлев и выразительным же́стом показал, что там ничего нет. Да и откуда быть, ведь Пестру́шку немцы вы́волокли в первый же день, когда пришли, и то́тчас зарезали её перед домом коменданта.

Солдат осмотрел пустой хлев. Там на полу лежало немного соло́мы и навоза, там ещё пахло хлевом, но у обмёрзшей корму́шки было пусто. Да, это ясно, молока здесь достать нельзя.

В хате в это время отча́янно раскричалась Зина. Мамы нет. Саша ушёл с немцем в хлев, страшно. Ей вто́рила всегда готовая заплакать Нина.

Солдат вернулся в хату и с бессмы́сленной улыбкой уста́вился на детей.

— Не плачь, — сказал он по-немецки, ска́ля гнилы́е, почернёвшие зубы.

Зина закричала ещё отчаянней. Немец взял винто́вку и прице́лился. Саша отча́янным прыжко́м ки́нулся вперёд, заслоня́я собой сестрёнку. Он широко раски́нул руки и впи́лся глазами в покрасне́вшие глаза, гляде́вшие из-под обмо́танной тряпьём пило́тки.

— Хо, хо, — засмеялся солдат, и ду́ло винтовки направилось на маленькую Нину. Нина не поняла́, что происходит, но перестала кричать и широко́ открытыми кру́глыми глазами смотрела на чужо́го, на немца. Что это немец, понимала и она.

— Застрелю́, — сказал солдат. Она не поняла́ этого слова, но почу́вствовала, что в нём таится что-то страшное. Зина умо́лкла. Саша напряжённо следил за чёрным отве́рстием ду́ла.

Это чёрное отве́рстие двигалось невысоко, но нацели́валось то в одну, то в другую голо́вку.

Вдруг Саше пришло в голову: а что если пры́гнуть, схвати́ть винтовку?.. Как это из неё стреля́ют? и что будет потом, когда убьёшь немца? А главное, уда́стся ли ему вы́рвать винтовку?

Немец улыба́лся, ска́ля испорченные зубы. Ему понравилась эта игра: страх в глазах детей, бле́дность, покрывшая их щёки, напряже́ние на лице́ самого старшего. Саша стал понимать, что солдат забавля́ется. Забавля́ется ими, как кошка мы́шью. Да, солдат явно забавля́лся. Чёрное отверстие дула то поднималось, то опуска́лось. Саше захоте-

лось, чтобы немец, наконец, вы́стрелил, чтобы всё это уже ко́нчилось.

Он подумал, что первым немец убьёт его, как самого старшего, и напряжённо смотрел в ду́ло, — пусть скоре́е стреляет, пусть всё кончится.

Солдату, наконец, надое́ло это развлече́ние, он ещё раз засмеялся, закинул за плечи винтовку и вы́шел, не огля́дываясь. Дети за́мерли в неподви́жности, гля́дя на дверь. Саша ждал, — может, тот только притаи́лся за дверью, может, только ждёт, а когда кто-нибудь из них шевельнётся, откроет дверь и вы́стрелит? Даже Нина сидела, словно окамене́вшая. И вот разда́лись шаги́ — шаги в сеня́х. Дверь распахну́лась, — это была мать.

И тут только после́довал взрыв. Зина кричала не своим голосом, залива́лась слеза́ми Нина, плакали Ося и Соня. Один Саша мо́лча стоял перед матерью.

— Что такое? Что случи́лось? — ужасну́лась она.

— Ничего, немец тут был, — ответил Саша.

— Немец? Что ему пона́добилось?

— Ничего. Хотел молока.

— Ну и что?

— Ну, я показал ему, что коровы у нас нет.

— Он и ушёл?

— Ушёл.

— Так чего же вы все так орёте? — рассерди́лась Малючиха. — Ушёл, и ладно. Бил он вас, что ли?

— Нет, он нас не бил, — хму́ро ответил Саша, и, успоко́енная, она стала стря́хивать в сеня́х снег с ша́ли, чтоб не нанести́ его в хату.

20. Руки матери.

(Отрывок из романа «Молодая гвардия».)

А. А. Фадеев.

...Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновéния, как я стал сознавáть себя на свете. Зá лето их всегда покрывал загáр, он уже не отходúл и зимой, — он был такой нéжный, рóвный, только чуть-чуть темнéе на жúлочках. А может быть, они были и грубéе, руки твои, — ведь им столько вы́пало работы в жизни, — но они всегда казались мне такими нéжными, и я так любил целовáть их прямо в тёмные жúлочки.

Да, с того самого мгновения, как я стал сознавáть себя и до последней минуты, когда ты в изнеможéнии, тихо, в последний раз положúла мне гóлову на грудь, провожáя в тяжёлый путь жизни, я всегда помню руки твои в работе. Я помню, как они снова́ли в мы́льной пéне, стирáя мои просты́нки, когда эти простынки были ещё так малы́, что походили на пелёнки, и помню, как ты, в тулу́пчике, зимой, несла вёдра на коромы́сле, положив спéреди на коромысло маленькую ручку в рукавúчке, сама́ такая маленькая и пушúстая, как рукавúчка. Я вижу твои с чуть утолщёнными суставáми пальцы на букварé и я повторяю за тобой: «бе-а-ба, ба-ба». Я вижу, как сильной рукой своею ты подвóдишь серп под жúто, вижу неуловúмое свéркáние серпá и потом это мгновéнное, плáвное, такое жéнственное движение рук и серпа, откúдывающее колóсья в пучкé так, чтобы не поломáть сжáтых стеблéй.

Я помню твои руки, не сгибáющиеся, красные от студёной воды в прóруби, где ты полоскáла бельё, когда мы жили одни, — казалось, совсем одни на свете, и помню, как незамéтно могли руки твои вы́нуть занóзу из пальца у сына,

и как они мгновенно продева́ли ни́тку в иго́лку, когда ты ши́ла и пе́ла — пела только для себя и для меня. Потому что нет ничего на свете, чего бы не сумели руки твои, что было бы им не под си́лу, чего бы они погнуша́лись! Я видел, как они меси́ли гли́ну с коро́вьим помётом, чтобы обма́зать хату, и я видел ру́ку твою, выгля́дывающую из шёлка, с кольцо́м на пальце, когда ты подняла стакан с красным молдава́нским вино́м. А с какой поко́рной не́жностью по́лная и белая выше ло́ктя рука твоя обвила́сь вокру́г ше́и о́тчима, когда он, играя с тобой, поднял тебя на́ руки, — отчим, которого ты научила любить меня и которого я чтил, как родно́го, уже за одно то, что ты любила его.

Но больше всего, на ве́ки ве́чные запомнил я, как нежно гла́дили они, руки твои, чуть шерша́вые и такие тёплые и прохла́дные, как они гладили мои волосы и шею, и грудь, когда я в полусозна́нии лежал в посте́ли. И когда бы я ни открыл глаза́, ты была всегда во́зле меня, и ночни́к горел в комнате, и ты гляде́ла на меня своими запа́вшими очами, будто из тьмы, сама вся тихая и светлая, будто в ри́зах. Я целу́ю чи́стые, святы́е руки твои!

Ты проводи́ла на войну сынове́й, — если не ты, так другая, такая же, как ты, — иных ты уже не дождёшься ве́ки, а если эта ча́ша минова́ла тебя, так она не миновала другую, такую же, как ты. Но если и в дни войны у людей есть кусок хлеба и есть одежда на те́ле, и если стоя́т скирды́ на поле, и бегут по рельсам поезда́, и ви́шни цветут в саду, и пламя буше́т в домне, и чья-то незри́мая сила подыма́ет воина с земли или с посте́ли, когда он заболе́л или ра́нен, — всё это сделали руки матери моей — моей и его, и его.

Огляни́сь же и ты, ю́ноша, мой друг, огляни́сь, как я, и скажи, кого ты обижа́л в жизни больше, чем мать свою, — не от меня ли, не от тебя, не от него, не от наших ли неу-

да́ч, ошибок и не от нашего ли горя седе́ют наши матери? А ведь придёт час, когда мучи́тельным упрёком сердцу обернётся всё это у материнской моги́лы.

Мама, мама!... Прости меня, потому что ты одна, только ты одна на свете можешь проща́ть, положи на го́лову руки, как в детстве, и прости́...

21. Лобовая атака.

(Из «Повести о настоящем человеке».)

Б. Полевой.

I.

Он разгляде́л врага́. Это были истреби́тели-штурмовики́ «фокке-вульф 190», сильные, вёрткие машины, только что появи́вшиеся тогда на вооруже́нии и уже про́званные советскими лётчиками «фо́ками».

Чи́сленно их было в два раза больше. Шли они тем самым стро́гим стро́ем, каким отлича́лись части дивизии «Рихтгофен», шли ле́сенкой, па́рами, располо́женными так, что каждая после́дующая защища́ла хвост предыду́щей. По́льзуясь превосхо́дством в высоте́, Федо́тов повёл свою группу в ата́ку. Алексе́й мы́сленно уже наме́тил себе́ проти́вника и, не теря́я и́з виду остальны́х, нёсся на него, стара́ясь держа́ть его в кре́стике прице́ла. Но кто-то опереди́л Федо́това. Чья-то группа на «я́ках» зашла́ с другой стороны́ и стреми́тельно атакова́ла не́мцев све́рху — и так уда́чно, что сразу разби́ла их строй. В во́здухе начала́сь су́толока. Оба стро́я распа́лись на отде́льные сража́ющиеся па́ры и четвёрки. Истреби́тели стара́лись пересе́чь проти́вника линиями пулевы́х трасс, зайти́ в хвост, атакова́ть сбо́ку.

Па́ры кружи́лись, гоня́лись друг за дру́гом, и в во́здухе зате́ялся сло́жный хорово́д.

Только о́пытный глаз мог разобра́ться в этой су́толоке, точно так же, как только о́пытный слух мог различи́ть отде́льные зву́ки, врыва́вшиеся через нау́шники в у́ши пило́та. Что только не звуча́ло в эту мину́ту в эфи́ре: и хри́плая, со́чная брань иду́щего в ата́ку, и вопль у́жаса подби́того, и крик торжества́ победи́теля, и стон ра́неного, и скре́жет зубо́в напряга́ющегося на крутом вира́же, и хрип тяжёлого дыха́ния. Кто-то в упое́нии бо́я кричал пе́сню на чужо́м языке́, кто-то, а́хнув по-де́тски, сказал «ма́ма», кто-то, должно́ быть, нажима́я на гаше́тки, зло приговаривал: «На́ тебе, на́, на́, на́!»

Наме́ченная же́ртва ускользну́ла из мере́сьевского прице́ла, место неё он уви́дел выше себя «як», к хвосту́ кото́рого про́чно прицепи́лся прямокры́лый, сигарообра́зный «фо́ка». От кры́льев «фо́ки» уже тяну́лись к «я́ку» две паралле́льные поло́ски трасс. Они коснулись его хвоста́. Мере́сьев свечо́й бро́сился вверх на вы́ручку. На каку́ю-то до́лю секу́нды над ним мелькну́ла тёмная тень, и в ту тень он постара́лся всади́ть дли́нную о́чередь из всего́ своего́ оружия. Он не ви́дел, что произошло́ с «фо́кой». Он видел только, что «як» с повреждённым хвосто́м дальше лете́л уже один.

II.

В уша́х звене́ло, треща́ло, пе́ло, звуча́ли на двух языка́х вскри́ки торжества́ и у́жаса, хрипе́ние, зубо́вный скре́жет, брань, тяжёлое дыха́ние. Каза́лось по этим зву́кам, что бо́рются не истреби́тели высоко над землёй, каза́лось, что враги́ сцепи́лись врукопа́шную и, хрипя́ и задыха́ясь, напряга́я все си́лы, ката́ются по земле́.

Мере́сьев осмотре́л во́здух, намеча́я проти́вника, и вдруг почу́вствовал, как у него сра́зу похолоде́ла спина́ и во́лосы шевельну́лись на заты́лке. Чуть пони́же он уви́дел «ЛА-5» и атаку́ющего его сверху «фоку». Он не заме́тил но́мера сове́тского самолёта, но по́нял, почу́вствовал, что это Петро́в. «Фокке-вульф» нёсся прямо на него, строча́ из всего своего ору́жия. Жить Петрову остава́лось до́ли секу́нды. Это происходи́ло сли́шком бли́зко, и Алексе́й не мог бро́ситься на помощь дру́гу, соблюда́я пра́вила возду́шной ата́ки. Не было ни времени, ни места, чтобы развернуться. Жизнь товарища, стоя́вшая на ка́рте, заста́вила Мере́сьева итти на риск. Он бро́сил свою́ маши́ну по вертика́ли вниз и приба́вил га́зу. Самолёт, увлека́емый со́бственной тя́жестью, помно́женной на ине́рцию и на полную мощь мото́ра, весь содрога́ясь от необыча́йного напряже́ния, ка́нул ка́мнем, нет, не ка́мнем, а раке́той, прямо на короткокры́лое тело «фоки», опу́тывая его ни́тками трасс. Чу́вствуя, что от безу́мной этой ско́рости, от ре́зкого сниже́ния созна́ние уходит, Мере́сьев нёсся в про́пасть и едва́ заме́тил помутне́вшими, налиты́ми кровью глаза́ми, что где-то перед са́мым его винто́м «фока» оку́тался ды́мным о́блаком взры́ва. А Петров? Он куда-то исчез. Где он? Сбит? Спры́гнул? Ушёл?

Не́бо круго́м было чи́сто, и отку́да-то и́здали, с неви́димого уже́ самолёта, в притихшем эфи́ре гуде́л голос:

— Я — Ча́йка два, Федо́тов, я — Чайка два — Федотов. Подстра́ивайтесь, подстра́ивайтесь ко мне. Домо́й. Я — Ча́йка два...

Должно́ быть, Федо́тов уводи́л гру́ппу.

После того́, как Мере́сьев, распра́вившись с «фокке-ву́льфом», вы́вел свой самолёт из сумасше́дшего вертика́льного пике́, он, жа́дно и тяжело́ дыша́, наслажда́лся наступи́вшим поко́ем, ощуща́я радость минувшей опасности, радость побе́ды. Он взгляну́л на ко́мпас, чтобы определи́ть обра́тный

путь, и нахму́рился, заметив, что бензи́на мало и вряд ли хва́тит до аэродро́ма. Но бо́лее стра́нное, чем бензоме́р со стре́лкой, бли́зкой к нулю́, он увидел в сле́дующее мгнове́ние. Из мохна́тых косм пуши́стого о́блака прямо на него нёсся бог весть отку́да взя́вшийся «фокке-вульф 190». Думать было не́когда, уходи́ть не́куда.

Ераги́ стреми́тельно понесли́сь друг на друга.

III.

Алексе́й Мере́сьев и неизве́стный ему немецкий асс из знамени́той дивизии «Рихтго́фен» шли на ата́ку в лоб. Лобова́я ата́ка в авиа́ции продолжа́ется мгнове́ния, за которые самый прово́рный человек не успе́ет закури́ть папиро́су. Но эти мгнове́ния тре́буют от лётчика тако́го не́рвного напряже́ния, такого испыта́ния духо́вных сил, како́го в назе́мном бою хвати́ло бы на целый день сраже́ния.

Предста́вьте себе́ два скоростны́х истреби́теля, несу́щихся прямо друг на дру́га на по́лной боево́й ско́рости. Ещё мгнове́ние — и самолёты столкну́тся и разлетя́тся в такие кло́чья, по каки́м нельзя будет угада́ть ни маши́ну, ни челове́ка. Тот, кто малоду́шен, кто не выде́рживает чудо́вищного не́рвного напряже́ния, кто не чу́вствует себя в силах поги́бнуть для побе́ды, тот инстинкти́вно рванёт ру́чку на себя, чтобы перескочи́ть несу́щийся на него смерте́льный урага́н, и в сле́дующее мгнове́ние его самолёт полети́т вниз с распо́ротым бро́хом или отсечённой пло́скостью. Спасе́ния ему́ нет. Опытные лётчики отли́чно это зна́ют и лишь са́мые хра́брые из них реша́ются на лобову́ю ата́ку.

— Держи́сь, «Рихтгофен»! — промыча́л сквозь зу́бы Алексе́й и до кро́ви закуси́в гу́бы, сжа́вшись в комо́к твёрдых му́скулов, впился глаза́ми в цель, всей своей во́лей заставля́я себя не закрыва́ть глаз перед несу́щейся на него́ вра́жеской маши́ной.

— Всё! — подумал он, ещё плотне́е сти́снув в туго́й комо́к все свои му́скулы. — Всё! — Смотря́ вперёд, он лете́л навстре́чу нараста́ющему ви́хрю. Нет, не́мец тоже не отвернёт. Всё!

Он пригото́вился к мгнове́нной сме́рти. И вдруг где-то, как ему́ показа́лось, на расстоя́нии вы́тянутой руки́ от его самолёта, немец не вы́держал, скользну́л вверх, и когда́ впереди́, как вспы́шка мо́лнии, мелькну́ло освещённое со́лнцем голубо́е брю́хо, Алексей, нажа́в сра́зу все гашётки, распоро́л его тремя́ о́гненными струя́ми. Он тотча́с же сде́лал мёртвую пе́тлю и, когда земля́ проноси́лась у него над голово́й, уви́дел на её фо́не ме́дленно и бесси́льно порха́ющий самолёт. Неи́стовое торжество́ вспы́хнуло в нём. Он позабы́л обо всём и стал выче́рчивать в во́здухе круты́е круги́, провожа́я немца в его после́дний путь до са́мой красне́ющей от бурья́на земли́, пока́ немец не ударился о неё, подня́в целый столб чёрного ды́ма.

Только тогда не́рвное напряже́ние Мере́сьева прошло́, окамене́вшие му́скулы распусти́лись, он почу́вствовал огро́мную уста́лость и сра́зу же взгляд его упал на цифербла́т бензоме́ра. Стре́лка вздра́гивала о́коло са́мого нуля́.

IV.

Бензи́ну остава́лось минуты на́ три, хорошо, если на четы́ре. До аэродро́ма же надо было лете́ть, по крайней ме́ре, десять минут. Если бы ещё не тра́тить вре́мени на набо́р высоты́. Но это провожа́ние сби́того «фоки» до земли́! . . «Мальчишка, дура́к!» — руга́л он себя́.

Мозг рабо́тал о́стро и я́сно, как всегда́ быва́ет в минуту опа́сности у сме́лых, хладнокро́вных люде́й. Пре́жде всего набра́ть максима́льную высоту́. Но не круга́ми, нет: набира́ть, одновре́менно приближа́ясь к аэродро́му. Хорошо.

Поста́вив самолёт на ну́жный курс и ви́дя, как земля́ стала отодвига́ться и постепе́нно оку́тываться по горизо́нту ды́мкой, он продолжа́л уже споко́йнее свои расчёты. На горю́чее наде́яться не́чего. Сесть на пути́? Где? Он мы́сленно вспо́мнил всю коро́ткую трассу. Лиственные леса, боло́тистые переле́ски, холми́стые поля́, все переко́панные вкривь и вкось, сплошь изры́тые воро́нками, оплетённые колю́чей про́волокой.

— Нет, — сесть, — это смерть.

Прыгать с парашю́том? Это мо́жно. Но самолёт, эта чу́дная, вёрткая, прово́рная птица! Бро́сить её, разби́ть, преврати́ть в гру́ду алюми́ниевых лохмо́тьев! И пото́м — из пе́рвых же боевых полётов вернуться без машины, окола́чиваться в резе́рве в ожида́нии новой, снова безде́йствовать в такое горя́чее время, когда на фро́нте уже рожда́лась наша большая побе́да. И в такие дни слоня́ться без дела...

— Как бы не так, — вслух сказа́л Алексе́й, то́чно с се́рдцем отверга́я сде́ланное ему́ кем-то предложе́ние.

Лете́ть, пока не остано́вится мотор! А там? Там ви́дно будет.

И он лете́л, с высоты трёх, потом четырёх тысяч ме́тров осма́тривая окре́стности, стара́ясь увидеть где-нибудь хоть небольшу́ю поля́нку. На горизо́нте уже́ сине́л неясно лес, за которым был аэродро́м. До него остава́лось киломе́тров пятна́дцать. Стрелка бензоме́ра уже́ не дрожи́т, она про́чно лежи́т на ви́нтике ограничи́теля. Но мото́р ещё рабо́тает. На чём он работает? Ещё, ещё выше... Так!

V.

Вдруг равноме́рное гуде́ние, кото́рого у́хо лётчика даже не замеча́ет, как не замеча́ет здоро́вый челове́к бие́ния своего се́рдца, перешло́ в ино́й тон. Алексе́й сразу улови́л

его́. Лес отчётливо ви́ден, до него киломе́тров семь. Над ним — три-четыре. Немно́го. Но режи́м мото́ра уже зловеще измени́лся. Лётчик чу́вствует это всем те́лом, как будто не мото́р, а сам он стал задыха́ться. И вдруг это стра́шное — «чих, чих, чих», кото́рое, точно о́страя боль, отдаётся во всём его те́ле.

Нет, ничего́. Сно́ва рабо́тает равномерно. Работает, работает, ура́! Работает! А лес, вот он уже́, лес: уже видны сверху берёзы, зелёная, курча́вая пе́на, шевеля́щаяся под со́лнцем. Лес. Теперь уже совершенно невозмо́жно сесть где-нибудь, кроме своего́ аэродро́ма. Пути отре́заны. Вперёд, вперёд!

Чих, чих, чих!..

Опя́ть загуде́л. Надо́лго ли? Лес внизу́. Доро́га вьётся по песку́, прямая́ и ро́вная, как пробо́р на голове́ команди́ра полка́. Теперь до аэродро́ма киломе́тра три. Он там, за зубча́той кро́мкой, которую Алексе́й, ка́жется, уже́ ви́дит.

Чих, чих, чих, чих! И вдруг стало ти́хо, так тихо, что слы́шно, как гудя́т снасти на ветру́. «Всё?» Мересьев почу́вствовал, как весь холодеет. Пры́гать. Нет, ещё немного... Он перевёл самолёт на поло́гое сниже́ние и стал скользи́ть с возду́шной горы́, стремя́сь сде́лать её по возмо́жности бо́лее отло́гой и в то же время не дава́я маши́не опроки́нуться в што́пор.

Как страшна́ в во́здухе эта абсолю́тная тишина́! Така́я, что слы́шно, как потре́скивает остыва́ющий мото́р, как кровь бьётся в виска́х и шуми́т в уша́х от быстрой поте́ри высоты́. И как бы́стро несётся навстре́чу земля́, точно тя́нет её к самолёту огро́мным магни́том!

Вот она, кро́мка леса. Вот мелькну́л вдали́ за ней изумру́дно зелёный лоскуто́к аэродро́ма. По́здно? Останови́в-

шись на полуоборо́те, висúт винт. Как стра́шно ви́деть его на лету́. Лес уже бли́зко. Коне́ц? Пры́гнуть? По́здно! Лес несётся, и верши́ны его в стреми́тельном урага́не слива́ются в сплошны́е зелёные по́лосы. Он где́-то уже видел что́-то подо́бное. Где? Ах, тогда весно́й, во время той стра́шной катастро́фы. Тогда вот так же несли́сь под крыло́ зелёные по́лосы. После́днее уси́лие, ру́чку на себя́ ...

Послы́шался глухо́й звук, хруст гра́вия и ше́лест травы́ — такой необы́чный потому́, что лётчики никогда его не слы́шат из-за клёкота рабо́тающего мото́ра.

Сел самолёт, и и́менно «оди́ннадцатый», как раз тот са́мый, кото́рого все так жда́ли.

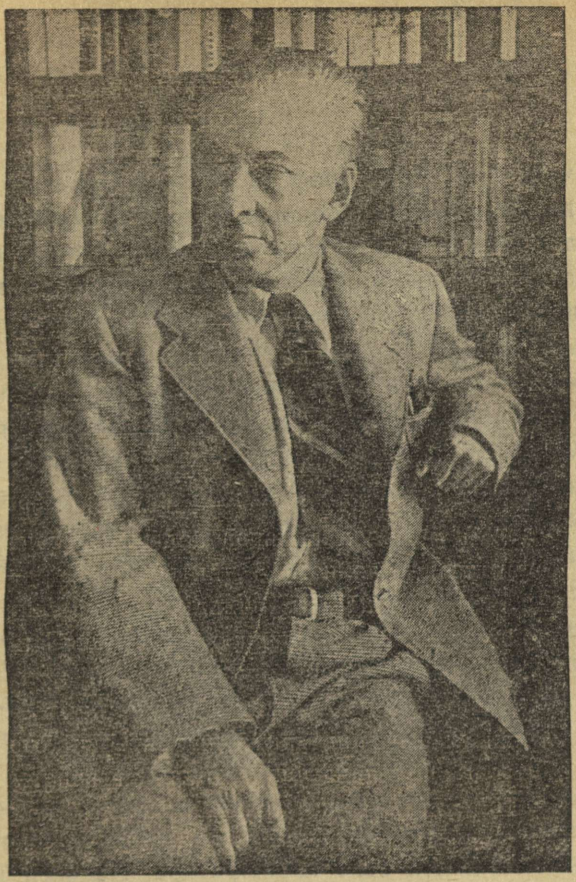
Задание.

1. Составьте план к данному отрывку из «Повести о настоящем человеке», расскажите по плану.
2. Расскажите о кинофильме «Повесть о настоящем человеке».

22. Наша слава, наша любовь.

Илья́ Эренбург.

Кто из советских гра́ждан, встреча́я на улице, на дороге солдата Советской Армии, не испы́тывает чувства го́рдости и большой серде́чной любви́! Ведь это наши братья, наши дети, наша слава, наша наде́жда. Мы видим их теперь весёлыми, споко́йными, в но́веньких гимнастёрках, а перед глазами встаёт другое — затемнённые города, чёрные вокзалы, эшело́ны и в линя́лых гимнастёрках под злым солнцем сте́пи или в затверде́вших полушубках среди буранов — эти самые или их старшие братья, всё равно — наши братья, наша армия. И мы думаем о поги́бших: нет, не напрасно они о́тдали свою жизнь! Если теперь стро́ят и́збы, воздвига́ют большие города, если горя́т детские ёлки, если оркестр



исполняет увертю́ру, если поэт пишет стихи, если мерца́ют фонари́ вокруг милого Пушкина, то это потому, что есть на свете Советская Армия. Наши герои победили не только наших вчера́шних враго́в, они связа́ли руки поджига́телям новой войны.

23. По дороге на пролив.

(Отрывок из романа «Далеко от Москвы».)

Василий Ажáев.

На четвёртом рейсе шофёра Мáхова постúгла неудáча. До сих пор машина шла хорошо, и вдруг мотóр чуть слышно хлóпнул. Снова стук, сухúе щелчкú, мотор чихнýл и заглóх. Машина по инéрции пробежáла ещё несколько метров и остановúлась. Срáзу стало необыкновéнно тихо.

Махов толкнýл двéрцу — в кабúну ворвáлся ветер и обжёг ему лицо. Ещё выезжáя из бáзы, он слышал разговоры о том, что температýра понúзилась до сорокá пяти грáдусов. Махов пóднял капóт и включúл свет. Мотор остывáл, холод пронúзывал до костéй, и шофёра не защищáли ни полушýбок, ни вáтная телогрéйка. Торопúсь, Махов открыл карбюрáтор. Он был пуст: бензин лúбо не проходúл, либо, вопрекú расчёту, кóнчился.

Пáльцы у Махова одеревенéли и занúли. Мóрщась от боли, он отвернýл конец бензопрóвода и снял трýбку. Теперь предстоя́ло сáмое неприя́тное. Махов приложúлся губáми к трубке и подýл. Вúскочил комок снега, полетели брúзги — горю́чего не было. Закры́в глаза, Махов оторвáл примёрзшие к трубке гýбы. Облúзывая кровь, он уже почтú бесчýвственными рукáми стáвил на место трубку, потом искáл завалúвшийся болт карбюрáтора. Наконéц нашёл и долго не мог взять его пáльцами.

Досáдуя и всё больше тревóжась, Махов смотрел на дорогу. Почему же всё ещё не покáзывалась машина Сóлнцева? Можно бы заня́ть у него горю́чего и с его пóмощью оживúть машúну. Обúдно было, что Солнцев на этом выгáдывал. Впервы́е за время их соревновáния на перевозке труб Солнцев придёт первым, и Мýся Кýчина, буфéтчица

премиа́льного ларька́, не Со́лнцеву, как обы́чно, а и́менно ему, Махову, скажет с издёвкой: «Твой друг-проти́вник уже полча́сика тому назад разгрузи́лся, вы́пил свой ко́фий, получил папиро́сы, закури́л и поехал в новый рейс».

Но сейчас было уже и не до пре́мии и даже не до пе́рвенства. Пока Махов затя́гивал болты́, руки его стали во́все бесчу́вственными и — что ещё хуже — совсем остыва́ла машина. Шофёр бе́шено колоти́л руками по коле́ням. Вдруг

ему послы́шалось похру́стывание замерза́ющих тру́бок радиа́тора — этот звук сло́вно цара́пнул его по се́рдцу. Он ки́нулся, чтобы спусти́ть во́ду, и за́мер, у́видев приближа́ющуюся, наконец, машину Солнцева.

Махов замаха́л руками, машина останови́лась. Не вылеза́я из кабины́, Солнцев насме́шливо кивну́л сопе́рнику и, не разду́мывая, сра́зу отказа́л в горю́чем.

— Гот ещё! — крикнул он, пересиливая шум своего́ гудя́щего мото́ра. — Называется, своего́ коня́ отдай, а сам то́пай пешко́м ... Мне самому горю́чего, по всему́ видно, нехва́тит. Не́чего было зева́ть. Да и невы́годно мне дели́ться с тобой. Пока́!

Он захло́пнул дверцу кабины́ и уехал. Остолбене́вший Махов не нашёл слов, чтобы выразить своё негодова́ние. Лишь когда машина ушла и Солнцев уже не мог его услы́шать, он обрёл дар сло́ва.

— Су́кин ты сын, товарища в беде́ бросил! — закричал Махов, с по́днятыми кулака́ми ки́нувшись вслед за Солнцевым. — Ах ты, индивидуали́ст пога́ный! — Слово «индивидуалист» сделалось с лёгкой руки́ Рогова руга́тельным у шофёров.

В волне́нии Махов забыл о своей машине. Он стоял на дороге и при́стально смотрел на превати́вшийся в чёрную точку грузови́к Солнцева, сло́вно хотел силой взгля́да останови́ть его. Пото́м верну́лся и стал разводи́ть костёр, е́ле сде́рживаясь, чтобы не закрича́ть от боли в согрева́ющихся пальцах. За́нятый костро́м, он не заме́тил, как подъехала полу́торка с шофёром-нана́йцем в кабине. Это председа́тель сельсове́та Максим Ходжер направлялся в районный центр. Узнав о неудаче Махова, и он, и шофёр, не сгова́риваясь, предложи́ли ему свой бензин.

— Тебе тру́бы надо довезти — это важне́й, я могу и вер-

ну́ться, — говорил Ходжер, помога́я переливать горю́чее из бака в бак.

Махов, взволно́ванный, не умея вы́разить охвати́вшее его чу́вство, только пожа́л руку Ходжеру и, уже забра́вшись в каби́ну, сказал, с трудо́м шевеля изуро́дованными губа́ми:

— Век не забуду, Макси́м. Вы́ручил меня. Теперь должни́к я твой.

Проехав киломе́тра три, Махов сквозь промёрзшее стекло́ увидел впереди себя автомашину. Передними колёсами она глубоко вры́лась в придоро́жный сугроб, так что ку́зов с прице́пом и тру́бами развернулись почти поперёк дороги. У машины суети́лся Солнцев. Зави́дев подъезжа́ющего, он поднял руку. Переведя́ скорость и затормози́в, Махов не останови́лся, а лишь приоткры́л окно и крикнул:

— Счастли́во остава́ться! Не забу́дьте во́ду спусти́ть из радиа́тора. И сове́тую, не теря́я времени, сбегать за помощью — тут недалеко, киломе́тров десять. До приятной встре́чи!

И Махов осторо́жно проехал мимо. Но гнев и раздраже́ние уже оставили его. Через мину́ту у него защеми́ло сердце. По тому, как стояла машина Солнцева, он понял, что тот пыта́лся поверну́ть обратно. «Наверняка́ хотел вернуться ко мне», — подумал Махов.

— Потом сро́ду не прости́шь себе такой по́длости! — сказал он уже вслух и остановил машину.

Кряхтя́ и ту́жась, Махов отсоедини́л прице́п с тру́бами, развернулся на дороге и поехал обратно. Солнцев встретил его радостным во́згласом.

— Ты, брат, прости́ меня, — винова́то сказал он Махову. — Даже и не пойму́, как я мог вы́кинуть подо́бный но́мер. Фо́рменный индивидуали́ст! Что у тебя с губа́ми? Смотри, кровь! На́ платок, вытри поаккуратней!..

Они изря́дно попыхте́ли, сообща́ выта́скивая на буксире завя́зшую машину.

— Не смог уехать, со́весть заговорила, — объясня́лся Солнцев. — Начал повора́чивать, да поторопи́лся и завя́з в сугро́бе. Стою́ и с ума́ схожу́ — и уже не за себя, а за тебя трево́жусь... Когда ты мимо проехал, я даже не рассерди́лся — так рад был, что ты вы́брался. Да и знал почему-то, что не уе́дешь, вернёшься... Скажи, откуда в нас этот капитализм?..

Они взглянули друг на друга и рассмея́лись. Махов отбросил в сторону оку́рок с окровавленным мундшту́ком и реши́тельно сказал:

— Об этом слу́чае будем молча́ть. Стыдно перед людьми́... Понял?

Весь оста́ток ре́йса они ехали вместе, вместе вошли и в ларёк — так назывался автобус, где была обору́дована передвижна́я заку́сочная для шофёров. Шофёры, довози́вшие груз до места, получали, сверх поло́женной нормы пита́ния, дополни́тельный завтрак в ка́честве пре́мии.

Му́ся Ку́чина, краснощёкая хозяйка автобуса, с удивле́нием посмотрела на вошёдших в облаке па́ра шофёров. Полушубки свои они оставили в машинах. От обоих е́дко пахло бензином.

— Чудно́ мне! Никогда ещё не было, чтобы сразу вдвоём приезжали. Каким-то образом Солнцев сегодня догна́л Махова, — сказала она.

Муся обращалась к Батма́нову, который сидел здесь же вместе с Беридзе, Ковшо́вым, То́полевым, Филимо́новым и Либерма́ном. Начальник строи́тельства со своей бригадой ехал на дальний уча́сток и останови́лся в передвижно́м ларьке́ Муси, чтобы обогре́ться. Шофёры, увидев начальство, в замеша́тельстве топта́лись на месте.

— Заходите, друзья! — пригласи́л Батманов, с интере-

сом пригля́дываясь к ним. — Получайте ваши премии да рассказывайте, как они вам достаю́тся. А я-то всё удивляюсь, почему на уча́стке Ро́гова так быстро продвига́ется развóзка!

Махов и Солнцев сняли шапки и присе́ли к одному́ из столиков, устано́вленных внутри вмести́тельного автобуса. Муся тотчас подбежала к ним с двумя дымя́щимися кру́жками кофе, бутербро́дами и папиросами на подно́се. Внимательно взглянув на Махова, у которого ярко выделились на лице неесте́ственно алые губы, она насто́йчиво и с беспоко́йством спросила:

— Почему ты отстал сегодня? И что у тебя с губами? С кем ты целова́лся на морозе?

Махов, не отвеча́я, взял кружку, с жа́дностью припа́л к ней. И тут же отстрани́л — горячим питьём ему обожгло́ губы.

— У меня ава́рия случилась, он вы́ручил. А целоваться пришло́сь с карбюратором, — ответил за него Солнцев. — Поняла́?

— Очень поняла! — повеселе́ла Муся, с торжество́м взгляну́в на Батманова. Тот о чём-то шепта́лся с Либерманом.

— Подождите, друзья, не беритесь пока за кофе. Тут и от нас причита́ется вам небольшая премия, — повернулся он к шофёрам.

Либерман, любе́зно улыбаясь, поставил перед ними буты́лку спирта, консе́рвы и положил две пли́тки шокола́да.

— Спасибо, товарищ Батманов, — сказал Махов. — Зря вы считаете, что мы из-за премий стараемся.

Батманов всю дорогу твердил инжене́рам, что надо торопи́ться на проли́в и не терять ни минуты зря. Однако авто́бус Муси Кучиной, видимо, так понравился ему, что он уже два часа провёл в нём, разговаривая с подъезжа́ю-

щими шофёрами. Спу́тники его, изря́дно промёрзшие за́ день, были рады слу́чаю посидеть в тепле́.

— Не за премию ста́раетесь? — с деланным удивлением спросил он.

— Есть вещи поважнее. Фронту помогаем, товарищ Батманов, — строго ответил Махов. — У Солнцева дружок вою́ет вместе с Рокоссо́вским — немцев отогнал от Москвы. Солнцев обяза́тельство взял перед ним — перекры́ть свою но́рму в полтора́ раза. Вчера он сто пятьдесят с лишним дал.

— У нас очень поднялось настрое́ние, когда узнали про победу, — сказал Солнцев.

— И ме́тод товарища Ковшова, конечно, хорошо помо́г делу. Поэтому с развёзкой лучше стало, и бро́совых труб теперь на участке не найдёшь.

— Метод не Ковшо́ва, а Махова, — попра́вил шофёра Алексей.

— Значит, премии напрасно ввели́, — сло́вно про себя, сказал Батманов, пресле́дуя какую-то свою цель в беседе.

— Не напрасно, — возразил Махов. Он говорил спокойно и ве́ско. Батманов с симпа́тией рассматривал его серьёзное ю́ношеское лицо. — Каждому прия́тно в тайге́ челове́ческую заботу о себе встретить. — Он кинул взгляд на Мусю и улыбнулся. — Да у нас эти кру́жки с ко́феем вроде показа́телей вы́работки стали теперь! Не спрашиваем друг у друга, сколько труб развёл, а сколько кружек выпил. — Снова покоси́вшись на девушку, он добавил с вы́зовом.

— Ну, а если б и не было тут Муси с её добрым автобусом, все равно старались бы!

— Гот как! — задо́рно сказала Муся. — Учтём заме́чание, товарищ Махов!

— Я так и понимал, товарищи, что не за премии старались, — мягко сказал Батманов. — На мои слова́ не оби-

жа́йтесь. А это, — он кивну́л головой на разло́женные Либерманом продукты, — премией не считайте.

Разговор скоро сделался о́бщим, инженеры расспра́шивали шофёров о работе, о жи́зни участка.

— Так, чей же, всё-таки этот метод развóзки труб? — спросил Батманов. — Мне рассказывали, что вы вта́йне хотели его сохрани́ть.

— Во́зим ведь по новому методу — и ладно. А кто внёс предложение — не важно, в конце концо́в, — рассуди́л Махов.

— В о́бщем-то правильно получи́лось, — согласи́лся Батманов. — Не хотите об этом говорить — не надо, пусть ваша та́йна остаётся при вас. — Он взглянул на Мусю. — И ещё одну вашу тайну вижу.

Муся вмеша́лась в разгово́р:

— Я вам скажу́, товарищ начальник строи́тельства, почему так получилось у Махова. Нехорошо, если и у вас непра́вильное мне́ние будет ... Махов проверя́л метод, чтоб ошибки не вышло, и считал, что рано ещё лю́дям его предлага́ть. В этот момент как раз инжене́р-то подоспе́л, — она метну́ла на Ковшова недово́льный взгляд.

— Тоже мне защи́тник! — смущённо бу́ркнул Махов, подня́лся и надел шапку.

— Можно верну́ться к машине, товарищ начальник? — спросил он Батманова. — У нас впереди́ ещё два ре́йса.

— Можно, — сказал Василий Максимович, тоже поднима́ясь. — Нам пора двигаться, засиде́лись мы в гостя́х у Муси ... Кста́ти, у меня к вам есть предложение, товарищ Махов. Я еду на проли́в, там мне нужны́ смелые и бодрые ребята. Много гру́зов придётся перевозить на остров — большое и трудное дело. Думаю вас на пролив перебро́сить. И Мусю с её автобусом тоже. Не возража́ете?

Все рассмея́лись, Муся спря́талась за буфетную сто́йку.

— Муся сама себе хозяин и ко мне отношения не имеет, — хмурясь, ответил Махов. — А лично я согласен, если только моё согласие требуется. У нас на участке теперь уж как-то больно спокойно стало. Да и с начальником Роговым мне не вредно расстаться. Он мне «индивидуалиста» приклеил и забыть не может, что я не обратился к нему с предложением, обошёлся без него.

Они вышли на улицу. От жгучего холода захватывало дыхание. Муся, накинув на плечи бушлат, выбежала, чтобы отдать шофёрам консервы и шоколад, оставленные ими.

— Это тебе за твою защиту! — сердито сказал Махов, возвращая ей шоколад и озираясь на начальника строительства.

— И нечего торчать на морозе, термометр показывает пятьдесят градусов!..

Задание.

I. Составьте план и расскажите по плану.
II. Какие положительные (positiivsed) черты советских людей раскрывает автор в данном отрывке романа?

24. Поднятая целина.

(Отрывок.)

М. А. Шолохов.

— Теперь, товарищи, выслушайте моё короткое и важное слово к вам. Вы почти все работаете плохо. Очень плохо! Нормы никем, за вычетом Майданникова, не выполняются. Это — позорный факт, товарищи вторая бригада! С такой работой можем вмиг влететь на чёрную доску, да так и присохнем на ней! В колхозе имени Сталина и вдруг такое явление безобразия! Надо в корне пресечь это дело!

— Дю́же норма не по силам! Быки́ не тянут, — сказал Аки́м Бесхле́бнов.

— Не под си́лу? Быка́м? Чепуха́! А почему́ же быкам Майда́нникова под силу? Я остаю́сь в вашей брига́де, беру́ быков Атаманчуко́ва и покажу́ вам на живом примере, что можно за день вспаха́ть одно га и даже одно с четвертью.

— Э, Давы́дов, да ты — ловка́ч! У тебя́ гу́ба не дура, — засмеялся Куженко́в, зажав в руке́ короткий оклад седова́той бороды́. — На быках Атаманчуко́ва можно чорту рога́ свернуть! На них одно га это и я бы вспаха́л...

— А на своих ты не вспа́шешь?

— Сро́ду нет!

— Ну, давай поменя́емся? Ты на атаманчуко́вых, а я — на твои́х! Ладно?

— Давай спыта́ем, — подумав, серьёзно и осторо́жно отвечал Куженков.

Ночь Давыдов провёл беспоко́йно. Он спал в полево́й бу́дке, часто просыпа́лся, то ли от того́, что греме́ла под ветром желе́зная крыша бу́дки, то ли от полуно́чного хо́лода, забира́вшегося под непросо́хшее от дождя́ пальто, то ли от блох, густо насели́вших разо́стланную под ним овчи́нную шубу...

На заре его разбудил Кондра́т Майда́нников. Он уже по́днял на́ ноги всю бригаду. На за́падной окра́ине неба ту́скло просве́чивали звёзды, молодой, со́гнутый сагайда́ком месяц золотой насе́чкой красова́лся на сизостально́й кольчу́ге неба. Давыдов умывался, че́рпая воду из пруда, а Кондрат стоял около и, поку́сывая кончик уса, говорил:

— За день десятину с га́ком — это много дел... Загнул ты вчера́сь через край, товарищ Давыдов. Как бы нам с тобой не опростоволо́ситься...

— Всё в наших руках, всё наше! Чего ты бои́шься, чудак? — бодри́л его Давыдов, а про себя думал: «Умру́ на

пашне, а сделаю! Ночью при фонаре́ буду паха́ть, а вспашу́ десяти́ну с че́твертью, иначе нельзя. Позо́р всему рабочему классу...»

Пока Давыдов вытирал лицо подо́лом парусино́вой толсто́вки, Кондрат запря́г своих и его быков, крикнул:

— Пошли!

Под скрип колёсен плугов Кондрат объясня́л Давыдову простые, десятилетиями скла́дывавшиеся осно́вы па́хоты на быках...

— Вы пахать-то пахали когда?

— Нет, браток, не приходи́лось. Плуг я приблизи́тельно знаю, а пускать его в действие не могу. Ты мне укажи, я поня́тливый...

. . . . . .

До завтрака Давыдов вспахал около че́тверти десяти́ны. Он не́хотя похлеба́л каши, дожда́вшись, пока поели быки, мигну́л Кондрату.

— Начинаем?

И снова, борозда́ за борозда́ми — валится изрезанная чересло́м и ле́мехом спрессованная столетиями почва, тянутся к небу опроки́нутые, мёртво скрю́ченные корневи́ща трав, издро́бленная дерни́стая верхушка прячется в чёрных валах. Земля сбочь отва́ла коли́шется, перевора́чивается, словно плывёт. Пре́сный запах чернозёма живи́телен и сладок. Солнце ещё высоко, а у подру́чного быка уже темнеет от по́та линю́чая шерсть...

К вечеру у Давыдова тяжко ны́ли потёртые боти́нками ноги, болела в поясни́це спина. Спотыка́ясь, обмерял он свой уча́сток и улыбнулся спёкшимися, почерне́вшими от пы́ли губами: вспахана за́ день одна десятина.

— Ну, сколько наворо́чал? — с чуть приметной улыбкой, с ехи́дцей спросил Куженков, когда он, волоча́ ноги, подошёл к ста́ну.

— А сколько бы ты думал?

— Полдесяти́ны одолел?

— Нет, чорт тебя задери, десятину и лан.

Куженков, смазывавший сурчи́ным жиром порезанную об зубья бороны́ ногу, закряхте́л, пошёл к клетке Давыдова ме́рять ... Через полчаса́, уже в густы́х су́мерках, вернулся, сел подальше от огня.

— Что ж ты молчишь, Куженков? — спросил Давыдов.

— Нога что-то разболелась ... А говорить не́чего, вспаха́л, ну и вспахал ... Делов-то! — не́хотя ответил тот и прилёг возле огня, натя́гивая на голову зипу́н.

. . . . . .

Ночью Давыдов не слышал ни уку́са блох, ни ржа́нья лошадей, ни го́гота припозда́вшей стани́цы диких гусей, ночева́вших на гре́бне перева́ла, — уснул мертво́.

В этот день в вечеру Давыдов вспахал десятину и два лана, Любишкин — ровно десятину, Куженков — десятину без малого, и соверше́нно неожи́данно для них на первое место вы́бился Анти́п Грач, до этого находи́вшийся в группе отста́лых. Он работал на отоща́вших Титко́вых быках. Когда полудновали — промолчал о том, сколько вспахал; после обеда жена его, рабо́тавшая с ним пого́нычем, кормила быков своей упря́ги из подо́ла, насы́пав туда шесть фу́нтов причита́вшихся быка́м концентра́тов, а Антип даже хлебные кро́хи, оставшиеся после обеда, вы́сыпал жене́ в подол, — быкам на подко́рмку. Любишкин приметил это, усмехнулся:

— Тонко натя́гиваешь, Антип!

— И натяну́! Наша поро́да в работе не из последних!— вызыва́юще кинул ещё более почерневший от ве́шнего загара Грач. Он-таки натянул; к вечеру у него оказа́лась вспа́ханной десятина с четвертью. Но уже за́темно пригнал к стану быков Кондрат Майданников. На вопрос Давыдова:

«Сколько к шабáшу?» — прохрипел: «Без лана полторы. Дайте табачку на цыгáрку... с полдён не курил...» — и глянул на Давыдова торжествýющими глазами.

Задание.

1. Расскажите, чего достиг (saavutas) Давыдов тем, что сам стал пахать.
2. Чему можно учиться у Давыдова?

25. В лесном поселении.

(Отрывок из «Повести о настоящем человеке».)

Б. Полевой.

Много такого, что глубокó поразило его, увидел Алексей в этом лесном поселéнии. Немцы лишили жителей Плáвней домов, добрá, инвентаря́, скота, одежды — всего, что нáжито было трудом многих поколений; жили люди теперь в лесу, терпели великие бéдствия, страх от ежеминутной угрóзы, что немцы их откроют, голодали, умирали, — но колхоз, который передовикам в тридцатом году, после полугодовóй брани и споров, еле-еле удалóсь организовать, не развали́лся. Наоборóт, великие бедствия войны ещё больше сплоти́ли людей. Даже земля́нки рыли коллективно и расселились в них не по-старому, где кому пришлóсь, а по бригадам. Председательские обя́занности, взамéн убитого зя́тя, взял на себя́ дед Михайла. Он свято блюл в лесу колхозные обы́чаи, и вот теперь руководи́мая им пещéрная деревня, за́гнанная в чащу бора, по бригадам и звеньям готовилась к весне.

Страдающие от гóлода крестьянки снесли и ссыпали в общую землянку до последнего зёрнышка всё, у кого что сохранилось после бéгства. За телятами от коров, заблаго-

вре́менно уведённых от немцев в лес, был устано́влен строжайший ухо́д. Люди голодали, но не резали обще́ственного скота́. Риску́я поплатиться жизнью, мальчишки ходили на старые пепели́ща и в углах пожарища выкапывали посиневшие от жара плуги. К наиболее сохранившимся из них приделали деревянные ручки. Из мешковины мастерили я́рма, чтобы с весны начать пахать на коровах. Бабьи бригады ловили по наря́дам в озёрах рыбу, и ею всю зиму пита́лась дере́вня.

Хоть дед Михайла и ворча́л на «своих баб» и зажима́л уши, когда они затева́ли у него в землянке злые и длинные ссо́ры из-за каких-нибудь мало понятных Алексею хозя́йственных дел, хотя и ора́л иной раз на них вы́веденный из себя дед своим фальце́том, он умел их ценить и не раз принимался до небес превозноси́ть «женское отро́дье».

— Ведь ты смотри, Алёха, друг ты мой любезный, что получилось. Баба — она от веку веко́в за кусок обе́ими руками держится. А? Не так? А почему? Скупа́? Нет, потому, что ей дорог кусок-то, детей-то ведь она кормит, семью-то, что там ни говори, она, баба ведёт. Теперь посмотри, какое дело. Живём мы, сам видишь, как: кро́хи считаем. Ага, голод! А тут, значит, было это в январе, нагря́нули к нам партизаны — и не наши деревенские, нет, наши-то где-то, слышь, под Олениным воюют, а чужие, с чугу́нки какие-то. Ла́дно. Нагря́нули: «С го́лоду помираем». И, что же думаешь, на следующий день бабёшки им полные сумки напиха́ли. А у самих-то детишки вон пу́хлые, на ноги не поднимаются. А? Не так? .. То-то вот и оно! Кабы я был какой командир, я бы, как немцев мы прогоним, собрал бы лучшие свои войска́ и вывел бы наперёд бабу и велел бы всем моим войскам, значит, перед ней, перед бабой русской, маршировать и честь ей отдать, бабе-то! ..

Алексей сладко дремал под ста́рческую болтовню́.

Иногда, слушая старика, хотелось ему достать из кармана гимнастёрки пи́сьма, фотографию девушки и показать их ему, да руки не поднимались, так был слаб. Но когда дед Михайла принимался нахва́ливать своих баб, казалось Алексею, что чувствует он тепло этих писем через сукно́ гимнастёрки.

26. Свет в Коорди.

(Глава из романа.)

Х. Леберехт.

Йоханнес Вао писал заявле́ние. Хотя оно умести́лось на тетра́дном листе́, разлино́ванном в косу́ю кле́тку, но писал он до́лго и ме́дленно, остана́вливаясь почти на ка́ждом слове.

«Прошу́ приня́ть меня, Йоханнеса Вао, жену мою Лийну и дочь Вильму в сельскохозя́йственную арте́ль «Уус Элу» .., — написа́л он, поду́мал и принялся́ гру́быми, плохо гну́щимися па́льцами снима́ть то́нкое волоко́нце с ко́нчика пера́.

«Но́вая жи́знь» — так вот как назва́лось но́вое общее хозя́йство, в которое входи́ли деся́тки старых хуторо́в, теря́я пре́жние привы́чные имена́ Яагу, Вао, Соо... Было оно на́звано этим и́менем, говорят, по предложе́нию Семидора.

«Вступа́я в артель, даю двух лошаде́й ...», — написал Йоханнес и снова приостанови́лся. Кто ещё отдаёт по две лошади? Таких немно́го: Татрик да Мейстерсон. Большинство́ сдаёт по одному́ коню́: Лаури, Му́руметс, Таксалу, и другие. Паул Рунге приведёт старого Анту.

Йоханнес Вао значи́тельно кря́кнул и поверх очков посмотре́л на пусто́й стул перед собой. Ему б хоте́лось, чтоб сейчас перед ним сидел Семидор.

— Новая жизнь, это — пра́вильно, — сказал бы Йоханнес Семидору, — я одобря́ю, но учти́, что лу́чших коней для неё отдал я, Йоханнес.

Йоханнес Вао приба́вил к списку корову, и перешёл к перечисле́нию сельскохозяйственного инвентаря́. Пе́рвой по поря́дку поста́вил жа́тку. Кто там ещё внёс жатки? Татрик и Лаури. Но у Вао лу́чшая жатка; у других они ста́рые, уже не́сколько раз ремонти́рованные. Косилку и парокóнные грабли прибавил Йоханнес к спи́ску, и бо́роны — ди́сковую и пружи́нную, два плу́га, теле́гу и са́ни...

Йоханнес Вао всё стро́же смотре́л на пусто́й стул.

Так-то вот, прия́тель Семидор. У тебя́ всю жизнь не

то, что коси́лки, а и поря́дочного плу́га не было, — хоте́лось ему сказать покрови́тельственно. Созна́ние со́бственной ще́дрости перед новой жизнью так и распира́ло его. Ему хоте́лось, чтоб не только Семидор, но и Маасалу, и Рунге, и все други́е уви́дели его во всём вели́чии и оцени́ли, как подоба́ет.

Зако́нчив писать, Йоханнес потре́бовал у Лийны горя́чей воды и побри́лся. Потом наде́л старомо́дную тёмную тро́йку, ку́пленную когда-то у Янеса в Тарту, взял в руки самоде́льную палку, вы́резанную из суковато́го можжеве́льника, — он ре́дко по́льзовался ею, — и отпра́вился со двора́.

Путь был недалёк — до ху́тора Курвеста, где не́сколько дней назад размести́лось правле́ние сельскохозя́йственной артели «Новая жизнь».

Он шёл не спеша́, ва́жный и чи́нный, с созна́нием со́бственного досто́инства, сло́вно нёс лю́дям Коорди благода́ть. Он не испы́тывал ни сожале́ний к минувшему, ни опасе́ний перед будущим. Да и что жале́ть? Если уж сказать пра́вду, нечего осо́бенно помяну́ть в про́шлом, — всё одна бесконе́чная ме́лкая суета́, забо́та и боя́знь жи́зни. Боязнь, заставля́вшая огля́дываться на ка́ждом шагу́. Погуби́ть челове́ка жизнь могла на ху́торе люби́м проявле́нием: дождём и за́сухой, морозом и жарой. Остерега́ться сле́довало банков и акций, посре́дников «Мясоэкспорта» и сельского торговца Кукка, свиной чумы́ и капри́зов неусто́йчивых ры́ночных цен. Вот почему жил с огля́дкой; будешь жить не спеша́, когда приходи́лось смотре́ть в оба — не завя́знуть бы...

Правда, по́зже, при советской вла́сти, не надо было боя́ться ба́нков и акций, но всё-таки хутор остава́лся ху́тором — кусо́чком прошлого, с его неуве́ренностью в завтрашнем дне.

Всему своё время: настало́ время менять жизнь в Коорди, — Йоханнес Вао понял это и одо́брил.

Первый, кого увидел Йоханнес, войдя́ на двор хутора Курвеста, был Сааму. Высоко́ подтяну́в брю́ки, он, согнувшись, и виля́я худы́м за́дом, мыл крыльцо́ дома и ступе́ни.

— Ты здесь, Сааму? — удиви́лся Йоханнес.

— Я... да ... — деловито́ сказал Сааму. — Правле́ние взяло: люди нам нужны́. И ты к нам? Заходи́ в правле́ние.

Невня́тно пробурча́в что-то, Йоханнес вступи́л в комнату. При его появле́нии шум многих голосов не смолк. Семидор, сто́я, возбуждённо дока́зывал что-то. Йоханнес обошёл всех, чи́нно пожима́я руки Прийду Муруметсу, Пеэтеру Татрику, Паулу, Рооси и другим.

Затем он подошёл к столу́, накры́тому красной мате́рией, обменя́лся рукопожа́тием с Каарелом Маасалу — председателем колхоза.

— Пришёл, вот и хорошо, — одо́брил Маасалу. — Ну, что хорошего принёс?

Йоханнес, при наступи́вшем общем молча́нии, не спеша достал из грудно́го карма́на тетрадный лист с заявле́нием, разгла́дил его и, значи́тельно отка́шлявшись, протяну́л Маасалу.

Он с такой ва́жностью, так медленно подавал заявление, что казалось, это не бума́га лежа́ла на ладо́ни, а умеща́лись на ней и кони, и жатка, и парокóнные грабли, и куча всякого другого добра́. Он стоял, расста́вив ноги, и казалось, занима́л больше места, чем обы́чно, заслоня́я своей широкой спиной и стол, и Каарела Маасалу за столом от людей, сидя́щих в комнате.

Может быть, Йоханнес ожидал, что настрое́ние его передастся Каарелу, тот с особым уваже́нием при́мет и прочтёт вслух перед всеми дли́нный список. Но ничего этого не случилось. Каарел, небре́жно скользну́в глазами по

первым строчкам, положил заявление в папку и кивну́л головой.

— В поря́дке. Садись-ка, послушай! У нас тут неофициальное совеща́ние — семе́йное...

И сразу же, сло́вно и не произошло́ ничего осо́бенного, Семидор, продолжа́я пре́рванный разговор, с жаром заговорил о каком-то про́воде на забро́шенной линии в во́лости. Вот где вы́ход! Испросить разрешения и снять этот провод, и они будут обеспе́чены им для своей линии от мельницы.

Йоханнес с удивле́нием огляну́лся, не понима́я, что же, со́бственно, произошло́. Он совсем по-другому представля́л себе этот торже́ственный моме́нт. Похоже, что его едва заметили, продолжа́я говорить о какой-то про́волоке, и аза́рт этого чудака́ Семидора, кажется, тро́гал людей, сидя́щих здесь, больше, чем весо́мый пай Йоханнеса, только что внесённый в о́бщее дело; а ведь пай его во много раз превосходи́л це́нность этой про́волоки.

Йоханнес, у которого и пле́чи сразу как-то больше обви́сли, тихо отошёл в сто́рону и, не возбужда́я ничьёго внима́ния, уселся у пе́чки рядом с Прийду Муруметсом.

Разгово́ры, как он понял, шли о первоочередны́х работах.

Прийду Муруметс, с ме́дным румя́нцем на ску́лах, я́вно волнова́лся и, огля́дываясь на Семидора, видно, гнул какую-то свою ли́нию в беседе с Рунге и Татриком. Разговор, повиди́мому, шёл об осуши́тельных работах.

Но Семидор говорил так громко и с таким жа́ром, что нево́льно заставля́л всех слушать себя. Рассказа́в, как можно достать дефици́тный провод, Семидор сообщи́л, что он даже знает, где по сходной цене можно купи́ть дина́мо. В конце концов, не такое уж сло́жное де́ло провести́ свет, ведь есть же де́ньги на дина́мо. Только надо о́бщими си́лами лес привезти и столбы́ поста́вить, а прово́дку не́сколько

человек сде́лают. Динамо он, Семидор, смонти́рует сам. Две недели, — и будет свет в Коорди!

— Двадцать человек за две недели проро́ют магистра́льную кана́ву... — сказал ря́дом тихий, настойчивый голос, и Йоханнес оглянулся. Прийду умоля́юще смотрел на Рунге, Татрика и Вао.

— За две недели мы двадцать гекта́ров расчи́стим, — продолжал Прийду, хвата́я Рунге за руку. — Их можно запаха́ть уже в этом году... Нам хоро́шая земля важне́е всего... Свет подождёт.

И такая боль, такая тоска́ по этой хорошей земле́ прозвуча́ли в его го́лосе, что Йоханнес ка́шлянул в смуще́нии и строго кивну́л голово́й.

А Семидор уже тре́бовал до́сок, чтоб хотя бы временно почини́ть да́мбу на старой ме́льнице. Ему и людей для этого немно́го ну́жно, — вот Прийду Муруметс поможет и ещё кто-нибудь...

— Сомнева́юсь... — сказал Маасалу хладнокро́вно, слу́шая иду́щие в ра́зных концах комнаты разговоры. — Прийду сам думает, как бы тебя на боло́то заполучи́ть.

Все расхохота́лись.

— Да я с бабами сделаю — вот с Рооси и с тётушкой Тилде, — сказал Семидор.

— Рооси у нас ско́тный двор при́мет, — возрази́л Каарел.

— Да я сам сделаю! — рассердился Семидор. — В колхозе первое дело свет — иначе какой же это колхоз? Вы не́ были в кавказских колхозах никто́, а говори́те...

— С тридцати гектаров вспа́ханного боло́та на худо́й коне́ц можно получить сорок пять тонн овса, — снова сказал ти́хий голос ря́дом с Йоханнесом. — Девяносто возо́в овса́. Девяносто возов...

— На скотном дворе нужен свет, —сказа́ла Рооси.

— Вот, вот! — торжеству́юще подхвати́л Семидор.

Йоханнес внима́тельно оглядел всех. Пеэтер Татрик и Антс Лаури одобри́тельно следили за Семидором. Рооси, си́дя у окна, заду́мчиво смотре́ла в окно, в сто́рону хлево́в; она, пови́димому, меньше думала о боло́те и о медном про́воде, а больше — о за́втрашнем дне, когда ей придётся принима́ть коров в обще́ственный хлев на ху́торе Курвеста. Рунге заду́мчиво поку́сывал карандаш, и по лицу его трудно было уга́дать его мнение.

— За две недели двадцати челове́кам не осушить тридцати гектаров, — с сомне́нием вы́сказался Татрик.

— Что, кто сказал? — вски́нулся Прийду.

Ма́ленький упо́рный Прийду, боле́ющий за поля, которых не было ещё ни под небом Коорди, ни на карте, вдруг очень пришёлся по се́рдцу Вао. Чем больше присл у́шивался и присма́тривался Йоханнес к Прийду, тем больше и прочне́е начинал ему нра́виться этот человек с его болью за плодоро́дную землю, с его жа́дностью к освое́нию ги́блого боло́та. Пра́вда, на первый взгля́д, сли́шком уж на большо́е, непоси́льное разма́хивается, ну, а уж очень было бы зама́нчиво... Ведь там две сотни гекта́ров!

И всё бо́лее недоумева́л Йоханнес, почему не подде́ржат предложе́ние Прийду все, а некоторые как будто даже коле́блются в вы́боре первоочередны́х рабо́т.

Йоханнес строго ка́шлянул и вы́тянул руку туда́ к Маасалу, к новым портре́там на стена́х, к плака́ту, ещё па́хнущему све́жим кле́йстером. Он призыва́л к внима́нию. Маасалу помог ему, постуча́в карандашо́м по столу.

— Я не понима́ю, о чём спо́рят? — сказал Йоханнес. — Или нам поля и па́стбища не нужны́, доход не нужен? Когда старый Таавет — вы все зна́ете его — пришёл сюда, Змейное болото было на ме́сте всего Коорди. Таавет говори́л так: «Как только я расчи́стил место под один ла́поть, так сразу стал присма́тривать, куда бы поста́вить другую

но́гу... Если там ка́мень, я его выка́пывал; де́рево вырыва́л с корня́ми...» То были слова́ Таавета. — Так вот... — Йоханнес сту́кнул в пол можжевёловой па́лкой, — я иду́ с тобой, Прийду. Скажи́те, что я пустосло́в, если двадцать кре́пких мужико́в не сделают эту паршу́вую кана́вку и не расчи́стят до́брый кусо́к боло́та за две неде́ли! Мне это дело нра́вится. Я иду с тобой, Прийду...

— Мне это дело тоже нравится, — сказал в наступи́вшем молча́нии Антс Лаури.

Прийду ра́достно закива́л и весь, вместе со своим табуретом, придви́нулся к Вао, обретя́ в нём нового сою́зника.

— Если засе́ять болото, скот будет нако́рмлен, — одобри́тельно сказа́ла Рооси.

Теперь все, сколько их ни было в комнате, смотрели на Йоханнеса. Он с удивле́нием почу́вствовал, что то внима́ние и восхище́ние, на кото́рые рассчи́тывал, неся́ сюда своё добро́, — пришли́, но не ко́ни его с жа́ткой и коси́лкой завоева́ли уваже́ние этих людей, а первое выступле́ние его.

Даже Семидор вдруг замолча́л и уста́вился на Вао, сло́вно впервы́е уви́дел его в комнате.

— Ну, хорошо... — почти проси́тельно сказал он. — А да́мбу ты мне помо́жешь починить?

— Канал проро́ем — отчего́ же, мо́жно, — ревни́во вмеша́лся Прийду, предвосхища́я ответ Йоханнеса.

— Ну, а ты как ду́маешь, бригади́р? — спросил Маасалу у Рунге.

— Всё надо делать, — про́сто сказал Паул. — И болото осу́шим и свет проведём.

Задание.

1. Составьте план к данной главе романа «Свет в Коорди» и расскажите по плану.
2. Расскажите об известных вам передовы́х колхозах и колхозниках Эстонской ССР.

27. На полях в «Горках».

По Н. Раковской.

Хоти́те побыва́ть в удиви́тельной лаборато́рии, где совершаются не ска́зочные, а настоя́щие чудеса́? Где в ко́лосе пшеницы вме́сто сорока́ зёрен вызрева́ет четы́реста, где на одно́м помидо́рном кусте́ висят жёлтые, кра́сные и полоса́тые плоды́ и где по во́ле челове́ка одно́ расте́ние превраща́ется в друго́е?

Такая лаборато́рия расположи́лась на огро́мной равни́не неподалёку от Москвы. Это — «Горки Ле́нинские» — экспериментальная ба́за Всесою́зной сельскохозя́йственной акаде́мии. Здесь рабо́тает со свои́ми помо́щниками акаде́мик Трофи́м Дени́сович Лысе́нко.

Академик Лысенко со свои́ми сотру́дниками продо́лжил вели́кие откры́тия Мичурина.

Мно́го гекта́ров поле́й в «Горках Ленинских» заса́жены всевозмо́жными культу́рами. Но загля́нем сперва́ в маленькую оранжере́ю-тепли́цу.

В глубине́ тепли́цы, на подоко́нннике, зелене́ет большо́й куст. На ветках его — ме́лкие чёрные я́годы. Это ди́кий паслён, сорня́к, очень распространённый на поля́х и в огоро́дах. Из уро́ков бота́ники вы зна́ете, что дикий паслён — родня́ карто́шке, помидо́рам, табаку́, белене́ — все они принадлежа́т к одному́ и тому́ же семе́йству паслёновых.

Но заче́м же попа́л в тепли́цу этот дика́рь?

На ве́рхней ве́тке дикого паслёна красне́ют два небольши́х помидо́ра. Чуть пони́же висит чёрный помидор. Что представля́ет собо́й это стра́нное растение? Перед вами вегетати́вный гибри́д — удиви́тельное растение с двойно́й приро́дой. Это и помидор и паслён, и в то же вре́мя ни то и ни друго́е.

Гибри́д со́здал челове́к, иску́сственно приращи́в к стеблю

молодого паслёна побе́г от помидорного куста, как это делает садо́вник, прививая к дичку́ ветку культу́рной яблоньки. Срезав верху́шку у молодо́го чёрного паслёна и расщепи́в стебель его, экспериментатор бе́режно вложи́л в него побе́г молодого помидорного куста. Он иску́сно забинтова́л место соедине́ния двух стебле́й. И через не́сколько дней тка́ни двух расте́ний срасли́сь. За расте́нием забо́тливо уха́живали, и вскоре на кусте́ появи́лись новые побе́ги. Наконе́ц расте́ние зацвело́. И вот причу́дливые плоды созре́ли на нём . . .

Из семя́н гибридов выраста́ют растения, соедини́вшие сво́йства роди́тельских растений. Но в то же вре́мя они послу́шнее, пода́тливее, их ле́гче приучи́ть к хо́лоду, заставля́ть ра́ньше приноси́ть плоды́, ле́гче воспита́ть в них и други́е поле́зные свойства.

На гряда́х в «Горках Ленинских» уже расту́т сейчас са́мые скороспе́лые из всех существу́ющих — кру́пные и очень вку́сные помидо́ры. Это гибриды. Не́сколько лет наза́д помидоры сорта «лу́чший из всех» приви́ли на чёрный паслён. Роди́тельская ве́тка дикого паслёна, к которой когда-то привили поми́дор, передала́ этому сорту скороспе́лость и усто́йчивость против боле́зней.

Вегетати́вные гибриды дока́зывают, как бесконе́чно изме́нчива жива́я приро́да. Они говоря́т о возмо́жности бы́строй переде́лки растительного ми́ра, о созда́нии но́вых замеча́тельных растений.

Весной 1929 года в одно́й из дереву́шек на Полта́вщине произошло́ непоня́тное собы́тие. Ме́стный старожи́л, о́пытный хлеборо́б Денис Н. Лысенко вы́сыпал в тёплый амба́р мешо́к зи́мой пшени́цы и смочи́л её водо́й. Вско́ре в зерне́ пробуди́лись заро́дыши, пшени́чные семена набу́хли. Вот-вот они должны́ были прорасти. Но Д. Н. Лысенко не дал росткам проби́ть кожуру́ се́мени. Набу́хшее зерно́ он зары́л

в снег. А через ме́сяц-другой, едва сошёл с полей снег, вы́сеял эти зёрна во вла́жную землю.

Крестья́не удивля́лись тому, что делал Лысенко. Зи́мую пшеницу он посеял весной! Все были уве́рены, что пшеница не вы́зреет.

Озимая и ярова́я пшеница — два ра́зных растения. Если посеять озимую пшеницу весной, она не вы́колосится, не принесёт семян в год посе́ва. Напро́тив, посейте осенью яровую пшеницу, и она вы́мерзнет в поле.

Но вот на поле произошло чу́до! Озимая пшеница хоть и позднее́, но всё же вы́колосилась и принесла семена — 24 це́нтнера зерна — бога́тый урожа́й.

Оказа́лось, что Д. Н. Лысенко проде́лал этот о́пыт по сове́ту своего сы́на, Трофима Денисовича Лысенко, молодо́го, но уже широко изве́стного агроно́ма.

Но как объясни́ть это непоня́тное явле́ние?

Объясня́ет всё это откры́тый акаде́миком Лысенко закон «ста́дийного разви́тия растений». Развива́ясь из се́мени, растение прохо́дит одну за другой разли́чные ста́дии, пока само́ не принесёт семя́н.

Одна из этих стадий — яровиза́ция. В этой ста́дии каждому семячку нужны́ свои особые усло́вия, нужна вла́га, одному расте́нию — хо́лод, друго́му — тепло́. Яровизацию семена могут пройти ещё до посева, и тогда они будут быстре́е и лучше развива́ться в поле. Вот зачем Д. Н. Лысенко моčíл семена и зарыва́л их в снег. Он сокраща́л срок развития пшеницы в поле.

С тех пор прошло́ двадцать лет. Яровизи́рованными семена́ми теперь у нас сеют повсю́ду. И получа́ют от этого миллионы центнеров доба́вочного урожая.

Академик Лысенко и его помо́щники переделали разные сорта́ зи́мых пшени́ц в яровы́е. И эти о́пыты снова дока́зывали всем возможность измени́ть приро́ду растений. У новых

«перевоспи́танных» пшени́ц непривы́чные условия жи́зни сломали́, расшата́ли их ста́рую насле́дственность. Таким пшени́цам легче было приви́ть новые свойства, сде́лать их выно́сливее.

Власть челове́ка над землёй уже очень велика́. Селекционе́ры вы́вели много хоро́ших сортов растений. Но мичу́ринцы хотя́т делать их ещё лу́чше. В «Горках Ленинских» можно увидеть расте́ния бу́дущего.

Давно-давно́ хо́дит в наро́де преда́ние о чуде́сной пшени́це-семиколо́ске. На сте́бле у неё растёт будто бы не один ко́лос, а семь ту́чных коло́сьев.

И вот на полях в «Горках Ленинских» на двенадцати гекта́рах растёт сейчас эта чу́до-пшеница. В этом году ка́ждый колос её дава́л в пять, а иногда и в де́сять раз бо́льше зёрен, чем обы́чная пшеница.

Но эта пшеница тре́бует осо́бого ухо́да, осо́бенной обрабо́тки земли́. Если её сеять по-ста́рому, корми́ть, как обы́чную пшеницу, она даст меньше урожа́я, чем простая пшеница. Зато на ту́чных и чистых от сорняко́в землях ветви́стая пшеница даёт неви́данный урожай.

Научи́вшись возде́лывать эту чудо-пшеницу, мичу́ринцы разгада́ли и тайну её происхожде́ния. Оказалось, ветвистая пшеница родила́сь из простой пшеницы, которую выра́щивали из года в год на очень хоро́ших землях. На обычной земле она вырожда́лась и погиба́ла.

Мичу́ринцы изуча́ют эту мо́щную продукти́вную пшеницу, они хотят, чтобы она росла́ на колхозных полях. И тогда колхо́зники будут собира́ть не двенадцать, как обычно, а сто це́нтнеров зерна с гектара. Это будет ещё одна величайшая побе́да советских учёных над приро́дой.

Кре́пкие связи соединя́ют нау́чный коллекти́в «Го́рок Ленинских» с колхозами и совхозами. В «Горки Ленинские» идут письма со всех концов нашей страны. Пишут колхоз-

ники, агроно́мы, педаго́ги, шко́льники. Дня не прохо́дит, чтобы тут не побыва́ло экску́рсии.

Отсю́да по всей стране́ распространя́ются мичу́ринские ме́тоды растениево́дства, помога́я стаха́новцам на́ших полей расти́ть са́мые высо́кие в мире урожа́и.

«Горки Ленинские» нахо́дятся неподалёку от тех ме́ст, где провёл свои после́дние годы и умер Владимир Ильич Ленин. Широ́кую равни́ну живопи́сно пересека́ют масси́вы ста́рых лесов, овра́ги и ре́чки. С осо́бенным чу́вством озира́ешь эту равнину. На эти леса и овраги смотре́л когда-то Ленин. По этим доро́гам он гулял . . . И стано́вится осо́бенно ра́достно, что в этих места́х так плодотво́рно рабо́тает коллекти́в учёных-нова́торов.

28. Алеся.

Янка Купала.

На заре куковала
Куку́шка в Поле́сье.
Мать ласка́ла, кача́ла
Дочу́рку Але́сю.

Тьма ло́жи́лась ночна́я,
Со́сны глу́хо шуме́ли.
Напева́ла родная
У родно́й колыбе́ли:

— Спи, засни́, мой цвето́чек, —
Пта́шки все позасну́ли.
Спи, весёлый звоно́чек, —
Лю́ли, лю́леньки, люли́.

— Спи, расти́ без трево́ги,
Спи, нака́пливай силы.
На свои вста́нешь ноги,
Будешь де́вкой красивой.

— Будешь зимней поро́ю
Прясть, нама́тывать ни́тки,
Будешь тёплой весною
Сча́стья ждать у кали́тки.

* * *

На заре кукова́ла
Кукушка в Полесье.
Только мать не узна́ла,
Что ста́нет с Алесей.

Это быль или не́быль? —
Дочка силы набра́лась,
Прямо в синее небо
Полетела, помча́лась.

Понесла́сь на машине,
Понесла́сь на крыла́той,
По счастли́вой Крайне,
Над роди́мою ха́той.

Минова́ла дубра́вы
И речны́е зато́ны,
Опусти́лась на травы
С парашютом зелёным.

И опять над полями
Поднима́ется выше,
И стальны́ми крыла́ми
Тучи в небе колы́шет.

Что ни день — в поднебе́сье
Смотрит мать из око́нца:
Не видать ли Алеси
Возле я́сного солнца?

* * *

На заре куковала
Кукушка над нивой.
Мать не зря тоскова́ла
О до́ле счастли́вой.

29. Думы о Родине.

(Отрывок.)

Сулейман Стальский.

Одна на свете есть страна
Ей слава всех времён дана.
Я знаю: речь моя бедна,
Чтоб родину воспе́ть
достóйно.

Необозри́м её просто́р,
От во́лжских вод до сне́жных гор
Узо́рный солнечный убо́р
Покрыл её чело
достойно.

В кольце́ могу́чих городов
Не мо́лкнет го́вор поездо́в,
И на морях в опра́ве льдов
Проходят корабли́
достойно.

Сквозь бури и тума́н сплошно́й,
Пересека́я шар земной,
Летают лётчики семьёй
Огля́дывая мир
достойно.

Страна, где уничто́жен гнёт,
Где сильный слабого не гнёт.
Где воздаю́т труду́ почёт
И труд свой берегу́т
достойно.

Где счастье вхо́дит в каждый дом,
Где жизнь в наря́де золото́м,
Где вновь испы́танным зерно́м
Поля засе́яны
достойно.

Здесь дни легки, как шёлк шатра́,
Как же́мчуг, лу́нны вечера.
И завтра, так же, как вчера,
Здесь будет я́сно и
достойно.

Садов минда́льных арома́т
Здесь насыща́ет каждый ска́т.
Румянoли́ки, как грана́т,
Встают рассве́ты здесь
достойно.

Одна на свете есть страна́,
Ей си́ла всех времён дана,
Люба́я песнь пред ней бледна́
И зваться песней
недостойна.

Живёт здесь богаты́рь-народ,
Он строй счастливый создаёт.
Весь мир он на́ново куёт,
Чтоб человек в нём жил
достойно.

30. Ленинградцы, дети мои!

Джамбул Джабаев.

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, го́рдость моя!
Мне в струе́ степно́го ручья
Виден о́тблеск невской струи́.
Если вдоль снеговы́х хребто́в
Взо́ром ста́рческим я скольжу́, —
Вижу сво́ды ваших мосто́в,
Зорь балти́йских голубизну́,
Фонаре́й вечерних рои́,
Золочёных крыш остри́я...
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
. . . . . .

Что же слышит Джамбул теперь? —
К вам в стальну́ю ло́мится дверь,
Словно ве́чность проголода́в,

Обезу́мевший от потерь
Многогла́вый, жа́дный уда́в ...
Сдо́хнет он у ваших заста́в!
Без зубов и без чешуи́
Будет в ко́рчах шипе́ть змея́,
Будут снова петь соловьи́,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

. . . . . .

Ленинград сильне́й и грозне́й,
Чем в любо́й из пре́жних годо́в:
Он отпо́р отрази́ть готов!
Не раско́лют его камне́й,
Не расто́пчут его садов.
К Ленинграду со всех концов
Направля́ются поезда́,
Провожа́ют своих бойцо́в
Наши сёла и города.
Взор страны грозо́во-свинцо́в,
И готова уже узда́
На зарва́вшихся подлецо́в.
Из глубины́ каза́хской земли́
Реки нефти к вам потекли́,
Чёрный у́голь, красная медь
И свине́ц, что в срок и впопа́д
Песню смерти готов пропе́ть
Ба́ндам, рву́щимся в Ленинград.
Хлеб в тяжёлом, как дробь, зерне́
Со свинцом идёт наравне́.
Наших лучших коне́й приплóд,
Гру́ды яблок, сладких, как мёд, —
Это всё должно вам помочь
Душегу́бов отки́нуть прочь.
Не бывать им в нашем жилье́!
Не жире́ть на нашем сырье́!

. . . . . .

Спать не в силах сегодня я . . .
Пусть подмо́гой будут, друзья,
Песни вам на рассве́те мои,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

. . . . . .

31. Гимн демократической молодёжи.

Лев Ошанин.

Дети разных народов,
Мы мечтóю о мире живём.
В эти грóзные годы
Мы за счастье борóться идём.
В разных зéмлях и странáх,
На морях-океанах
Каждый, кто мóлод,
Дайте нам руки,
В наши ряды, друзья!

Песню дружбы запевает молодёжь,
Молодёжь, молодёжь.
Эту песню не задýшишь, не убьёшь,
Не убьёшь, не убьёшь.
Нам, молодым,
Втóрит песней той
Весь шар земнóй!
Эту песню не задýшишь, не убьёшь!
Не убьёшь, не убьёшь!

Помним грóхот металла
И друзéй боевы́х имена.
Кровью прáведной áлой
Наша дрýжба навéк скреплена́.
Всех, кто чéстен душою,
Мы зовём за собою.
Счастье народов,
Светлое завтра
В наших руках, друзья!

Песню дружбы запевает молодёжь,
Молодёжь, молодёжь.
Эту песню не заду́шишь, не убьёшь,
Не убьёшь, не убьёшь.
Нам, молодым,
Вто́рит песней той
Весь шар земно́й!
Эту песню не заду́шишь, не убьёшь!
Не убьёшь, не убьёшь!

Молодыми сердца́ми
Повторяем мы кля́твы слова́.
Подыма́ем мы зна́мя
За свяще́нные наши права́!
Сно́ва чёрные силы
Ро́ют миру моги́лы, —
Каждый, кто че́стен,
Встань с нами вместе
Против огня́ войны!

Песню дружбы запевает молодёжь,
Молодёжь, молодёжь.
Эту песню не заду́шишь, не убьёшь,
Не убьёшь, не убьёшь.
Нам, молодым,
Вто́рит песней той
Весь шар земно́й!
Эту песню не заду́шишь, не убьёшь!
Не убьёшь, не убьёшь!

Постатейный словарь к I разделу.

§ 1. Советский простой человек.

сдвига́ть
сдви́нуть * (-ну, -ешь) — ära, kõrvale, eemale, koomale, kokku nihutama; paigast nihutama

твори́ть (-рю́, -и́шь)
сотвори́ть * (-рю́, -и́шь) — looma, sünnitama; tegema

тума́н — udu, vina
делови́тый — asjatundlik; toimekas; agar
звуча́ть (-чи́т, -ча́т) — helisema; kostma, kajama
улы́бка (*род. п. мн. ч.* -бок.) — naeratus; muie
девча́та = де́вушки
восходи́ть (-хожу́, -хо́дишь)
взойти́ (взойду́, -ёшь; *прош. вр.* взошёл, -шла́) — (üles) tõusma
добива́ться
доби́ться * (добью́сь, -ёшься) — taotlema; üritama, püüdma; saavutada püüdma
наде́жда — lootus

§ 2. Упорно учиться и работать над собой.

скве́рный — paha, halb; jõle
обы́чай — komme, pruuk, viis; harjumus
дра́ка — kaklus, lööming
смельча́к — (hull)julge mees, uljaspea
синя́к — sinine laik (ihul), sinine muhk
дразни́ть (-ню́, -ишь) — *вин. п.* — narrima, nöökima, tõgama nokkima; kiusama

трус (трусли́ха) — pelgur, argpüks
глу́пый — rumal, loll, juhm
заня́тие — töö, amet; talitus, tegevus; õppus; õppetöö; vallutamine (linna)

па́рень (*род. п.* па́рня) — noormees; poiss
соглаша́ться
согласи́ться * (-глашу́сь, -гласи́шься) — nõustuma; kokku leppima; kooskõlas olema
попре́жнему — endiselt, endist viisi, nagu ennegi
признава́ться (-знаю́сь, -ёшься)
призна́ться * (-зна́юсь, -ешься) — üles tunnistama, omaks võtma
откро́венно — avameelselt, otsekoheselt
слепо́й полёт = полёт в темноте́, в тума́не
уве́ренность *(ж. р.)* — kindel usk; kindlus (käe-); enesekindlus, endausaldus
сова́ться (суюсь, -ёшься)
су́нуться * (-нусь, -ешься) — end vahele toppima; tikkuma; kuhugi end poetama
(куда, где) уго́дно — (kuhu, kus) tahes
отча́янный — hulljulge; meeletu
сумасше́дший — hullumeelne, hull
ничу́ть — sugugi mitte, ei põrmugi
экипа́ж — kergete sõidukite üldine nimetus; (laeva-, lennuki j. m.) meeskond

§ 3. Как девочку променяли на собаку.

белошве́йная (мастерска́я) — pesuõmblemis- (tõökoda)
пя́льцы *(мн. ч.; род. п.* -цев) — väljaõmblemis-, kudumisraam
кру́жево — pits
ско́тный двор — karjaaed, -tara, karjahoov (linnas)
на́ры *(мн. ч.)* — narid, lavats
подсти́лка — allalaotamine; -laotis; aluspõhk, -turvas
наши́вка *(род. п. мн. ч.* -вок) — pealeõmblemine; pealeõmmeldud märk
фа́ртук — põll; mitmesuguste pealiskatete nimetus (näit. vankripõll, tekk)
людска́я — peretuba
годи́ться (гожу́сь, годи́шься) — kõlbama, sobima
размáтывать
размота́ть * (-та́ю, -ешь) — lahti kerima v. harutama
лучи́на — peerg, pird
са́льная свеча́ — rasvaküünal

фити́ль (*м. р.*) — taht; süütenöör
нага́р — tahi-, peerusüsi
щипцы́ (*мн. ч., род. п.* щипцо́в) — pihid; (naela) tangid
подсве́чник — küünlajalg
перетира́ть / перетере́ть * (-тру́, -ёшь; *прош. вр.* -тёр, -тёрла) — katki hõõruma; (üle) nühkima; liiga peeneks hõõruma; kõik v. palju läbi pühkima
блесте́ть (блещу́, блести́шь) / блесну́ть * (блесну́, -ёшь) — särama, sätendama, helkima; sädelema; sähvatama
медь (*ж. р.*) — vask
горсть (*ж. р.*) — peotäis
мять (мну, мнёшь) — muljuma; kortsutama; tallama; kägardama

негоди́йка (*род. п. мн. ч.* негоди́ек; *м. р.* негоди́й) — nurjatu, kõlvatu (inimene); lurjus; sinder
по́рка — 1. ihunuhtlus, peks nahatäis 2. (rõiva) lahtiarutamine

ро́зги (*мн. ч. род. п.* ро́зог) — vitsad; peks
ба́ня — saun; *kõnek.* kere- e. nahatäis
бесе́дка (*род. п. мн. ч.* -док) — lehtla; lehtmajake
доставáться (-таётся) / доста́ться * (-та́нется) — osaks saama; vatti saama
княжна́ (*род. п. мн. ч.* княжо́н) — vürsti tütar; vürstitar
попада́ть / попа́сть (попаду́, -ёшь); *прош. вр.* -па́л) — sattuma; tabama; õigesse kohta sattuma; pääsema e. jõudma kuhugi; (karistada) saama
при́стально — teraselt, üksisilmi, ainiti
поочерёдно — kordamööda, kordamisi, järjestikku
имéние — mõis
токáрный — treimis-, treiali-
золотошвéйка (*род. п. мн. ч.* -швéек) — kullaga tikkija
чехóл (*род. п.* чехлá) — pealis; püür, padjakate; kest, tupp
сирота́ (*м.* и *ж. р.*) — vaeslaps, orb
заступáться / заступи́ться * (-плю́сь, -пишься) — kellegi kaitseks välja astuma; kellegi eest kostma
загляде́нье — imetlusväärne asi; miski, mida maksab imetledes vahtida

лохма́тый — sasine; karvane; karvanäss; sorakil

ложи́ться (ложу́сь, -и́шься) ле́чь * (ля́гу, ля́жешь; *прош. вр.* лёг, легла́)	pikali v. maha heitma; laskuma
дво́рня	mõisateenijaskond
жени́ть (женю́, -ишь)	naist võtma (kellelegi), naitma
крив|о́й	kõver, viltu; viril; ühe silmaga; võlts; ebasiiras
пья́ница (*м.* и *ж. р.*)	joodik, joomar
башма́к	king, tuhvel
забира́ть забра́ть * (-беру́, -ёшь)	endale võtma; enesega kaasa võtma; enda kätte võtma; kinni võtma, vangistama; vallutama
посы́льный	käskjalg, virgats
тоскова́ть (тоску́ю, -ешь)	igatsema e. igatsust tundma millegi, kellegi järele; nukrutsema

§ 4. Рассказ рабочего П. А. Моисеенко о первой стачке 1885 г.

ста́чка (*род. п. мн. ч.* ста́чек)	streik
души́ть (душу́, -ишь)	1. hinge matma; ängistama 2. lõhnutama, parfümeerima
обсчи́тывать обсчита́ть * (-ю, -ешь) обче́сть * (обочту́, -ёшь(*прош. вр.* обчёл, обочла́)	valesti arvutama; arvutamisega v. raha tagasiandmisega petma
обве́шивать обве́сить * (-ве́шу, -ве́сишь)	valesti kaaluma; kaalumisega petma
пёс (*род п.* пса) = собака	
жу́ткий	jube, õudne
кише́ть (кишу́т)	kihama, kihisema, kubisema
сы́щик	nuuskur; salapolitseinik
хи́трость (*ж. р.*)	kavalus
тача́ть	tikkama, teppima
доко́ле же = до каки́х же пор	
свежева́ть (-жу́ю, -ешь)	tapetud looma nülgima ning sisikonda välja võtma
разбира́ть разобра́ть * (разберу́, -ёшь)	dešifreerima, välja lugema; lahti harutama; sorteerima; lammutama; arutama; aru saama, mõistma

начиня́ть
начини́ть * (-ню́, -и́шь) — täitma (pirukat); täis laadima

мути́ться (мути́тся) — segaseks e. sogaseks muutuma; segi minema

полушу́бок (*род. п.* -бка) — pool- e. pihtkasukas

прикла́д — pära, kaba (püssi); lisandid, õmblustarbed, manused

реве́ть (реву́, -ёшь) — möirgama, rõõkima, uluma; valju häälega nutma

усмиря́ть
усмири́ть * (-рю́, -и́шь) — rahustama, vaigistama; maha suruma, summutama

усло́вие — tingimus

назнача́ть
назна́чить * (-чу, ишь) — määrama, nimetama; ette kirjutama

чу́ять (чу́ю, -ешь) — haistma; aistma; aimama

§ 5. Слово к товарищу Сталину.

наставáть (настаёт)
настáть * (настáнет) — saabuma, tulema

поко́й — rahu, puhkus; ruum, elutuba

обретáть
обрести́ * (-бретý, -ёшь; *прош. вр.* обрёл, обрела́) — leidma, muretsema (saama)

пору́ка — tagatis

распла́та — väljamaksmine; tasumine, kättemaks; nuhtlus

покло́н — kummardus; tervitus

бе́дствие — õnnetus, häda, viletsus; maavits, nuhtlus

§ 6. Устная русская народная поэзия.

курна́я изба́ — suitsutare

по́дать *(ж. р.)* — (riigi) maks

твóрческий — loov, loomis-; loomingu-

худóжник — kunstnik

стреми́ться (стремлю́сь, -ми́шься) — sõõstma; tõttama, kiiresti edasi tormama v. tungima; käredasti voolama

у́тварь (*ж. р.*)	riistad, anumad, nõud; tarbeesemed; majakraam
резьба́	lõikamine, nikerdamine, graveerimine
распи́сывать	täis v. kirjuks maalima; mitmesse kohta kirjutama; pikalt-laialt kirjeldama
изуми́тельный	imestamisväärne, hämmastav
гли́на	savi
вырази́тельный	ilmekas
игру́шка	mängukann, lelu
козёл (*род. п.* козла́)	sokk, sikk
бара́н	oinas, jäär
создава́ть (создаю́, -ёшь) / созда́ть * (-да́м, -да́шь . . .)	looma, rajama, moodustama; valmistama, tekitama
были́на	põliina, (vene eepiline lugulaul muistseist vägilastest)
ве́ра	usk
угнета́тель (*м. р.*)	kurnaja
толк	arvamine; arutlus, seletus
пре́лесть (*ж. р.*)	kenadus, sarm, veetlevus, võlu
в тече́ние	jooksul
одарённый	andekas, õnnistatud, annetatud
скази́тель (*м. р.*)	põliinade, muiasjuttude jutustaja, rahvalaulik

§ 7. О русских пословицах и поговорках.

кра́сочность (*ж. р.*)	värvirikkus, värvikküllus
ме́ткость (*ж. р.*)	tabavus; osavus
безде́лье	tegevusetus
чужби́на	võõras maa
поро́к	pahe; patt
гру́зный	toekas, tüse; raske, ränk
посту́пок (*род. п.* -пка)	tegu; toiming; käitumine
дурно́й	paha, halb, sant; inetu
упуска́ть / упусти́ть * (упущу́, упу́стишь)	(käest) ära v. lahti laskma; mööda minna laskma, arvestamata jätma
поте́ха	lõbu, nali, ajaviide, meelelahutus

кнут	piits
ло́дырь (*м. р.*)	looder, logard, päevavaras
лень (*ж. р.*)	laiskus
не в зачёт	ei võeta arvesse
ба́рщина	teoorjus, mõisategu; hingepäevad
му́чить (-чу, -ишь; -чаю, -ешь; *пов. н.* мучь!) — *вин. п.*	piinama, valvama; painama, kiusama
мёд	mesi
гнить (гнию́, -ёшь)	mädanema; roiskuma; kõdunema, pehkima

§ 8. О русских загадках.

лу́ковица	sibul (juur), mugul (sibul)
ку́тать	mähkima, mässima
возника́ть	
возни́кнуть * (-нет; *прош. вр.* -ни́к, -ни́кла)	tekkima, sugenema
ко́вшик	kulbike, kopsik; kapake
ка́дка	tünn; pütt, kirn
разуме́ть (-ю, -ешь)	mõistma, aru saama; oskama
бок (*мн. ч.* бока́)	külg, pool
круг	ring
пятна́ть	kulliks lööma (mängus); plekiliseks tegema
метла́ (*мн. ч.* мётлы, *род. п.* мётел)	luud
щети́на	harjas(ed); kõnek. karedad juuksed, kare rohi
урожа́й	(vilja)saak
пере́дник	põll
коса́	juuksepalmik, -pats; vikat; madal neem e. maanina
жи́дкий	vedel; hõre; lahja

§ 9. Братец Иванушка и сестрица Алёнушка.

донима́ть = не давать кому-нибудь покоя	
пот	higi

копы́то (*уменьш.* копы́тце) — kabi, sõrg

хлеба́ть
хлебну́ть * (-ну́, -ёшь) — sõõma (vedelat) v. jooma suurte lonksudega; larpima, rüüpama

вздыха́ть
вздохну́ть * (-ну́, -ёшь) — õhkama, ohkama; hinge tõmbama

бара́шек (*род. п.* -шка) — talleke, tall; tallenahk

хо́лить (-лю, -ишь) — (millegi eest) hästi hoolitsema; *hästi hoidma v. toitma*; poputama; hellitama

зави́довать (-дую, -ешь) — kadestama, kadedust tundma
— *дат. п.*

ве́дьма — nõiamoor, nõid

изводи́ть (-вожу́, -во́дишь)
извести́ * (-веду́, -ёшь; *прош. вр.* -вёл, -вела́) — kulutama, raiskama; hävitama; kurnama; ära tüütama

подстерега́ть
подстере́чь * (-регу́, -режёшь; *прош. вр.* -стерёг, -регла́) — luurama, varitsema; piidlema

обёртывать
обверну́ть * (-ну́, -ёшь) — millegi ümber keerama; teatud sihis *kääname*; *millekski* muutma

хоро́мы (*мн. ч., род. п.* хоро́м) — paljude tubadega eluhoone (vanamoeline)

распознава́ть (-наю́, -ёшь)
распознава́ть (-наю́, -ёшь) — ära tundma, eristama (tunnuste järgi); tunnetama; teada saama

обма́нываться
обману́ться * (-ну́сь, -ешься) — pettuma

жа́лобный — kaeblik, hale

прове́дывать
прове́дать * (-ю, -ешь) — külastama; (juhuslikult) teada saama

була́тный — damaskuse terasest

двор[illegible] — 1. õue-; mõisa-; 2. mõisateenija

аки́дывать
закида[illegible] * (-ю, -ешь) — pilduma hakkama; täis loopima; üle külvama v. puistama

окуна́ть
окуну́ть * (-ну́, -ешь) — sisse kastma, sukeldama

§ 10. Самое дорогое.

ко́нюх	tallipoiss
пита́ть	toitma; toitu andma
сли́вки *(мн. ч. род. п.* -вок)	rõõsk koor
слива́ть / слить * (солью́, -ёшь)	pealt ära kallama e. valama maha v. kokku v. segi valama; kokku sulatama; liitma, ühendama
залива́ть / зали́ть * (залью́, -ёшь)	üle kastma v. valama; üle ujutama; peale ajama, ära määrima
уха́	kalasupp
сеть *(ж. р.)*	võrk; võre; püünisvõrk
ры́бничек *(род. п.* -чка)	kalapirukas
сто́лочка *(род. п. мн. ч.* -чек)	napsikaas; virnake, sambake
па́харь *(м. р.)*	kündja, põllumees
скирд (скирда́)	heina(saad); viljahakk
со́лод	linnased
солоди́ть (-ложу́, -оди́шь)	linnaseid tegema e. idandama
пи́во	õlu
под ста́рость = на старости лет	
любова́ться (любу́юсь, -ешься)	imetlema, mõnuga vaatlema

§ 11. О русских былинах.

отража́ться / отрази́ться * (-ражу́сь, -рази́шься)	kajastuma; peegelduma; kumama, ilmnema
сто́льный город = столи́ца	
скла́дывать / сложи́ть * (-жу́, -ишь)	kokku e. ühte panema e. laduma; kokku pakkima; kokku arvestama, liitma; kokku seadma; maha panema e. laduma; kokku murdma e. keerama; kuhja ajama
плести́ (плету́, плетёшь; *прош. вр.* плёл, плела́)	palmima; põimima; niplama
разбо́йник	röövel; võrukael (vallatu lapse kohta)
свиста́ть (свищу́, -ешь)	vilistama; vihisema, vinguma

свисте́ть (свищу́, свисти́шь)	vilistama;vilet lööma; huilgama; vinguma
сви́стнуть * *см.* свиста́ть и свисте́ть	
ма́ковка	kirikukuppel; moonikupar; pealagi
те́рем (*мн. ч.* терема́)	vanavene kõrge, tornidega maja, loss
око́ленка = око́шечко (маленькое окно)	
рассыпа́ться (-а́ется) / рассы́паться * (-сы́плется)	maha varisema; laiali v. koost pudenema
куни́ца	kärp e. lahits; nugis
ку́ний (ку́нья, ку́ньи)	kärbi-, nugise-
бу́йный	äge, metsik; maruline
по́лно-тко = довольно, больше не надо	
слези́ть	pisaraid valama panema
вдова́ (*м. р.* вдове́ц)	lesk
вдови́ть	leseks tegema
спуща́ть = пускать	

§ 12. О «Слове о полку Игореве».

князь (*м. р.; мн. ч.* князья́)	vürst
уводи́ть (-вожу́, -во́дишь) / увести * (уведу́, -ёшь; *прош. вр.* увёл, увела́)	ära viima; ära v. eemale juhtima; salaja ära viima
кня́жество	vürstkond; vürstiriik; vürstitiitel
отправля́ться / отпра́виться * (-влюсь, -вишься)	teele asuma; minema kasima; siirduma; lähtuma
недоста́точный	mitteküllaldane, puudulik; kasin
терпе́ть пораже́ние	kaotama lahingut
сража́ться	taplema, võitlema, heitlema; lahingut lööma
кость (*ж. р.*)	kont, luu
сочу́вствовать (-чу́вствую, -ешь) — *дат. п.*	kaasa tundma; sümpatiseerima
мольба́	anumine, palve
возвы́шенный	ülendatud; tõstetud; ülev; kõrge

§ 13. Плач Ярославны.

мочи́ть (-чу́, -ишь)	leotama; niisutama; märgama
бобро́вый	kopra-, piibri-, piibrinahast
причита́ть * (-ю, -ешь)	(nutulaulu) itkema
мета́ть (-ю, -ешь; мечу́, -ешь) / метну́ть * (-ну́, -ёшь)	viskama, pildumа
леле́ять (леле́ю, -ешь)	hellitama; hellalt hoolitsema
ковы́ль (*м. р.*)	stepirohi
ладья́ (*род. п. мн. ч.* ладе́й)	suur vene, lodi; (males) vanker
влады́ка	valitseja, käskija; piiskop; kõrgemate vaimulikkude tiitel
простира́ть / простере́ть * (-ру́, -ёшь; *прош. вр.* -тёр, -тёрла)	välja sirutama; laotama; ulatama
зно́йный	lämmatavalt v. põletavalt kuum; palav
жа́жда	janu; igatsus; iha
ткать (тку, ткёшь)	kuduma
колча́н	nooletupp

§ 14. Михаил Васильевич Ломоносов.

земледе́лие	põllundus
любозна́тельность (*ж. р.*)	teadmishimu
вы́годный	kasulik
презира́ть / презре́ть * (-зрю́, -и́шь)	põlgama, põlastama; alatuks pidama; põlglikult suhtuma
во́все = совсем	
подгото́вка	ettevalmistus
разви́тие	areng, arenemine, evolutsioon
в о́бласти хи́мии = по химии	
основополо́жник	alusepanija, rajaja
де́ятельность (*ж. р.*)	tegevus, toiming, aktiivsus
восше́ствие на престо́л	troonile astumine
просвеще́ние	rahvavalgustamine, valgustus-, selgitustöö; haridus
уте́ха	meelelahutus, lõbu; lohutus
стра́нствие (стра́нствование)	rändamine, reisimine
наедине́	üksipäinis

§ 15. Василий Андреевич Жуковский.

переживáние — elamus; läbi-, üleelamine
заслýга — teene
гúбкость (*ж. р.*) — paindlikkus; nõtkus
отношéние — suhe, vahekord; suhtumine
искажáть / исказúть * (искажý, исказúшь) — moonutama

§ 16. О балладе Жуковского «Светлана».

крещéнский — kolmekuningapäeva-
гадáние — ennustamine (kaartide, käe jne. järgi)
счётный — arve-, arvestus-, üle loendatud
я́рый — läikiv; äge; tuline
воск — vaha
топúть (-плю́, -пишь) — 1. sulatama; kütma; tuld alla tegema
2. uputama; üle ujutama
чáша — kauss, liud, vaagen
пéрстень (*м. р.*) = кольцó
изумрýдный — smaragd-, smaragdist, smaragdroheline
расстилáть / расстелúть * (-лю́, -ишь) — laiali laotama
плат = платóк
подблю́дная песня = народная песня, которую поют в крещенский вечер при гадáнии
совéтовать (-тую, -ешь) — (kedagi) nõustama, (kellelegi) nõu andma; soovitama
жени́х — peigmees
прибóр — seadis; aparaat; nõud (laua)
замóк (*род. п.* -мкá) — lukk, tabalukk
протя́гиваться / протянýться * (-нýсь, -ешься) — end välja sirutama; ulatuma, küündima; venima, laiuma
священнúк — preester, papp
хор — (laulu)koor
венчáльный — laulatus-; kroonimis-

гроб	puusärk, kirst
бле́дный	kahvatu, kaame
уны́лый	norgus e. norakil olev; nukker; kaeblik
во́рон	ronk, kaaren
ка́ркать	kraaksuma
хи́жина	onn, hurtsik
пелена́	kate, loor
мёртвый	surnu(d)
шевели́ться (-лю́сь, -лишься) шевельну́ться * (-ну́сь, -нёшься)	end liigutama; liikuma korraks liikuma
мертве́ц	kooljas, koolnu, surnu
скрежета́ть (скрежещу́, -ешь)	kiristama (hambaid); lõgistama
гро́зный	ähvardav; hirmuäratav; julm
у́жас	hirm, õud(us), koledus; ehmatus
трево́жить (-жу, -ишь)	häirima, erutama, (kellegi) rahu rikkuma; (kedagi) rahutuks tegema; tülitama
але́ть	punama, punetama
мчать (мчу, мчишь)	kihutades viima e. ajama; kihutama
разлу́ка	lahkumine; eemalolemine; lahusolek
о́ко (*мн. ч.* о́чи) = глаз	pilk, silmavaade
взор	
уста́ = рот, гу́бы	

§ 17. Денис Иванович Фонвизин.

неподку́пный	äraostmatu
забо́та	mure; hool
сближа́ться сбли́зиться * (сбли́жусь, сбли́зишься)	lähenema; lähemat sõprust sobitama kellegagi
дворя́нство	aadliseisus, aadel
ограниче́ние	piiramine, kitsendamine, kitsendus
неве́жество	võhiklus, harimatus; viisakusetus
гру́бость (*ж. р.*)	jämedus, karedus, jõhkrus
созна́тельность (*ж. р.*)	teadlikkus, teadvuslikkus, tajuvus
собесе́дник	kaasavestleja, jutukaaslane

направля́ть
напра́вить * (-влю, -вишь) } suun(d)ama; juhtima; sihtima, saatma; komandeerima
на де́ле = на (в) са́мом де́ле tõepoolest; tegelikult
чин au-, teenistusaste, aukraad

§ 18. Недоросль.

явле́ние ilmumine; nähis; nähtus; etteaste, stseen
самоду́рство isemeelsus, kangekaelsus; jonnakus
необходи́мость *(ж. р.)* (häda)tarvilisus, vajalikkus, hädasund
потруди́ть = побеспоко́ить
кла́няться
поклони́ться * (-нюсь, -нишься) } kummardama; tervitama; teretama
— *дат. п.*
моли́тва palvetus; palve
госпо́дь issand, jumal
суда́рыня (*м. р.* су́дарь) (armuline) proua v. preili
изво́лить = хоте́ть, жела́ть
грамоте́й = образо́ванный человек, вполне́ гра́мотный человек
любопы́тный uudishimulik; huvitav
чула́н sahver, käsikamber
пока́мест = пока
ве́домо = изве́стно
с ы́змала = с ма́лых лет, с детства
взять в толк = понять
приставáть (приста́ю, -ёшь)
приста́ть * (-та́ну, -ешь) } külge hakkama, külge kleepuma; nakatama; peale käima e. tükkima; nuruma, norima; randuma
сде́лай ми́лость = пожа́луйста
вздор tühijutt, lori; mõttetus
неоспори́мый vaieldamatu
на роду́ = в жи́зни
хвата́ть
хвати́ть * (хвачу́, хва́тишь) } 1. haarama, kahmama 2. virutama, äigama 3. jätkuma, piisama

при́толока — akna-, uksepealis
бо́дрый — erk, ärgas, valvas; südi, kõbus
на́взничь — seljakile, selili
тума́к = уда́р
развáливаться / развали́ться * (-лю́сь, -ишься) — laiali kukkuma; lagu(ne)ma; laostuma; kokku varisema
тре́звый — kaine; selgepeane; karske

§ 19. Иван Андреевич Крылов.

впосле́дствии — pärast(poole), hiljem
хвали́ть (хвалю́, -ишь) — kiitma; ülistama
определённый — (kindlaks) määratud; teatud, tuntud

хи́щник — kiskja-, röövloom; nöörija
ворóна — vares
ягнёнок (*мн. ч.* ягня́та) — (lamba)tall
осёл (*род. п.* осла́) — eesel
мартышка (*род. п. мн. ч.* -шек) — ahv, pärdik
кривля́ка (*м.* и *ж. р.*) — vigurdaja, heputaja
соответственно — vastavalt
выма́нивать / вы́манить * (-ню, -ишь) — välja meelitama, hõrgutama, peibutama
бры́зги (*мн. ч., род. п.* брызг) — pritsmed, piisad; killud
ме́тить (ме́чу, ме́тишь) — 1. sihtima; 2. märgistama, märkima

современный — nüüdis-, kaasaegne
оборóт ре́чи — kõnekäänd
плясáть (пляшу́, -ешь) = танцова́ть

§ 20. Слон и Моська.

мóська — mops
дикóвина — imeasi
зева́ка (*м.* и *ж. р.*) — logard, suu ammuli vahtija
отколе = откуда
мета́ться (мета́юсь, -ешься; мечу́сь, -ешься) / метну́ться * (-ну́сь, -ёшься) — visklema; viskuma; sööstma; rabelema

срами́ться (срамлю́сь, -ми́шься) — endale häbi tegema; end häbistama
ша́вка — krants, õuekoer; karvanäss-koer
хрипе́ть (хриплю́, -пи́шь) — kähisema, korisema; kähistama
придава́ть ду́ху = придавать сме́лости
забия́ка *(м. и ж. р.)* — tülinorija, kakleja, lõõmamees.

§ 21. Мартышка и очки.

не так большой руки́ = не так вели́к

заводи́ть (-вожу́, -во́дишь) / завести́ * (-веду́, -ёшь, *прош. вр.* завёл, -вела́) — *вин. п.* — endale hankima, muretsema; kuhugi viima v. meelitama v. juhtima; sisse tooma; sõlmima; üles keerama

верте́ть (верчу́, ве́ртишь) — keerama, keerutama, vääntama
так и сяк = так и и́нача
те́мя (*род. п.* те́мени — *только единств. число*) — pealagi
прижима́ть / прижа́ть * (-жму́, -ёшь) — ligi litsuma, pigistama; vastu surema; rõhuma
нани́зывать / низа́ть * (-нижу́, -ешь) — lükkima, ajama
лиза́ть (лижу́, ешь) — lakkuma
ти́фу, про́пасть! = чорт возьми!
вра́ки = вздор
лгать (лгу, лжёшь) — valetama, luiskama
нет про́ку = нет пользы
неве́жда *(м. и ж. р.)* — võhik; harimatu inimene
к ху́ду клони́ть — kalduma, tõmbama halva poole
е́жели = если

§ 22. Александр Сергеевич Грибоедов.

увлече́ние — innustus; harrastus; armastus, armulugu
посо́льство — saatkond
мне́ние — arvamus, arvamine
наслажда́ться / наслади́ться * (-слажу́сь, -слади́шься) — midagi nautima, mõnulema

оце́нка — hinnang; hindamine; hinne
наряду́ — kõrval; kõrvuti; ühtlasi
сближе́ние — liginemine, lähenemine; lähendamine
сохране́ние — säilitamine; reserveerimine; valvamine, hoidmine

§ 23. Горе от ума.

ничто́жный — tühine; tähtsusetu; tühipaljas; vääritu
здравомы́слящий — kainelt mõtlev
противоре́чие — vasturääkivus; vastuolu
пого́ня — tagaajamine; tagaajajad
досто́инство — väärilisus; väärtuslik omadus; väärikus
сплетня (*род. п. мн. ч.* -тен) — keelepeks; laimujutt
ре́зкий — lõikav, terav; järsk; kibe, kõle; käre; toores; kriiskav
нра́вы (*мн. ч.*) — kombed
за́нятый — kinni, hõivatud
приключа́ться = случи́ться
суета́ — (ilma)asjatus, tarbetus; askeldus(ed), sekeldus(ed)
присе́дка — kükitamine; kükktants
твердя́ть (твержу́, твердишь) — sama kordama, kinnitama; tuupima, pähe õppima
пригожий — (välimuselt) kena; ilus; selge
обры́скать (-ю, -ешь; обры́щу, -ешь) — läbi tuhnima e. nuuskima; (kõik kohad) läbi jooksma
сродни́ = быть ро́дственником
исконя́ = с са́мого нача́ла
сва́таться — kosima
блажи́ть (-жу́, -и́шь) — hullutsema, narrust tegema
оплошный = ошибочный
прислу́живаться } meelitades kohtlema, libitsema,
подслу́живаться } lõmitama
то́шный — vastik, ilge
поко́йник (*ж. р.* поко́йница) — surnu, koolnu
услу́га — (sõbra)teene; lahkus

цу́гом
кива́ть
кивну́ть * (-ну́, -ёшь)
вельмо́жа
тем па́че = тем бо́лее
надме́нный
сгиба́ться
согну́ться * (-ну́сь, -ёшься)
переги́б

reas, reastikku, üksteise järel
(peaga) noogutama, märku andma
suurnik, magnaat; kõrge aukandja
kõrk; ülbe; suureline
painduma; küüru jääma
painutus; kõverdus; murdekoht (lehel); kahjulik radikaalsus, liialdus

ку́ртаг = приём госте́й во дворце́
оступа́ться
оступи́ться * (-плю́сь, -пишься)
зату́лок (*род. п.* -лка)
пришиба́ть
пришиби́ть * (-шибу́, -ёшь, *прош. вр.* -ши́б, -ши́бла)
жа́ловать (жа́лую, -ешь)
оправля́ться
спра́виться * (-влюсь, -вишься)
вдруго́рядь = в другой раз
пу́ще = больше
смышлёный
приве́тливый
ну́тка = ну́-ка
сра́внивать
сравни́ть * (-ню́, -ни́шь)
мину́вший
преда́ние

komistama, vääratama
turi, kukal
ära lööma v. vigastama
(armulikult) kinkima, annetama
end kohendama; end korraldama; kosuma; toibuma

taibukas; arukas, arusaaja
lahke, sõbralik
võrdlema; kõrvu seadma; kõrvutama
möödunud
suuline edasianne, pärimus, traditsioon, legend

раболе́пство
све́рстник
пы́лкий
скачо́к (*род. п.* -чка́)
ве́тхий
чай — пови́димому, вероя́тно
по́дличать
стыд

orjameelsus, orjalikku, orjavaim
ühevanune e. samaealine isik
äge, kiivas; käre, äkiline
hüpe
(puru)vana; lagu(ne)nud
nurjatu olema, alatult toimima
häbi; häbiasi

узда́	ratsmed; valjad, päitsed
карбона́рий = член тайной революционной организации в Италии в начале XIX века	
шут	narr; (tsirkuse)tola; veiderdaja, paiats
покрови́тель *(м. р.)*	kaitsja, protektor
зева́ть зевну́ть * (-ну́, -ёшь)	haigutama; ammuli sui vahtima
ша́ркать ша́ркнуть * (-ну, -ешь)	kraapima, hõõruma (jalaga)
пропове́довать (-ве́дую, -ешь) проповеда́ть * (-ю, -ешь)	jutlustama, propageerima; kuulutama
путеше́ствовать (-ствую, -ешь)	reisima, rändama, matkama
мо́чи нет = сил нет	
брани́ть (браню́, -и́шь)	sõimama; tõrelema, kärkima, sõitlema, pragama
предоставля́ть предоста́вить * (-влю, -ишь)	(hoolde) jätma; pakkuma
в прида́чу	lisaks, pealekauba
затыка́ть заткну́ть * (-ну́, -ёшь)	kinni toppima; sulgema; ummistama; kuhugi vahele pistma
оскорбля́ть оскорби́ть * (-блю́, -би́шь)	solvama, haavama; teotama
бакла́уши бить = ничего́ не де́лать	
ворочáться воротúться* (-рочу́сь, -ро́тишься)	tagasi tulema v. pöörduma
длить (длю, длишь)	venitama, pikendama
покая́ние	patukahetsemine, patukahetsus
как пить дать = непремéнно	
оборáчиваться обернýться * (-ну́сь, -ёшься)	end teatavas suunas pöörama e. pöörduma, ümber käänduma

§ 24. Александр Сергеевич Пушкин.

посвящáть посвятúть * (-свящу́, -святи́шь)	pühendama
пье́са	näidend, tükk, muusikapala

сочиня́ть сочини́ть * (-ню́, -и́шь)	kirjanikuna looma; koostama, komponeerima, sepitsema, luuletama
забира́ться забра́ться * (-беру́сь, -ёшься)	kuhugi ronima; pääsema
не своди́ть глаз	üksisilmi vahtima
страсть *(ж. р.)*	kirg, iha
надува́ть наду́ть * (-ю, -ешь)	täis puhuma; paisutama; prunti ajama (huuli); tüssama; petma
грызть (грызу́, -ёшь; *прош. вр.* грыз, -ла)	närima, purema, katki hammustama; vaevama, piinama
хму́риться (-рюсь, -ишься)	kulmu kortsutama, nägu krimpsutama; mossitama; süngistuma
вспы́льчивый	äkiline; raevukas, kiivas, turtsakas
насме́шливый	pilkav, tõgav; pilkehimuline
угова́ривать уговори́ть * (-рю́, -и́шь)	nõusse meelitama; veenda püüdma
проси́ть прощ<u>е</u>́ния	andeks paluma
смущённый	segane, hämmeldund; kohmetu
ве́стник	sõnumitooja; teataja
стихотво́рец *(род. п.* -рца) = поэт	
ненави́деть (-ви́жу, -ви́дишь)	vihkama; mitte sallima; põlgama
самодержа́вие	isevalitsus
сбо́рник	kogu; koguteos; kogumik
пресл<u>е</ú</u>довать (-дую, -ешь)	jälitama, taga ajama; taga kiusama; taotlema
вью́га = мете́ль	
са́льная свеча́	rasvaküünal
расправля́ться распра́виться* (-влюсь, -вишься)	sirgeks v. siledaks minema; arveid õiendama (kellegagi)
ка́торжный	1. sunni-, sund; ränk, piinav; 2. sunnitööline
у́часть *(ж. р.)*	saatus; osa
гнев	viha
надзо́р	üle-, järelevaatus; kontroll; järelevalve
прекращ<u>е</ú</u>ние	lõpetamine; katkestamine; lakkamine
наме́рение	kavatsus, kavatsemine
жени́ться * (-нюсь, -ишься)	naima, naist võtma; abielluma

переселя́ться
пересели́ться * (-лю́сь, -и́шься) } ümber e. üle kolima

ми́лость *(ж. р.)* arm; heategu; soosing
седина́ hallid juuksed; hall värvus, hallus
вражда́ vaen; vihameel; vimm
тра́вля tagakiusamine; ajujaht koertega, klaperjaht

по́вод põhjus; tõugend
уси́ленный kõvendatud, intensiivne, forseeritud
иностра́нец *(род. п.* -нца) välismaalane
предпринима́ть
предприня́ть * (-при́му, -е́шь) } ette võtma (ataaki, reisi jne.)
его не ста́ло = он у́мер
стара́ться

проника́ть
прони́кнуть * (-ну, -е́шь; *прош. вр.* прони́к (нул), -ла) } püüdma, jõudu pingutama; kõigest jõust püüdma
läbi tungima; sisse tungima; v. pääsema; vaevaga kuhugi jõudma; levima; süvenema
тайко́м salaja, salamahti; vargsi
хорони́ть (-ню́, -ишь) matma
сопровожде́ние kaastamine, saatmine, kaasaskäik; kaasmäng

тво́рчество looming
содержа́ние pidamine, hoidmine; sisund, sisaldis, sisu, elatis, palk

утвержда́ть
утверди́ть * (-ржу́, -рди́шь) } kinnitama; sanktsioneerima; jaatama; väitma
госпо́дство ülevõim; domineerimine
образе́ц *(род. п.* -зца́) näidis, muster; eeskuju; mudel laad, liik; igapäevase elu pilt, žanr

жанр mõju avaldama, mõjustama
ока́зывать влия́ние kahtlus
сомне́ние järeletulija; sugujärglane, võsu; järelsugu, -põlv
пото́мок *(род. п.* -мка) läbi- v. juurde- v. ligipääsetav; kättesaadav; arusaadav; jõukohane
пото́мки *(мн. ч.)* sissemaks, panus, sihtkapital, -vara; deposiit; väärtuslik lisand; hoiusumma
досту́пный

вклад

§ 25. К Чаадаеву.

те́шить (-шу, -ишь)	(kellelegi) meelt lahutama; (kedagi) lõbustama
обма́н	pettus, pete; sohk; kavalus
заба́ва	ajaviide, -veede; lõbu; meelelahutus
гнёт	rõhumine, surve; pain
нетерпели́вый	kannatamatu
внима́ть / внять * (вне́млю, -ешь)	kuulatades tähele panema, kuulama; kuulda võtma
томле́ние	piinlemine, vaevlemine; väsitamine, tüütamine
упова́ние	(kindel) lootmine, lootus
любо́вник	armuke, armunu; armastaja (teatris)
поры́в	katkemine; sõõst, iil, iiling, hoog purse; tuhin
плени́тельный	vangistav; kütkestav, veetlev, võluv
заря *(мн. ч.* зо́ри)	koit; eha; (taeva) puna; koidik
вспря́нуть * (-ну, -ешь)	üles kargama; võpatama; äkki virguma
обло́мок *(род. п.* -мка)	murdosis, kild; rusu

§ 26. Сёстры Ларины.

послу́шный	sõnakuulelik, kuulekas; alandlik
простоду́шный	lihtsameelne, ülisiiras
ло́кон	lokk, kihar
стан	1. kehakuju, piht; 2. laagrikoht; 3. (suur) tööpink
надоеда́ть / надое́сть * (-ем, -ешь; *прош. вр.* -ел, -е́ла)	tüütama
безме́рный	määratu
румя́ный,	punane; punapalgeline; roosa, punetav
привлека́ть / привле́чь * (-ку́, -чёшь; *прош. вр.* -влёк, -влекла́)	külge tõmbama; (juurde) meelitama; veetlema

лань *(ж. р.)*	emahirv
боязли́вый	kartlik, arg
ласка́ться	kallistama v. paitama; kellegi ümber libitsema; meelitama
заду́мчивость *(ж. р.)*	mõtteisse süvenemine; mõtlikkus
тече́ние	voolamine; vool; voolus; voog; jooks
досу́г	jõudeaeg, vaba aeg; (mitm.) meelelahutused
изне́женный	hellitatud
склоня́ться склони́ться * (-ню́сь, -нишься)	kalduma; painduma; käänduma
полотно́	lõuend, linane riie; lipukangas; raudteetamm, muldkeha
приме́та	tunnismärk, tunnus
ку́кла	nukk
весть *(ж. р.)*	sõnum, teade; uudis
прока́за	vallatus, temp, koerustükk; pidalitõbi
чу́ждый = чужо́й	
плени́ть * (-ню́, -и́шь)	vangistama, kütkestama, võluma paeluma
звони́кий	kõlav, hele; heliline (kaashäälik)
ве́треный	tuule-, tuuline; tuisupäine, kergemeelne
предупрежда́ть предупреди́ть * (-режу́, -реди́шь)	ennetama, ette jõudma; hoiatama, ette teatama; ära hoidma, ette teostama
небоскло́н	taevavõlv
хорово́д	ringmäng, -tants
облада́ть — *твор. п.*	omama, evima; valdama
луна́	kuu (taevakehana)
по́чивать = спать	
привы́чный	harjunud; harilik
пробужда́ть пробуди́ть * (-бужу́, -бу́дишь)	äratama; tekitama; esile kutsuma
влюбля́ться влюби́ться * (-блю́сь, -бишься)	armuma
ма́лый = па́рень, мальчик	
поду́шка *(род. п. мн. ч.* -шек)	padi

§ 27. Буран в степи.

бура́н — lumetuisk (rohtlaanes)

пересека́ть
пересе́чь * (-секу́, -сечёшь;
прош. вр. -сек, -ла́) — läbi e. katki lõikama; (mitmeid v. kõiki) läbi peksma

овра́г — kuristik, jäärak; lohk

след — jälg, jäljend; arm, verme

ямщи́к — postipoiss; küüdimees

оборо́титься = обрати́ться

поро́ша — (esimene) värske ning kohev lumi

вон-вон = вот там

предвеща́ть
предвести́ть * (-вещу́, -вести́шь) — ennustama

та́мошний = находя́щийся там, далеко́, не здесь

заноси́ть (-ношу́, -но́сишь)
занести́ * (-несу́, -ёшь
прош. вр. -нёс, -несла́) — möödaminnes ära tooma v. viima; kuhugi kaugele tooma; kuhugi tõstma; sisse kandma; ummistama, täis ajama

наде́яться — lootma

заблаговре́менно = зара́нее

постепе́нно — järk-järgult, kord- korralt, aeglaselt, pikkamööda

вали́ть (вали́т и ва́лит)
свали́ть * (-ли́о, -ишь) — maha paiskama, maha murdma; peale ajama; tihedalt langema (lumi)

хло́пья (*мн. ч., род. п.* -ьев) — kübemed, helbed; lumeräitsakad

мгнове́ние — silmapilk, hetk

сме́шиваться
смеша́ться * (-а́юсь,-ешься) — segama, segi ajama; ära vahetama; seguks muutuma

мрак — pimedus

вихрь *(м. р.)* — (tuule) pööris, -keeris; tuulispask

свире́пый — raevune; metsik, pöörane; julm

одушевлённый — hingestatud; elurõõmus; elus olend (gram.)

сы́пать (-плю, -плешь) — puistama, raputama

неве́сть = неизве́стно

постоя́лый двор	sissesõiduhoov; (hobuse) postijaam
бу́ря	torm, maru, raju
сва́дьба *(род. п. мн. ч.* -деб)	pulm
сугро́б	lumehang
пону́ря го́лову = опусти́в го́лову	
и́зредка = иногда́	
вздра́гивать вздро́гнуть * (-ну, -ешь)	värа(h)tama; tõmblema; võpatama, jahmatama
у́пряжь *(ж. р.)*	rakmed, hobuseriistad; rakend
ула́живать упряжь = привести в порядок упряжь	
ворча́ть (-чу́, -и́шь)	urisema, torisema
при́знак	tunnus, tunnusmärk
жи́ло = жили́ще	elamu
различа́ть различи́ть * (-чу́, -и́шь)	eraldama, eristama, vahet tegema; ära tundma
круже́ние	keerutamine, pöörlemine
равня́ться	võrduda püüdma, võrduma, võrdne olema
ночле́г	öömaja, öölaager
вдоль и поперёк	risti (pikuti) ja põiki; risti-rästi; põhjalikult
авось = может быть	
ободря́ть обо́дрить * (-рю, -ишь)	julgustama, vahvustama; ergutama, virgutama
прово́рно = бы́стро	
облучо́к *(род. п.* -чка́)	(sõiduki) pukk
свора́чивать своро́тить * (-очу́, -о́тишь)	ära e. kõrvale v. kokku keerama e. käänama; paigast v. ära e, kõrvale veeretama
недово́льствие	rahulolematus; meelepaha
небо́сь = ка́жется, вероя́тно	
хому́т	rangid
отто́ле = оттуда	
сметли́вость *(ж. р.)*	taibukus, taiplikkus; leidlikkus
чутьё	haistmismeel; vaist
обру́шиваться обру́шиться * (-ится)	ümber v. sisse langema; maha langema; kallale tormama; peale tulema

перева́ливаться
перевали́ться * (-лю́сь, -ишься) } taaruma

толка́ться
толкну́ться * (-ну́сь, -ёшься) } üksteist v. teineteist tõukama; trügima; koputama, sisse pääseda tahtma

цыно́вка kahekordne niinmatt; jalamatt

§ 28. Из поэмы «Медный всадник».

стро́йный harmooniline; sihvakas, sale
держа́вный ülemvõimu-; võimas; monarhi-
огра́да (ümbritsev) aed, tara; müür
су́мрак poolpimedus; hämarus; videvik
блеск sära, hiilgus, helk, läik
лампа́да ripplamp (ikooni ees);
грома́да suur mass v. kogu

§ 29. Я помню чудное мгновенье.

виде́ние nägemus, ilmutus
звуча́ть (-чи́т) kõlama; helisema; kostma, kajama

сни́ться = ви́деть во сне
черта́ joon, kriips; viir; piir, piirkond
мяте́жный = бу́рный, неспокойный

рассе́ивать
рассе́ять * (-се́ю, ешь) } laiali külvama; laiali ajama, hajutama; peletama; kellegi meelt lahutama

мечта́ unistus; unelm
заточе́ние vangistus, vangipanek; vangisolek
божество́ jumalus
пробужде́ние ärkamine; elustumine; virgumine; tekkimine

§ 30. Памятник.

воздвига́ть
воздви́гнуть * (-ну, -ешь; *прош. вр.* -двиг, -ла) } püstitama

нерукотво́рный mitte käte loodud; imepärane

тропа́	(tee)rada; jalgtee
возноси́ться (-ношу́сь, -но́сишься), вознести́сь * (-несу́сь, -ёшься; *прош. вр.* -нёсся, -несла́сь)	tõusma, ulatuma
непоко́рный	mittealandlik, mittekuulekas, sõnakuulmatu, isemeelne
Александри́йский столп = *гранитная колонна на пло́щади Ури́цкого в Ленинграде, сооружённая в па́мять Александра I*	
заве́тный	püha; ihaldatud, tõotatud
ли́ра	lüüra
прах	põrm
тле́ние (тле́нье)	kõdunemine; roiskumine
доко́ль = пока́; до тех пор	
подлу́нный	kuualune, maapealne
пиит = поэ́т	
всяк = вся́кий	
су́щий (существу́ющий)	olemas olev
я ы́к — *здесь:* наро́д	
внук	lapselaps (poja- v. tütrepoeg)
славяни́н (славя́не)	slaavlane
ны́не (ны́нче) = теперь	
любе́зный	1. armastusväärne, lahke, kallis; 2. armsam
восславля́ть, воспла́вить * (-влю, - вишь)	ülistama, kiitma
па́дший	langenud

§ 31. Михаил Юрьевич Лермонтов.

пожа́р	tulikahju
благоро́дный	suurest soost, suursugune, õilis
гвардейский	kaardiväe-
альбо́м	album
не́нависть *(ж. р.)*	vihkamine, vihavaen, viha
возмуще́ние	viha, meelepaha; mäss, ässitus
презре́ние	põlgus, põlastus; põlglikkus

обвиня́ть
обвини́ть * (-ню́, -и́шь) — *вин.п.* — süüdistama

отбира́ть
отобра́ть * (отберу́, -ёшь) — ära võtma; sorteerima, välja korjama, valima

бегле́ц — jooksik, põgenik

прее́мник — järel(e)tulija, järglane

обличи́тельный — paljastus-

подо́шва горы = место, где начинается гора

злора́дство — kahjurõõm

преде́л — piir, raja

§ 32. Парус.

па́рус — puri

одино́кий — üksik, üksildane; üksikinimene (ilma perekonnata)

ма́чта — mast

гну́ться (гну́сь, -ёшься) — painduma; küürutama; koolduma

струя́ — juga; voog; nire

лазу́рь *(ж. р.)* — taevasina; taevasinine värvus

§ 33. Герой нашего времени.

расходи́ться (-хожу́сь, -хо́дишься)
разойти́сь * (-зойду́сь, -ёшься; *прош. вр.* -зошёлся -шла́сь) — laiali minema, lahku minema, levima; ristamisi mööda minema; hajuma; laiali kanduma; sattuma hoogu

доли́на — org, nõgu

колоко́льчик — kelluke

повозка = телега

армяни́н *(мн. ч.* армяне) — armeenlane

коля́ска *(род. п. мн. ч.* -сок) — kaless, lapsevanker

ус — vunts, vurr; mokahabe

ба́лова́ть (ба́лу́ю, -ешь) — hellitama; vallatust tegema

лаке́й — toapoiss, teener

бормота́ть (бормочу́, -ешь) = говорить негромко и неясно, про себя

закады́чный=ве́рный, задуше́вный

коли =если
восьмигри́венный = 80 копеек
во́дка — viin, naps
уверя́ть / узе́рить * (-рю, -ишь) — kinnitama; tõendama
сложение — *здесь:* телосложе́ние — kehaehitus, konstitutsioon
кочево́й — ränd-; nomaadi-
ба́рхатный — sametist; õrnpehme
застёгивать / застегну́ть * (-ну́, -ёшь) — kinni nööpima; nööpe kinni panema
ослепи́тельный — pimestav
изоблича́ть / изобличи́ть * (-чу́, -и́шь) — paljastama (kuritegu); kedagi valelt tabama
па́чкать — määrima, mustaks tegema; plekke täis ajama

перча́тка *(род. п. мн. ч.* -ток) — kinnas
худоба́ — kõhnus; lahjus
небре́жный — hooletu, lohakas
скры́тность *(ж. р.)* — peitumus, kinnisus; umbmeelsus; salalikkus

осно́вывать / основа́ть (осную́, -ёшь) — asutama; rajama; põhjendama; rakendama
ве́ровать = ве́рить
пухово́й (пухо́вый) — udusulgne; udusule-
белоку́рый = (челове́к) со све́тлыми волоса́ми
вью́щийся — vään(d); kähar
живопи́сный — maalimis-; maalilik, pitoreskne
обрисо́вывать / обрисова́ть * (-су́ю, -ешь) — *вин. п.* — piirijooni tõmbama; skitseerima

морщи́на — korts; krimps
обознача́ть / обозна́чить * (-чу, -ишь) — märkima; tähistama; tähendama
я́вственный — selgesti eristatav, selge
вздёрнутый — püstiaetud; ülespoole (nina)
белизна́ — valgedus; valge-olek
ка́рий — kastan e. tumepruun, sõstrakarva
нрав — loomus, iseloom; meelelaad

опуска́ть
опусти́ть * (-пущу́, -пу́стишь) } alla laskma; longu laskma välja v. vahele jätma
жара́ palavus, kuumus (eriti ilmastiku kohta)

душе́вный hingeline; hinge-, südamlik
воображе́ние mõttelend; ettekujutus; kujutlus-
проница́тельный läbitungiv, terav (vaade) | võime
де́рзкий jõhker, julgunud; ninakas
столь = так, настолько
равноду́шный ükskõikne; leige; loid, tuim
подро́бность *(ж. р.)* üksikasi, detail; peenus; üksikasjalisus

понево́ле vastu tahtmist, vägisi
дово́льствоваться (-ствуюсь, -ешься) end varustama, toidustuma; rahulduma, leppima
звене́ть (-нит) kõlisema; helisema
дуга́ look; kaar; poogen

погружа́ть
погрузи́ть * (-гружу́, -гру́зишь) } (sisse) kastma, sukeldama; teatud füüsilisse v. hingelisse seisundisse panema; laadima
град rahe
клочо́к *(род. п.* -чка́) tutt; tuustik; tükk
кле́иться (-ится) kleepuma; sobima; sujuma
остолбене́ть * (-ю, -ешь) jahmuma; kohmetuma; tarduma
житьё-бытьё elu-olu

отвора́чиваться
отверну́ться * (-верну́сь, -вёрнешься) } kõrvale pöörduma; end kõrvale käänama; tagasi pöörama
принуждённый sunnitud, ebaloomulik
кахети́нское = *здесь:* кахети́нское вино́

подбира́ть
подобра́ть (подберу́, -ёшь) — *вин. п.* } üles korjama; hõlma alla panema
свиде́ться * (свижусь, свидишься) teineteist jälle nägema, kohtuma
вслед järel(e); järel, kannul
вряд ли = едва ли
кремни́стый kivine, kivikildudega ülekülvatud (tee); ränimullane

нынешний = тепе́решний
не чино́вен = без чина
бес — sõrts, vanapagan; tont; kurat
поминутно = ка́ждую мину́ту, постоя́нно

§ 34. На смерть поэта.

клевета́ть (-щу́, -ешь) на — *вин. п.* — laimama, laimujuttu ajama kellegi kohta
месть *(ж. р.)* — kättemaks
позо́р — häbi, häbiplekk
убийца *(м. и ж. р.)* — tapja, mõrvar, mõrtsukas
наводи́ть (-вожу́, -во́дишь) навести́ * (-веду́, -ёшь; *прош. вр.* -вёл, -вела́) — millelegi juhtima, suunama; peale ajama
шади́ть (щажу́, щади́шь) — säästma, halastama, armu heitma; hoolikalt käitlema
пала́ч — timukas
таи́ться (-юсь, -и́шься) — end varjama, peituma
сень = защи́та
бо́жий — jumala
напе́рсник — soosik, lemmik
зла́то = зо́лото
наперёд = вперёд
прибега́ть прибе́гнуть * (-гну, -ешь); *прош. вр.* -бе́г, -бе́гла) — midagi abiks võtma; millestki abi v. tuge otsima; millegi v. kellegi poole pöörduma
злосло́вие — laim
вновь = сно́ва
пра́ведный — õnnis, õiglane

§ 35. Николай Васильевич Гоголь.

уе́зд — maakond
помести́тельный — ruumikas, mahukas
обши́рный — avar, ruumikas; lai, suur; tüse, mahukas
прислу́га — teenija; teenijaskond
сы́тный — toitev, küllastav; rammus

совреме́нник	kaasaegne, kaasaeglane
чино́вник	(riigi)ametnik; bürokraat
запи́ски *(мн. ч.)*	ülestähendused; märkmik; päevik; kirjad (= teaduslikkude artiklite ajakiri)
накану́не	eelõhtul; eelpäeval
день Ива́на Купа́ла	jaanipäev
том	köide
чувстви́тельность *(ж. р.)*	tundelisus; tundlikkus, hellus
необыкнове́нный	ebaharilik; haruldane; veider; uskumatu
и́стинно = действи́тельно	
представле́ние	esitamine; esitlemine; kujutlus; etendus
производи́ть (-вожу́, -во́дишь) / произвести́ * (-веду́, -ёшь; *прош. вр.* -вёл, -вела́)	tootma, valmistama, produtseerima korda saatma; põhjustama, tekitama
впечатле́ние	mulje
актёр	näitleja
при́зрак	silmalummutus, viirastus, tont
и́стина	tõde
сосло́вие	seisus
необыча́йный = необыкнове́нный	
восто́рг	vaimustus, entusiasm, ind
торжество́	pidu; pidutsemine; võit; võidutsemine
по́шлый	labane; banaalne
уро́д	värdjas, inetu (isik); koletis; monstrum
нагля́дный	näitlik

§ 36. Старосветские помещики.

заря́ занима́ется = появля́ется над горизо́нтом	
се́ни *(мн. ч., род. п.* сене́й)	eeskoda, esik, võõrus
стря́хивать / стряхну́ть * (-ну́, -ёшь)	(endalt) maha raputama
прика́зчик	äriteenija, äri-, poesell, müüja; (mõisa) kubjas
новичо́к *(род. п.* -чка́)	uustulnuk; algaja; uus õpilane

красть (краду́, крадёшь; *прош. вр.* крал, кра́ла) } varastama
укра́сть * (украду́, -ёшь) }

зо́ркий — terava silmaga, hea nägemisega
обстре́ленная пти́ца = опытный, ко всему привы́кший человек

закýсывать } midagi kõvasti hammustama;
закусúть * (-кушу́, -ку́сишь) } suupistet võtma; kõrvale hammustama

ко́ржик — kakuke, koogike
пригора́ть } veidi kõrbema, põhja hakkama
пригоре́ть * (-ри́т) } e. kõrbema
ломо́ть (*м. р., род. п.* ломтя́) — leivaviilakas, viilukas; kamakas
варе́ник — väike keedupirukas; käkk
как во́дится = как всегда́, как при́нято
лежа́нка — ahjupink, ahjuase; lamaahi
стона́ть (сто́ну, -ешь) — oigama, ägama; ägisema
узва́р = компот
ры́ться (ро́юсь, -ешься) — tuhnima; tuustima; siblima; urgitsema; sorima

посторо́нний — 1. kõrvaline; võõras; 2. kõrvaline isik

дева́ться — kaduma; minema
крести́ться (крещу́сь, кре́стишься) — endale risti ette lööma
попуска́ть } laskma e. lubama, millelgi
попусти́ть * (-пущу́, -пу́стишь) } sündida; läbi sõrmede vaatama
ключница — võtmetehoidja; mõisateenija, kes valvab toidu tagavarade üle

кладова́я = чула́н
грех — patt

§ 37. Днепр.

пла́вный — voolav; ladus, sujuv; sulav
шелохну́ться * (-нётся) — end liigutama, liikuma; liiga(h)tama, vära(h)tama

ви́дится = кажется
вылива́ть } välja valama; valama; veega
вы́лить * (-лью, -льешь) } ujutades välja ajama

мéра — mõõt; määr; abinõu, vahend
рéять (рéю, -ешь) — lendlema, hõljuma
ви́ться (вьюсь, вьёшься) — väänlema, keerlema
лю́бо = ми́ло, прия́тно
огля́дываться / огляну́ться * (-ну́сь, -ешься) — ringi vahtima; tagasi vaatama
прибре́жный — ranniku-; kalda-, kaldaäärne
ку́дри *(мн. ч., род. п.* кудре́й) — kiharad, käharad juukselokid
наклоня́ться / наклони́ться * (-ню́сь, -нишься) — kallutama, kummarduma; küliti vajuma
зрак = о́браз, вид; взгляд
усмеха́ться / усмехну́ться * (-ну́сь, -ёшься) — naeratlema, muigama, muhelema; naeratama
приве́тствовать (-вую, -ешь) — tervitama
ветвь *(ж. р.)* = ве́тка
пы́шный — tore, hiilgav; lopsakas; uhke; kohev

озира́ть / озре́ть * (-ю, -ишь) — ringi vahtima, silmitsema, vaatama
стряса́ть / стрясти́ * (-су́, -ёшь; *прош. вр.* стряс, -ла́) — ära e. maha raputama, kokku v. segi raputama
ри́за — preestriornaat; ikooni metallkate
ра́зом = сра́зу, мгнове́нно
ло́но — süli, rüpp
уни́занный — täislükitud
дре́вле = в старину́
си́литься = стара́ться
тень *(ж. р.)* — vari; vilu; varjukuju

§ 38. Ревизор.

впопыха́х — ähmiga, rutuga
распеча́тывать / распеча́тать * (-ю, -ешь) — pitsatist vabastama, lahti pitseerima
со́бственный — enesele kuuluv, iseenda, omaenda, oma

почта́мт = центра́льное отделе́ние почты
обомле́ть = остолбенеть

уведомля́ть
уве́домить * (-млю, -мишь) } teadustama, teada andma, teatama

неесте́ственный ebaloomulik

отправля́ть
отпра́вить * (-влю, -ишь) = посылать

эстафе́та ratsakuller; virgats; kiirpost; kiirteade

одолева́ть
одоле́ть * (-ю, -ешь) } vallutama, võimust võtma, võitu e. jagu saama

сло́вно = как, как будто

шепта́ть (шепчу́, -ешь)
шепну́ть * (-ну́ -ёшь) } sosistama, sosinal kõnelema

сургу́ч kirjalakk

жи́ла soon; kitsipung, nõõrija

уполномо́ченный volitatud; volitatu; volinik

осо́ба isik

ни сё, ни то́ ei seda ega teist, ei see ega teine

законопа́чивать
законопа́тить * (-па́чу, -патишь) } kinni toppima, täis toppima; tihtima; vanglasse v. asumisele kihutama

жу́ировать (-рую, -ешь) = вести весёлую жизнь

волочи́ться (-чится) lohisema; libitsema, amelema

напропалу́ю riskeerides kõigega, meeletult

нашарому́жку = обма́ном, нече́стным путём

по по́воду millegi põhjusel v. puhul; kohta,

а́глицкий = англи́йский

оборо́т pööre, pöörak, keerang; läbimüük; läbikäik

статья́ (*уменьш.* стате́йка) artikkel; kirjutis; kirjatükk; punkt, paragrahv

си́вый ме́рин = серая лошадь; *здесь:* ругательство (sõimusõna, vandumine)

подле́ц (*род. п.* подлеца́) nurjatu inimene, lurjus

сквёрный = очень плохой

падзира́тель (*м. р.*) järelvaataja, valvur

богоугодное заведе́ние heategev asutis (endises Venes)

заика́ться
заикну́ться * (-ну́сь, -ёшься) } kogelema, kokutama; piiksatama

печёткий ebaselge; ebaloetav, raskesti loetav; ebatäpne

разбо́рчивый valik; nõudlik; loetav, selge

приступа́ть
приступи́ть * (-плю́, -ишь) = близко подходить, подойти

протуха́ть
протухнуть * (-нет; *прош. вр.* -ту́х, -ла) } mädanema, halvaks minema; kopitama, läpastuma

по кра́йней мере = во вся́ком случае

вот тебе на́! säh sulle!

дрянь *(ж. р.)* rämps, räbal, näru

мове́ тон = плохой тон

моше́нник kelm, võrukael; pettis, sohk; võllaroog

гостеприи́мство külalislahkus

добродушный heasüdamlik; lihtsameelne

репримáнд *kõnekeeles:* etteheide, noomitus

ры́ло koon, kärss; nägu, lõust

угора́здить * (-зжу, -здишь) tabama; sattuma

впредь = на бу́дущее время, вперёд

предписа́ние ettekirjutus, kirjalik käsk, eeskiri

недоуме́ние teadmatus, nõutus, kahtlus

оплоша́ть = соверша́ть оши́бку

подря́дчик hankija, töö-ettevõtja

пройдóха pugeja; libe, libekala (sõimusõna)

плут kelm, pettis, sohk; vigurimees, võllaroog

обворо́вывать } kelleltki varastama; (paljaks) varastama
обворова́ть * (-ру́ю, -ешь)

поддева́ть на уду́ *kõnekeeles:* kedagi sõnast kinni võtma; nina peale andma; näppama, varastama; õnge võtma

обруча́ться
обручи́ться * (-чу́сь, -и́шься) } kihluma

в сердца́х = очень серди́то

ку́киш с ма́слом — pikk nina, täielik nurjumine
обруче́ние — kihlus
одура́чивать / одура́чить * (-чу, ишь) — rumalaks tegema, rumalasti tüssama, narritama
сосу́лька (*род. п. мн. ч.* -лек) — (jää)purikas
тря́пка — kalts, narts; räbal; lupard; narakas; tahtejõuetu, iseloomunõrk, tühine inimene

залива́ться колоко́льчиком = звонко запеть, заиграть
посме́шище — naeru-, pilkealune; pilkeese

щелкопёр / бумагомара́ка — = человек, который пишет ненужные бумаги и бездарные произведения, напрасно пачкает бумагу.

ска́лить зубы = показывать зубы = смеяться, хохота́ть
ладо́ша (ладо́нь, *ж. р.*) — peopesa, kämmal
по́длинно = в са́мом деле, действительно
ра́зум = ум
вертопра́х = легкомы́сленный, ве́треный человек
мизи́нец (*род. п.* -нца) — väike sõrm v. varvas
ра·уме́ется = конечно, понятно, как и нужно было думать
пло́тит = пла́тит — luiskaja, valetaja
лгун — kärr, käristi; *kõnekeeles:* lobasuu, «tatraveski», lõhvard
трещо́тка — sirmita müts; kuppel; lambivari

колпа́к — mürkel (seen); *kõnekeeles:* krimpsus välimusega isik
сморчо́к (*род. п.* -чка́) — kõht, magu

брю́хо

§ 39. Собакевич.

и́скоса = не прямым взглядом
весьма́ = очень
довершéние — lõpule viimine

схо́дство	sarnasus; analoogia
панталóны (*мн. ч., род. п.* -лóн) = брю́ки	
ступня́	jalalaba, -pöid, jalatald
вкривь и вкось = во все сто́роны, туда́ и сюда́	
беспреста́нно = постоя́нно	
кале́ный = красный как ого́нь	
пята́к = моне́та в 5 копе́ек; су́мма в 5 копеек	
отде́лка	kaunistus, garnituur; väljatöötus; viimistlemine
мудри́ть (-рю́, -и́шь)	targutama; veiderdama
напи́льник	viil
бура́вчик	käsipuur
(руби́ть) со всего́ плеча́ = си́льно, резко, сверху вниз	
сверло́	puur, oherdi
ковыря́ть, ковырну́ть * (-ну́, -ёшь)	torkima, orkima, urgitsema
воро́чать (-ю, -ешь)	pöörama; veeretama; tiirutama
поворо́т	pööre, pöörang; käänak, kaar
оки́дывать	
оки́нуть * (-ну, -ешь) взглядом, глазами = осмотреть	
неукло́жий	kohmakas; saamatu
пуза́тый	kõhukas
(пре)неле́пый = (самый) бессмы́сленный	
располага́ется начина́ть = изво́лит начина́ть	
озада́чиваться	täbarasse seisukorda sattuma
озада́читься * (-чусь, -ишься)	kohmetuma, segadusse sattuma
отча́сти = не совсе́м	
превосхо́дный	suurepärane, oivaline; ületav
	ülekaalukas
доказа́тельство	tõendus, tõend(is); tõestus
кошелёк (*род п.* -лька́)	rahakott, -pung, kukkur
похвала́	kiitus, ülistus
ла́сковый	lahke, sõbralik

Гога и Магога = очень страшные и сильные люди

не в лада́х = не в ладу, не в полном согласии

простосерде́чный — lihtsa-, avameelne

упомина́ть / упомяну́ть * (-мяну́, -ешь) — nimetama, mainima

отзыва́ться / отозва́ться * (отзову́сь, -ёшься) — vastu kajama; vastu hüüdma; kostma; arvamust avaldama

скорлупа́ — kest, kõlu, koor (muna-)

потрясе́ние — vapustus; kõigutamine, põrutamine

пове́рхность *(ж. р.)* — pind (maa-, vee-)

§ 40. Воспитание Илюши.

натя́гивать / натяну́ть * (-ну́, -ешь) — otsa e. peale tõmbama; pingule v. vinna tõmbama, pingutama

колоту́шка = лёгкий уда́р кулако́м

чеса́ть (чешу́, -ешь) — kammima, sugema; kraasima (villa); kratsima, sügama

ку́ртка *(род. п. мн. ч.* -ток) — lühike meeste pealiskuub; pihtkuub

продева́ть / проде́ть * (-де́ну, -ешь) — millestki läbi pistma, läbi tõmbama; taha ajama v. panema (niiti nõela taha)

мига́ть / мигну́ть * (-ну́, -ёшь) — (silma) pilgutama; märku andma silmapilgutusega

ре́звый = весёлый, шаловли́вый

рази́ня = человек невнима́тельный, зева́ка

гора́здо = значи́тельно

подча́с = иногда, по временам, в какой-нибудь момент

расшиба́ться / расшиби́ться * (-бу́сь, -ёшься; *прош. вр.* -сши́бся, -лась) — end āra lööma (millegi vastu); lõhki v. puruks minema

фо́рточка *(род. п. мн. ч.* -чек) — õhuaken

простужа́ться / простуди́ться * (-тужу́сь, -ту́дишься) — end āra külmetama; külmetusest haigestuma

тепли́ца — kasvuhoone, triiphoone
бя́лый — närtsinud; lõtv; loid, lodev
ни́кнуть (-нет, *прош. вр.* ник, -ла) — longu vajuma; närbuma, lõtvuma
савра́ска = простая рабочая лошадь
буера́к = небольшой овра́г
березня́к = молодой берёзовый лес
увя́зываться / увяза́ться * (увяжу́сь, -ешься) — lahutamatult kellelegi järgnema; oma kaupa v. asju kinni siduma
игра́ть в снежки́ — lumesõda pidama
подмыва́ет его = толка́ет его
карту́з — nokkmüts
ком (*мн. ч.* ко́мья) — kamakas, tomp
ку́ча — hunnik, lasu, kuhi; virn
бац! = (говорят об уда́ре)
снорóвка — libe käsitlemine; vilumus
лепи́ть (леплю́, -пишь) — kleepima, liimima; voolima; plätsima
глы́ба — kamakas, kamp, pank, rahn
гвалт — müra, kisa
расте́рянный — hämmeldunud; peata; ähmi täis
пя́тка (*род. п. мн. ч.* пя́ток) — jalakand; sukakand
вопль (*м. р.*) — häda- v. valukisa
чини́ть правосу́дие — kohtumõistmist toimetama
подзаты́льник — võmm kuklasse
барчóнок (*род. п.* -нка) — mõisniku- v. saksapoiss
невреди́мый — vigastamatu, terve
мя́та — (pipar)münt
бузина́ — leedripuu

§ 41. Александр Николаевич Островский.

сце́на — stseen (vaatepilt); (näite) laval etteaste, lavapilt, episood
признава́ть (-наю́, -ёшь) / призна́ть * (-на́ю, -ешь) — kedagi millestki ära tundma; tunnustama; kellekski v. millekski tunnistama
пе́рвенство — esikoht; eesõigus

разоблача́ть
разоблачи́ть * (-чу́, -чи́шь) } paljastama; lahti rõivastama
упря́мство — kangekaelsus, jonnakus; kius; tõrksus

безразли́чно = всё равно
па́хтать = сбивать из сливок или сметаны масло
на́глый — julgunud, jõhker
дохо́дный — tulus
алты́н = стари́нная русская ме́дная моне́та (3 копейки)
взя́точничество — altkäemaksuvõtt (süsteemina)
взя́тка *(род. п. мн. ч.* -ток) — altkäemaks
противопоставля́ть
противопоста́вить * (-влю, -вишь) } vastu seadma v. asetama; vastu andma
не сошли́сь хара́ктером = не подошли друг для друга

разложе́ние — lagunemine; kõdunemine; roiskumine
оскуде́ние — vaesumine; kehvaks jäämine; lahjumine
шата́ться — kõikuma, vankuma; võnkuma; logisema; vaaruma, tuigerdama, lonkima
благосостоя́ние — hüvang, heaolu; hea põli; jõukus
бесприда́нница — kaasavarata pruut
насто́йчивость *(ж. р.)* — visadus, järeleandmatus, jonnakus
а́лчность *(ж. р.)* — ahnus, aplus
доброде́тельность *(ж. р.)* — vooruslikkus, voorus
среда́ = о́бщество

§ 42. Бедность не порок.

убе́жище = место, где можно укры́ться от чего́-нибудь
устремля́ться
устреми́ться * (-млю́сь, -ми́шься) } suunduma; pöörduma; sõõstma; peale e. kallale tormama
зако́нность *(ж. р.)* — seaduslikkus, seaduspärasus, legaalsus

ре́вность *(ж. р.)* armukadedus, kiivus
зло́ба viha (meel); tigedus
спья́ну = в пья́ном ви́де
червя́к uss; tõuk
и́зверг естества́ väljaheidetu, värdjas
повы́велись = исче́зли
зять (*м. р.; мн. ч.* зятья́) väimees, koduväi; õemees
тесть *(м. р.)* naiseisa, äi; äiataat
пе́тля (*род. п. мн. ч.* пе́тель) aas, öös; silmus, ling; nõõpauk, (palitu) tripp

опосля́ = по́сле
отродя́сь = никогда́, за всю жизнь, о́троду tõld
каре́та
ишь = вот, посмотри́
ва́жничать (end) tähtsaks tegema, suurustama
ро́вня́ *(м. и. ж. р.)* = человек, ра́вный другому по каким-нибудь при́знакам (по социа́льному положе́нию, по культурности, зна́ниям и т. п.)
гу́ба не ду́ра у кого-нибудь = умеет вы́брать себе лучшую часть
пере́чить (кому? чему?) vastu rääkima e. sõnelema
наси́лу = с большим трудом, едва
мыта́рство eluviletsus; katsumus; vintsutus
кабы́ = если бы
губи́ть (-блю́, -бишь) hävitama; rikkuma, hukutama
не четá = не пара, не ро́вня́
мы́кать (горе) virelema, kiratsema
зя́бнуть = мёрзнуть
пая́сничать paiatsit ehk tola mängima; veiderdama
ми́лостыня armuand, almus; helde tegu
свихну́ться * (-ну́сь, -нёшься) nikastuma; teast ogaraks või hulluks või segaseks minema

§ 43. Тарас Шевченко.

могúла	haud, kalm
приходúлось = нáдо было, нýжно было	
набивáть набúть * (-бью, -бьёшь)	täis toppima e. tuupima; polsterdama
табáк	tubakas
прúхоть *(ж. р.)*	(veider) tuju, kapriis
малярное дéло	maalritöö
получúть вóльную = освободúться из-под крепостнóго прáва	
переговóры (*мн. ч. род. п.* -ров)	läbirääkimised
разы́грывать разыгрáть * (-ю, -ешь)	mängima, esitama; välja loosima; etendama
курган	kurgaan (muistne käábas); küngas, kink
крýча	järsak
объединéние	ühendus
помянýть = вспóмнить	
предéл = грани́ца	
холóп	pärisori, ori; sunnismaine teener

§ 44. Жница.

жни́ца	niitja, lõikaja (naise kohta)
брести́ (бреду́, -ёшь; *прош. вр.* брёл, брела́) = итти с трудом, итти тихо, заду́мчиво	
пеленáть	mähkima (last), mähkmetesse panema
ня́нчить *(вин. п.)* = ухáживать (за маленьким ребёнком)	
незамéтный	märkamatu, tähelepanematu, tähtsusetu
тя́жко = тяжелó, трýдно	
урóчный	tähtajaline; tähtaja-; (kindlaks) määratud; (õppe)tunni-

§ 45. Иван Сергеевич Тургенев.

неудиви́тельно	pole imestada
мастерство́	meisterlikkus
слуга́	teener, teenija, sulane
хло́поты *(мн. ч.)*	askeldus; tüli
плодотво́рный	sigitav; viljakas; viljakalt mõjuv
собы́тие	sündmus; juhtumus
разночи́нец (*род. п.* -нца)	XIX saj. vene haritlane, kes ei kuulunud priviligeeritud aadliklassi (põlvnes seega vaimulikust, linnakodanluse- v. talupojaseisusest)
поколе́ние	(sugu) põlv, generatsioon, põlvkond; suguvõsa
мировоззре́ние	maailmavaade
о́браз жизни = порядок, характер жизни	
соверше́нство	täiuslikkus

§ 46. Учитель музыки.

бараба́нщик	trummilööja
как по ма́слу = гла́дко, легко́	
запира́ть запере́ть * (-пру́, -ёшь; *прош. вр.* за́пер, заперла́)	sulgema; ümber piirama; lukustama; riivi panema
су́кновальня (*род. п. мн. ч.* -лен)	vanutusveski, -koda
позвоно́к (*род. п.* -нка́)	selgroo-lüli
задо́к (*род. п.* задка́)	saapakand, toolikori; taguosa
савра́сый (конь)	põdravõik (hobune)
вя́тка = лошадь вя́тской поро́ды (по назва́нию города Вя́тки)	
укори́зна	etteheide, laide
с двена́десятью язы́к = с двена́дцатью языка́ми (здесь говори́тся о войске Наполео́на, в кото́ром были солда́ты двена́дцати национа́льностей)	
окая́нный = прокля́тый	

хвост поджа́л = стал скромне́е, осторо́жнее
подело́м = так и надо
впро́чем = одна́ко
двугри́венный = моне́та в 20 ко́пеек
задыха́ться
задохну́ться * (-ну́сь, -ёшься; *прош. вр.* -до́хся, -до́хлась)
фуфа́йка (*род. п. мн. ч.* -фа́ек)
ле́нта
на сла́ву = очень хорошо, великоле́пно
окоченёлый
сбежа́ться = быстро бего́м собра́ться в одно место, прибежа́ть с разных сторо́н
на́скоро = спеша́, торопли́во
погоди́ немно́го = через не́которое время; вско́ре
одобри́тельно
потрепа́ть * (-треплю́, -лешь)
мо́лвить (мо́лвлю, -вишь) = сказать
поди = иди

hingeldama v. lõõtsutama v. lämbuma hakkama; lämbuma; läkastama; hing kinni jäämakampsun; kootud vest
pael, lint

kangestunud, kohmetunud (külmast)

heakskiitvalt
patsutama (по плечу́)

§ 47. Муму.

усе́рдный
велика́н
па́лка (*род. п. мн. ч.* -лок)
без огля́дки = очень быстро, боя́сь огляну́ться наза́д
камо́рка = маленькая те́сная комната, чула́н
прово́рно = бы́стро, торопли́во
попо́на
взва́ливать
взвали́ть * (-лю́, -лишь)
и был тако́в = сразу убежал

usin; agar; innukas; hoolas
hiiglane, gigant
kepp, sau, pulk, malakas

paks hobusetekk; sadulatekk
peale lükkama, laduma; kaela ajama (работу)

несокруши́мый — kõikumatu; kaljukindel

отва́га — julgus, vaprus, vahvus, südidus

распа́хиваться / распахну́ться * (ну́сь, -ёшься) — pärani lahti minema v. paiskuma; *kõnekeeles:* oma hõlmad lahti lööma

пе́репел (*ж. р.* перепёлка) — vutt

взапуски — võidu (jooksma)

перекрика́ться / перекли́кнуться * (-нусь, -ешься) — vastamisi hüüdma, huiklema

коросте́ль (*м. р.*) — (rukki)rääk

чу́ткий — ergas, erk; valvas; terane; tundeline, delikaatne

шушу́канье = разгово́ры по секре́ту, сплетни

поспева́ть / поспе́ть * (-ю, -ешь) — küpsema, valmima; jõudma

вла́жный — niiske, rõske

хвата́ться / хвати́ться * (хвачу́сь, хва́тишься) — kellestki-millestki kinni haarama; kinni hakkama; millegi kallale asuma; millegi puudumist äkki märkama

обша́ривать / обша́рить * (-рю, -ишь) — läbi v. ümberringi kobama v. tuhnima

пожима́ть плеча́ми — kehitama õlgu

уто́пнуть * = утону́ть * (-ну́, -ешь) — põhja vajuma, uppuma

докла́дывать / доложи́ть * (-жу́, -ишь) — 1. ette kandma, esildama, teadustama; refereerima; 2. juurde v. lisaks panema, laduma

оты́скивать / отыска́ть * (-тыщу́, -ешь) — üles otsima; leidma

ро что́ бы то ни ста́ло = непреме́нно, несмотря́ ни на что́

нагоня́й — (vali) noomitus; peapesu

потря́хивать — vahetevahel raputama

урезо́нить * (-ню, -ишь) — (kellelegi) mõistust v. aru (jälle) pähe panema; manitsema

прибы́тие — saabumine

степе́нный = серьёзный, солидный; немолодой

§ 48. Отцы и дети.

нахáл (*ж. р.* нахáлка) — jultunud, häbematu (isik), jõhkard
подозревáть — kahtlustama
охóтно = с большúм желáнием
присýтствовать (-вую, -ешь) — juures olema e. viibima
возúться (вожýсь, вóзишься) — hullama, askeldama; jändama
привя́зываться / привязáться * (-вяжýсь, -ешься) — kiinduma; kinni hakkama, tüli norima
подтрýнивать / подтруни́ть *(-ню́, -и́шь) — pisut nokkima v. pilkama, nöökima
завязáлся спор = начáлся спор
побеждённый — võidetu, võidetud
замéшкать(ся) * — viibima (hilinema)
поравня́ться * — kellegagi v. millegagi kõrvuti jõudma; millegi kohale jõudma
притайться * (-таю́сь, -и́шься) — end peitma, varjama
до́брый ма́лый — tubli poiss v. mees
приника́ть / прини́кнуть * (-ну, -нешь; *прош. вр.* -ни́к, -ла) — end ligi e. vastu suruma; maha küürutama
плести́сь (плетýсь, -ёшься; *прош. вр.* плелся́, плела́сь = итти мéдленно и устáло, с трудóм передвигáя ноги
трéтьего дня = позавчерá
растолкóвывать / растолковáть * (-кýю, -ешь) = (с)делать понятным, объяснять
ерундá — *kõnekeeles:* lori, absurd
вне *(род. п.)* — väljaspool
человéчество — inimkond, inimsugu; inimsus
нуждáться — puudust kannatama; vajama
вмéшиваться / вмешáться * (-юсь, -ешься) — end vahele toppima v. segama; vahele astuma
отрицáние — eitamine, eitus
невырази́мый — mitte väljendatav, väljendamatu
mitte kirjeldatav, kirjeldamatu; ärarääkimatu
устáвиться * (-влюсь, -вишься) — üksisilmi vahtima jääma

удово́льствие	lõbu; nauding; mõnu; heameel
на́добно = надо	
потре́бность *(ж. р.)*	vajadus, tarvidus, tarve
стремле́ние	taotlus, püüdlus, püüe
вообража́ть / вообрази́ть * (-ражу́, -рази́шь)	kujutlema, ette kujutama
свято́й	1. püha; pühitsetud; 2. pühak
чтить (чту, чтишь)	lugu pidama, austama; (kõrgesti) hindama
дока́зывать / доказа́ть * (-кажу́, -ешь)	tõendama, tõestama; kedagi paljastama
полага́ть	arvama, arvamisel olema
гром	kõu, müristamine, kõuekõmin
проро́к	prohvet
сооте́чественник	kaasmaalane, kodumaalane
заслу́живать / заслужи́ть * (-жу́, -ишь)	pälvima, ära teenima
наро́дный дух = наро́дная мора́льная си́ла	
дога́дываться / догада́ться * (-юсь, -ешься)	taipama; aimama; mõistma
болта́ть / болтну́ть * (-ну́, -ёшь)	loksutama, vedelikku segama; lobisema; tühja lora ajama
я́зва	paise; solvav teravakeeleline isik
насу́щный (хлеб)	igapäevane (leib)
суеве́рие	ebausk
впрок = в по́льзу, на пользу,	
дурма́н	uimastusaine, narkoos; uim
кабак	kõrts
прищу́риваться / прищу́риться * (-рюсь, -ишься)	silma v. silmi pilutama
избави́тель *(м. р.)*	päästja, lunastaja
реши́тельный	otsustatud, lahendatud; otsustav
состоя́ние	seisund, seisukord, olek; seis, olukord, elujärg, põli; varandus
крепи́ться (-плю́сь, -пи́шься)	vastu panema (pahele); vastu pidama (vahvusega)
попира́ть / попра́ть * (пру́, -ёшь; *прош. вр.* -пёр, -ла)	(ära) tallama; jalge alla tallama; võitma, purustama

давúть (давлю́, -вишь) / раздавúть * — rõhuma; vajutama / pigistama; ängistama

туда́ и доро́га = так и на́до

сла́дить * (сла́жу, сла́дишь) = справúться

§ 49. Воробей.

воробе́й (*род. п.* -бья́) — varblane

кра́сться (крадýсь, -ёшься; *прош. вр.* кра́лся, -лась) = проходить тихонько, осторожно, незаметно

дичь (*ж. р.*) — ulukid; metslinnud (ka metsloomad); ulukiliha

желтизна́ — kollane värv v. näojume, kollane laik

пух — udusuled, karvad, ebesuled, ebemed

растопы́ривать / растопы́рить * (-рю, -ишь) — laiali v. õieli ajama; kohevile v. püsti ajama

прораста́ть / прорасти́ (-ту́, -ёшь; *прош. вр.* -про́с, -росла́) — läbi kasvama; idanema, võsuma, võrsuma; tärkama;

срыва́ться / сорва́ться * (сорву́сь, -ёшься) — end lahti kiskuma, end rebima; sööstma

мо́рда — koon; lõuad; lõust

взъеро́шенный — sassis; kahar, turris

писк — piiksumine, siutsumine; vingumine

зуба́стый — suurehambaline, hambuline

пасть (*ж. р.*) — lõuad, loomasuu

заслоня́ть / заслони́ть * (-ню́, -и́шь) — ära varjama, tõkestades sulgema, tõkestama; endaga katma (kaitseks)

де́тище (*мн. ч.* де́тища, *род. п.* де́тищ) = ребёнок

трепета́ть = дрожа́ть

замира́ть / замере́ть * (-мру́, -ёшь; *прош. вр.* -мер, -ла́) — tarduma; kinni v. seisma jääma; (hinge) kinni pidama

чудо́вище — koletis, peletis, hirmutis, imeelukas

безопа́сный — (häda) ohutu

удаля́ться / удали́ться * (-лю́сь, -и́шься) — eemalduma, kaugenema; kõrvalduma; siirduma, lahkuma

§ 50. Николай Алексеевич Некрасов.

тени́стый	varjukas, varjuline
подверга́ть подве́ргнуть * (-ну, -ешь; *прош. вр.* -ве́рг, -ла)	millegi alla võtma v. asetama
унизи́тельный	alandav
теле́сный	kehalik, kehaline, keha-, ihu-
кандалы́ (*мн. ч.; род. п.* -ло́в)	vangirauad; ahelad
ка́торжа́нин (*мн. ч.* -жа́не)	sunnitööline (endine)
бурла́к	burlakk (kõiega laeva- v. lodjavedaja v. tööline Volga jõel)
запряга́ть запря́чь * (-прягу́, -пряжёшь; *прош. вр.* -пря́г, -ла́)	ette v. taha rakendama; rakkesse panema
ля́мка	rakme- v. rinnarihm (veoks v. kandmiseks), vinnamisköis, -vöö
изнури́тельный	kurnav, roiutav, väsitav
ко́ношеский	nooruslik
правди́вый	tõeline, tõepärane; õiglane, tõearmastaja
печа́льный	kurb, nukker; hale; meelehaige
судьба́	saatus
ни́щенский	kerjuse-, sandi-
привы́чка (*род. п. мн. ч.* -чек)	harjumus
негодова́ть (-ду́ю, -ешь) — на (*вин. п.*), против (*род. п.*)	meelepaha v. põlastust avaldama; pahane olema
возмуща́ться возмути́ться * (-мущу́сь, -мути́шься)	pahanduma, nördima; mässama (hakkama)
гра́бить (гра́блю, -бишь)	riisuma, rehitsema; röövima
свела́ его в моги́лу	surma viima, hauda ajama
вено́к (*род. п.* -нка́)	pärg, vanik
по́хороны (*мн. ч.; род. п.* -рон)	matus(ed), muldasängitamine, peied
подчёркивать подчеркну́ть * (-ну́, -ёшь)	alla kriipsutama, rõhutama

§ 51. Школьник.

ра́ди бо́га = во имя бога
е́льник = ело́вый лес
босо́й (бо́сый) — paljasjalgne
кото́мка *(род. п. мн. ч.* -мок) — reisipaun, seljakott; kael- v. leivakott
ба́тька (ба́тя, ба́тюшка) = отец
изде́рживать
издержа́ть * (-жу́, -ишь) — kulutama (raha)
грош — kross
дья́чиха — kõstrinaine
четвертачо́к *(род. п.* -чка́) = ¼ рубля = 25 копеек
купчи́ха — kaupmehe naine
на чаёк = на чай — jootraha
дворо́вый из отпу́щенных = дворо́вый, кото́рый получи́л во́лю
робе́ть — arg olema, kartma, araks lõõma
«архáнгельским мужико́м» Некрасов здесь называет М. В. Ломоносова
сверши́ться = соверши́ться

§ 52. Мужичок с ноготок.

но́готь (*м. р., род. п.* -гтя; *уменьш.* ногото́к) — küüs
с ногото́к = очень маленький
студёный = очень холодный
хво́рост *(ед. ч.)* — haod, risu
чи́нно = ва́жно, степе́нно
ше́ствовать (-ствую, -ствуешь) = итти, пешком двигаться, итти чинно, важно
уздцы́: под уздцы́ — valjastest kinni
овчи́нный — lambanahast, lambanahkne
парни́ще = па́рень
ступа́й = иди́
дрови́шки = *уменьш.* от дрова́
вести́мо = коне́чно, изве́стно
дровосе́к — puuraiuja
вон = вот

§ 53. Славная осень.

слáвная осень = очень хорошая, прия́тная осень

ядрёный — suur, täidlane (õun); tuumakas; tugev, tüse, terve

просто́р — avarus; ruumikus; lahedus; vaba voli

блёкнуть (-нет) — närtsima, närbuma, luituma, pleekima

безобра́зие — inetus, näotus; näotu tegu; jõledus; korrapuudus

ко́ча = ко́чка, *род. п. мн. ч.* -чек — mätas, küngas (soos)

моховóй — sambla-; samblane

пень (*м. р., род. п.* пня) — känd

сия́ние — paiste; hiilgus, sära

§ 54. Рубка леса

тро́здь *(ж. р.)* — kobar, salk

кали́на — lodjapuu e. koerõispuu; lodjapuu-marjad

за́яц (*род. п.* за́йца) — jänes

нора́ — (looma) koobas e. pesa

муравéй (*род. п.* -вья́) — sipelgas

труд спори́тся = работа идёт хорошо, с успéхом

треск — laksatus, ragin, praksumine

ко́рчить (-чу, -ишь) — kokku kiskuma v. tõmbama; kõverasse tõmbama

дубня́к = дубóвый лес

арка́н — püüde- v. viskeling, lasso

нагиба́ть / нагну́ть * (-ну́, -ёшь) — kummardama; alla kallutama, alla painutama

пло́тно — tihkelt, kompaktselt, plingilt, tahkelt, tihedalt

§ 55. Мороз, красный нос.

зря́чий = тот, который видит

убóгий — kehv, armetu; vilets; sant, nõrgameelne, lollike

ли́пнуть (-ну, -ешь) к чему? — *дат. п.*	kleepuma, liimuma
ди́во = чу́до	
ло́вкий (*сравн. ст.* ло́вче и ловчée)	osav; vilunud; mugav
терпели́вый	kannatlik
взмах	käe-, aeru-, tiivalöök; rops
бу́дни (*мн. ч.; род. п.* -дней)	argipäev, argipäevad
воздая́ние	tasumine; tasu
сы́тый	küllane, kõht täis, rammus

§ 56. Гриша Доброскло́нов.

исхуда́лый	kõhnunud, kuivetunud, kõhetu
дока́рмливать докорми́ть * (-млю́, -мишь)	lõpuni toitma; liigselt toitma mingi halva tagajärjeni
хапу́га	kahmaja, ahnitseja; altkäemaksuvõtja
си́тник	nisupüüli leib
сби́тень (*м. р., род. п.* -тня)	soe jook veest, meest ja vürtsidest
вахла́чина = жители деревни Вахлаки́	
вахла́к = житель деревни Вахлаки	
отъеда́ться отъе́сться (-е́мся, -е́шься; *прош. вр.* -е́лся, -е́лась)	end täis e. rammusaks sööma
крёстный	1. risti-; 2. ristiisa
по ме́ре сил	jõudumööda
дьячо́к (*род. п.* -чка́)	köster (õigeusu kirikus)
тра́титься (тра́чусь, тра́тишься) на что? — *вин. п.*	oma raha kulutama, endale kulu tegema
по́иск	otsing, otsimine; tagaajamine (otsimise mõttes)
вряд ли = едва́ ли	
бла́го = благодаря́ тому, что	
долгове́чность (*ж. р.*)	pikk iga
истлева́ть истле́ть * (-ю, -ешь)	kõdunema, mädanema; pehkima; pehastuma; lagunema; tuhaks hõõguma
ще́дрый	helde

чем бог послал = что имеется, чем-нибудь

батра́к (*ж. р.* батра́чка) — moonakas, sulane

бе́зотве́тный — vastuseta (kiri), vastutusvõimetu

сжима́ться
сжа́ться * (сожму́сь, -ёшься) — end kokku kiskuma; kokku tõmbuma

ще́по́ть (щепо́тка) — *ж. р.* — näputäis

крививи́ть (-влю́, -ви́шь) — kõverdama; painutama; krimpsutama

спаса́ть
спасти́ * (-су́, -ёшь; *прош. вр.* спас, -ла́) — päästma

угрю́мый — sünge; morn; tusane

тужи́ть (-жу́, -ишь) — kurvastama; kurtma; halisema; igatsema; leinama

Алфавитный словарь к I разделу.

А

алéть	punama, punetama
актёр (*ж. р.* актри́са)	näitleja
а́лчность (*ж. р.*)	ahnus, aplus
альбо́м	album
арка́н	püüde- v. viskeling, lasso
армяни́н (*мн. ч.* арме́не)	armeenlane

Б

ба́лова́ть (ба́лу́ю, -ешь)	hellitama, vallatust tegema
ба́ня	saun; *kõnek.:* kere- e. nahatäis
бараба́нщик	trummilööja
бара́н	oinas, jäär
ба́рхатный	sametist; õrnpehme
ба́рщина	teoorjus, mõisategu; hingepäevad
батра́к (*ж. р.* батра́чка)	moonakas. sulane
башма́к	king, tuhvel
бегле́ц	jooksik, põgenik
бе́дствие	õnnetus, häda, viletsus; ma'avits, nuhtlus
безде́лье	tegevusetus
безме́рный	määratu
безобра́зие	inetus, näotus; näotu tegu; jõledus
безопа́сный	(häda)ohutu
безотве́тный	vastuseta (kiri), vastutusvõimetu
белизна́	valgedus; valge-olek
белошве́йная (мастерска́я)	pesuõmblemis- (töökoda)
бес	sorts, vanapagan; tont; kurat

бесе́дка (*род. п. мн. ч.* -док)	lehtla; lehtmajake
бесприда́нница	kaasavarata pruut
благоро́дный	suurest soost, suursugune, õilis
благосостоя́ние	hüvang, heaolu; hea põli; jõukus
блажи́ть (-жу́, -и́шь)	hullutsema, narrust tegema
бле́дный	kahvatu, kaame
блёкнуть (-ну, -ешь) поблёкнуть * (-ну, -ешь; *прош. вр.* -блёк, -ла)	närtsima, närbuma, luituma, pleekima
блеск	sära, hiilgus, helk, läik
блесте́ть (блещу́, блести́шь) блесну́ть * (-ну́, -ёшь)	särama, sätendama, helkima; sädelema; sähvatama
бобро́вый	kopra-, piibri-, piibrinahast
бо́дрый	erk, ärgas, valvas; südi, kõbus
божество́	jumalus
бо́жий (*ж. р.* -жья; *мн. ч.* -ьи)	jumala-
бок (*мн. ч.* бока́)	külg, pool
болта́ть болтну́ть * (-ну́, -ёшь)	loksutama, vedelikku segama; lobisema; tühja lora ajama
босо́й (бо́сый)	paljasjalgne
боязли́вый	kartlik, arg
брани́ть (-ню́, -и́шь)	sõimama; tõrelema; kärkima; sõitlema; pragama
бры́зги (*мн. ч., род. п.* брызг)	pritsmed, piisad; killud
брю́хо	kõht, magu
бу́дни (*мн. ч.; род. п.* бу́дней)	argipäev, argipäevad
бузина́	leedripuu
бу́йный	äge, metsik; maruline
була́тный	damaskuse terasest
бура́в	(palgi)puur; oherdi
бура́вчик	käsipuur
бура́н	lumetuisk (rohtlaanes)
бурла́к	burlakk (kõiega laeva- v. lodjavedaja v. tööline Volga jõel)
бу́ря	torm, maru, raju
была́ина	bõliina, (vene eepiline lugulaul muistseist vägilastest)

В

ва́жничать	(end) tähtsaks tegema; suurustama
вали́ть (ва́ли́т)	maha paiskama, maha murdma;
свали́ть * (свалю́, -ишь)	peale ajama; tihedalt langema (lumi)
варе́ник	väike keedupirukas; käkk
вдове́ть (-е́ет)	leseks jääma; leskuma
вдови́ть (-ит)	leseks tegema
ве́дьма	nõiamoor, nõid
велика́н	hiiglane, gigant
вельмо́жа	suurnik, magnaat; kõrge aukandja
вено́к (*род. п.* -нка́)	pärg, vanik
венча́льный	laulatus-; kroonimis-
ве́ра	usk
верте́ть (верчу́, ве́ртишь)	keerama, keerutama, väntama
ве́стник	sõnumitooja; teataja
весть (*ж. р.*)	sõnum, teade, uudis
ве́треный	tuule-, tuuline; tuisupäine, kergemeelne
ве́тхий	(puru)vana; lagunenud
взя́пуски	võidu (jooksma)
взва́ливать	peale lükkama, laduma; kaela
взвали́ть * (-лю́, -ишь)	aiama (работу)
вздёрнутый	püstiaetud; ülespoole (nina)
вздор	tühi jutt, lori; mõttetus
вздра́гивать	vära(h)tama; tõmblema,
вздро́гнуть * (-ну, -ешь)	võpatama, jahutama
взмах	käe-, aeru-, tiivalöök; rops
взор	pilk, silmavaade
взъеро́шенный	sassis; kahar, turris
взя́тка (*род. п. мн. ч.* -ток)	altkäemaks
взя́точничество	müüdavus altkäemaksuga; altkäemaksuvõtt (süsteemina)
виде́ние	nägemus, ilmutus
ви́ться (вьюсь, вьёшься)	väänlema, keerlema
вихрь (*м. р.*)	(tuule)põõris, -keeris; tuulispask
вклад	sissemaks, panus, -vara; väärtuslik lisand; hoiusumma

влады́ка	valitseja, käskija; piiskop; kõrgemate vaimulikkude tiitel
вла́жный	niiske rõske
влюбля́ться влюби́ться * (-блю́сь, -бишься)	armuma
вме́шиваться вмеша́ться * (-юсь, -ешься)	end vahele toppima v. segama; vahele astuma
вне (*род. п.*)	väljaspool
внима́ть внять * (вне́млю, -ешь)	kuulatades tähele panema, kuulama; kuulda võtma
во́все	(mitte) sugugi; täitsa, üsna
во́дка	viin, naps
возвы́шенный	ülendatud; tõstetud; ülev; kõrge
воздая́ние	tasumine; tasu
во́здвига́ть воздви́гнуть * (-ну, -ешь; *прош. вр.* -дви́г, -ла)	püstitama
вози́ться (вожу́сь, во́зишься)	hullama; askeldama; jändama
возмуща́ться возмути́ться * (-мущу́сь, -мути́шься)	pahandama, nördima; mässama (hakkama)
возмуще́ние	viha, meelepaha; mäss, ässitus
возника́ть возни́кнуть * (-нет, -нут; *прош. вр.* -ни́к, -ла)	tekkima, sulgenema
возноси́ться (-ношу́сь, -но́сишься) вознести́сь* (-несу́сь, несёшься; *прош. вр.* -нёсся, -неслась)	tõusma, ulatuma
волочи́ться* (-чу́сь, -ишься)	lohisema; libitsema; amelema
вообража́ть вообрази́ть * (-ражу́, -рази́шь)	kujutlema, ette kujutama
воображе́ние	mõttelend; ettekujutus, kujutlus
вопль *(м. р.)*	häda- v. valukisa
воробе́й (*род. п.* -бья́)	varblane
во́рон	ronk, kaaren
ворона́	vares
воро́чать (-ю, -ешь)	pöörama; veeretama; tiirutama
ворочáться воротúться* (-рочу́сь, -ро́тишься)	tagasi tulema v. pöörduma
ворча́ть (-чу́, -и́шь)	urisema, torisema

воск	vaha
восто́рг	vaimustus, entusiasm, ind
в(о)сходи́ть (-хожу́, -хо́дишь)	(üles) tõusma
взойти́ * (взойду́, -ёшь, *прош. вр.* взошёл, -шла́)	(üles) tõusma
восше́ствие на престо́л	troonile astumine
впечатле́ние	mulje
впопыха́х	ähmiga, rutuga
впосле́дствии (*нар.*)	pärast(poole), hiljem
вражда́	vaen; vihameel; vimm
вслед	järel(e); järel, kannul
вспря́нуть* (-ну, -ешь)	üles kargama; võpama; äkki virguma
вспы́льчивый	äkiline; raevukas; kiivas, turtsakas
в тече́ние	jooksul
вы́годный	kasulik
выливать	välja valama; valama; veega ujutades välja ajama
вы́лить * (-лью, -льешь)	välja valama; valama; veega ujutades välja ajama
выма́нивать	välja meelitama, hõrgutama, peibutama
вы́манить * (-ню, -ишь)	välja meelitama, hõrgutama, peibutama
вырази́тельный	ilmekas
вью́га	tuisk, lumetorm
вью́щийся	vään(d)-, kähar
вя́лый	närtsinud; lõtv; loid, lodev

Г

гада́ние	ennustamine (kaartide, käe jne. järgi)
гвалт	müra, kisa
гварде́йский	kaardiväe-
ги́бкость (*ж. р.*)	paindlikkus; nõtkus
гли́на	savi
глу́пый	rumal, loll, juhm
гло́ба	kamakas, kamp, pank, rahn
гнев	viha
гнёт	rõhumine, surve; pain
гнить (гнию́, -ёшь)	mädanema; roiskuma; kõdunema; pehkima

гну́ться (гнусь, гнёшься) painduma, küürutama, koolduma
годи́ться (гожу́сь, годи́шься) kõlbama, sobima
горсть *(ж. р.)* peotäis
госпо́дство ülevõim; domineerimine
госпо́дь issand, jumal
гостеприи́мство külalislahkus
гра́бить (-блю, -бишь) riisuma, rehitsema; rõõvima
град rahe
грех patt
гри́ва lakk (hobusel)
гроб puusärk, kirst
гроздь *(ж. р.)* kobar, salk
гро́зный ähvardav; hirmuäratav; julm
гром kõu, müristamine; kõuekõmin
грома́да suur mass v. kogu
грош kross
гру́бость *(ж. р.)* jämedus, karedus, jõhkrus
грызть (-зу́, -ёшь; *прош. вр.* грыз, -ла) närima, purema, katki hammustama; vaevama, piinama
губи́ть (-блю́, -бишь) hävitama, rikkuma, hukutama

Д

дави́ть (-влю́, -вишь) } rõhuma, vajutama, pigistama,
раздави́ть * } ängistama
дво́рня mõisateenijaskond
дворо́вый 1. õue-; mõisa-; 2. mõisateenija
дворя́нство aadliseisus, aadel; junkrud
дева́ться } kaduma; minema
де́ться * (де́нусь, -ешься) }
делови́тый asjatundlik, toimekas, agar,
де́рзкий jõhker, jultunud; ninakas
держа́вный ülemvõimu-, võimas; monarhi-
де́ятельность *(ж. р.)* tegevus, toiming, aktiivsus
дико́вина imeasi
дичь *(ж. р.)* ulukid; metslinnud (ka metsloomad); ulukiliha

длить (длю, длишь) venitama, pikendama
добива́ться } taotlema; üritama; püüdma;
доби́ться * (-бью́сь, -бьёшься) } saavutada püüdma

добродéтельность (*ж. р.*)	vooruslikkus, voorus
добродýшный	heasüdamlik; lihtsameelne (*irooniline*)
довершéние	lõpule viimine
довóльствоваться (-ствуюсь, -ешься)	end varustama, toidustama, rahuldama, leppima
дога́дываться дога́даться * (-юсь, -е́шься)	taipama; aimama; mõistma
доказа́тельство	tõendus, tõend(is); tõestus
дока́зывать доказа́ть * (-кажу́, -е́шь)	tõendama, tõestama; kedagi paljastama
дока́рмливать докорми́ть * (-млю́, -мишь) — *вин. п.*	lõpuni toitma; liigselt toitma mingi halva tagajärjeni
докла́дывать доложи́ть * (-жу́, -ишь)	1. ette kandma, esildama, teadustama; refereerima; 2. juurde v. lisaks panema, laduma
долговéчность (*ж. р.*)	pikk iga
доли́на	org, nõgu
донима́ть доня́ть * (доймёт) — *твор. п.*	kurnama, vaevama (raske tööga); tüütama
достава́ться (-таётся) доста́ться * (доста́нется)	osaks saama; vatti saama
достóинство	väärilisus; väärtuslik omadus, väärikus
досту́пный	läbi- v. juurde- v. ligipääsetav; kättesaadav; arusaadav; jõukohane
досу́г	jõudeaeg, vaba aeg; (mitmuses) meelelahutused
дохóдный	tulus
дразни́ть (-ню́, -ишь)	narrima, nöökima, tõgama; nokkima; kiusama
дра́ка	kaklus, lööming
дровосéк	puuraiuja
дрянь (*ж. р.*)	rämps, räbal, näru
дуга́	look; kaar; poogen
дурма́н	uimastusaine, narkoos; uim
дурнóй	paha, halb, sant; inetu

душе́вный — hingeline; hinge-, südamlik
души́ть (-шу́, -ишь) — 1. hinge matma; ängistama; 2. lõhnutama, parfümeerima
дья́чиха — köstrinaine
дья́чо́к *(род. п.* -чка́) — köster (õigeusu kirikus)

Ё

ерунда́ — lori; absurd

Ж

жа́жда — janu; igatsus; iha
жа́лобный — kaeblik, hale
жа́ловать (жа́лую, -ешь) — (armulikult) kinkima, annetama
жа́ловаться (-луюсь, -ешься) — kurtma, kaebama, halatsema, halisema, kaebust tõstma
жанр — laad, liik; igapäevase elu pilt; žanr
жара́ — palavus, kuumus (eriti ilmastiku kohta)
желтизна́ — kollane värv v. näojume; kollane laik
жени́ть (женю́, -ишь) — naist võtma (kellelegi), naitma
жени́тьба — naisevõtt, naimine
жени́ться (-нюсь, -ишься) — naima, naist võtma; abielluma
жени́х — peigmees
живо́ни́сный — maalilik, maalimis-; pitoreskne
жи́дкий — vedel; hõre; lahja
жи́ла — soon; kitsipung; nöörija
жи́ло (жили́ще) — elamu
житьё-бытьё — elu-olu
жни́ца — niitja, lõikaja (naise kohta)
жу́ткий — jube, õudne

З

заба́ва — ajaviide, -veede; lõbu; meelelahutus
забира́ть / забра́ть * (-беру́, -ёшь) — endale võtma; enesega kaasa võtma, enda kätte võtma; kinni võtma; vangistama; vallutama

забира́ться
забра́ться * (-беру́сь, -ёшься) — kuhugi ronima; pääsema

забия́ка *(м. и ж. р.)* — tülinorija, kakleja, lõõmamees

забо́та — mure; hool

заве́тный — püha; ihaldatud, tõotatud

зави́довать (-дую, -ешь) — kadestama, kadedust tundma

заводи́ть (-вожу́, -во́дишь)
завести́ * (-веду́, -ёшь, *прош. вр.* -вёл, -вела́) — endale hankima, muretsema; kuhugi viima v. meelitama v. juhtima; sisse tooma; sõlmima, üles keerama

загляде́нье — imestusväärne asi; miski, mida maksab imetledes vahtida

задо́к *(род. п.* -дка́) — saapakand, toolikori; taguosa

заду́мчивость *(ж. р.)* — mõtteisse süvenemine; mõtlikkus

задыха́ться
задохну́ться * (-ну́сь, -ёшься; *прош. вр.* -до́хся, -до́хлась) — hingeldama v. lõõtsutama v. lämbuma hakkama; lämbuma; läkastama; hing kinni jääma

заика́ться
заикну́ться * (-ну́сь, -ёшься) — kogelema, kokutama; piiksatama

зака́дывать
закида́ть * (-ю, -ешь) — pilduma hakkama; täis loopima; üle külvama v. puistama

зако́нность *(ж. р.)* — seaduslikkus, seaduspärasus, legaalsus

законопа́чивать
законопа́тить * (-па́чу, -па́тишь) — kinni toppima, täis toppima; tihtima; vanglasse v. asumisele kihutama

зако́сывать
закоси́ть * (-кошу́, -ко́сишь) — midagi kõvasti hammustama; suupistet võtma; kõrvale hammustama

заплива́ть
зали́ть * (-лью́, -льёшь) — üle kastma v. valama; üle ujutama; peale ajama; ära määrima

заме́шкаться * — viibima, (= hilinema)

замира́ть
замере́ть * (-мру́, -ёшь; *прош. вр.* -мер, -мерла́) — tarduma; kinni v. seisma jääma; (hinge) kinni pidama

замо́к *(род. п.* -мка́) — lukk, tabalukk

заноси́ть (-ношу́, -но́сишь)
занести́ * (-несу́, -ёшь; *прош. вр.* -нёс, -несла́) — mööda minnes ära tooma v. viima; kuhugi kaugele tooma; kuhugi tõstma; sisse kandma; ummistama; täis ajama

заня́тие	töö, amet; talitus; asjandus; tegevus; õppus; õppetöö; vallutamine (linna)
за́нятый	kinni, hõivatud
запира́ть запере́ть * (-пру́, -ёшь; *прош. вр.* за́пер, заперла́)	sulgema; ümber piirama; lukustama; riivi panema
запи́ски *(мн. ч.)*	ülestähendused; märkmik; päevik; kirjad (teaduslikkude artiklite ajakiri)
запряга́ть запря́чь * (-прягу́, -пряжёшь; *прош. вр.* -дря́г, -прягла́)	ette v. taha rakendama; rakkesse panema
заря́ (*мн. ч.* зо́ри)	koit; eha; (taeva)puna; koidik
заслоня́ть заслони́ть * (-ню́, -ни́шь)	ära varjama, tõkestades sulgema tõkestama; endaga katma (kaitseks)
заслу́га	teene
заслу́живать заслужи́ть * (-жу́, -ишь)	pälvima, ära teenima
застёгивать застегну́ть * (-ну́, -ёшь)	kinni nööpima; nööpe kinni panema
заступа́ться заступи́ться * (-плю́сь, -пишься)	kellegi kaitseks välja astuma; kellegi eest kostma
заточе́ние	vangistus, vangipanek; vangisolek
затыка́ть заткну́ть * (-ну́, -ёшь)	kinni toppima; sulgema; ummistama; kuhugi vahele pistma
заты́лок (*род. п.* -лка)	turi, kukal
зачёт	arvestus; hinnang (õppetöös)
за́яц (*род. п.* за́йца)	jänes
звене́ть (-ни́т)	kõlisema; helisema
зво́нкий	kõlav, hele; heliline (kaashäälik)
звуча́ть (-чи́т)	helisema, kostma, kajama
здравомы́слящий	kainelt mõtlev
зева́ка (*м.* и *ж. р.*)	logard, suu ammuli vahtija
зева́ть зевну́ть * (-ну́, -ёшь)	haigutama; ammuli sui vahtima
земледе́лие	põllundus
зло́ба	viha(meel); tigedus

злора́дство — kahjurõõm
злосло́вие — laim
зно́йный — lämmatavalt v. põletavalt kuum; palav
золотошве́йка *(род. п. мн. ч.* -шве́ек) — kullaga tikkija
зо́ркий — terava silmaga, hea nägemisega
зря́чий — nägija (= mitte-pime)
зуба́стый — suurehambaline, hambuline
зять *(м.р., мн. ч.* зятья́) — väimees, koduväi, õemees

И

игра́ть в снежки́ — lumesõda pidama
игру́шка — mängukann, lelu
избави́тель *(м. р.)* — päästja, lunastaja
изводи́ть (-вожу́, -во́дишь) извести́ * (-веду́, -ёшь; *прош. вр.* -вёл, -вела́) — kulutama, raiskama; hävitama; kurnama; ära tüütama
издéрживать издержа́ть * (-жу́, -ишь) — kulutama (raha)
изне́женный — hellitatud
изнури́тельный — kurnav, roiutav, väsitav
изоблича́ть изобличи́ть * (-чу́, -и́шь) — paljastama (kuritegu); kedagi valelt tabama
изуми́тельный — imestamisväärne; hämmastav
изумру́дный — smaragd-, smaragdist; smaragdroheline
име́ние — mõis
иностра́нец *(род. п.* -нца) — välismaalane
искажа́ть искази́ть * (искажу́, искази́шь) — moonutama
и́стина — tõde
истлева́ть истле́ть * (-ю, -ешь) — kõdunema, mädanema; pehkima; pehastama; lagunema; tuhaks hõõguma
исху́да́лый — kõhnunud, kuivetanud, kõhetu

кабáк	kõrts
кáдка	tünn; pütt, kirn
калúна	lodjapuu e. koerõispuu; lodjapuumarjad
кандалы́ (*мн. ч., род. п.* -лóв)	vangirauad; ahelad
карéта	tõld
кáрий	kastan- e. tumepruun, sõstrakarva
кáркать	kraaksuma
картýз	nokkmüts
каторжáнин (*мн. ч.* -жáне)	sunnitööline (endine)
кáторжный	1. sunni-, sund; ränk, piinav; 2. sunnitööline
кивáть / кивнýть * (-нý, -ёшь)	(peaga) noogutama, märku andma
кишéть (кишúт)	kihama, kihisema, kubisema
клáняться / поклонúться * (-нюсь, -ишься) — *дат. п.*	kummardama; tervitama; teretama
клеветáть (-щý, -ешь) на — *дат. п.*	laimama, laimujuttu ajama kellegi kohta
клейться (-ится)	kleepuma; sobima; sujuma
клонúться (-онюсь, -óнишься) к — *дат. п.*	kalduma; lähenema; millegi poole sihtima
клочóк (*род. п.* -чкá)	tutt; tuustik; tükk
клубóк (*род. п.* -бкá)	(lõnga- jne.) kera
клю́чница	võtmehoidja, mõisateenija, kes valvab toidutagavarade üle
кнут	piits
кня́жество	vürstkond, vürstiriik; vürstitiitel
княжнá (*род. п. мн. ч.* княжён)	vürsti tütar, vürstitar
князь (*м. р.; мн. ч.* князья́)	vürst
кóвшик	kulbike, kopsik, kapake
ковы́ль (*м. р.*)	stepirohi
ковыря́ть / ковырнýть * (-нý, -ёшь)	torkima, orkima, urgitsema
козёл (*род. п.* -злá)	sokk, sikk
колокóльчик	kelluke
колпáк	sirmita müts; kuppel; lambivari

колчáн
коля́ска (*род. п. мн. ч.* -сок)
ком (*мн. ч.* ко́мья)
ко́нюх
копы́то (*уменьш.* копы́тце)
ко́ржик
коросте́ль (*м. р.*)
ко́рчить (-чу, -ишь)

коса́

кость (*ж. р.*)
кото́мка (*род. п. мн. ч.* -мок)

кочево́й
ко́чка (*род. п. мн. ч.* -чек)
кошелёк (*род. п.* -лька́)
кра́сочность (*ж. р.*)
красть (краду́, -ёшь; *прош. вр.* крал, -ла)
укра́сть * (-краду́, -ёшь)
кремни́стый

крепи́ться (-плю́сь, -пи́шься)

крести́ться (крещу́сь, кр стишься)
креще́нский
кре́стный
крови́ть (-влю́, -ви́шь)

кривля́ка (*м.* и *ж. р.*)
крово́й

круг
кру́жево
круже́ние
кру́ча
ку́дри (*мн. ч., род. п.* ку́дре́й)
ку́кла (*род. п. мн. ч.* ку́кол)
ку́ний (ку́нья, ку́ньи)

nooletupp
kaless, lapsevanker
kamakas, tomp
tallipoiss
kabi, sõrg
käkike, koogike
(rukki)rääk
kokku kiskuma v. tõmbama; kõverasse tõmbama
juuksepalmik, -pats; vikat; madal neem e. maanina
kont, luu
reisipaun, seljakott; kael- v. leivakott
ränd-; nomaadi-
mätas, küngas (soos)
rahakott, -pung, kukkur
värvirikkus, värvikküllus

varastama

kivine, kivikildudega ülekülvatud (tee); ränimullane
vastu panema (pahele); vastu pidama (vahvusega)
endale risti ette lööma
kolmekuningapäeva-
1. risti-; 2. ristiisa
kõverdama; painutama; krimpsutama
vigurdaja, heputaja
kõver, viltu; viril; ühe silmaga; võlts; ebasiiras
ring
pits
keerutamine, pöörlemine
järsak
kiharad, käharad, juukselokid
nukk
kärbi-, nugise

куни́ца	kärp e. lahits
купчи́ха	kaupmehe naine
курга́н	kurgaan (muistne kääbas); küngas, kink
курна́я изба́	suitsutare
куртка *(род. п. мн. ч.* -ток)	lühike meeste pealiskuub; pihtkuub
ку́тать	mähkima, mässima
ку́ча	hunnik, lasu, kuhi; virn

Л

ладо́ша (ладо́нь, *ж. р.*)	peopesa, kämmal
ладья́ *(род. п. мн. ч.* ладе́й)	suur vene, lodi; (males) vanker
лазу́рь *(ж. р.)*	taevasina; taevasinine värvus
лаке́й	teopoiss, teener
лампа́да	rippiamp (ikooni ees)
лань *(ж. р.)*	emahirv
ласка́ться (-юсь, -ешься)	kallistama v. paitama; kellegi ümber libitsema; meelitama
ла́сковый	lahke, sõbralik
лгать (лгу, лжёшь)	valetama, luiskama
лежа́нка *(род. п. мн. ч.* -жанок)	ahjupink, ahjuase; lamaahi
леле́ять (леле́ю, -ешь)	hellitama, hellalt hoolitsema
ле́нта	pael, lint
лень *(ж. р.)*	laiskus
лепи́ть (-плю́, -пишь)	kleepima, liimima; voolima; plätsima
лиза́ть (лижу́, -ешь)	lakkuma
ли́пнуть (-ну, -ешь) к чему — *дат. п.*	kleepuma, liimuma
ли́ра	lüüra
ло́вкий *(сравн. ст.* ло́вче и ловчée)	osav; vilunud, mugav
ло́дырь *(м. р.)*	logard, looder, päevavaras
ложи́ться (ложу́сь, -и́шься) лечь * (ля́гу, ля́жешь; *прош. вр.* лёг, легла́)	pikali v. maha heitma; laskuma
ло́кон	lokk, kihar
ломо́ть *(м. р., род. п.* ломтя́)	leivaviilakas, -viilukas; kamakas
ло́но	süli, rüpp
лохма́тый	sasine; karvane; karvanäss; sorakil

лу́ковица	sibul (juur), mugul (sibul)
луна́	kuu (taevakehana)
лучи́на	peerg, pird
любова́ться (любу́юсь, -ешься)	imetlema, mõnuga vaatlema
любо́вник	armuke, armunu; armastaja (teatris)
любозна́тельность *(ж. р.)*	teadmishimu
любопы́тный	uudishimulik, huvitav
людска́я	peretuba
ля́мка	rakme- v. rinnarihm (veoks v. kandmiseks); vinnamisköis, -vöö

М

ма́ковка	kirikukuppel; moonikupar; pealagi
маля́рное дело	maalritöö
мартышка *(род. п. мн. ч.* -шек)	ahv, pärdik
мастерство́	meisterlikkus
ма́чта	mast
мгнове́ние	silmapilk, hetk
медь *(ж. р.)*	vask
ме́ра	mõõt; määr; abinõu, vahend
мертве́ц	kooljas, koolnu, surnu
месть *(ж. р.)*	kättemaks
мета́ть (-а́ю, -ешь; мечу́, -ешь) / метну́ть * (-ну́, -ёшь)	viskama, pilduma
мета́ться (мечу́сь, -ешься) / метну́ться * (-ну́сь, -ёшься)	visklema; viskama; sõõstma; rabelema
ме́тить (ме́чу, ме́тишь)	1. sihtima; 2. märgistama, märkima
ме́ткость *(ж. р.)*	tabavus; osavus
метла́ *(мн. ч.* мётлы, *род. п.* мётел)	luud
мёд	mesi
мечта́	unistus, unelm
мига́ть / мигну́ть * (-ну́, -ёшь)	(silma) pilgutama; märku andma silmapilgutusega
мизи́нец (*род. п.* -нца)	väike sõrm v. varvas
ми́лостыня	armuand, almus, helde tegu
ми́лость *(ж. р.)*	arm, heategu, soosing

минова́ть (мину́ю, -ешь)	mööduma
мировоззре́ние	maailmavaade
мне́ние	arvamus, arvamine
моги́ла	haud, kalm
моли́тва	palvetus, palve
мольба́	anumine, palve
мо́рда	lõust; koon; lõuad
морщи́на	korts, krimps
моховóй	sambla-, samblane
мошéнник	kelm; võrukael; petis, võllaroog
мрак	pimedus
мудри́ть (-рю́, -и́шь)	targutama; veiderdama
муравéй (*род. п.* -вья́)	sipelgas
мути́ться (мути́тся)	segaseks e. sogaseks muutuma; segi minema
му́чить (-чу, -ишь; -аю, -ешь); *пов. н.* мучь)	piinama; vaevama; painama, kiusama
мчать (мчу, мчишь)	kihutades viima e. ajama kihutama
мы́кать (го́ре)	virelema, kiratsema
мыта́рство	eluviletsus; katsumus, vintsutus
мя́та	(pipar)münt
мять (мну, мнёшь)	muljuma, kortsutama, tallama, kägardama

Н

набива́ть / наби́ть * (-бью́, -бьёшь)	täis toppima e. tuupima; polsterdama
на́взничь	seljakile, selili
наводи́ть (-вожу́, -во́дишь) / навести́ * (-веду́, -ёшь; *прош. вр.* -вёл, -вела́)	millelegi juhtima, suunama; peale ajama
нага́р	tahi-, peerusüsi
нагиба́ть / нагну́ть * (-ну́, -ёшь)	kummardama, alla kallutama, alla painutama
на́глый	jultunud, jõhker
нагля́дный	näitlik
нагоня́й	(vali) noomitus; peapesu
наде́жда	lootus
наде́яться (наде́юсь, -ешься)	lootma

надзира́тель (*м. р.*) järelvaataja, valvur

надзо́р üle-, järelvaatus, kontroll, järelvalve

надме́нный kõrk; ülbe; suureline

надоеда́ть
надое́сть * (-дое́м, -ешь) tüütama

надува́ть
наду́ть * (-ю, -ешь) täis puhuma; paisutama, prunti ajama (huuli); tüssama; petma

наедине́ üksipäinis

назнача́ть
назна́чить * (-чу, -ишь) määrama; ette kirjutama

накану́не eelõhtul; eelpäeval

наклоня́ться
наклони́ться * (-нюсь, -нишься) kallutama, kummardama; küliti vajuma

наме́рение kavatsus, kavatsemine

нани́зывать
низа́ть * (-ни́жу, -ешь) lükkima, ajama

напе́рсник soosik, lemmik

напи́льник viil

направля́ть
напра́вить * (-влю, -вишь) suunama, juhtima, sihtima, saatma, komandeerima

напропалу́ю riskeerides kõigega meeletult

на́ры (*мн. ч.*) narid, lavats

нарядý kõrval, kõrvuti, ühtlasi

наслажда́ться
наслади́ться * (-слажу́сь, -слади́шься) midagi nautima, mõnulema

насме́шливый pilkav, tõgav; pilkehimuline

наставáть
настáть * (-стану, -ешь) saabuma, tulema

настóйчивость (*ж. р.*) visadus, järeleandmatus,

насу́щный (хлеб) igapäevane (leib)

натя́гивать
натяну́ть * (-ну́, -ешь) otsa e. peale tõmbama; pingule v. vinna tõmbama; pingutama

нахáл (*ж. р.* нахáлка) jultunud, häbematu (isik),

начиня́ть
начини́ть * (-ню́, -и́шь) täitma (pirukat); täis laadima

наши́вка (*род.-п. мн. ч.* -вок) — pealeõmblemine, pealeõmmeldud märk

небоскло́н — taevavõlv
небре́жный — hooletu, lohakas
неве́жда (*м. и ж. р.*) — võhik, harimatu inimene
неве́жество — võhiklus, harimatus, viisakusetus
невреди́мый — vigastamatu, terve
невырази́мый — mitte väljendatav, väljendamatu, mitte kirjeldatav, kirjeldamatu, ärarääkimatu

негодова́ть (-ду́ю, -ешь) на — *вин. п.*, против — *род. п.* — meelepaha v. põlastust avaldama; pahane olema
негодя́й (негодя́йка) — nurjatu, kõlvatu (inimene), lurjus sinder

недоста́точный — mittekülla(l)dane, puudulik, kasin
недоуме́ние — teadmatus, nõutus, kahtlus
неесте́ственный — ebaloomulik
незаме́тный — märkamatu, tähelepanematu, tähtsusetu

ненави́деть (-ви́жу, -ви́дишь) — vihkama, mitte sallima, põlgama
не́нависть (*ж. р.*) — vihkamine, vihavaen; viha
необходи́мость (*ж. р.*) — (häda)tarvilisus, vajalikkus, hädasund

необыкнове́нный — ebaharilik; haruldane; veider; uskumatu

неоспори́мый — vaieldamatu
неподку́пный — äraostmatu
непоко́рный — mittealandlik, mittekuulekas, sõnakuulmatu; isemeelne

нерукотво́рный — mitte inimesekäte loodud; imepärane

несокруши́мый — kõikumatu; kaljukindel
нетерпели́вый — kannatamatu
неудиви́тельно — pole imestada
неудово́льствие — rahulolematus, meelepaha
неукло́жий — kohmakas, saamatu
нечёткий — ebaselge; ebaloetav, raskesti loetav; ebatäpne

ни́кнуть (-ну, -ешь; *прош. вр.* ник, -ла) — longu vajuma, närbuma, lõtvuma

ничто́жный — tühine, tähtsusetu, tühipaljas, vääritu

ничу́ть — sugugi mitte, ei põrmugi

ни́щенский — kerjuse-, sandi-

новичо́к (*род. п.* -чка́) — uustulnuk; algaja; uus õpilane

но́готь (*м. р., род. п.* -гтя; *уменьш.* ногото́к) — küüs

нора́ — (looma) koobas e. pesa

ночле́г — öömaja, öölaager

нрав — loomus, iseloom; meelelaad

нра́вы (*мн. ч., род. п.* -вов) — kombed

нужда́ться — puudust kannatama, vajama

О

обве́шивать / обве́сить * (-ве́шу, -ве́сишь) — valesti kaaluma, kaalumisega petma

обвиня́ть / обвини́ть * (-ню́, -ни́шь) — süüdistama

обворо́вывать / обворова́ть (-ру́ю, -ешь) — kelleltki varastama; (paljaks) varastama

обёртывать / оберну́ть * (-ну́, -ёшь) — millegi ümber keerama, teatud sihis käänama, millekski muutma

оби́да — solvang; haavus; ülekohus

обладáть — *твор. п.* — omama, evima, valdama

обличи́тельный — paljastus-

облóмок (*род. п.* -мка) — murdosis, kild, rusu

облучóк (*род. п.* -чка́) — (sõiduki) pukk

обма́нываться / обману́ться * (-ну́сь, -ешься) — pettuma

ободря́ть / обо́дрить * (-рю, -ишь) — julgustama, vahvustama, ergutama, virgutama

обознача́ть / обозна́чить * (-чу, -ишь) — märkima; tähistama; tähendama

обора́чиваться / оберну́ться * (оберну́сь, -ёшься) — end teatavas suunas pöörama e. pöörduma, ümber kääramine kõnekäänd

оборо́т ре́чи

образе́ц (*род. п.* -зца́) — näidis, muster, eeskuju, mudel, laad, liik, igapäevase elu pilt, žanr

обрета́ть
обрести́ * (обрету́, -ёшь; *прош. вр.* обре́л, обрела́) — leidma; muretsema; saama

обрисо́вывать
обрисова́ть * (-су́ю, -ешь) — piirijooni tõmbama; skitseerima

обруча́ться
обручи́ться * (-чу́сь, -и́шься) — kihluma

обруче́ние — kihlumine

обруша́ться
обру́шиться * (-шусь, -ишься) — ümber v. sisse langema; maha langema; kallale tormama, peale tulema

обры́скать (-ю, -ешь; обры́щу, -ешь) — läbi tuhnima e. nuuskima; (kõik kohad) läbi jooksma

обсчи́тывать
обсчита́ть * (-ю, -е́шь) — valesti arvutama; arvutamisega v. raha tagasiandmisega petma
обче́сть * (обочту́, -ёшь; *прош. вр.* обчёл, обчла́)

обша́ривать
обша́рить * (-рю, -ишь) — läbi v. ümberringi kobama v. tuhnima

обши́рный — avar, ruumikas; lai, suur; tüse, mahukas

объедине́ние — ühendus

обы́чай — komme, pruuk, viis, harjumus

овра́г — kuristik, jäärak; lohk

овчи́нный — lambanahast, lambanahkne

огля́дываться
оглянуться * (-ну́сь, -ешься) — ringi vahtima, tagasi vaatama

ограда — (ümbritsev) aed, tara; müür

ограниче́ние — piiramine, kitsendamine, kitsendus

одарённый — andekas, õnnistatud, annetatud

одино́кий — üksik, üksildane; üksikinimene (ilma perekonnata)

одобри́тельно — heakskiitvalt

одолева́ть
одоле́ть * (-ю, -ешь) — vallutama, võimust võtma, võita e. jagu saama

одура́чивать
одура́чить * (-чу, -ишь) — rumalaks tegema, rumalasti tüssama, narritama

одушевлённый — hingestatud; elurõõmus, elus olend (grammatikas)

зада́чиваться / озада́читься * (-чусь, -ишься) — täbarasse seisukorda sattuma; kohmetuma, segadusse sattuma

ока́зывать / оказа́ть * (окажу́, -е́шь) — mõju avaldama, mõjustama

оки́дывать / оки́нуть * (-ну, -е́шь) (взглядом) — pilku ringi heitma

окоченéлый — kangestunud, kohmetunud (külmast)

окуна́ть / окуну́ть * (-ну́, -ёшь) — sisse kastma, sukeldama

оплыва́ть / оплы́ть * (оплыву́, -ёшь) — 1. paistetuma, tursuma; rasvuma, üle ajama, sulama (küünal) 2. ümber millegi sõitma (saar); eemalt ringi purjetama, sõitma

оправля́ться / опра́виться * (-влюсь, -ишься) — end kohendama; end korraldama; kosuma; toimuma

определённый — (kindlaks) määratud, teatud, tuntud

осёл *(род. п.* -осла́) — eesel

оскорбля́ть / оскорби́ть * (-блю́, -би́шь) — solvama, haavama; teotama

оскуде́ние — vaesumine, kehvaks jäämine; lahjumine

ослепи́тельный — pimestav

осно́вывать / основа́ть * (осную́, -ёшь) — asutama; rajama; põhjendama; rakendama

основополо́жник — alusepanija, rajaja

остолбенéть — jahmuma; kohmetuma; tarduma; sammastuma

оступа́ться / оступи́ться * (-плю́сь, -ишься) — komistama, vääratama

отбира́ть / отобра́ть * (отберу́, -ёшь) — ära võtma, sorteerima, välja korjama, valima

отва́га — julgus, vaprus, vahvus, südidus

отвора́чиваться / отверну́ться * (-рочу́сь, -ро́тишься) — kõrvale pöörduma; end kõrvale käänama; tagasi pöördurna

отде́лка *(род. п. мн. ч.* -лок) — kaunistus, garnituur; väljatöötus; viimistlemine

отзыва́ться отозва́ться * (отзову́сь, -ёшься)	vastu kajama; vastu hüüdma; kostma; arvamust avaldama
отъеда́ться отъе́сться * (-е́мся, -е́шься; *прош вр.* -е́лся, -е́лась)	end täis e. rammusaks sööma
отноше́ние	suhe, vahekord, suhtumine
открове́нно	avameelselt, otsekoheselt
отправля́ться отпра́виться * (-влюсь, -вишься)	teele asuma; minema kasima; siirduma; lähtuma
отража́ться отрази́ться * (-ражу́сь, -и́шься)	kajastuma, peegelduma, kumama, ilmnema
отрица́ние	eitamine, eitus
отча́янный	hulljulge; meeletu
оты́скивать отыска́ть * (отыщу́, -ешь)	üles otsima,* leidma
оце́нка	hinnang, hindamine, hinne

П

пала́ч	timukas
па́лка (*род. п. мн. ч.* -лок)	kepp, sau, pulk, malakas
па́рень (*род. п.* па́рня)	noormees; poiss
па́рус	puri
пасть (*ж. р.*)	lõuad, loomasuu
па́харь (*м. р.*)	kündja; põllumees
па́чкать	määrima, mustaks tegema; plekke täis ajama
пая́сничать	paiatsit e. tola mängima; veiderdama
пелена́	kate, loor
пелена́ть	mähkima (last), mähkmetesse panema
пень (*род. п.* пня, *м. р.*).	känd
пе́рвенство	esikoht; eesõigus
перева́ливаться перевали́ться * (-лю́сь, -ишься)	taaruma
переги́б	painutus; kõverdus; murdekoht (lehel); kahjulik radikaalsus, liialdus
перегово́ры (*мн. ч. род. п.* -ров)	läbirääkimised

пере́дник	põll
пережива́ние	elamus; läbi-, üleelamine
перекрика́ться перекли́кнуться * (-нусь, -ешься)	vastamisi hüüdma, puiklema
пе́репел (*ж. р.* перепёлка)	vutt
пересека́ть пересе́чь * (-секу́, -сечёшь; *прош. вр.* -сек, -ла)	läbi e. katki lõikama; (mitmeid v. kõiki) läbi peksma
переселя́ться пересели́ться * (-лю́сь, -и́шься)	ümber e. üle kolima
перетира́ть перетере́ть * (-тру́, -трёшь; *прош. вр.* -тёр, -ла)	katki hõõruma, (üle) nühkima; liiga peeneks hõõruma; kõik v. palju läbi pühkima
пере́чить (кому? чему?)	vastu rääkima e. sõnelema
перча́тка (*род. п. мн. ч.* -ток)	kinnas
пе́тля (*род. п. мн. ч.* пе́тель)	aas, öös; silmus, ling; nööpauk (palitu)tripp
печа́льный	kurb, nukker; hale; meelehaige
пёс (*род. п.* пса)	koer
пи́во	õlu
писк	piiksumine, siutsumine, vingumine
пита́ть	toitma; toitu andma
пла́вный	voolav; ladus, sujuv; sulav
плени́тельный	vangistav; kütkestav, veetlev, võluv
пленя́ть плени́ть * (-ню́, -и́шь)	vangistama, kütkestama, võluma, paeluma
плести́ (плету́, -ёшь; *прош. вр.* плёл, плела́)	palmima; põimima; niplama
плодотво́рный	sigitav; viljakas; viljakalt mõjuv
пло́тный	tihke, kompaktne; plink, tahke; tüse (inimene)
плут	kelm, petis, sohk; vigurimees, võllaroog
побежда́ть победи́ть * (I лицо не употребля́ется; -и́шь, -и́т) — *вин. п.*	võitma
пове́рхность (*ж. р.*)	pind, (maa-, vee-)
по́вод	põhjus; tõugend
поворо́т	pööre, pöörang; käänak, kaar
пого́ня	tagaajamine; tagaajajad

погружа́ть
погрузи́ть * (-гружу́, -гру́зишь) — (sisse) kastma sukeldama; teatud füüsilisse v. hingelisse seisundisse panema; laadima

по́дать *(ж. р.)* — (riigi)maks

подбира́ть
подобра́ть * (-беру́, -ёшь) — üles korjama; hõlma alla panema

подверга́ть
подве́ргнуть * (-ну, -ешь; *прош. вр.* -ве́рг, -ла) — *дат. п.* — millegi alla võtma v. asetama

подгото́вка — ettevalmistus
подзаты́льник — võmm kuklasse
подле́ц (*род. п.* подлеца́) — nurjatu inimene, lurjus
подлу́нный — kuualune, maapealne
подозрева́ть — kahtlustama
подря́дчик — hankija, töö-ettevõtja
подсве́чник — küünlajalg

подстерега́ть
подстере́чь * (-регу́, -режёшь; *прош. вр.* -рёг, -регла́) — luurama, varitsema; piidlema

подсти́лка — allalaotamine; laotis; aluspõhk, -turvas

подтру́нивать
подтруни́ть * (-ню́, -и́шь) — nokkima v. pilkama, nöökima

поду́шка (*род. п. мн. ч.* -шек) — padi

подчёркивать
подчеркну́ть * (-ну́, -ёшь) — alla kriipsutama, rõhutama

пожа́р — tulikahju
пожима́ть плеча́ми — kehitama õlgu
позвоно́к (*род. п.* -нка) — selgroo-lüli
позо́р — häbi, häbiplekk
покая́ние — patukahetsemine, patukahetsus
покло́н — kummardus; tervitus
поколе́ние — (sugu)põlv, generatsioon, põlvkond; suguvõsa

поко́й — rahu, puhkus; ruum, elutuba
поко́йник (*ж. р.* -ница) — surnu, koolnu
покрови́тель *(м. р.)* — kaitsja, protektor
полага́ть — arvama, arvamisel olema
полотно́ — lõuend, linane riie; lipukangas; raudteetamm; muldkeha

полушу́бок *(род. п.* -бка)	pool- ehk pihtkasukas
по ме́ре сил	jõudumööda
помести́тельный	ruumikas, mahukas
поневóле	vastu tahtmist, vägisi
поочерёдно	kordamööda, kordamisi, järjestikku
попада́ть попа́сть * (-паду́,- ёшь; *прош. вр.* -па́л, -па́ла)	sattuma; tabama; õigesse kohta sattuma; pääsema e. jõudma kuhugi; (karistada) saama
попира́ть попра́ть * (-пру́, -ёшь; *прош. вр.* -пёр, -ла)	(ära) tallama; jalge alla tallama; võitma, purustama
попóна	paks hobusetekk; sadulatekk
попре́жнему	endiselt, endist viisi, nagu ennegi
поравня́ться	kellegagi v. millegagi kõrvuti jõudma; millegi kohale jõudma
пóрка	1. ihunuhtlus, peks; nahatäis; 2. (rõiva) lahtiharutamine
порóк	pahe; patt; rike (südame)
порóть (-рю́, -ешь)	1. nahatäit andma; 2. õmblust lahti harutama
порóша	(esimene) värske ning kohev lumi
порýка	tagatis
поры́в	katkemine, sõõst, iil, iiling; hoog; purse; tuhin
посвяща́ть посвяти́ть * (-свящу́, -святи́шь)	pühendama
послу́шный	sõnakuulelik, kuulekas; alandlik
посóльство	saatkond
поспева́ть поспе́ть * (-ю, -ешь)	küpsema, valmima; jõudma
постепéнно	järk-järgult, kord-korralt, aeglaselt, pikkamööda
посторóнний	1. kõrvaline; võõras; 2. kõrvaline isik
посту́пок *(род. п.* -пка)	tegu; toiming; käitumine
постоя́лый двор	sissesõiduhoov; (hobuse) postijaam
посы́льный	käskjalg, virgats
пот	higi

потéха	lõbu, nali, ajaviide, meelelahutus
потóмок *(род. п.* -мка)	järeltulija; sugujärglane, võsu
потрéбность *(ж. р.)*	vajadus, tarve
потрепáть * (-треплю́, -лешь)	patsutama (по плечу́)
потрясéние	vapustus; kõigutamine, põrutamine
потря́хивать	vahetevahel raputama
похвалá	kiitus, ülistus
пóхороны *(мн. ч., род. п.* -рон)	matus(ed), muldasängitamine; peied
почтáмт	postkontor (eriti pealinnas)
пóшлый	labane; banaalne
правди́вый	tõeline, tõepärane; õiglane, tõearmastaja
прáведный	õnnis, õiglane
прах	põrm
превосхóдный	suurepärane, oivaline; ületav ülekaalukas
предáние	suuline edasianne, pärimus, traditsioon, legend
предвещáть / предвестúть * (-вещу́, -вести́шь)	ennustama
предéл	piir, raja
предоставля́ть / предостáвить * (-влю, -вишь)	(hoolde) jätma; pakkuma
предписáние	ettekirjutus, kirjalik käsk
предпринимáть / предприня́ть * (-прúму, -ешь)	ette võtma (ataaki, reis jne.)
представлéние	esitamine; esitlemine; kujutlus; etendus
предупреждáть / предупредúть * (-прежу́, -предúшь)	ennetama, ette jõudma; hoiatama, ette teatama; ära hoidma, ette teostama
преéмник	järel(e)tulija, järglane
презирáть / презрéть * (-зрю́, -ишь)	põlgama, põlastama; alatuks pidama; põlglikult suhtuma
презрéние	põlgus, põlastus; põlglikkus
прéлесть *(ж. р.)*	kenadus, sarm, veetlevus, võlu
прекращéние	lõpetamine; katkestamine; lakkamine

преслéдовать (-дую, -ешь) — jälitama, taga ajama; taga kiusama; taotlema

престóл — troon; aujärg

прибегáть / прибéгнуть * (-гну, -ешь; *прош. вр.* прибéг, -бéгла) — midagi abiks võtma; millestki abi v. tuge otsima; millegi v. kellegi poole pöörduma

прибóр — seadis, aparaat; nõud (laua)

прибрéжный — ranniku-; kalda-, kaldaäärne

прибы́тие — saabumine

привéтливый — lahke, sõbralik

привéтствовать (-вую, -ешь) — tervitama

привлекáть / привлéчь * (-кý, -чёшь; *прош. вр.* -влёк, -влеклá) — külge tõmbama; (juurde) meelitama; veetlema

привы́чка (*род. п. мн. ч.* -чек) — harjumus

привы́чный — harjunud; harilik

привя́зываться / привязáться * (-вяжýсь, -ешься) — kiinduma; kinni hakkama, tüli norima

пригóжий — (välimuselt) kena; ilus; selge

пригорáть / пригорéть * (-рúт) — veidi kõrbema, põhja hakkama e, kõrbema

придáча — juurdeand, lisamine; pealisraha, lisa

прижимáть / прижáть * (-жмý, -ёшь) — ligi litsuma, pigistama; vastu suruma; rõhuma

признавáть (-наю́, -ёшь) / призна́ть * (-на́ю, -ешь) — kedagi millestki ära tundma; tunnustama; kellekski v. millekski tunnistama

признавáться (-наю́сь, -ёшься) / призна́ться * (-на́юсь, -ешься) — üles tunnistama, omaks võtma

при́знак — tunnus, tunnusmärk

при́зрак — silmalummutus, viirastus, tont

прика́зчик — äriteenija, äri-, poesell, müüja; (mõisa) kubjas

прикла́д — pära, laad, kaba (püssi); lisandid, õmblustarbed, manused

приме́та — tunnismärk, tunnus

приникáть / прини́кнуть * (-ну, -ешь; *прош. вр.* -ни́к, -ла) — end ligi e. vastu suruma; maha küürutama

принуждённый — sunnitud, ebaloomulik
прислу́га — teenija; teenijaskond
прислу́живаться — meelitades kohtama, libitsema, lõmitama

приставáть (-стаю́, -ёшь) / пристáть * (-ну́, -ешь) — külge hakkama, külge kleepuma; nakatama; peale käima e. tükkima; nuruma, norima randuma

при́стально — teraselt, üksisilmi, ainiti

приступáть / приступи́ть (-плю́, -пишь) — (midagi tegema) asuma, hakkama, lähenema, liginema; kellegi poole pöörduma

прису́тствовать (-ствую, -ешь) — juures olema e. viibima
прися́дка — kükitamine; kükktants
притаи́ться * (-таю́сь, -и́шься) — end peitma, varjama
при́хоть *(ж. р.)* — (veider) tuju, kapriis
причитáть * (-ю, -ешь) — (nutulaul) itkema

пришибáть / пришиби́ть * (-бу́, -ёшь; *прош. вр.* -ши́б, -ла) — ära lööma v. vigastama

прищу́риваться / прищу́риться * (-рюсь, -ишься) — silma v. silmi pilutama

пробуждáть / пробуди́ть * (-бужу́, -бу́дишь) — äratama; tekitama; esile kutsuma
пробужде́ние — ärkamine; elustumine; virgumine, tekkimine

прове́дывать / прове́дать * (-ю, -ешь) — külastama; (juhuslikult) teada saama

продевать / проде́ть * (-де́ну, -ешь) — millestki läbi pistma, läbi tõmbama; taha ajama v. panema (niiti nõela taha)

пройдóха — pugeja; libe, libekala (sõimusõna)

прорастáть / прорасти́ * (-расту́, -ёшь; *прош. вр.* -рóс, -лá) — läbi kasvama; idanema; võsuma, võrsuma; tärkama

пророк — prohvet

производи́ть (-вожу́, -во́дишь) / произвести́ * (-веду́, -ёшь; *прош. вр.* -вёл, -вела́) — tootma, valmistama, produtseerima, korda saatma, põhjustama, tekitama

прока́за — vallatus, temp koerustükk;
проника́ть — läbi tungima; sisse tungima v.
прони́кнуть * (-ну, -ешь; *прош. вр.* -ни́к (нул), -ла) — pääsema; vaevaga kuhugi jõudma; levima; süvenema
проница́тельный — läbitungiv, terav(vaade)
пропове́довать (-дую, -ешь) — jutustama, propageerima;
проповеда́ть * (-ю, -ешь) — kuulutama
просвеще́ние — rahvavalgustamine, valgustus-, selgitustöö; haridus

простира́ть — välja sirutama; laotama, ulatama
простере́ть * (-тру́, -ёшь; *прош. вр.* -тёр, -ла)
простоду́шный — lihtsameelne, ülisiiras
просто́р — avarus; ruumikus; lahedus; vaba voli
простосерде́чный — lihtsa-, avameelne
простужа́ться — end ära külmetama; külmetusest
простуди́ться * (-тужу́сь, -ту́дишься) — haigustuma
противопоставля́ть — vastu seadma v. asetama;
противопоста́вить * (-влю, -вишь) — vastandama
противоре́чие — vasturääkivus; vastuolu
протуха́ть — mädanema, halvaks minema;
проту́хнуть * (-ну, -ешь; *прош. вр.* -ту́х, -ла) — kopituma, läpastuma
протя́гиваться — end välja sirutama; ulatuma,
протяну́ться * (-ну́сь, -ешься) — küündima; venima, laiuma
пуза́тый — kõhukas
путеше́ствовать (-ствую, -ешь) — reisima, rändama, matkama
пух — udusuled, karvad, ebemed,
пуховóй (пухóвый) — udusulgne; udusule-
пы́лкий — äge, kiivas; käre; äkiline
пы́шный — tore, hiilgav; lopsakas; uhke; kohev

пье́са — näidend, tükk, muusikapala
пья́ница *(м. и ж. р.)* — joodik, joomar
пя́льцы *(мн. ч., род. п.* -цев) — väljaõmblemis-, kudumisraam
пя́тка *(род. п. мн. ч.* -ток) — jalakand; sukakand
пятна́ть — kulliks lööma (mängus); plekiliseks tegema

Р

раболе́пство — orjameelsus, orjalikkus, orjavaim
равноду́шный — ükskõikne; leige; loid, tuim
равня́ться — võrduda püüdma, võrduma, võrdne olema

разбира́ть / разобра́ть * (-беру́, -ёшь) — dešifreerima, välja lugema; lahti arutama; sorteerima; lammutama; arutama; aru saama, mõistma
разбо́йник — röövel, võrukael (vallatu lapse kohta)
разбо́рчивый — valik; nõudlik; loetav, selge
развáливаться / развали́ться * (-лю́сь, -ишься) — laiali kukkuma; lagu(ne)ma; laostuma; kokku varisema
разви́тие — areng, arenemine, evolutsioon
развра́т — kombelõtvus, liiderlikkus
различа́ть / различи́ть * (-чу́, -и́шь) — eraldama, eristama, vahet tegema; ära tundma
разложе́ние — lagunemine; kõdunemine; roiskumine
разлу́ка — lahkumine, eemalolemine; lahusolek

размáтывать / размота́ть * (-ю, -ешь) — lahti kerima v. harutama
разночи́нец (*род. п.* -нца) — XIX sj. vene haritlane, kes ei kuulunud priviligeeritud aadliklassi (põlvenes seega vaimulikust, linnakodanluse- v. talupoja seisusest)

разоблача́ть / разоблачи́ть * (-чу́, -и́шь) — paljastama; lahti rõivastama
разуме́ть — mõistma, aru saama; oskama
разы́грывать / разыгра́ть * (-ю, -ешь) — mängima, esitama; välja loosima, etendama
распáхиваться / распахну́ться * (-ну́сь, -ёшься) — pärani lahti minema v. paiskuma; *kõnek.:* oma hõlmad lahti lööma
распечáтывать / распеча́тать * (-ю, -ешь) — pitsatist vabastama, lahti pitseerima
распи́сывать / написа́ть * (-пишу́, -ешь) — täis v. kirjuks maalima; mitmesse kohta kirjutama; pikalt-laialt kirjeldama

распла́та	väljamaksmine; tasumine, kättemaks, nuhtlus
распознава́ть (-наю́, -ёшь) распозна́ть * (-на́ю, -ешь)	ära tundma, eristama, (tunnuste järgi); tunnetama; teada saama
расправля́ться распра́виться * (-влюсь, -вишься)	sirgeks v. siledaks minema; arveid õiendama (kellegagi)
рассе́ивать рассея́ть * (-се́ю, -сеешь)	laiali külvama; laiali ajama; hajutama; peletama; kellegi meelt lahutama
расстила́ть расстели́ть * (-лю́, -и́шь)	laiali laotama
рассыпа́ться (-а́ется) рассы́паться * (-сы́плется)	maha varisema; laiali v. koost pudenema
расте́рянный	hämmeldunud; peata; ähmi täis
растопы́ривать растопы́рить * (-рю, -ишь)	laiali v. õieli ajama; kohevile v. püsti ajama
расходи́ться (-хожу́сь, -хо́дишься) разойти́сь * (-зойду́сь, -ёшься; *прош. вр.* -зошёлся, -шла́сь)	laiali minema, lahku minema; levima; ristamisi mööda minema; hajuma; laiali kandma; sattuma hoogu
расшиба́ться расши́биться * (-бу́сь, -ёшься; *прош. вр.* -сши́бся, -лась)	end ära lööma (millegi vastu); lõhki v. puruks minema
реве́ть (реву́, -ёшь)	mõirgama, röökima, uluma; valju häälega nutma
ре́вность (*ж. р.*)	armukadedus, kiivus
ре́зкий	lõikav, terav; järsk; kibe, kõle käre; toores; kriiskav
резьба́	lõikamine, nikerdamine, graveerimine
реши́тельный	otsustatud, lahendatud; otsustav
ре́ять (ре́ю, -ешь)	lendlema, hõljuma
ри́за	preestriornaat; ikooni metallkate
робе́ть	arg olema, kartma, araks lööma
ро́зги (*мн. ч., род. п.* -ро́зог)	vitsad; peks
румя́ный	punane, punapalgeline; roosa; punetav
ры́бничек (*род. п.* -чка)	kalapirukas
ры́ло	koon, kärss; nägu, lõust
ры́ться (роюсь, -ешься)	tuhnima; tuustima; siblima; urgitsema; sorima

С

саврáсый (конь)	põdravõik (hobune)
сáльная свечá	rasvaküünal
самодержáвие	isevalitsus
самодýрство	isemeelsus
сби́тень *(род. п. -тня м. р.)*	soe jook veest, meest ja vürtsidest
сближáться сбли́зиться * (сбли́жусь, сбли́зишься) с — *твор. п.*	lähenema; lähemat sõprust sobitama kellegagi
сближéние	liginemine, lähenemine; lähendamine
сбóрник	kogu; koguteos; kogumik
свáдьба *(род. п. мн. ч.* свáдеб)	pulm
свáтаться	kosima
свежевáть (-жýю, -ешь)	tapetud looma nülgima ning sisikonda välja võtma
сверлó	puur, oherdi
свúдеться * (свúжусь, свúдишься)	teineteist jälle nägema
свирéпый	raevune; metsik, pöörane, julm
свистáть (свищý, -ешь)	vilistama; vihisema, vinguma
свистéть (свищý, свистúшь)	vilistama; vilet lööma, huilgama vinguma
свúстнуть * см. свистéть и свистáть	
свихнýться (-нýсь, -нёшься)	nikastuma; peast ogaraks v. hulluks v. segaseks minema
сворáчивать своротúть (-очý, -óтишь)	ära e. kõrvale v. kokku keerama e. käänama; paigast v. ära e. kõrvale veeretama
святóй	1. püha; pühitsetud; 2. pühak
священнúк	preester, papp
сгибáться согнýться * (-нýсь, -ёшься)	painduma; küüru jääma
сдвигáть сдвúнуть * (-ну, -ешь)	ära, kõrvale, eemale, koomale, kokku nihutama; paigast nihutama
сединá	hallid juuksed, hall värvus; hallus

сéни (*мн. ч., род. п.* сенéй)	eeskoda, esik, võorus
сеть (*ж. р.*)	võrk; võre; püünisvõrk
сжимáться сжáться * (сожмýсь, -ёшься)	end kokku kiskuma; kokku tõmbuma
синя́к	sinine laik (ihul), sinine muhk
сирота́ (*м.* и *ж. р.*)	vaeslaps, orb
си́тник	nisupüüli leib
скази́тель (*м. р.*)	bõliinade, muinasjuttude jutustaja, rahvalaulik
сия́ние	paiste; hiilgus; sära
скачóк (*род. п.* -чкá)	hüpe
сквéрный	paha, halb; jõle
скирд (скирдá)	(heina) saad; viljahakk
склáдывать сложи́ть * (-жý, -ишь)	kokku e. ühte panema e. laduma; kokku pakkima; kokku arvestama, liitma; kokku seadma; maha panema e. laduma; kokku murdma e. keerama; kuhja ajama
склоня́ться склони́ться * (-нúсь, -ишься)	kalduma; painduma; käänduma
скорлупá	kest, kõlu, koor (muna-)
скóтный двор	karjaaed, -tara, karjahoov (linnas)
скрежета́ть (скрежещý, -ешь)	kiristama (hambaid); lõgistama
скры́тность (*ж. р.*)	peitumus, kinnisus; umbmeelsus; salalikkus
след	jälg, jäljend, arm; verme
слива́ть слить * (-солью́, -ёшь)	pealt ära kallama e. valama maha v. kokku v. segi valama; kokku sulatama; liitma, ühendama
сли́вки (*мн. ч., род. п.* -вок)	rõõsk koor
слугá	teener, teenija; sulane
смельчáк	(hull) julge mees, uljaspea
сме́тли́вость (*ж. р.*)	taibukus, taiplikkus; leidlikkus
сме́шиваться смешáться * (-юсь, -ешься)	segama, segi ajama; ära vahetama; seguks muutuma
сморчóк (*род. п.* -чкá)	mürkel (seen); *kõnek.* krimpsus välimusega isik
смущённый	hämmeldunud, kohmetu, segane

сни́ться (снюсь, сни́шься, сни́тся) — *кому?* / присни́ться * — unes ilmuma

снорóвка — libe käsitlemine; vilumus

собесéдник — kaasvestleja, jutukaaslane

сóбственный — enesele kuuluv, iseenda, omaenda, oma

собы́тие — sündmus; juhtumus

сова́ться (суюсь, -ёшься) / су́нуться * (-нусь, -ешься) — end vahele toppima; tikkuma; kuhugi end poetama

совершéнство — täiuslikkus

совéтовать (-тую, -ешь) — (kedagi) nõustama, (kellelegi) nõu andma; soovitama

современник — kaasaegne, kaasaeglane

современный — nüüdis-, kaasaegne

соглаша́ться / согласи́ться * (-глашу́сь, гласи́шься) — nõustuma; kokku leppima; kooskõlas olema

содержа́ние — pidamine, hoidmine; sisund, sisaldis, sisu; elatis, palk

создава́ть (-даю́, -ёшь) / созда́ть * (-да́м, -да́шь) — looma, rajama, moodustama, valmistama, tekitama

сознáтельность (*ж. р.*) — teadlikkus; teadvuslikkus, tajuvus

солоди́ть (-ложу́, -лоди́шь) — linnaseid tegema e. idandama

сомнéние — kahtlus

соответственно — vastavalt

соотéчественник — kaasmaalane, kodumaalane

сопровождéние — kaastamine, saatmine, kaasakäik; kaasmäng

сослóвие — seisus

состоя́ние — seisund, seisukord, olek; seis, olukord, elujärg, põli; varandus

сосу́лька (*род. п. мн. ч.* -лек) — (jää)purikas

сочиня́ть / сочини́ть * (-ню́, -и́шь) — kirjanikuna looma; koostama, komponeerima, sepitsema, luuletama

сочу́вствовать (-чу́вствую, -ешь) — *дат. п.* — kaasa tundma; sümpatiseerima

спаса́ть / спасти́ * (-су́, -ёшь; *прош. вр.* спас, -ла́) — päästma

спле́тня (*род. п. мн. ч.* -тен)	keelepeks; laimujutt
сра́внивать сравни́ть * (-ню́, -и́шь)	võrdlema, kõrvu seadma; kõrvutama
сража́ться	taplema, võitlema, heitlema, lahingut lööma
срами́ться (срамлю́сь, -ми́шься)	endale häbi tegema; end häbistama
срыва́ться сорва́ться * (сорву́сь, -ёшься)	end lahti kiskuma, end rebima; sõõstma
стан	1. kehakuju, piht 2. laagrikoht; 3. (suur) tööpink
статья́ (*уменьш.* стате́йка)	artikkel; kirjutis; kirjatükk; punkt, paragrahv
ста́чка (*род. п. мн. ч.* ста́чек)	salajane kokkulepe; streik
стона́ть (сто́ну, сто́нешь)	oigama, ägama, ägisema
сто́почка (*род. п. мн. ч.* -чек)	napsiklaas; virnake, sambake
стра́нствие (странствование)	rändamine, reisimine
стра́сть (*ж. р.*)	kirg, iha
стреми́ться (стремлю́сь, -и́шься)	sõõstma; tõttama, kiiresti edasi tormama v. tungima; käredasti voolama
стремле́ние	taotlus; püüdlus, püüe
стро́йный	harmooniline; sihvakas, sale
струя́	juga; voog; nire
стря́хивать стряхну́ть * (-ну́, -ёшь)	(endalt) maha raputama
ступня́	jalalaba, -põid; jalatald
стыд	häbi, häbiasi
сугро́б	lumehang
суда́рыня (*м. р.* су́дарь)	(armuline) proua v. preili
судьба́	saatus
суеве́рие	ebausk
суета́	(ilma)asjatus, tarbetus; askeldus (ed), sekeldused
сукнова́льня (*род. п. мн. ч.* -лен)	vanutusveski, -koda
сумасше́дший	hullumeelne; hull
су́мрак	poolpimedus; hämarus; videvik
сургу́ч	kirjalakk
схо́дство	sarnasus; analoogia
сце́на	stseen (vaatepilt); (näite)lava; etteaste, lavapilt, episood

счётный	arve-, arvutus-, üleloendatud
сы́пать (сы́плю, -лешь; *пов. н.* сыпь!)	puistama, raputama
сы́тный	toitev, küllastav; rammus
сы́тый	küllane, kõht täis, rammus
сы́щик	nuuskur; salapolitseinik

Т

таба́к	tubakas
тайться (таю́сь, -и́шься)	end varjama, peitma
тайко́м	salaja, salamahti; vargsi
тача́ть (-ю, -ешь)	tikkima, teppima; õmblema (saapaid)
твердить (твержу́, твердишь)	sama kordama, kinnitama; tuupima, pähe õppima
творить (-рю́, -и́шь) / сотворить * (-рю́, -и́шь)	looma, sünnitama; tegema
тво́рческий	loov, loomis-; loomingu-
тво́рчество	looming
теле́сный	kehalik, kehaline, keha-, ihu-
те́мя (*род. п.* те́мени, *только единст. ч.*)	pealagi
тени́стый	varjukas, varjuline
тень (*ж. р.*)	vari; vilu; varjukuju
тепли́ца	kasvuhoone, triiphoone
те́рем (*мн. ч.* -ма́)	vanavene kõrge, tornidega maja, loss
терпели́вый	kannatlik
тесть (*м. р.*)	naiseisa, äi; äiataat
тече́ние	voolamine; vool; voolus; voog; jooks
те́шить (-шу, -ишь)	(kellelegi) meelt lahutama; (kedagi) lõbustama
ткать (тку, ткёшь)	kuduma
тле́ние	kõdunemine; roiskumine
тока́рный	treimis-, treiali-
толк	arvamine; arutlus, seletus

толка́ться
толкну́ться * (-ну́сь, -ёшься) } üksteist v. teineteist tõukama, trügima; koputama, sisse pääseda tahtma (в дверь)

том — köide

томле́ние — piinlemine, vaevlemine; väsitamine, tüütamine

тону́ть (-ну́, -ешь)
утону́ть * (ну́, -ешь) } uppuma, põhja vajuma; *kõnek.* millessegi uppuma

топи́ть (-плю́, -пишь) — I. sulatama; kütma; tuld alla tegema; 2. uputama; üle ujutama

торжество́ — pidu; pidutsemine; võit; hõiskamine

тоскова́ть (-ку́ю, -ешь) — igatsema, igatsust tundma millegi-kellegi järele; nukrutsema

то́шный — vastik, ilge

тра́вля — tagakiusamine; ajujaht koertega; klapperjaht

тра́титься (тра́чусь, тра́тишься) — *на что? вин. п.* — oma raha kulutama, endale kulu tegema

трезвы́й — kaine; selgepeane, karske

треск — laksatus, ragin, praksumine

трещо́тка — kärr, käristi; *kõnek.* lobasuu, «tatraveski», lõhvard

тропа́ — (tee)rada; jalgtee

трус (*ж. р.* трусиха) — pelgur, argpüks

тря́пка (*род. п. мн. ч.* -пок) — kalts, narts; räbal; lupard, narakas, tahtejõuetu, iseloomunõrk, tühine inimene

тужи́ть (-жу́, -ишь) — kurvatsema; kurtma; halisema; igatsema, leinama

тума́н — udu, vina

У

уби́йца (*м.* и *ж. р.*) — tapja, mõrvar, mõrtsukas

убо́гий — kehv, armetu; vilets; sant; nõrgameelne; lollike

уведомля́ть
уве́домить * (-млю, -мишь) } teadustama, teada andma, teatama

уве́ренность (*ж. р.*)	kindel usk; kindlus (käe-); enesekindlus, endausaldus
уверя́ть уве́рить * (-рю, -ишь)	kinnitama; tõendama
увлече́ние	innustus; harrastus; armastus; armulugu
уводи́ть (-вожу́,-во́дишь) увести́ * (-веду́, -ёшь, *прош. вр.* -вёл, -вела́)	ära viima; ära v. eemale juhtima; salaja ära viima
увя́зываться увяза́ться * (-вяжу́сь, -ешься)	lahutamatult kellelegi järgnema; oma kaupa v. asju kinni siduma
угнета́тель (*м. р.*)	kurnaja
угова́ривать уговори́ть * (-рю́, -и́шь)	nõusse meelitama; veenda püüdma
угрю́мый	sünge; morn, tusane
удаля́ться удали́ться * (-лю́сь, -и́шься)	eemalduma, kaugenema; kõrvalduma; siirduma, lahkuma
удово́льствие	lõbu; nauding; mõnu; heameel
у́езд	maakond
у́жас	hirm, õud(us), koledus; ehmatus
узда́	ratsmed; valjad; päitsed
укори́зна	laide, etteheide
улы́бка (*род. п. мн. ч.* -бок)	naeratus; muie
уни́занный	täislükitud
унизи́тельный	alandav
уны́лый	norgus e. norakil olev; nukker; kaeblik
упова́ние	(kindel) lootmine, lootus
уполномо́ченный	volitatud; volitatu; volinik
упомина́ть упомяну́ть (-мяну́, -ешь)	nimetama, mainima
у́пряжь (*ж. р.*)	rakmed, hobuseriistad; rakend
упря́мство	kangekaelsus, jonnakus; kius, tõrksus
упуска́ть упусти́ть * (упущу́, упу́стишь)	(käest) ära v. lahti laskma; mööda minna laskma; arvestamata jätma
урезо́нить * (-ню, -ишь)	(kellelegi) mõistust v. aru (jälle) pähe panema; manitsema
уро́д	värdjas, inetu (isik); koletis; monstrum

урожа́й — (vilja)saak
уро́чный — tähtajaline; tähtaja-; (kindlaks) määratud; (õppe) tunni

ус — vunts, vurr; mokahabe
усе́рдный — usin
уси́ленный — kõvendatud, intensiivne, forsseeritud

усло́вие — tingimus
услу́га — (sõbra)teene; lahkus
усмеха́ться / усмехну́ться * (-ну́сь, -ёшься) — naeratlema, muigama, muhelema; *naeratama, tervitama
усмиря́ть / усмири́ть * (-рю́, -и́шь) — rahustama; vaigistama; maha suruma; summutama
уста́виться * (-влюсь, -вишься) — üksisilmi vahtima jääma
устремля́ться / устреми́ться * (-млю́сь, -мишься) — suunduma; pöörduma; sööstma; peale e. kallale tormama
у́тварь (*ж. р.*) — riistad, anumad, nõud, tarbeesemed; majakraam
уте́ха — meelelahutus, lõbu; lohutus
утомля́ть / утоми́ть * (-млю́, -ми́шь) — väsitama, kurnama, rammestama, roiutama
уха́ — kalasupp
у́часть (*ж. р.*) — saatus; osa

Ф

фа́ртук — põll; mitmesuguste pealiskatete nimetus (näit. vankripõll, tekk)

фити́ль (*м. р.*) — taht, süütenöör
фо́рточка (*род. п. мн. ч.* -чек) — õhuaken
фуфа́йка (*род. п. мн. ч.* -фа́ек) — kampsun, kootud vest

Х

хвали́ть (-лю́, -ишь) — kiitma; ülistama
хвата́ться / хвати́ться * (хвачу́сь, хва́тишься) — kellestki-millestki kinni haarama; kinni hakkama; millegi kallale asuma; millegi puudumist äkki märkama

хво́рост *(ед. ч.)* — haod, risu
хи́жина — onn, hurtsik
хи́трость *(ж. р.)* — kavalus
хи́щник — kiskja, röövloom; nöörija
хлеба́ть } — sööma (vedelat) v. jooma suurte lonksudega; larpima, rüüpama
хлебну́ть * (-ну́, ёшь) }
хло́поты *(мн. ч.)* — askeldus; tüli
хло́пья *(мн. ч., род. п.* -ев) — kübemed, helbed; lumeräitsakad
хму́риться (-рюсь, -ишься) — kulmu kortsutama, nägu krimpsutama; mossitama; süngistuma

хо́лить (-лю, -ишь) — (millegi eest) hästi hoolitsema; hästi hoidma v. toitma; poputama, hellitama

холо́п — pärisori, ori; sunnismaine teener
хому́т — rangid
хор — (laulu)koor
хорово́д — ringmäng, -tants
хоро́мы *(мн. ч., род. п.* хоро́м) — paljude tubadega eluhoone (vanamoeline)

хорони́ть (-ню́, -ишь) — matma
худоба́ — kõhnus, lahjus
худо́жник — kunstnik

Ц

цу́гом — reas, reastikku, üksteise järel
цыно́вка *(род. п. мн. ч.* -вок) — kahekordne niinmatt; jalamatt

Ч

ча́ша — kauss, liud, vaagen
челове́чество — inimkond, inimsugu; inimsus
червя́к — uss; tõuk
черта́ — joon, kriips; viir; piir, piirkond
чеса́ть (чешу́, -ешь) — kammima, sugema; kraasima (villa); kratsima; sügama

чехо́л *(род. п.* -хла́) — pealis; püür, padjakate; kest, tupp
чин — au-, teenistusaste; aukraad
чино́вник — (riigi)ametnik; bürokraat

чтить (чту, чтишь) lugu pidama, austama; (kõrgesti) hindama

чу́вствовать (-ствую, -ешь) tundma; aistma

чудо́вище koletis, peletis, hirmutis, imeelukas

чужби́на võõrasmaa

чула́н sahver, käsikamber

чу́ткий ergas, erk; valvas; terane; tundeline; delikaatne

чутьё haistmismeel; vaist

чу́ять (чу́ю, -ешь) haistma; aistma, aimama

Ш

ша́вка krants, õuekoer, karvanäss

ша́ркать
ша́ркнуть * (-ну, -ешь) } kraapima, hõõruma (jalaga)

шата́ться kõikuma, vankuma; võnkuma, logisema; vaaruma

шевели́ться (-ли́сь, -ишься) tuigerdama; lonkima

шелохну́ться * (-нётся) end liigutama; liikuma

end liigutama, liikuma; liiga(h)tama, vära(h)tama

шепта́ть (шепчу́, -ешь)
шепну́ть * (-ну́, -ёшь) } sosistama, sosinal kõnelema

шут narr; (tsirkuse) tola, veiderdaja, paiats

Щ

щади́ть (щажу́, щади́шь) säästma, halastama, armu heitma; hoolikalt käitlema

ще́дрый helde

ще́поть (щепо́тка) *(ж. р.)* näputäis

щети́на harjas(ed); *kõnek.* karedad juuksed kare rohi

щипцы́ *(мн. ч.; род. п.* -цо́в) pihid; (naela) tangid

Э

экипа́ж	kergete sõidukite üldine nimetus; laeva-, lennuki j. m. meeskond
эстафе́та	ratsakuller, virgats; kiirpost; kiirteade

Ю

ю́ношеский	nooruslik

Я

явле́ние	ilmumine; nähis; nähtus; etteaste; stseen
ягнёнок *(род. п.* -нка; *мн. ч.* ягня́та)	(lamba)tall
ядрёный	suur, täidlane (õun)
я́зва	paise; solvav, teravakeeleline isik
ямщи́к	postipoiss; küüdimees
я́рый	läikiv; äge; tuline

Алфавитный словарь ко II разделу

«Для дополнительного чтения».

А

аза́рт	hasart
а́нгел	ingel

Б

ба́лка (*род. п. мн. ч.* -лок)	tahutud palk, tala
башлы́к	tuisukott, paslik
бе́глый	1. ärakaranud; põgus; sorav, ladus; 2. jooksik
беготня́	jookslemine; askeldus
бе́ умный	mõistuseta, hullumeelne, pöörane
белена́	1. koerapöörirohi; (2. maruhein)
бе́шенство	veekartmistõbi; marutõbi; raev
бинтова́ть (-ту́ю, -ешь)	siduma, mähkima
би́ржа	börs; voorimeeste seisukoht
бич	piits, nuut; vits, nuhtlus
благода́ть (*ж. р.*)	õnnistusrikkus; küllus, õnnistus
благонра́вный	kombeline, komblas
блаже́нствовать (-ствую, -ешь)	õnnejoovastuses olema
близне́ц (*мн. ч.* -цы́)	(kaksik)laps
блюсти́ (блюду́, -ёшь; *прош. вр.* блюл, -ла́)	hoolsasti valvama, hoidma; (kinni) pidama, (millelegi) järele käima
бодри́ть (-рю́, -и́шь)	ergutama, julgustama
боково́й	külgmine; külje-, külg-
болт	raudpulk, polt
болтовня́	lobisemine, loba, vada
борозда́	vagu, viirgus; sügav korts

борона́	äke
боти́нка (боти́нок)	poolsaabas, kamass
бо́чка (*род. п. мн. ч.* -чек)	tünder, tünn, vaat
брань *(ж. р.)*	sõim; jagelus
брести (бреду́, -ёшь; *прош. вр.* брёл, брела́)	jalgu lohistades kõndima, minema; lonkima
бро́совый (бросово́й)	mahavisatud, raiskuläinud
буди́ть (бужу́, бу́дишь)	äratama
бу́дка (*род. п. мн. ч.* -док)	vahimajake, onn; kong, putka
буква́льный	1. täht-täheline; sõna-sõnaline; otsene; 2. täht-tähelt, otseselt
буква́рь (*м. р.*)	aabits
бу́ркать бу́ркнуть * (-ну, -ешь)	pomisema, pobisema
бурча́ть (-чу́, -и́шь)	„ „
бурья́н	mitmesuguste stepiheinade nimetus; stepihein; kõrge umbrohi
бушева́ть (-шу́ю, -ешь)	tormitsema, marutsema; möllama (tuul); märatsema
бушла́т	meremehe purjeriidest ülekuub v. mantel
быль (*ж. р.*)	tõsilugu; olnu

В

вали́ться (-лю́сь, -ишься)	langema; lagunema
валя́ть	veeretama, vanutama; minna laskma
ввинчивать ввинти́ть * (-чу́, -и́шь)	sisse kruvima
(на) ве́ки ве́чные = навсегда	
вели́чественный	ülev; majesteetlik
веретено́	värten; kedervars
вёрткий	kärme; osav; libe
верху́шка	tipp; latv; ülaosa; hari
вершо́к (*род. п.* -шка́)	verssok
ве́ский	kaalukas, mõjukas; raskekaaluline
ветша́ть	vananema; kõdunema; kõlbmatuks muutuma (vanadusest), iganema
ве́шний = весенний	

взаме́н (*род. п.*)	asemel(e); vastu
взмыва́ть	keereldes v. tiireldes õhku tõusma
взмыть * (взмо́ю, -ешь)	
взви́ться * (взовьётся)	kiirelt üles tiirlema, üles tõusma
взрыв	plahvatus; puhang
виде́ние	nägemus, ilmutus
виля́ть	liputama, viibutama, vehkima
вира́ж	kulla ja plaatina lahus; käänak kallakteel; viirang; pööre, pöörang (õhus, merel)
висо́к (*род. п.* -ска́)	oim, meelekoht
вито́к (*род. п.* -тка́)	keer(d); mähe
вихрь (*м. р.*)	(tuule)pööris, -keeris; tuulispask
включа́ть включи́ть * (-чу́, -и́шь)	sisestama; (sisse)lülitama, käima panema; sisse v. vahele võtma; lisama
вкривь и вкось	risti-rästi, sinna-tänna
вла́га	niiskus, rõskus
вмести́тельный	mahukas; avar, ruumikas
вмиг	hetkeliselt, silmapilkselt, lipsti
внима́ть (внима́ю, вне́млю) вня́ть * (*буд. вр.* не употребляется)	kuulatades tähele panema, kuulama
вня́тный	selge
возбужда́ть возбуди́ть * (-бужу́, -бу́дишь)	äratama; erutama; ärritama; esile kutsuma
во́зглас	hüüe; hüüatus
вознаме́риваться во́ намери́ться * (-рюсь, -ишься)	nõuks võtma, kavatsema
во́зраст	(elu)iga; vanus
вой	ul(g)umine
волокно́ (*уменьш.* -ко́нце)	kiud, heie
во́лость (*ж. р.*)	vald
волочи́ть (-чу́, -ишь)	lohistama, tirima (mööda maad); tassima, vedama
волше́бный	nõiavõimuga; nõiduslik, nõiamõttelend; ettekujutus; kujutlusvõime, fantaasia
воображе́ние (*мн. ч.* нет)	relvastus; varustus; relvastamine
вооруже́ние	hõda- v. valukisa
вопль (*м. р.*)	

вопреки́ (*дат. п.*) millestki hoolimata; kiuste; vastu
воро́нка lehter (trehter)
воро́чать pöörama; veeretama; tiirutama; pööritama

ворча́ть (-чу́, -и́шь) urisema; torisema, porisema; mõmisema

восклица́ние hüüatus, hüüd, hüüe
восхище́ние ihalus, vaimustus
впива́ться / впи́ться * (вопью́сь, -ёшься) sügavale sisse tungima; sisse lööma, nõelama
вплоть до üsna kuni, kaasa arvatud ka
впопа́д täppiminevalt, tabavalt
вре́дный kahjulik, tervisele kahjulik
врукопа́шную (*нар.*) käsitsi (kaklema)
врыва́ться / ворва́ться * (-ву́сь, -ёшься) sisse tormama v. tungima
вскида́ться / вскину́ться * (-нусь, -нешься) sõimuga kallale tormama (vihast)
вспы́шка järsk süttimine, pahvatus; puhang
вто́рить (-рю, -ишь) — *дат. п.* kordama (= vastu kajama), teist häält laulma, korrutama

вывола́кивать / вы́волочить * (-чу, -ишь) / вы́волочь * (-локу, -лочешь; *прош. вр.* -лок, -ла) välja lohistama, välja kiskuma
выга́дывать / вы́гадать * (-ю, -ешь) võitma, kasu saama (osava arvestusega)
вы́делка väljatöötamine, väljatöötus
вызыва́ющий väljakutsuv
выно́сливый vastupidav, sitke
выпада́ть / вы́пасть * (-паду, -падешь) välja langema; ära tulema; maha tulema v. sadama
выруча́ть / вы́ручить * (-чу, -ишь) lunastama; välja aitama, päästma
вы́ручка väljaaitmine; lunastus; sissetulek; luna

выска́льзывать / выскользну́ть * (-ну, -ешь) välja libisema; *välja lipsama; libisema

выть (вóю, -ешь)
вы́чет

вьюга

ulguma; vihistama (tuul)
mahaarvamine; mahaarvatud summa
tuisk, lumetorm

Г

гак
гаси́ть (гашу́, га́сишь)
гашéтка

ги́бель (*ж. р.*)

ги́блый
гибри́д
гимнастёрка
ги́ря

гла́дить (гла́жу, гла́дишь)
глóхнуть (-ну, -ешь; *прош. вр.* глох, -ла)
гнету́щий
гнилóй

гнуша́ться

гóгот
голубизна́
гоня́ться (-ня́юсь, -ешься) за, — *твор. п.*
горю́чее
гра́вий
гранёный
гре́бень (*род. п.* -бня, *м. р.*)

до гробовой доски = до смéрти
грози́ть (грожу́, грози́шь)
громи́ть (громлю́, -ми́шь)

lisand
kustutama, summutama
tulirelva konks, millega kukk liikuma pannakse
hukkumine, hukk, kadu, hävi; määratu hulk
närune; hukas; soine, rabane
hübriid, värd
(sõduri)pluus
(raud)pomm; kaaluviht; spordipomm
siledaks tegema, siluma, silima
kurdiks jääma

rõhuv, masendav
roiskunud, pehkinud; niiske, vihmane
põlgama, jälkust tundma; põlastavaks pidama
hanede kaagutamine; naerulagin
sina (taeva-)
taga ajama, järel jooksma; taotlema
mootoriküte; põletis
kruus; sõmer, rähk
lihvitud; tahutud; kandiline (klaas)
(kahe poolega) kamm; suga; raaps; (kuke-, mäe-, katuse-) hari; (mäe-) harjastik

ähvardama
puruks peksma; rüüstama; materdama

гро́хот — ragin, mürin, mürts, kola; prantsatus

грохота́ть (-хочу́, -ешь) — ragistama, müristama, kolistama

гру́да — virn, hunnik, lask; mass, kogu summ

гря́нуть * (-ну, -ешь) — mürtsudes v. lajatades äkki kostma; kärgatama; äkki puhkema (lahing)

гу́бя не лу́пя = уме́ет вы́брать себе лу́чшую часть, хорошую до́лю

губи́ть (-блю́, -бишь) — hävitama, rikkuma, hukutama

гул — kõmin, jutukõmin, mürin

Д

да́мба — (vee)tamm

две́рца — ukseke (mingil avausel); uks (autol)

де́рзкий — jõhker, julgunud, ninakas, nipsakas

дёрн — muru; rohumätas

дика́рь (*м. р.*) — metsinimene; seltsimatu isik, metsamees, võsainimene

ди́сковый — ketta-

ди́сковая борона́ — randaaläke, taldrikäke

дичо́к (*род. п.* дичка́) — vääristamata puu; pookealus; arglik v. seltsimatu inimene

должни́к (должни́ца) — võlgnik, võlglane

дотра́гиваться / дотро́нуться * (-нусь, -ешься) — (kergelt) puudutama

до́хнуть (-ну, -ешь; *прош. вр.* дох, -ла) — kärvama, lõp(pe)ma

дощечка = *уменьш.* от доска́

дре́вко — puuvars; puuvarras

дробь (*ж. р.*) — haavel; murd; kild, kõrin; trillerdus

дро́гнуть (-ну, -ешь; *прош. вр.* дрог, -ла) — (külmast) lõdisema, külmeta

дро́гнуть * (-ну, -ешь) — võpatama; vära(h)tama; lainetama v. vankuma lööma; taganema hakkama

дубра́ва	tammik, lehtpuumets
ду́ло	(relva)suue
дунове́ние	puhang
духо́вный	vaimulik; vaimne
душегу́б	mõrvar
на ды́бы	tagumistele jalgadele püsti; sõrad vastu
дымя́щийся	suitsev
дья́вол	saadan, saatan, kurat, põrguline
дю́же = очень сильно	
дю́жий	tüse; tugev; rässakas

Е

еврей	juut
е́дкий	sööbiv; terav, lõikav; kibe
есте́ственный	loodus(e)-; looduslik; loomulik
ехи́да	õel inimene, madu, koletis

Ж

же́мчуг (*мн. ч.* -га́)	pärl, pärlid; helmed
Же́нева	Genf
жест	žest, käeliigutus, märguanne
живи́тельный	elustav, kosutav
живо́т	kõht; elu; varandus
жи́рный	rasvane, rasvakas, pekine; rammus, rasva-
жи́то	(tera)vili; rukis, nisu jne.

З

забава́	ajaviide, -veede, lõbu; meelelahutus
забавля́ться	lõbusasti aega veetma
забасто́вка	töötõrge, streik
заблаговре́менно	aegsasti, varakult
завали́ться	vedelema jääma; seisma v. müümata jääma
завяза́ть (-ю, -ешь) / зави́знуть * (-ну, -ешь; *прош. вр.* -ви́з, -ла)	kuhugi kinni jääma (sohu), uppuma (võlgades); takerduma

зага́р	päevitus
загиба́ть загну́ть * (-ну́, -ёшь)	kõveraks v. viltu käänama v. murdma; painutama, koolutama; üles käänama
заглуша́ть	ära summutama (hääl), ära vaigistama e. leevendama; ära lämmatama
заголо́вок (*род. п.* -вка)	päistiitel
задо́рный	trotslik, turtsakas, äge, hoogus
зажима́ть зажа́ть * (-жму́, -ёшь)	(pihku, pihtide vahele) pigistama; ära muljuma; kinni toppima
зажму́ривать зажму́рить * (-рю, -ишь)	kinni pigistama
закаля́ться закали́ться * (-лю́сь, -йшься)	karastuma; kalestuma
залп	kogupauk
зама́нчивый	ahvatlev, hõrgutav
замеша́тельство	segadus; hämmeldus
занима́ть заня́ть * (займу́, -ёшь)	1. laenama, laenu tegema; 2. (aega, ruumi) võtma; hõivama, enda alla võtma; üürima; kellelegi kinni panema, okupeerima, vallutama
за́ново (*нар.*)	uuesti, otsast peale
зано́за	pind, okas, kild; tüütu inimene
западать запа́сть * (-паду́, -ёшь; *прош. вр.* -па́л, -ла)	kuhugi vahele (v. taha) kukkuma sõõbitama, tungima
запла́та	paik, lapp (rõival)
зарыва́ться зарва́ться * (-ву́сь, -ёшься)	liiga innustuma, hoogu sattuma; milleski kaugele minema v. ülbestuma
заро́дыш	idu, (seemne) loode
зарыва́ть зары́ть * (-ро́ю, -ешь)	maasse kaevama, maha matma; hauda ajama, *kaevama hakkama
заслоня́ть заслони́ть * (-ню́, -и́шь)	ära varjama, tõkestades sulgema; tõkestama (teed); endaga katma (kaitseks)
засто́й	seiskus; pais; seisak

зáсуха	põud
затевáть затéять * (-ю, -ешь)	kavatsema; sepitsema; nõuks v. pähe v. ette võtma
затóн	lõugas, lahesopp; kalapüügipais
заявлéние	avaldus; teadaanne; deklaratsioon
зевáть зевнýть * (-нý, -ёшь)	haigutama; ammuli sui vahtima
землянка	muldhütt, -onn, -koobas
зипýн	talumehe kuub jämedast riidest
зловéщий	pahaendeline; kurjakuulutav
змея́ (*род. п. мн. ч.* змей)	madu; uss, siug
зубчáтый	hambuline, täkkeline, sakiline, tipuline
зрéлище	vaatepilt, -mäng
зря (*нар.*)	asjata, asjatult, tarbetult

И

извая́ние	raidkuju; nikerdatud kuju
и́згородь (*ж. р.*)	teivas- v. varbaed; vaheaed
издёвка (издевáтельство)	mõnitamine; irvitamine; narritamine
излучáть излучи́ть * (-чý, -и́шь)	(välja) kiirgama
изменá	reetmine; truudusemurdmine, petmine (abielu)
изме́нник (-ница)	reetur; armastuse v. sõpruse murdja
изме́нчивый	muutlik, heitlik
изнеможéние	äärmine väsimus; roidumus; jõuetus, rammestus
изóгнутый	kõverdatud
и́зредка	vahetevahel; õige harva
изря́дный	korralik; tubli, kena;
изумлéние	hämmastus
изуродовать * (-дую, -ешь)	vigastama, moonutama; rikkuma; inetuks tegema
инóй = другóй, не такóй	
и́скренний	siiras; avameelne

испо́рченный — rikutud; hukkas; ülekäte läinud; nurjunud

испы́тывать, испыта́ть * (-ю, -ешь) — proovima, proovile panema; kogema, tundma

истреби́тель (*м. р.*) — hävitaja

К

канона́да — kanonaad (pidev laskmine paljudest suurtükkidest, kahurituli)

ка́нуть * (-ну, -ешь) — (kiiresti) vette kaduma; kuhugi sügavale langema; jäljetult kaduma

капо́т — kapott (daamide kodune lai üleriie; meesterahva halatimoeline üleriie; klapp mitmesuguseis mehhanismides, näit. auto mootori kate)

ка́рла — kääbus, härjapõlvelane, päkapikumees

каса́ться, коснýться * (-нýсь, -ёшься) — puutuma; puudutama; riivima

кастрю́ля — kastrul

кива́ть, кивнýть * (-нý, -ёшь) — (peaga) noogutama, märku andma

кла́пан — sulgklapp, ventiil, sõrmiline (puhkpillil)

кле́йстер — kliister

клёкот — (suure linnu, kotka) häälitsemine

клён — vaher

клок (*мн. ч.* кло́чья и клоки́) — tutt, tuusik; salk (salgu) tihe

кожура́ — paks koor, korp

колеба́ться — võnkuma, vankuma; kõhklema, kahevahel olema

колея́ — vankriõõbas, -roobas; (raudtee-) liin

колоси́ться (-си́тся) — pead ajama v. looma v. käärima (vilja kohta)

колыха́ть (-ю, -ешь; коле́блю, -ешь)
колыхну́ть * (-ну́, -ёшь) — *вин. п.*
кольчу́га
колю́чая про́волока
комо́к (*род. п.* -мка́)
кони́ческий

копьё (*род. п. мн. ч.* ко́пий)
корена́стый

ко́рень (*род. п.* -рня, *м. р.*)
кормушка
корневи́ще
коромы́сло

ко́рча
коси́ться (кошу́сь, коси́шься) на — *вин. п.*
косма́
косма́тый

косоворо́тка

косо́й

красова́ться (-су́юсь, -ешься)

крест (*уменьш.* кре́стик)
кро́мка
кроха́

крошить (-шу́, -ишь)

круто́й (*сравн. ст.* кру́че)

kõigutama, õõtsutama; liigutama

rõngasturvis; raudrüü
okastraat
(väike)kamakas, tomp; pall
kooniline, koonuse- e. keeglikujuline e. -taoline, koonuse- e. keegli-
piik, oda
suurte tugevate juurtega, jändrik (puu); rässakas, tüse, toekas (mees)
juur; pära
söötmisküna, mold
puu peajuur
kaelkoogud; loogus, kandepuu; kaalukang; kaevuling, -kook
kramp, tõmblus
millelegi kõõrdi vaatama

tolk, tutt
pika sassis karvaga (loom); sassis v. sorakil juustega, sagipea
viltu kraega mehesärk e. vene särk
viltune, vildak(as); kõõrdi, kõõrdsilmne
uhkelt paistma, ilutsema; uhkustades end näitama
rist
äär, kant; riideäär, palistus
raas(uke), põrm, kübe, pala, paluke
tükkideks peenendama, hakkima; poetama; pihustama
järsk; äkiline; käre; kõva; sitke, tihke

кряхте́ть (кряхчу́, кряхтишь) — ähkima, puhkima; hädaldama
кста́ти — nagu loodud, parajal ajal; ühtlasi; parajasti; muuseas; muide
ку́зов (*мн. ч.* -вы и -ва́) — (vitstest, peergudest) korv; sõidukikorv (autol)
ку́пол (*мн. ч.* -ла́) — kuppel
кури́лка — suitsetamisruum; suitsetamise harrastaja
курча́вый — kähar, kräsus (juuksed)

Л

ла́дно = хорошо, пусть будет так
ларёк (*род. п.* ларька́) — müügilaud, -putka; kiosk
ла́поть (*м. р., род. п.* -пти) — viisk, pastel
ла́ты (*мн. ч.*) — soomusrõivad, raudrüü
лемéх — adrahõlm, -leht
лён (*род. п.* льна) — lina (taim)
линя́лый — pleekinud, luitunu-; karva v. sulgi v. kesta ajanud
линю́чий — pleekiv; pleekinud, luitunud; kestav, kesta ajav
ловка́ч — osav isik
лову́шка — lõks, püünis
ло́коть (*м. р., род. п.* ло́ктя) — küünarnukk, -pea
ло́паться, ло́пнуть * (-ну, -ешь) — lõhkema, pragunema, mõranema, katki minema, katkema, luhta minema, pakatama
ломи́ться (-млю́сь, -мишься) — puruks painduma; (sisse) murdma v. tungima
лохмо́тья (*мн. ч., род. п.* лохмо́тьев) — räbalad, kaltsud, hilbud, närakad, nartsud
лука́вый — 1. kaval; kelm 2. vanakuri, -pagan

М

ма́зать (ма́жу, -ешь) — määrima, võidma; mätsima
малоду́шный — arg, meelekindlusetu
масси́в — massiiv; ühtlane suur maa-ala
мастеровóй — käsitööline, ameti-, tehasetööline

ма́товый	matt; tuhm; läiketu
ма́ятник	pendel
мерца́ть	sirama, vilkuma; virvendama
меси́ть (мешу́, ме́сишь)	sõtkuma; kastma (taignat)
меч	mõõk
мешкови́на	kotiriie
можжеве́льник	kadakas
мо́рщиться (-щусь, -ишься)	kulmu kortsutama; kortsu v. kipra tõmbuma; nägu krimpsutama
мохна́тый	karvane
мочи́ть (-чу́, -ишь)	leotama, niisutama; (leotades) sisse tegema
мра́чный	sünge, pime, tusane
мухомо́р	kärbseseen
мучи́тельный	piinav, piinarikas, vaevakas
мыча́ть (-чу́, -и́шь)	ammuma, möirgama, ümisema
мышь (*ж. р.*)	hiir

Н

набо́р	kogumine, valik; noorsõdurite vastuvõtmine; värbamine; komplekt, sats; ladumine; ladu
набуха́ть набу́хнуть * (-нет; *прош. вр.* -бу́х, -ла)	tursuma, paisuma
навоз	sõnnik
наде́жда	lootus
надоеда́ть надое́сть * (-е́м, -е́шь; *прош. вр.* -е́л, -е́ла)	tüütama
надо́рванный	ängistav
нака́пливать накопля́ть накопи́ть * (-плю́, -пишь)	koguma; kokku hoidma
намеча́ть наме́тить * (-ме́чу, -ме́тишь)	üles märkima; märgistama; projekteerima, koostama, kavatsema

нана́йцы — nanailased, uurali-altai rahvaid Amuuri jõe basseinis

наоборо́т *(нар.)* — vastupidi; vastuoksa; ümberpöördult, tagurpidi

напереры́в — läbisegi; üksteise võidu

напо́р — surve, rõhk

напряже́ние — pingutus; pinge; põnevus, pinevus

наравне́ *(нар.)* — võrdselt, niisama palju kui; ühteviisi

нарастáть
нарасти́ * (-расту́, -ёшь, *прош. вр.* -ро́с, -ла́) — peale kasvama; teataval hulgal kasvama; teataval määral kasvama e. suurenema

наря́д — (pidu)ülikond; ehted; käsklus, komando, salk

населя́ть
насели́ть * (-лю́, -и́шь) — asustama; elutsema

насе́чка — täke, sämp; õnarus

насле́дственность *(ж. р.)* — päri:likkus; päritavus; pärandatavus; pärivus; sünnipärasus

настóйчивый — visa, jonnakas; järeleandmatu

насыщáть
насы́тить * (-сы́щу, -сы́тишь) — küllastama; nälga kustutama; läbi immutama

натыкáться
наткну́ться * (-ну́сь, -ёшься) — millegi otsa e. vastu põrkama, komistama

нау́шник — kõrvalapp; -klapp; keelepeksja, sosistaja

на худóй конéц — kõige halvemal juhul

небре́жный — hooletu, lohakas

недостóйный — ebaväärikas, mitteväärv

незри́мый — nähtamatu

нейстовый — raevune, raevukas; rajuvihane, meeletu, pöörane

необозри́мый — silmaga mõõdetamatu, ääretu avar v. suur, otsatu lai

непрекло́нный — paindumatu, järeleandmatu (iseloom)

неулови́мый — kinnipüütamatu, tabamatu

не́хотя — vastumeelselt; vastu tahtmist; tahtmatult, kogemata

но́жны (*мн. ч., род. п.* -жен или -жён) — (mõõga)tupp

ночни́к — öölamp

нужда́ — puudus, vajadus, häda; kitsas käes

ныть (ною, -ешь) — (järelejätmatult) valutama; pakitsema; halisema; hädaldama

О

обвиса́ть / обви́снуть * (-ну, -ешь; *прош. вр.* обви́с, -ла) — longu langema; lonti vajuma, ripakil olema, kaardu vajuma, ripnema

обезу́мить * (-млю, -ишь) — hulluks v. meeletuks tegema

обжига́ть / обже́чь * (-ожгу́, -жжёт; *прош. вр.* обжёг, обожгла́) — ümbertringi põletama; pealt v. otsa põletama; kõrvetama

обли́зывать / облиза́ть * (-лижу́, -ли́жешь) — (ümberringi) lakkuma e. noolima; puhtaks lakkuma

обма́нывать / обману́ть * (-ну́. -ешь) — petma; tüssama; sohki tegema

обма́тывать / обмота́ть (-та́ю, -ешь) — ümber kerima v. mässima

обнажённый — paljastatud; paljas, alasti

обо́рванный — rebitud; räbalais, närune

обще́ственник (*ж. р.* -нница) — ühiskonnategelane, -töötegija aktivist

объя́тие — sülelus, embus, kaisutus

обя́занность (*ж. р.*) — kohus; kohustus; kohustis

обяза́тельство — kohustus; kohustis

огля́дка — ümber-, ringi-, tagasivaatamine; ettevaatus

одобря́ть / одо́брить * (-брю, -ишь) — heaks kiitma; päri olema

озимое — talivili

озира́ться — tagasi vaatama, pilke taha heitma; ümber vaatama; pilku heitma ümberringi

окамене́ть * — kivistuma

окла́д	1. töötasu e. palgamäär; 2. näo piirjooned
о́ко *(мн. ч.* о́чи) = глаз	
окола́чиваться	logelema
окро́шка	külm kaljasupp lihatükkide, sibula ja muude maitseainetega; sodi
опасе́ние	kartus
опережа́ть опереди́ть * (-режу́, -реди́шь)	ennetama, ette jõudma
опира́ться опере́ться * (обопру́сь, -ёшься; *прош. вр.* опёрся, опёрлась)	toetuma, nõjatuma; tuginema, põhjenema
оплета́ть оплести́ * (оплету́, -ёшь; *прош. вр.* оплёл, оплела́)	ümber punuma; tüssama
опра́ва	kalliskiviraam; raamistis; raamid (prillil)
опроки́дывать опроки́нуть * (-ну, -ешь)	ümber viskama v. lükkama; kummuli ajama
опу́тывать опу́тать * (-ю, -ешь)	kinni mässima; paeluma, kütkestama; millessegi mässima; tüssama; võrgutama
ора́ть (ору́, -ёшь)	kisendama, röökima
орда́	jõuk, rahvakari
оса́да	ümberpiiramine
освое́ние	omandamine, äraõppimine, kodunemine; harjumine
оси́нник	haavamets, haavik, haavapuud
оска́ливать оска́лить * (-лю, -ишь) зу́бы	hambaid irevile ajama, irvitama
осно́ва	alus, baas; põhilus; lõim
осо́бый	eriline, eri-, spetsiaalne
остерега́ться — *род. п.*	end kellegi, millegi eest hoidma
остриё	terav ots; tera
опростоволо́ситься * (-ло́шусь, -ло́сишься)	prostoilt talitama, end blameerima; parajat silmapilku käest laskma
остыва́ть осты́ть * (осты́ну, -ешь) осты́нуть * (-ну, -ешь)	jahtuma; lahtuma

осыпáться
осы́паться * (осы́плюсь,-лешься)
обсы́паться * (-плюсь, -лешься)
pudenema; (maha) varisema

о́тблеск
vastuhelk; kuma; peegeldus; kajastus

отвáл
1. kaldalt lahkumine v. tõukamine, ärasõit: 2. adrasahalusikas e. hõlm; 3. eemale, kummuli lükkamine (vagu)

отвергáть
отвéргнуть * (-ну, ешь; *прош. вр.* -вéрг, -ла)
hülgama, põlgama; kõrvale heitma, tagasi lükkama

отвлечённый
abstraktne, eemalekistud

откúдывать
откúнуть * (-ну, -ешь)
tagasi v. kõrvale v. ära viskama e. heitma; tagasi käänama

откóс
nõlvak; kallak; veerang; järsak

отощáть * (-ю, -ешь)
kõhnuma

отражáть
отра́ить * (-жу́, -рази́шь)
kajastama, peegeldama; tagasi tõrjuma; tagasi heitma

отрóдье
sõim: (neetud) sugu

отстраня́ть
отстрани́ть * (-ню́, -и́шь)
kõrvaldama, vallandama, tagandama

отстáлый
mahajäänu(d)

отчётливый
selge, puhas; täppis

óтчим
võõrasisa

очáг
kolle, lee

очарóвывать
очарова́ть * (-ру́ю, -ешь)
võluma; hurmama

ощущáть
ощути́ть * (ощущу́, ощути́шь)
aistima, tundma; meelestama

П

пай
osatäht; aktsia

пали́ть (-лю́, -и́шь)
1. kõrvetama, kupatama, kärtsutama; 2. tulistama, tuld andma

папоротник
sõnajalg

пар
aur, leil, leitsak; kesa(põld) sööt

парни́к	taimelava, sõnnikulava; kasvuhoone, triiphoone
пароко́нный	kaherakendiline, kahehobuse-
парши́вый	kärnane; nurjatu, vilets; räbal
паслён	maavits
па́хота	künd, kündmine
па́шня (*род. п. мн. ч.* -шен)	künnimaa; põld, nurm; künd
пелёнка	väike kate e. lina; mähkmed
пе́на	vaht (-hu)
пепели́ще	tuhaase, lee; tuhahunnik; tulease
передвижно́й	liikuv, ränd-
переки́дываться переки́нуться * (-нусь, -ешься)	üle viskuma e. sööstma; üle minema; üksteisele viskama, vahetama
перека́пывать перекопа́ть *	ümber kaevama; kõik e. üleni läbi kaevama
переле́сок (*род. п.* -ска)	metsatukk, salu; kitsas vahemets
перепо́нка	kile, membraan
перечисле́ние	loendamine, loetlemine, loend loetelu; ülekandmine; ülekantud summa
пестре́ть (-ри́т)	kirevana paistma, kirendama, kirjuks muutuma; kirev olema
пеще́ра	koobas
пике́т	pikett (kaardimäng; vahisalk)
пило́тка	piloodimüts
пиха́ть пихну́ть * (-ну́ -ёшь)	toppima, tuupima; müksama
пла́мя (*род. п.* пла́мени)	leek
пле́мя (*род. п.* пле́мени)	sugu(haru); hõim, tõug; sugupõlv
плеска́ть (плещу́, -ешь) плесну́ть * (-ну́, ёшь)	loksuma; loksutama; laksutama; pritsima
пло́тный	tihke, kompaktne, plink; tihe, pungil täis; massiivne, tüse
побе́г	põgenemine, ärakargamine; võsu
повреждáть повреди́ть * (-врежу́, -вреди́шь)	kahju tekitama; rikkuma; vigastama
пога́ный	roojane; mittesöödav; pagana-, vilets; rämps

погóныч = погóнщик	(taga)ajaja
погружáться погрузúться* (гружýсь, -грузúшься)	sukelduma, vajuma; süüvima teatavasse seisundisse vajuma süvenema
подáтливый	järeleandlik
подбирáться подобрáться* (подберýсь, -ёшься)	valides kogunema, juurde hiilima
поджигáтель (*м. р.*)	süütaja; ässitaja; õhutaja; põletaja
пóдлость (*ж. р.*)	alatus, nurjatus; alatu e. nurjatu tegu
подмóга	abi, toetus
поднóс	juurdekandmine, -viimine; kandmik
подобáть (обычно в III лице)	kõlbama, sobima, sünnis olema
подóбный	sarnane, selletaoline; omataoline
подозрúтельный	kahtlane; umbusklik, kahtlev kõhklev
подóл	hõlm, saba; riideäär; madalik mäe all
подразумевáть	kellegi v. millegi all mõistma, millegagi mõtlema
пóдрóсток	poiss või tüdruk vanuses 12. kuni 16.—17. eluaastani; alaealine; nooruk
подрýчный	1. käealune; käsi-; käepärast olev, käepärane; 2. käsilane
подстрáиваться подстрóиться* (-рóюсь, -рóишься)	oma maja teise maja otsa v. külge ehitama; millegi otsa rivistuma
подстригáть подстрúчь* (-ригý, -ри́жёшь; *прош. вр.* -стиг, -ла)	lühemaks v. tasaseks lõikama v. pügama; kärpima; juukseid lõikama
подчинáться подчинúться (-нюсь, -нúшься)	alistuma, alluma; end teise käe alla heitma
подшúпник	(kande) laager
пожилóй	elatanud; eakas;
показáтель (*м. р.*)	näitaja, osutaja; väljaandja; (astme)näitaja; indeks
покóрный	alandlik, alistuv
полирóванный	poleeritud, häilitud
полóгий (*срав. ст.* полóже)	kallakas, kaldlik, kallaspoolik

полоса́тый	võödiline, jutiline, triibuline, siiruviiruline
полоса́ (*уменьш.* поло́ска)	riba, siil (-lu), viil (-lu), laid (laia)
полоска́ть (полощу́, -ешь)	loputama; uhtma; kuristama
полу́денный	keskpäevane
полу́тора = полтора́	poolteist
поля́чка (*м. р.* поля́к)	poolatar
помёт	looma väljaheide; poeg e. pesakond (sigu, koeri v. rebaseid)
помножа́ть / помно́жить * (-жу, -ишь)	korrutama, kasvatama
помутне́вший	sogaseks, tuhmunuks muutunud
помяну́ть = вспо́мнить	
пона́добиться * (-блюсь, -бишься)	tarvis olema e. minema; tarvitsema
поня́тливый	taiplik, nupukas
поперёк *(нар.)* — *род. п.*	põiki, risti, ristipidi; risti vastu
поража́ть / порази́ть * (-ражу́, -рази́шь)	tabama, salvama, kellelegi pihta saama; üllatama, rabama
доро́г	lävi, künnis
поро́жний	tühi; koormatu; vaba
пора́	aeg, õige e. paras aeg
поро́й (поро́ю)	vahel, teinekord
порха́ть / порхну́ть * (-ну́, -ёшь)	sinna-tänna lendlema
поря́дочный	korralik, aus, tubli
поселя́ться / посели́ться * (-люсь, -и́шься)	asustama, asundama, tekitama
по складам (читать)	veerima (tähti)
после́дующий	järgnev
постановле́ние	(ühine) otsus, resolutsioon
потёртый	hõõrutud; kantud; kulunud roidunud
потряса́ть / потрясти́ * (-су́, -ёшь; *прош. вр.* -тряс, -ла́)	raputama; põrutama; vapustama; kõigutama
похру́стывание	ragin, krigin, krudin
по́чва	muld; pinnas; maapind; pind, alus
почу́диться = показа́ться	
поясни́ца	nimme

правосла́вный	õigeusklik; (kreeka-) õigeusu
превосхо́дный	suurepärane, oivaline
предоставля́ть предоста́вить * (-влю, -вишь)	hoolde jätma; pakkuma
предыду́щий	eelminev, eelkäiv, eelmine, eelne
приблизи́тельный	ligi-, umbkaudne, ligimaine; ligindav, ligindamis-
приглуша́ть приглуши́ть * (-шу, -и́шь)	summutama; kõrvad lukku lööma; surnuks lööma (kala)
придоро́жный	teeäärne
припада́ть припа́сть * (-паду́, -ёшь; *прош. вр.* -па́л, -па́ла)	end millegi vastu suruma juurdesigitis, noorkari
припло́д	
присыха́ть присо́хнуть * (-ну, -ешь; *прош. вр.* -сох, -ла)	külge kuivama
притя́гивать притяну́ть *(-ну́, -ешь)	juurde, külge, ligi tõmbama
приходи́ться (-хожу́сь, -хо́дишься) прийтись * (прийдусь, -ёшься)	paras olema, sobima
прице́л	sihik, sihtimine
прице́п	külgehaakimine; haakveok; haakvagun, külgehaagitav ese; haak, konks
прицепля́ться прицепи́ться * (-плю́сь, -пишься) к — *дат. п.*	külge, kinni v. rippuma jääma; külge tükkima, seltsima
причисля́ть причи́слить * (-лю, -ишь)	juurde, hulka arvama; määrama; lugema, pidama
причита́ться	kuuluma
причу́дливый	kummaline, kentsakas, keeruline; tujukas
пробо́р	juukselauk, -lahk
прово́рный	kärme, osav, vilgas
происхожде́ние	päritolu; tekkimine, põlvnemine
про́кля́тый	neetud
пронза́ть пронзи́ть * (-ну́, -нзи́шь)	läbi pistma, läbi torkama, läbistama

пронзи́тельный läbitungiv, terav; kriiskav
пропу́щенный vahele v. välja jäetud; mööda lastud
просве́чивать
просвети́ть * (-свечу́, -све́тишь) läbi valgustama (näit. röntgenikiirtega); *несов. в.* läbi paistma, valgust läbi laskma
про́седь (*ж. р.*) üksikud hallid juuksed v. karvad; valged karvad tumedas loomakarvas v. karusnahas
простоволо́сый katmata peaga; lahtiste juustega
простыня́ (*мн. ч.* про́стыни) voodilina
проти́вник vastane; vaenlane
протя́жный veniv; pikaldane
пружи́нный vedru-, vedrudega
прыжо́к (*род. п.* -жка́) hüpe
прясть (-пряду́, -ёшь; *прош. вр.* прял, -ла́) ketrama
пря́тать (пря́чу, -ешь)
спря́тать * (спря́чу, -ешь) peitma, varjama
пта́шка (*род. п. мн. ч.* -шек) linnuke
пусты́нник erak, üksiklane, paigaline
пу́хлый ümarik-pehme, lihav; pundunud, punsunud
пучи́на põhjatu sügavik; kuristik; veekeeris; neelukoht
пучо́к (*род. п.* -чка́) kimp, pundar; tomp
пыла́ть leegitsema, leekima, loitma; õhetama
пыта́ться üritama, katsuma, püüdma
пыхте́ть (пыхчу́, пыхти́шь) ähkima, puhkima; lõõtsutama; vaeva nägema

Р

разбрести́сь * (-бреду́сь, -ёшься *прош. вр.* -брёлся́, -ла́сь) laiali minema; hajuma; segi minema
развлече́ние meelelahutus; lõbustus, lõbus ajaviide, lõbu
развёзка laiali-, kättevedu; kohale-, kättetoimetamine; laialiveo-, kättetoimetamis-veok

раздраже́ние — ärritamine, ärritus
разлино́вывать — jooni täis tõmbama, lineerima
разма́х — hoog, võnge; vibutus
разма́хиваться — (löögiks) kätt tõstma kellegi vastu; hoogu võtma (viskamiseks v. löömiseks)

размеща́ться / размести́ться * (-мещу́сь, -мести́шься) — end laiali paigutama v. mahutama; laiali aset võtma; laiali majutuma

ра́зница — vahe, erinevus
разо́рванный — lõhki rebenenud e. kärisenud; katki tõmmatud

разры́в — lõhkemine, rebenemine; plahvatamine; katkestamine, katkemine

разъярённый — raevustunud; tulivihane
рай — paradiis
распа́хивать / распахну́ть * (-ну́, -ёшь) — pärani avama v. paiskama (uks); pauhti lahti lööma

распира́ть / распере́ть * (разопру́, -ёшь; *прош. вр.* распёр, -ла) — lõhki suruma; harki ajama; toetama; pakil olema, pakitsema

располо́женный — asetatud; asetsev; kalduv, vastuvõtlik
распо́ротый — lahti harutatud; lahti lõigatud

расставля́ть / расста́вить * (-влю, -вишь) — (laiali, paigale) asetama paigutama; välja panema harki ajama (jalgu)

расступа́ться / расступи́ться * (-плю́сь, -пишься) — laiali nihkuma; teed andma; kõrvale astuma; avanema

расчёт — arvestus; arve; lõpuarve; kaalutlus; kasuloolus

расщепля́ть / расщепи́ть * (-плю́, -пи́шь) — lõhestama; lõhustama; lõhki lööma v. ajama; pihuks v. kildudeks lööma; killustama; pilbastama

рвану́ть * (ну́,- ёшь) — järsku tõmbama; järsku minema pistma; sööstma

рва́ться (рвусь, рвёшься) — rebenema; katki kuluma; katkema; kippuma

ревни́во — armukadedalt; agaralt, innukalt, õhinal

ржа́ние — hirnumine

ржать (ржу, -ёшь) — hirnuma

рисова́ть (рису́ю, -ешь) / рискну́ть * (-ну́, -ёшь) — riskima; kaalule panema (pea)

ров (*род. п.* ра́а) — kraav, vallikraav

рог (*мн. ч.* рога́) — sarv

родни́к — allikas, läte

ропта́ть (ропщу́, -ешь) — nurisema

руга́ться — vastastikku sõimama; sõimlema; vanduma

рукопожа́тие — käesurumine

румя́нец (*род. п.* -нца) — puna; põsepuna; jume

рыда́ть — valjusti v. härdasti nutma, uluma

ры́жий — (rebasekarva) punane, pruun-punane, ruske, punakas (karvade, juuste kohta); punakaks kulunud v. pleekinud

рыть (ро́ю, -ешь) — *вин. п.* — kaevama; tuhnima; sorima; tuustima

С

са́бля (*род. п. мн. ч.* -бель) — kõver mõõk

сагайда́к (сайда́к) — vibupüssi pealisümbrik; vibupüss üles pealisümbriku ja nooletupega

сажа́ть / посади́ть * (-сажу́, -са́дишь) — istutama; istuma panema e. asetama; kinni e. istuma panema

сбочь = сбо́ку — kõrval, kõrvalt; küljelt

сверка́ние — säramine, siramine, sätendamine; välkumine

свёртывать / свернуть * (свёрну, свёртишь) / свернуть * (-ну́, -ёшь) — rulli käänama, kokku rullima; käänama; küljest ära v. lahti keerama; kõrvale põikama e. pöörama (teelt)

свита — saatjaskond; kaaskond

свод — võlv; kangialune; kumm, võlvistik; kokkuvõte; konspekt, resümee, kogu, koodeks

сво́йство — omadus; laad; loomus

сечь (секу́, сечёшь; *прош. вр.* сек, секла́) — raiuma; hakkima, tahuma; peksa andma, piitsutama

си́зый — sinkjas-, meigashall

сино́ним — sünonüüm, teisendsõna

сире́на — sireen (vilesireen; veehaldjas)

скат — kallak, nõlvak

скорбь *(ж. р.)* — kurbus; lein; mure; haigus, vaev, valu

скороспе́лый — varaküps, kiiresti valmiv, varajane; ennatu; huisapäisa

сквозня́к — tõmbetuul; tuuletõmbus

скре́жет — kirin, kiristamine; lõgin

скрю́чивать / скрю́чить * (скрючу, -ишь) — kägardama; kõverdama, konksu tõmbama, konksu e. haaki panema

скула́ — põsenukk; laevanina

скупо́й — ihne, ihnus -(nsa), kitsi, kasin (valgus)

сле́довало бы = ну́жно бы или надо бы

слобода́ — eeslinn, agul, linnaäärne asundus; alev

сло́вно = как будто — vahetus, vaheldus

сме́на — monteerima, rakestama

смонти́ровать * (-рую, -ешь) — tähelepanelikult vaatama v. valvama

смотре́ть в о́ба — hässitaja, mässule õhutaja

смутья́н — segaseks minema; segadusse satturna, hämmelduma; kohmetuma; jahmuma

смуща́ться — riist; tarberiistad; püünised

смути́ться * (смущу́сь, смути́шься) — edasi-tagasi liikuma; askeldama; kangast looma e. käärima

снасть *(ж. р.)* — silmas pidama; alal hoidma; järgima

снова́ть (сную́, -ёшь)

соблюда́ть / соблюсти́ * (-блюду́, -ёшь; *прош. вр.* блю́л, -ла́)

содрога́ться
содрогну́ться * (-ну́сь, -ёшься) } vārisema, vappuma; vabisema; võpatama

со·нава́ть (-знаю́, -ёшь)
созна́ть * (-зна́ю, -ешь) } tajuma, teadma, tundma; teadlik olema millestki

созна́ние — teadvus; taju(mus); tunnetamine; oime; ülestunnistamine

со́кол — pistrik, jahikull; lendur; müüripurusti; rammimis-masin

сомнева́ться — kahtlema; ebalema; kahevahel olema, kaksiti mõtlema

со́нный — une-; unine; uinutav

сообща́ *(нар.)* — ühiselt; (ühes)koos; ühisel nõul

сорня́к — umbrohi

сосредото́ченный — keskendatud, kontsentreeritud

союзник — liitlane

спе́кшийся — küpsenud, kuivanud, kõrbenud paatunud

спла́чивать
сплоти́ть * (сплочу́, сплоти́шь) } kokku liitma; tihedalt ligi taguma; parve siduma; tihendama

сплошно́й — lausaline, laus-; ühesoodne, lakkamatu; üleni (kaetud) lausa

спрессо́ванный — pressitud

спу́тник — reisikaaslane; kaaslane

ссо́ра — vastastikune riid; tüli; tülitus

стан — piht, kehakuju; laagri-, leerikoht; laager, leer; sõdiv pool; (suur) tõõpink

стани́ца — kasakaküla; parv; kari

стара́тельный — (edasi)püüdlik, hoolas

ста́я — parv, kari; jõuk, salk

сте́бель *(м. р. род. п.* стебля́) — kõrs; vars; rootsik

стискивать
сти́скать * (-ю, -ешь)
сти́снуть * (-ну, -ешь) } kokku pigistama e. suruma; muljuma

стихи́я — stiihia, ürg-, loodusjõud; element

стлать (стелю, -ешь) — (laiali) laotama; (üles) tegema (voodit)

сто́йка — sei·ang; seisak; tugi, (alus) post; tulp; kõrtsilett; einelaud; pukk; jahikoera luureseisak

столб	post; sammas; kolonn; piit
столкну́ться * (-ну́сь, -ёшься)	kokku põrkama, kokku puutuma
стон	oie, oigamine; soigumine
стоу́стый	sajast suust, sajasuine
стра́вливать стравля́ть страви́ть * (-влю́, -ишь)	teineteise v. üksteise peale hässitama, teineteise v. üksteise vastu üles kihutama; vastamisi riidu ajama; ära tallata laskma
страда́льческий	kannataja-; kannatusrikas
стра́жа	valve; vahtkond
стреми́тельный	hoogus; maruline; käre
строчи́ть (-чу́, -и́шь)	tikkima, tikkpistega õmblema; rutuliselt kirjutama; kirjutisi sepitsema
ступе́нь *(ж. р.)*	aste, tuhv, järk
су́дорога	kramp, spasm; tõmbus
суети́ться (суечу́сь, суети́шься)	askeldama, sekeldama, talitama, sagima
сук (*мн. ч.* су́чья; суки́)	(suur) oks, haru
су́мерки *(мн. ч., род. п.* -рок, -рек)	hämarik, videvik
супоста́т	vastanik, vaenlane
сурóк (*род. п.* -рка́)	koopaorav, ümiseja
сурчи́ный	koopaorava-
суста́в	liiges
схóдный	sarnane, paras, sobiv
су́толока	möll, rahvamurd
сырьё	toormaterjal; toorained
сюрту́к	pikk-kuub, saterkuub

Т

телогре́йка *(род. п. мн.ч.* -гре́ек)	naisterahva (käisteta) pihtkasukas
тире́	mõttekriips, tiree
тишь *(ж. р.)*	vaikus, tuulevaikus
ткань *(ж. р.)*	kudumistoode; kangas; kootud riie; koestik
тóкарь *(м. р.)*	treial; vokisepp

У

убежда́ть
убеди́ть * (I лицо не употребл., -и́шь, -и́т) — milleski veenma, midagi uskuma panema; milleski veenama

убо́р — koristus; ehe, ehis, kaunistis

увлека́ть
увле́чь * (увлеку́, увлечёшь; *прош. вр.* увлёк, -ла́) — kaasa kiskuma, (vägisi) kaasa viima; veetlema, innustama, kütkestama

увольня́ть
уво́лить * (-лю, -ишь) — vallandama; välja heitma; vabastama

угро́бить * (-блю, -бишь) — surmama; hävitama, rikkuma

угро́за — ähvardus; hädaoht (sõda)

угрю́мый — sünge, morn, tusane

уда́в — boamadu, kuningboa

удава́ться
уда́ться * (-а́мся, -а́шься, -а́ется, -адим́ся, -ади́тесь, -аду́тся) — õnnestuma; õnneks e. toime e. korda minema

уда́чный — õnnestunud; kordalãinud; menukas

удва́ивать
удво́ить * (удво́ю, -ишь) — kahekordistama, topeldama

удира́ть
удра́ть * (удеру́, -ёшь) — (ära) putkama, lippama, jalga laskma, plehku panema

уку́с — hammustus; piste; nõelamine; hammustus-, nõelamiskoht

умеща́ться
уме́ститься * (умещу́сь, уме́стишься) — ära mahutama, täielikult asetuma

умоля́юще — anuvalt

упое́ние — joobumus; joovastus; ekstaas

управля́ющий — valitseja

упрёк — etteheide

упря́га (упря́жка) — rakendus, rake (-kke); (mitme hobuse) rakend; rakendatud sõiduk

упря́мый — kangekaelne, jonnakas; kiusakas; (peru(kas); kange v. suure südamega; visa

урага́н — orkaan; kange maru, raju

устила́ть
устла́ть * (устелю́, -е́шь) — üleni laiali laotama; üleni katma

усто́йчивый — stabiilne, püsiv; püsikindel

усту́пчатый — astanguline, terassiline

утёс — kaljurahn, kaljujärsak

утра́чивать
утра́тить * (-а́чу, -а́тишь) — kaotama; minetama

утро́ба — kõht; magu; emaihu

утыка́ть
уты́кать * (уты́каю, -ешь; уты́чу, -ешь) — kinni toppima; igale poole keppe toeks panema; täis torkima e. pistma

ухо́д — äraminek, lahkumine; hoolitsemine, talitamine, ravitsemine, hooldamine; järelevalve

учи́тывать
учесть * (учту́, -ёшь; *прош. вр.* учёл, учла́) — arvestama; arvele võtma; diskonteerima

Ф

фон — taust, (tagasein, -põhi)

фона́рь *(м. р.)* — latern

фы́ркать
фы́ркнуть * (-ну, -ешь) — turtsuma; puhkima; turtsatama

Х

хлеборо́б — maa-, põlluharija, põldur

хлеста́ть (хлещу́, -ешь) — piitsutama, nuutima; vihtuma; peksma

хло́пать — plaksutama, plaksu lööma, paugutama

хму́рый — tusane, sünge, pilvis,

хребе́т *(род. п.* -бта́) — selgroog; mäeahelik

храпе́ние — kähisemine, kägisemine, korisemine

хри́плый — kähisev, kähe (-da); kare

хромоно́гий — lombakjalgne, lombakas, lonkav

хруст — ragin; krigin

хруста́лик — kristall-, silmalääts

Ц

царáпать — kribima, kriipima, kriimustama, küünistama, kratsima; sisse lõikama, kritseldama

цель *(ж. р.)* — siht; eesmärk; otstarbe; püssikirp

цепь *(ж. р., уменьш.* цепóчка) — ahel; kett; ahelik; reastik, ahelrivi

цóканье — klõbisemine, klõbin

цыгáрка — plotski, vilka

Ч

чародéйка *(род. п. мн. ч.* дéек) — nõidur, võlur; võluv inimene

чáща — tihnik, padrik; rägastik

чело́ *(мн. ч.* чёла) — laup, otsmik, otsaesine

чепуха́ — tühi lora, mõttetus, absurd, tühine asi

чéпчик (чепéц) — tanu; (naiste) müts

чéреп *(мн. ч.* -пá) — kolp, pealuu; kilp (kilpkonnal)

черепи́ца — katusekivi, -tellis

чернозём — mustmuld, mullasmaa, huumus

чéрпать — ammutama, ammendama

чешуя́ — soomus; soomused, kest

чорт *(мн. ч.* чéрти, *род. п.* -тéй) — kurat, vanatont, pärgel, vanasarvik, saadan

чтить (чту, чтишь, чтят) — lugu pidama, austama; (kõrgesti) hindama

чугу́нка — malmist pott, pada; (liikuv) raudahi; raudtee

чудóвищный — koletis; kole, hirmus

Ш

шабáш — töölõpetamine teatavaks tähtajaks; puhkus; aitab, küllalt

шата́ть — kõigutama, võngutama

шатёр *(род. п.* шатрá) — telk; kolde-, suitsu-, aurukumm

шершáвый — karvane (riie), karune; krae

шестнадцатигрáнный — kuueteistkandine

шóрох — sahin; kahin; krabin

шквал — tuule-, maruhoog, iil, iiling
шпиль — pikk nael; (torni) tipp
што́пор — (korgi) vinn; (lennuki) pööris
шути́ть (шучу́, шу́тишь) — nalja heitma, naljatama, naljatlema veiderdama; kedagi narritama, nokkima, tögama

Щ

щелчо́к (*разд. п.* -чка́) — plaks, ninanips
щеми́ть (-млю́, -ми́шь) — pigistama, muljuma, näpistama ängistama

Э

эфи́р — eeter; määratu õhutu kõrgus

Я

ярмо́ — ike, kaelakütke; orjus, koorem
яровóй — suvi-; suvivilja-
яровóе — suvivili
я́рость (*ж. р.*) — raev, raevus, ägedus, vihatuju; māratsus

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Первый раздел.

		Стр.
	Предисловие	3
	Гимн Советского Союза	7
1.	Советский простой человек. *(Стих.) Лебедев-Кумач*	8
2.	Упорно учиться и работать над собой. *Из статьи Героя Советского Союза М. В. Водопьянова*	9
3.	Как девочку променяли на собаку. *(Рассказ крепостной крестьянки Волковой.)*	11
4.	Рассказ рабочего П. А. Моисеенко о первой стачке 1905 г.	16
5.	Слово к товарищу Сталину. *(Стих.) М. Исаковский*	17
6.	Устная русская народная поэзия	18
7.	О русских пословицах и поговорках	20
8.	О русских загадках	22
9.	Братец Иванушка и сестрица Алёнушка. *(Сказка.)*	25
10.	Самое дорогое. *(Русская сказка.)*	28
11.	О русских былинах	32
12.	О «Слове о полку Игореве»	34
13.	Плач Ярославны. *(Из «Слова о полку Игореве».)*	36
14.	Михаил Васильевич Ломоносов	37
15.	Василий Андреевич Жуковский	40
16.	Баллада В. А. Жуковского «Светлана»	41
17.	Денис Иванович Фонвизин	43
18.	Недоросль *(IV действие, VIII явление.) Д. И. Фонвизин*	46
19.	Иван Андреевич Крылов	51
20.	Слон и Моська. *(Басня.) И. А. Крылов*	53
21.	Мартышка и очки. *(Басня.) И. А. Крылов*	54
22.	Александр Сергеевич Грибоедов	56

Стр.
23. Горе от ума. *(Действие II, явление II.) А. С. Грибоедов* . 58
24. Александр Сергеевич Пушкин 66
25. К Чаадаеву. *(Стих.) А. С. Пушкин* 72
26. Сёстры Ларины. *(Из романа «Евгений Онегин».) А. С. Пушкин* 73
27. Буран в степи. *(Отрывок из повести «Капитанская дочка».) А. С. Пушкин* 77
28. Из поэмы «Медный всадник». *А. С. Пушкин* 81
29. Я помню чудное мгновенье... *(Стих.) А. С. Пушкин* . . 82
30. Памятник. *(Стих.) А. С. Пушкин* 83
31. Михаил Юрьевич Лермонтов. 84
32. Парус. *(Стих.) М. Ю. Лермонтов* 87
33. Максим Максимыч. *(Отрывок из повести «Герой нашего времени».) М. Ю. Лермонтов* 88
34. На смерть поэта. *(Отрывок.) М. Ю. Лермонтов* 94
35. Николай Васильевич Гоголь 96
36. Старосветские помещики. *(Отрывок.) Н. В. Гоголь* . . . 100
37. Днепр. *(Из повести «Страшная месть».) Н. В. Гоголь* . . 105
38. Ревизор. *(Действие V, явление VIII.) Н. В. Гоголь* . . . 106
39. Собакевич. *(Отрывок из поэмы «Мёртвые души».) Н. В. Гоголь* 118
40. Воспитание Илюши. *(Отрывок из романа «Обломов».) И. А. Гончаров* 121
41. Александр Николаевич Островский 125
42. Бедность не порок. *(Действие III, явление XII.) А. Н. Островский* 128
43. Тарас Шевченко 133
44. Жница. *(Стих.) Т. Шевченко* 136
45. Иван Сергеевич Тургенев 137
46. Учитель музыки. *(Из рассказа «Однодворец Овсянников».) И. С. Тургенев* 141
47. Побег Герасима. *(Отрывок из «Муму».) И. С. Тургенев* . 143
48. Отцы и дети. *(Отрывок.) И. С. Тургенев* 145
49. Воробей. *И. С. Тургенев* 152
50. Николай Алексеевич Некрасов. 153
51. Школьник. *(Отрывок из стихотворения.) Н. А. Некрасов* . 156
52. Мужичок с ноготок. *(Из стихотв. «Крестьянские дети».) Н. А. Некрасов* 159

Стр.

53. Славная осень. *(Из стих. «Железная дорога».) Н. А. Некрасов* 161
54. Рубка леса. *(Из поэмы «Саша».)* 162
55. Есть женщины в русских селеньях... *(Отрывок из поэмы «Мороз, красный нос».) Н. А. Некрасов* 163
56. Гриша Добросклонов. *(Из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».) Н. А. Некрасов* 165

Второй раздел.

Для дополнительного чтения.

1. Смерть Чапаева. *(Народная сказка.)* 171
2. Спящая царевна. *(Сказка.) По В. А. Жуковскому* . . . 176
3. Забавы помещика. *(Из повести «Дубровский».) А. С. Пушкин* 180
4. Люблю дорожкою лесною... *(Стих.) А. Майков* 181
5. Обломовщина. *(Отрывок из романа «Обломов».) И. А. Гончаров* 182
6. Сердце Данко. *(Из сказки «Старуха Изергиль.) А. М. Горький* 188
7. Песня о Буревестнике. *А. М. Горький* 191
8. Первое Мая. *(Из романа «Мать».) А. М. Горький* . . . 194
9. 9-ое января. *(Отрывок.) По А. М. Горькому* 197
10. Владимир Ильич Ленин. *(Отрывок из поэмы.) Вл. Маяковский* 206
11. О Ленине. *Е. Стасова* 209
12. Великая утрата. *(Отрывок из романа «Как закалялась сталь».) Н. Островский* 212
13. Два сокола. *(Украинская народная песня.)* 217
14. Кремль. *Н. Михайлов* 218
15. Красная площадь. *(Стих.) К. Симонов* 221
16. Н. К. Крупская. 223
17. Михаил Иванович Калинин. *(Воспоминание рабочего.) А. А. Кутейников* 224
18. Киров с нами. *(Отрывки из поэмы.) Н. С. Тихонов* . . . 226
19. Немец. *(Отрывок из романа «Радуга».) В. Василевская* . 229

Стр.
20. Руки матери. *(Отрывок из романа «Молодая гвардия».) А. А. Фадеев* 233
21. Лобовая атака. *(Из «Повести о настоящем человеке».) Б. Полевой* 235
22. Наша слава, наша любовь. *И. Эренбург* 242
23. По дороге на пролив. *(Отрывок из романа «Далеко от Москвы».) В. Ажаев* 244
24. Поднятая целина. *(Отрывок.) М. А. Шолохов* 252
25. В лесном поселении. *(Из «Повести о настоящем человеке».) Б. Полевой* 256
26. Свет в Коорди. *(Глава из романа.) Х. Леберехт* 258
27. На полях в «Горках Ленинских». *По Н. Раковской* . . . 266
28. Алеся. *(Стих.) Янка Купала* 270
29. Думы о Родине. *(Отрывок из стихотворения.) Сулейман Стальский* 272
30. Ленинградцы, дети мои. *(Стих.) Джамбул Джабаев* . . . 274
31. Гимн демократической молодёжи. *Л. Ошанин* 277
Постатейный словарь к I разделу 279
Алфавитный словарь к I разделу 333
Алфавитный словарь ко II разделу «Для дополнительного чтения» 375

Vastutav toimetaja A. Černov.

Ladumisele antud 7. VII 1949. Trükkimisele antud 12. X 1949. Trükiarv 12 000. Paber 56:79, 1/16. Trükipoognaid 25,75. Arvutuspoognaid 22,8. Trükitähti trükipoognas 35 400. MB-07507. Trükikoda „Ühiselu", Tallinn, Pikk tn. 42. Tellimise nr. 1762.

На русском и эстонском языках.

Замеченные опечатки.

Стран.	Строка	Напечатано	Должно быть	По чьей вине
23	1-ая сверху	дру́гленькие	кругленькие	типографии
34	8-ая снизу	сказатели	сказители	„
48	8-ая сверху	еще	ещё	„
49	8-ая сверху	еогра́фия	еорга́фия	„
84	5-ая сверху	заветном	заветной	„
172	2-ая сверху	мнея	меня	„
179	4-ая снизу	какике	какие	„
279	13-ая сверху	взойти́	взойти́ *	корректора
281	23-ья сверху	попа́сть	попа́сть *	типографии
286	12-ая снизу	распознава́ть (-наю́, -ёшь)	распозна́ть * (-на́ю, -ешь)	„
307	18-ая снизу	основа́ть	основа́ть *	„
307	11-ая снизу	обрисовы́вать	обрисо́вывать	„
398	3-ья снизу	сверну́	сверчу́	„

RBL. 6.65

II A
A-1318
ARH 5689

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 00976169 5

RBL. 6.65

II A-1318
A-1318
5689

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 00976169 5

II
A-1318

II A-1318

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Э. Я. ТОТЦЕЛЬ

УЧЕБНИК РУССКОГО ЯЗЫКА

ДЛЯ VIII И IX КЛАССОВ

RK
„PEDAGOOGILINE KIRJANDUS“